

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Дэвид Гудинг Джон Леннокс

МИРОВОЗЗРЕНИЕ

В поисках истины и реальности

Том 3

Дискламация и авторские права

Содержимое данных книг, вместе со всеми приведенными ссылками и обсуждениями охваченных тем, было актуальным на момент исходной публикации, насколько было известно авторам. Хотя основополагающие аргументы и обсуждения все еще остаются актуальными, более поздние исследования могли расширить структуру знаний и спектр литературы в этих областях.

Права Дэвида Гудинга и Джона Леннокса как авторов данного труда защищены согласно Акту об авторском праве, дизайне и патентах от 1988 г.

Человек и его мировоззрение

© Myrtlefield Trust, 2007

Все права защищены. Ни одна часть данной публикации не подлежит воспроизведению, хранению в системах поиска информации или передаче в любой форме, включая любые переводы, любым способом (электронным, механическим, фотокопированием, записью или другими), без предварительного разрешения издателя или лицензии, разрешающей ограниченное копирование. В Великобритании такие лицензии выдаются в Copyright Licensing Agency Ltd., Barnard's Inn, 86 Fetter Lane, London, EC4A 1EN.

Издано трастом "Миртлфилд"

Адрес:

PO Box 2116

Belfast, Northern Ireland, BT1 9YR

веб-сайт: www.myrtlefieldhouse.com

эл. почта: info@myrtlefieldhouse.com

Содержание

Предисловие	5
-------------------	---

Часть первая. Проблемы философии морали

Глава 1. Статус, основания и авторитет этики ..	11
--	----

Глава 2. Краткая характеристика некоторых современных этических систем	67
--	----

Глава 3. В чем практический смысл этики? ...	192
---	-----

Глава 4. Практические задания по этике	223
---	-----

Глава 5. За пределами этики	242
--	-----

Часть вторая. Факты, история и теология

Глава 6. У всех ли религий одинаковая цель? .	269
--	-----

Глава 7. Историчность Нового Завета	287
--	-----

Глава 8. Личность Христа: литературная фикция, религиозный миф или историческая реальность?	314
--	-----

Глава 9. Воскресение Христа и вопрос о чудесах	342
--	-----

Глава 10. Данные, свидетельствующие о Воскресении Иисуса Христа	362
---	-----

Часть третья. Опыт

Глава 11. Проблема морального зла	399
--	-----

Глава 12. Проблема боли и страдания	441
--	-----

Вместо выводов	506
----------------------	-----

Список сокращений	509
-------------------------	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ

Основная тема данного тома – этика. Все его главы посвящены именно этой теме.

Глава 1 начинается с обсуждения тех особенностей жизни современного человека, которые, с одной стороны, осложняют, а с другой – делают все более необходимыми серьезные размышления об основных этических принципах, практиках и ценностях (осознанных и неосознанных). Ведь этика, на самом деле, – не обыденная наука, описывающая то, как в действительности *ведут себя* отдельные индивиды, общества, нации и культурные общности. Этика – это нормативная дисциплина, которая говорит о том, как мы *должны себя вести*.

Анализируя этические нормы и практики, начиная с наиболее элементарных принципов и завершая сложнейшими теоретическими моделями, мы находим ответы на свои потребности, проблемы наших сограждан и ближайшего окружения. Производя этот анализ, мы должны ответить на вопрос: какое право имеют тот или иной человек или та или иная этическая теория предписывать нам выполнение определенных обязанностей или действий.

Если кто-то определил, «что такое хорошо, а что такое плохо», не являются ли его формулировки просто выражением собственных вкусов и приоритетов, попыткой навязать нам субъективные представления?

Если же вы не хотите подпасть под влияние чьих-то субъективных представлений, достаточно ли, не раздумывая, подчиниться диктату нашей культуры? Или существует нечто объективно правильное, а значит, и противоположное ему – автоматически неправильное, независимо ни от

каких культурных норм? В таком случае, каковы эти объективно правильные установки? Каков их источник?

Принимаемые нами этические принципы влияют на наше практическое поведение. Конечно, мы не живем абсолютно изолированно. Человек является частью семьи, социальной группы, нации и, наконец, мирового сообщества. Если мы хотим жить в мире и взаимопонимании со своими ближними, то должны достигнуть согласия, по крайней мере, по основным правилам поведения.

Разумеется, не мы и не наши ближние *придумали* фундаментальные этические нормы. Желающий заняться бизнесом должен принять, наряду с другими членами этого сообщества, что *дважды два четыре*, а не три и не шесть. Но не бизнесмены придумали этот арифметический закон, они просто согласились следовать ему. Таким образом, мы должны различать фундаментальные всеобщие этические нормы и принятые на практике условности, которые могут быть разными в разных культурах. Например, в некоторых странах деловое соглашение может быть заключено устно и скреплено рукопожатием, и это считается достаточным условием для действия соглашения. В других же странах соглашение считается действительным, только если оно зафиксировано на бумаге и подписано обеими заключающими его сторонами. Совершенно очевидно, что способы заключения соглашений различаются между собой. И не имеет значения, какому способу следуют участники переговорного процесса, поскольку оба типа соглашений основываются на фундаментальных этических принципах, согласно которым человек должен выполнять свои обещания: ложь и обман недопустимы. Эти принципы универсальны, поэтому важно, чтобы они применялись во всех странах мира, независимо от того, какие конкретные нормы переговорного процесса приняты в данной стране.

Понятно, мы не первые, кто задумывается о природе фундаментальных этических принципов. До нас размышляли об этом многие умы разных времен и народов. Было бы неразумно игнорировать их наследие. Некоторые из про-

возглашенных ими принципов до сих пор не потеряли своей актуальности. «Всегда делай так, чтобы твой поступок способствовал наибольшему удовольствию наибольшего числа людей»; «Относись к другим так же, как ты хочешь, чтобы они относились к тебе» и «Никогда не относись к людям как к средству достижения своих целей». Подобные максимы часто приводятся в качестве принципов поведения даже теми людьми, которые не знакомы с этическими системами – первоисточниками таких максимов – и не представляют себе результатов последовательного соблюдения всех принципов этих систем.

Именно поэтому в главе 2 предлагаем обзор разных исторически значимых этических систем. Разумеется, мы не можем предложить читателю полную картину этического наследия прошлого. Не можем и поставить перед собой такую цель. Наша задача – показать ценный вклад, а также недостатки и просчеты отдельных этических систем.

Однако следует учесть, что этические принципы не тождественны этической практике. Для реализации этических принципов одного теоретического знания недостаточно. Человек должен научиться тому, что называется практическими добродетелями: то есть быть добрым, смелым, щедрым, терпимым и проч.

Возьмем, к примеру, смелость. Представьте себе ситуацию, что какая-то компания была уличена в подделках и обмане. Один из ее служащих прекрасно понимает, что нехорошо говорить неправду и тем самым вводить следствие в заблуждение. Но он также понимает, что, дав правдивые показания, может лишиться работы. Поэтому понятно, что для дачи правильных показаний, то есть для соблюдения одного из фундаментальных этических принципов, ему потребуется немало смелости.

Что же такое смелость? И как отличить ее от таких свойств человеческого характера, как безрассудство, с одной стороны, и трусость – с другой? Присуща ли смелость человеку от природы? Или он может выработать это качество в себе путем особых усилий? И если да, то каким образом?

Возьмем еще одну практическую добродетель – доброту. Рассмотрим такую часто встречающуюся в жизни ситуацию: ваш друг незаметно пристрастился к спиртному. И вот он приходит к вам и просит, апеллируя к вашей доброте, дать ему денег на выпивку. Как вам поступить в этой ситуации? Если вы дадите ему денег, будет ли это актом подлинной доброты?

В главе 2 также увидим, что о практической добродетели писал Аристотель, а затем обратимся к тому направлению этической мысли, которое в наши дни называется этикой добродетели.

Далее, в главе 3, перейдем к практическим вопросам межличностных отношений. Рассмотрим этические проблемы, связанные с появлением новой жизни. Мы будем говорить о взаимоотношениях между полами, случайных половых контактах между подростками, о браке, гомосексуальности, аборте и эвтаназии. Развитие современной науки и техники привело к формулировке этических вопросов, которые не рассматривали предшествующие поколения: этичны ли исследования стволовых клеток или анализ клетки, оплодотворенной *in vitro* перед ее имплантацией? Этично ли использовать возможности науки для того, чтобы ребенок появился на свет с теми качествами, которые хотят видеть в нем родители? Этичны ли евгеника, клонирование и проч.? Рассуждая на подобные темы, мы должны, насколько это возможно, понимать, что делают ученые, специалисты в области современной техники и врачи, какие мотивы ими движут и к чему могут привести их действия. Все это наглядно иллюстрирует тот факт, что этика зависит от наших базовых ценностей, в данном случае – от ценности человеческой жизни.

Если человеческое существо считается механизмом – пусть и очень сложным, но все-таки механизмом, – то это порождает соответствующее отношение к ценности человеческой жизни. Если же человеческое существо создано по образу и подобию Божьему, а дух человека обладает способностью общения с Творцом, то это порождает совершенно иное отношение к человеческой жизни. Очевидно, оценка

человеческой жизни теиста зависит от веры. Но таким же образом от веры зависит и оценка материалиста: ведь он не может доказать, что Бога-Творца не существует.

Таким образом, видим, что, в конечном итоге, этические исследования предполагают анализ трансцендентальных, высших ценностей. Поэтому вопрос существования Бога имеет исключительно важные практические следствия и поэтому должен обсуждаться в рамках любых серьезных этических дискуссий.

В главе 4 рассматривается ряд критических ситуаций, которые могут возникнуть и на самом деле возникают в результате наступления промышленности на окружающую среду, а также в таких разнообразных областях жизни человека, как спорт, рекламная деятельность и др. Авторы книги предлагают читателям обсудить, какие этические решения необходимо принять в той или иной ситуации. В этой же главе анализируются три разных подхода к преступлению и наказанию.

В главе 5 авторы обращаются к другой практической ситуации, имеющей серьезные этические аспекты. Это хорошо известная всем ситуация, когда мы знаем, как следует поступать и в чем состоит наш долг, но, в то же время, не ведем себя так, как нужно. Более того, действуем прямо противоположным образом. Почему это происходит? Пока не найдем решения этой проблемы, любая этическая теория будет неэффективной в силу своей непрактичности. В связи с этим мы обсуждаем разные теории истоков и причин непоследовательности и слабости человека, размышляем о том, может ли быть что-то предпринято для ее преодоления и что именно. Это обсуждение подводит нас к рассуждениям о христианской этике, поскольку она помогает нам не только определить причину подобной непоследовательности, но и указывает возможный способ ее устранения.

Однако здесь может возникнуть некоторое недоразумение. При обсуждении этических систем необходимо обсуждение и христианской этики. Но христианская этика обладает следующими особенностями: во-первых, Христос не просто проповедовал определенную этическую систе-

му, Он указывал, что является Авторитетом, Который стоит за всеми этическими принципами; во-вторых, как Богочеловек, Он убеждал, что является Высшей Реальностью и, тем самым, – источником всех подлинных ценностей, от которых зависит этика. Но цель этих особенностей христианской этики не в том, чтобы навязать людям систему, основы которой они не принимают. Вероятно, такая цель не только не приемлема, но и оскорбительна.

В действительности наша цель состоит в том, чтобы просто объяснить природу христианской этики. Даже атеист может заинтересоваться тем, что он отвергает. Более того, против основ христианской этики могут быть выдвинуты все виды возражений. Однако, если христианская этика правильна, то христианство может ответить на эти возражения. Поэтому главы 6–10 посвящены разнообразным возражениям и вопросам, адресованным христианству, а также ответам, которые оно предлагает.

Любая этическая система, основанная на вере во Всемогущего, Всеведущего Творца, Который объемлет Своей любовью всех людей, сталкивается с определенными проблемами. Заключительные главы книги посвящены именно этим проблемам и возможным способам их решения.

Часть первая

Проблемы философии морали

Глава 1

Статус, основания и авторитет этики

Глава 2

Краткая характеристика некоторых современных этических систем

Глава 3

Каков практический смысл этики?

Глава 4

Практические задания по этике

Глава 5

За пределами этики

Статус, основания и авторитет этики

А

Введение

Несомненно, нравственная неопределенность современного общества порождает сегодня у многих людей растерянность и удивление. Мощные коллективистские идеологии, основанные на системах представлений и практик, навязываемых из «центра», рухнули, оставив миллионы людей в мире без источников этических норм и ценностей, которыми они привыкли руководствоваться в своей частной, общественной, деловой и политической жизни.

В то же время западный либерализм как альтернатива коллективистским идеологиям также не удовлетворяет современного человека. Со времен его адвоката, знаменитого философа Джона Стюарта Милля (1806-1873), либерализм, конечно, способствовал развитию свободного человеческого индивида и формированию процветающих экономических систем (несмотря на различия в понимании либерализма в разных странах). Развитие либерализма началось с утверждения так называемых «негативных прав» индивида: свободы от вмешательства в жизнь гражданина — прежде всего со стороны властей — в вопросах свободы совести, стиля жизни, вкуса, намерений, собственности, деловой активности. Дальнейшее развитие либерализма вылилось в требование так называемых «позитивных прав» в самых разных областях, которые оказались не сбалансированными обязанностями, вытекающими из этих прав, и сопровождалось недооценкой важных нравственных ценностей. Профессор Бренда Элмонд, сама сторонница либерализма, пишет следующее: «Современная критика либерализма, как справа, так и слева, проистекает из серьезных болезней современного либерального общества: из отсутствия уко-

ренности отдельного индивида в массовом обществе, деградации семьи, роста преступности, порнографии, — то есть из нравственного и культурного вакуума, к которому, вероятно, приводят некоторые варианты плюралистического либерализма... Многие болезни современного либерального общества обусловлены деградацией семьи и нарушением контрактных элементов человеческих отношений... В современном обществе стало практически невозможно заключить брак, если под браком понимать длительный (или даже заключенный на определенное ограниченное время!) союз, основанный на взаимных обязательствах сторон. А современные государства в своей заботе о подрастающем поколении и семье руководствуются теоретически прекрасными, но практически очень несовершенными программами»¹.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

К традиционным проблемам этической теории относятся проблемы половой морали, войны, расизма, бедности и смертной казни. В наши дни в связи с развитием техники возникают новые фундаментальные этические проблемы, связанные с генной инженерией, исследованием стволовых клеток, имплантацией эмбрионов, клонированием человека, вынашиванием и рождением детей «на заказ» и проч. Эти проблемы возникают в то время, когда огромные массы людей утратили даже остатки религиозных убеждений (если они вообще у них когда-то были), которыми могли бы руководствоваться в сложных этических ситуациях.

Кроме того, многие люди подпадают под влияние философских и научных теорий, развивающих идеи о том, что у человека отсутствует единое целостное Я, способное следовать непротиворечивым жизненным принципам, что жизнь человека складывается из калейдоскопа непосредственных впечатлений и реакций. Формирование целостного устойчивого мировоззрения осложняется не только этими теориями, но и еще двумя обстоятельствами.

Первое обстоятельство связано с побочными продуктами развития информационных технологий. В данном

контексте не имеет смысла повторять всем известные истины о положительных сторонах этого процесса. Но наряду с безусловными благами он имеет и свои отрицательные моменты. Благодаря Интернету человеческий ум насыщается самой разнообразной информацией, поступающей со всего света. Однако не все потребители этой информации оказываются в состоянии понять ценность фактов, теорий, философских и религиозных систем, о которых они узнают. Более того, плохо усвоенная информация не может служить источником подлинного знания, способствующего пониманию мира. В результате формирование хорошо осознанной нравственной системы взглядов не облегчается, а усложняется.

Второе обстоятельство, осложняющее формирование устойчивых моральных взглядов, — постмодернистский плюрализм, который учит тому, что во всем огромном массиве поступающей по электронным каналам информации нет никакой объективной истины. Ни одна интерпретация не является более правильной, чем другая. Любое представление о мире культурно детерминировано. Следовательно, мы не можем правильно понять культуры прошлого или даже современные культуры, отличные от нашей собственной. А поскольку мышление представителей нашей культуры может в будущем тоже измениться, то возникает вопрос: целесообразно ли пытаться развивать какие-либо неизменные этические принципы?

Тем не менее надо как-то жить, а жить — это значит постоянно сталкиваться с ситуациями, в которых необходимо принимать моральные решения: например, если ты учишься, то можно ли списывать во время экзаменов? Если ты женат, то можно ли обманывать жену? Является ли аборт убийством? А самоубийство — грех? Можно ли считать эвтаназию преступлением? Правильно ли уклоняться от налогов? Является ли грехом любая взятка? Этично ли стремиться к увеличению своих доходов? Какова цель наказания: воздаяние, профилактика новых преступлений, перевоспитание или все вместе взятое? Что такое прощение? Можно ли считать моральным обязательством безусловное, безоговорочное прощение? Этичны ли генная инженерия, евгеника, искусственное оплодотворение? Если

клонирование человеческих существ станет технически возможным, то будет ли оно автоматически этичным? Имеет ли общество право контролировать ученых? Допустима ли морально демонстрация по телевидению порнографии, альтернативных стилей жизни, сцен насилия? Допустимо ли использование в средствах массовой информации ненормативной лексики? Может ли цензура нанести слишком большой ущерб свободе печати и искусства? Каким должен быть характер законов? Должны ли законы отражать и охранять принятые обществом ценности и меняться в соответствии с изменениями этих ценностей? А может, они должны охранять и поддерживать абсолютные, неизменные принципы и ценности?

Эти и тысячи других этических вопросов требуют своего ответа. И если мы не хотим, подобно страусу, прячущему голову в песок, скрываться от этих проблем в своей частной жизни, то должны открыто их формулировать и решать. Какие фундаментальные принципы и посылки станут основой наших решений? Если же будем исходить из соображений, которые первыми придут в голову и соответствуют текущей конъюнктуре и распространенным в обществе предрассудкам, то вряд ли нам удастся прийти к ответственным и удовлетворительным решениям.

При рассмотрении этого вопроса целесообразно обратиться к богатой российской традиции. Так, Н. О. Лосский писал: «Замечательно, что даже наиболее выдающиеся русские позитивисты — Лавров и Михайловский — в своих работах отстаивали единство (особенно Михайловский) теоретической истины с такой истиной, как праведность. Таким образом, они полностью признали значение нравственного опыта. Вот почему русские мыслители встретили в штыки учение о борьбе за существование как факторе эволюции. Такая концепция эволюции решительно отвергалась не только Михайловским, Кропоткиным, Данилевским, Чичериным, но даже и материалистом Чернышевским. Утверждение о том, что русские мыслители по преимуществу занимаются этикой, содержит лишь некоторую долю истины, ибо, даже занимаясь областями философии, далекими от этики, они,

как правило, не упускали из поля зрения связь между предметами их исследований и этическими проблемами. Автор «Истории русской философии» (первый том которой был представлен на соискание степени магистра искусств в Парижскую духовную академию), отец Василий Зеньковский, говорит, что в развитии русской философской мысли этика играет особенно важную роль. По его словам, даже воинствующие натуралисты и позитивисты считали, что этика занимает в философии господствующее и самостоятельное положение. Полным подтверждением этого служили работы Герцена и в еще большей мере — Лаврова, Михайловского, Толстого и др. Зеньковский отмечает, что и в наши дни этический персонализм является, по всей вероятности, наиболее характерной чертой русской философии»².

ЧЕТЫРЕ АСПЕКТА ЭТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

При анализе любой этической теории необходимо рассматривать ее с четырех аспектов.

1. Каковы ее статус и основания? К какому авторитету она апеллирует?

При рассмотрении этого аспекта этической теории следует обратиться к таким вопросам: что предлагает нам данная теория — разумный практический совет относительно поведения, или она претендует на нечто большее? Например, на то, чтобы предписывать нормы поведения и заповеди, которым мы должны подчиняться? В таком случае возникает следующий вопрос: на чем, согласно данной теории, основывается этика? На личном выборе моральных стандартов, который совершает каждый индивид? На едином мнении, существующем в данном обществе? На природе и эволюции? На государственных законах? Или, может быть, на характере и заповедях Бога? На каком фундаменте данная этическая система основывает свой авторитет?

2. Какова высшая цель этической системы? Какие общие принципы (или какой общий принцип) она полагает для достижения этой цели?

Некоторые древнегреческие философы считали, что цель человеческой жизни — высшее благо. Аристотель

говорил, что такой целью должно быть счастье. Для него как мыслителя высшее благо состояло в теоретических изысканиях. Для достижения высшего блага человек должен жить жизнью благородного господина, которого обслуживают рабы, обязанные выполнять за него обычные хозяйственные дела. Стоики считали высшим благом жизнь в соответствии со всеобщим Разумом, пронизывающим Вселенную. Эпикурейцы называли высшим благом удовольствие, Платон видел его в созерцании Блага. Марксисты ставили своей целью достижение коммунистического рая. Таким образом, наша задача состоит в том, чтобы, анализируя любую этическую теорию, выявлять полагаемое ею высшее благо, или цель, на которые должны быть направлены все наши усилия, а также общие принципы, следование которым обеспечит достижение этой цели.

3. Какие конкретные правила устанавливаются в данной этической системе для регулирования поведения человека в его обыденной жизни?

Удовлетворится ли данная теория каким-нибудь общим правилом, вроде: «Следует вести себя наилучшим образом в любой жизненной ситуации», или она устанавливает конкретные правила, которые нужно соблюдать в отношениях с любимым человеком — в период ухаживания и жизни в браке; в отношениях с коллегами по работе, работниками социальной сферы, медиками, политиками, а также в экономических отношениях, связанных с вопросами собственности и социальной защиты?

4. Какие рекомендации дает данная теория для приложения ее общих принципов или конкретных правил в реальных сложных жизненных ситуациях?

Во многих ситуациях принятие решения не составляет особого труда (хотя иногда выполнение того или иного решения оказывается очень сложным). Можно ли списывать во время экзаменов? Честному человеку ответ на этот вопрос кажется очевидным. Можно ли украсть кошелек у своего одноклассника? Наверное, можно было бы, но нужно ли это делать? Правило «Не укради!» совершенно однозначно. Вместе с тем все мы, конечно, верим в честность и справедливость. Но когда

дело доходит до конкретных ситуаций, не всегда легко определить, какое решение будет справедливым. Как в этом случае знание статуса и оснований этической теории, ее общих принципов и конкретных правил может помочь в принятии правильного решения?

Для иллюстрации эффективности выделения четырех указанных выше аспектов этической теории обратимся к примерам из медицинской этики. Во многих странах на протяжении столетий каждый врач, приступая к своему труду, дает так называемую клятву Гиппократ³.

В этой клятве ничего не говорится о применении каких-то конкретных лекарств или способов лечения. Ее цель в том, чтобы начинающий врач осознал необходимость следования этическим нормам практической медицины. Рассмотрим содержание этой клятвы в соответствии с нашей четырехаспектной схемой.

1. Статус и авторитет медицинской этики

При анализе клятвы Гиппократ³ следует отметить, прежде всего, что человек, посвящаемый в медики, призывает Бога или богов, которые должны засвидетельствовать его обещание соблюдать медицинскую этику, содержащуюся в клятве. Кроме того, он призывает Бога или богов наказать его в случае нарушения клятвы. Совершенно очевидно, что основанием и авторитетом, стоящим за медицинской этикой, является Бог или боги.

2. Общий принцип и цель медицинской этики

Жизнь пациента — главная ценность. Деятельность врача должна быть направлена на сохранение жизни пациента и его лечение.

3. Конкретные правила медицинской этики

Врач не может использовать свои знания и умения для того, чтобы навредить человеку или вызвать его смерть; врач не должен злоупотреблять доверием своих пациентов и сообщать подробности, касающиеся состояния их здоровья, посторонним.

4. Связь между основаниями, общими принципами и целью медицинской этики, с одной стороны, и конкретными правилами принятия практических решений — с другой

Тут следует задать себе такой вопрос: допустимо ли в свете клятвы Гиппократ, чтобы врач, желая положить конец страданиям смертельно больного пациента, сознательно предпринимал такие меры, которые вызовут смерть этого пациента? И допустимо ли, чтобы врач помогал такому пациенту покончить жизнь самоубийством?

Или представьте себе: врач обнаружил, что его пациент унаследовал заболевание, которое проявляется только в зрелом возрасте в виде тяжелой болезни с летальным исходом. Если компания, в которой пациент застраховал свою жизнь, узнает о его болезни, она разорвет с ним договор, и никакая другая компания не захочет иметь с ним дело. Если же страховая компания предложит большой гонорар за предоставление информации о наследственности пациента, то как должен повести себя его врач, связанный клятвой Гиппократ?

Этот краткий комментарий клятвы Гиппократ и ее связи с вопросами практической медицинской этики показывает: наши представления — во-первых, о статусе, основаниях и авторитете этической системы, во-вторых, ее целях и общих принципах и, наконец, о ее конкретных правилах, относящихся к разнообразным сферам человеческой деятельности, — имеют прямое отношение к реальным жизненным ситуациям, с которыми сталкиваемся ежедневно. Поэтому в заключительной части данной главы мы более подробно рассмотрим первый аспект этической теории, то есть ее статус, основания и авторитет.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Как вы оцените отношение к этике и морали в современном обществе? Выберите один из двух вариантов ответа и обоснуйте его.

- а) В современном обществе существует общее ядро нравственных ценностей. Объясните, в чем оно состоит.*
- б) Никакой общности ценностей не существует.*

2. Что вы понимаете под либерализмом, его исходными принципами? В чем сложности современного либерализма? Согласны ли вы с критикой либерализма, высказанной Брендой Элмонд?

3. Какие специфические проблемы современного общества делают актуальным развитие целостной теории морали?

4. Считаете ли вы, что люди обладают правами? Если «да», то кто их гарантирует?

5. Считаете ли вы, что люди имеют обязанности? Если «да», то каково происхождение обязанностей? Кто их предписывает?

6. Существует ли различие между правами человека и гражданскими правами? В чем оно состоит?

7. Что вам известно об этических взглядах русских мыслителей прошлого, о которых мы упоминали выше?

8. Что имеется в виду, когда говорится, что информация не тождественна знанию, а знание не тождественно пониманию? Проведите дискуссию на эту тему.

9. Обсудите заданные выше четыре аспекта, или параметра, этических теорий.

а) Скажите, в чем смысл каждого из этих аспектов, или параметров?

б) Как, по-вашему, понимание первых трех аспектов может повлиять на решение, принимаемое в четвертом аспекте?

10. Что можно узнать из клятвы Гиппократ о важности различения четырех указанных выше аспектов этической теории?

Б / **Статус этики**

Философия морали — это не просто эмпирическая дисциплина, которая изучает поведение людей или его причины. Это нормативная дисциплина, изучающая то, как люди *должны* себя вести. Она объясняет, какое поведение правильное, а какое — нет. Таким образом, первый вопрос, который требует нашего рассмотрения: каким авторитетом обладает философия морали, когда говорит нам о том, как необходимо себя вести, и что конкретно понимается под «правильным» и «неправильным» поведением. Понятно, что мнения по этим вопросам расходятся. Рассмотрим некоторые из них.

1. Эмотивистская теория

Согласно этой теории, язык морали выражает или возбуждает определенного рода эмоции. То, что раскрывается в моральных терминах, не является ни ложным, ни истинным. Язык морали просто служит отдушиной для наших чувств. Если, к примеру, пытаюсь забить

гвоздь, я случайно ударяю молотком по пальцу, то могу воскликнуть «Ой!» — или еще что-то. Но никто не будет обсуждать, было ли то, что я имел при этом в виду, истинно или ложно. Это была лишь рефлекторная, эмоциональная реакция на боль.

Возьмем другой пример. Если болельщик во время футбольного матча кричит от радостного возбуждения, когда его любимая команда забивает гол, или, наоборот, — от досады, когда забивает гол ее противник, то это не значит, что тем самым он подразумевает: противник поступил нехорошо, потому что забил его любимой команде гол. Болельщик просто выражает свое неудовольствие. Согласно эмотивистской теории, все наши моральные суждения — не что иное, как выражение наших симпатий и антипатий. Так, если я говорю: «Заниматься боксом нехорошо», то, согласно данной теории, смысл моего высказывания можно передать так: «Бокс? Ну, нет... Мне это не нравится». Возможно, я действительно имею это в виду. Но вполне вероятно, что я подразумеваю и нечто большее. Может быть, я нейрохирург, и, произнося эту фразу, констатирую тот объективный факт, что постоянные удары по голове могут вызывать преждевременное ухудшение работы головного мозга. Поэтому нехорошо, когда люди платят большие деньги, чтобы наблюдать, как боксеры наносят друг другу удары по голове, причиняя тем самым телесные повреждения. Подобное высказывание, сделанное нейрохирургом, может быть объективно истинным и положить начало серьезной дискуссии о том, является ли оно на самом деле истинным или нет.

Или возьмем, например, поведение людей, участвующих в антивоенных или антиглобалистских маршах протеста. Совершенно очевидно, что таким способом они выражают свои чувства, хотя иногда и нарушая правила общественного порядка. Но эмотивистская теория упрощает ситуацию, когда говорит, что этим ограничивается все содержание акций демонстрантов. Ведь, по крайней мере, часть протестующих считает, что ядерная война грозит гражданскому населению страшными потерями. Ущерб, который она способна нанести, чудовищно непропорционален ее целям, и потому подобная война не должна быть

морально оправданной. Именно такое суждение может стоять за действиями и лозунгами участников марша протеста, и его истинность достойна быть предметом дискуссии.

2. Культурный релятивизм

Культурный релятивизм может принимать две разные формы.

Первая утверждает зависимость этических взглядов человека от *культуры*, к которой он принадлежит.

Человек, принадлежащий к определенной культуре, придерживается некой системы взглядов не потому, что он стремился к объективной истине и, в конце концов, достиг ее. Этические взгляды человека были восприняты им из культуры общества, в котором он вырос. Сам человек может не поддерживать эти взгляды, но вполне способен считать их истинными. Сам по себе факт, что человек придерживается тех или иных взглядов, ничего не говорит об их истинности. И это, согласно культурному релятивизму, относится к статусу любых этических взглядов.

Но если эта теория верна, из нее следует: представление о том, что «любые этические взгляды зависят от данной культуры, детерминированы данной культурой и потому не являются объективно истинными», также определяется культурой человека, развившего это представление, потому не может быть объективно истинным. Почему, в таком случае, мы должны верить приверженцам этой теории?

Так или иначе, но это представление ложно. Например, взгляды Сократа явно не были культурно детерминированы, ведь он был казнен представителями своей же культуры! То же происходило с реформаторами и пророками на протяжении всей истории человечества. Это случилось даже с Самим Христом. Реформаторы и пророки критиковали взгляды своих современников, объявляя собственные взгляды истинными. А когда люди, принадлежащие к одной культуре, разделяются на две несогласные между собой партии, единственный способ разрешения конфликта — обратиться к определенным нормам и критериям, лежащим вне данной культуры.

Другая форма культурного релятивизма — *этноцентризм*. Значение данного термина таково: представления о

нравственности моего народа являются объективными и верными, а представления любого другого народа, отличные от представлений моего народа, неправильны.

По мнению сторонников теории культурного релятивизма, этноцентристы проповедуют высокомерие и нетерпимость, поскольку утверждают, что взгляды их народа верны только потому, что их придерживается именно их народ. Но что ответил бы сторонник культурного релятивизма, если бы кто-то сказал ему, что существует объективная моральная истина, которой должны следовать все народы, и если его народ ей следует, то он на правильном пути, а если какой-то народ ей не следует, то он заблуждается?

Согласно теории культурного релятивизма, объективной моральной истины не существует. Все взгляды на мораль культурно детерминированы, и не существует объективного стандарта, на основании которого одна культура могла бы обосновывать преимущество своих нравственных представлений над представлениями другого народа. Таким образом, если представители одной культуры претендуют на объективную истинность своих взглядов на мораль, то это считается проявлением крайней нетерпимости, расцениваемой как непростительный грех, поскольку нужно всегда проявлять толерантность по отношению к этическим представлениям другой культуры.

Однако культурный релятивизм неизбежно наталкивается на одну серьезную проблему. В нашей культуре принято уважать любую человеческую личность, независимо от ее профессиональной принадлежности. Однако это не везде так. Например, режим Пол Пота в Камбодже провел кампанию по уничтожению национальной интеллигенции. Тысячи камбоджийских интеллектуалов были убиты. Если следовать культурному релятивизму, то, утверждая аморальность взглядов Пол Пота, мы расписываемся в собственной нетерпимости. То есть, следуя культурному релятивизму, мы не должны говорить, что нетерпимость Пол Пота была недопустима! Как, в таком случае, нужно относиться к самому требованию культурного релятивизма, исходя из которого нетерпимость порочна? Совершенно очевидно, что культурный релятивизм внутренне противоречив.

Становясь на позиции культурного релятивизма, мы наталкиваемся на непримиримое противоречие между требованием уважения к интеллектуалам и моральными представлениями режима Пола Пота, в соответствии с которыми интеллектуалы должны быть уничтожены. Если мы не согласны с тезисом о том, что ни одна из обсуждаемых моральных позиций не является более истинной, чем другая, то есть: уничтожение интеллектуалов равно приемлемо, как и наше уважение к ним, то должны решить, какая из этих двух позиций истинна, а какая — ложна. На каких основаниях можно прийти к тому или иному выводу? Мы не можем сказать, что уважение к интеллектуалам в нашей культуре правильно, потому что это требование нашей культуры. Мы должны опираться на какой-то объективный критерий, не зависящий от обеих культур.

Таким образом, мы должны задуматься над принципиальным вопросом: существуют ли реально правильные и неправильные этические представления, правильные и неправильные поступки, не зависящие от нас и нашей культуры? Другими словами, существует ли какая-нибудь объективная норма нравственности, которой все мы должны подчиняться, независимо от нашей культурной принадлежности? Или нравственность — всегда, в конце концов, не что иное, как вопрос индивидуального решения, культурных предпочтений и субъективного мнения?

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Объясните смысл утверждения о том, что этика — нормативная дисциплина.

2. В чем смысл эмотивистской теории этики? Обсудите ее достоинства и недостатки.

3. Является ли культурный релятивизм абсолютно истинным, или он только частично истинен?

4. Обсудите тезис: «Теория культурного релятивизма, в конечном итоге, внутренне противоречива».

5. Может ли моральное утверждение быть объективно истинным, или оно всегда является только выражением мнения?

6. Всегда ли проявления нетерпимости неправильны? Каково ваше отношение к теории и практике Пол Пота?

Очевидно, нельзя считать, что в своих нравственных суждениях мы совершенно свободны от субъективизма. Все мы находимся под влиянием — и, на самом деле, под гораздо большим влиянием, чем привыкли думать, — своей культуры, индивидуальных предпочтений и накопленного жизненного опыта. Все мыслящие люди прекрасно осознают этот факт и учитывают его в своей жизни. Мы стараемся, как говорится, встать на чужую точку зрения.

В летных школах будущих пилотов обучают полагаться не столько на свои субъективные ощущения относительно направления движения самолета, сколько на объективную информацию, получаемую с помощью приборов.

При правовых спорах каждая из сторон считает, что именно она права, а ее оппоненты не правы. Но любая сторона соглашается с тем, что нечестно и неразумно оставлять право решения спора за одной из сторон на основании ее субъективного мнения. Обе стороны соглашаются в том, чтобы решение спора осуществлялось независимым арбитром.

Футболисту может не понравиться, если судья оштрафует его в самый неподходящий, с его точки зрения, момент игры. Но он, как и другие игроки, должен подчиниться объективным правилам игры, независимо от того, доволен ли он тем, как для его команды и для него самого складывается данная игра. Если бы игроки в ходе игры могли изменять правила по собственному усмотрению, то играть в такую игру было бы невозможно.

Приведем аргументы в пользу того, что никто на самом деле не считает, что мораль субъективна.

1. Субъективная мораль сводит все моральные суждения к вопросу личного вкуса

Вкусы не бывают правильные или неправильные. Если Наташе нравится сыр, а Борису даже запах сыра отвратителен, то никто не может сказать, что Наташа права, а Борис не прав, или наоборот. Если Борис не любит сыр, то это просто факт. Никто не может ска-

зять, что его моральный долг в том, чтобы любить сыр, и Борис ведет себя неправильно, если его не любит. Он его не любит и все. Мы также не можем сказать, что вкус Бориса противоречит вкусу Наташи, ибо речь здесь не идет об истинности или ложности. Различные вкусы этих двух людей противоречат друг другу не больше, чем морковка противоречит свекле.

Но если бы моральные законы и ценности были вопросом субъективного вкуса и предпочтений, мы бы не могли считать один поступок правильным, а другой — неправильным. Мы не могли бы сказать, например, что запрещать женщине получать образование — неправильно. В этом случае вопрос о доступе женщин к образованию был бы просто вопросом вкуса. Мы не посмели бы позволить себе открыто возмущаться издевательствам над детьми или их сексуальной эксплуатацией, поскольку у нас не было бы оснований осуждать людей, которые этим занимаются. Подобные практики считались бы тогда вопросом вкуса и различий в ценностных суждениях.

Когда руководители нацистской Германии предстали перед Нюрнбергским судом и им было предъявлено обвинение в истреблении в газовых камерах шести миллионов евреев, преступники пытались защититься. Они говорили, что в их культуре это было вполне приемлемо, тогда как представители других культур не имели права говорить о том, что было неправильным в рамках культуры нацистов. Судьи с ними не согласились. Судьи заявили, что существуют универсальные объективные нормы морального поведения, не зависящие от конкретной культуры или совокупности культур. Геноцид не является просто вопросом вкуса.

2. Субъективизм исключает идею прогресса

Более того, если бы нравственность была субъективной, нам пришлось бы отказаться от идеи нравственного прогресса (или регресса) не только применительно к истории разных стран, но и к нравственному развитию отдельных индивидов. Само понятие морального прогресса, или совершенствования, подразумевает представление о моральной норме, с помощью которой можно не только оценивать характер, но и динамику нравственно-

го состояния: стало ли оно лучше, чем прежде, или, наоборот, — хуже. Можно ли без подобной нормы сказать, что моральное состояние культуры, в которой каннибализм считается отвратительным преступлением, «лучше», чем состояние той культуры, в которой он вполне приемлем?

3. В субъективизме заложено самоопровержение

Релятивисты склонны к рассуждениям о том, что ввиду отсутствия абсолютных нравственных начал не существует ничего объективно правильного или неправильного. Поэтому не нужно стремиться к навязыванию своих представлений о нравственности другим людям. Но, рассуждая подобным образом, они противоречат собственным принципам. Слово «нужно» подразумевает нравственный долг. Поэтому на самом деле они говорят следующее: поскольку не существует универсальных объективных принципов, есть универсальный моральный принцип, который обязаны соблюдать и сторонники объективизма, и все остальные люди. А именно: никто не должен навязывать свои нравственные принципы другим людям. Рассуждая подобным образом, релятивизм опровергает собственный принцип.

4. Субъективистам чрезвычайно трудно действовать в соответствии с собственной теорией в каждодневной жизни

Пол Чемберлен в своей книге «Can We be Good Without God?» («Можно ли быть хорошим человеком без Бога?») рассказывает забавную историю, которая может быть меткой иллюстрацией этого тезиса⁴. Талантливый юноша, студент философского факультета, прекрасно изложил и аргументировал в своем эссе мысль о том, что не существует таких объективных нравственных принципов или норм, как честность или справедливость. Свое сочинение он положил в красивую синюю папку и вручил ее преподавателю. Преподаватель поставил ему низкую отметку и написал в отзыве: «Мне не нравятся папки синего цвета». Студент был возмущен. Он ворвался в кабинет преподавателя со словами: «Вы не могли так поступить со мной. Мое эссе заслуживает более высокой оценки. Вы не могли оценить его так низко только потому, что вам не понравился цвет папки. Это нечестно!»

В ответ преподаватель уточнил: «Это вы написали работу, в которой утверждается, что не существует никаких объективных моральных стандартов честности и справедливости?»

— Да, я, — подтвердил студент.

— В таком случае, я просто повторил вашу главную мысль, — сказал преподаватель. — Причина, по которой я поставил вам низкую оценку, не имеет никакого отношения к справедливости. Вы ведь все равно в нее не верите. А мне просто не нравятся синие папки.

Когда же студент понял мысль преподавателя, тот исправил оценку на более высокую, отметив прекрасный стиль автора сочинения и вложенный в него труд. Из этого примера следует: даже если человек теоретически придерживается морального субъективизма, ему очень трудно избежать использования объективных ценностей и суждений при изложении своих субъективистских представлений. Так, Дж. Д. Мэббот утверждает по этому поводу: «Философы, которые отрицают абсолютные ценности и говорят, что ценности образуются совокупностью сделанных разными людьми выборов, на самом деле сами утверждают абсолютные ценности. Экзистенциалисты отвергают все правила и абстрактные высказывания относительно долга или добродетели, считая, что каждый человек утверждает свои ценности, когда делает выбор. Тем не менее в сочинениях экзистенциалистов постоянно подчеркивается принципиальная ценность *ответственности* (Киркегор) или *ангажированности* (Сартр). У них можно также найти отзвуки очень *субъективистской* точки зрения, распространенной среди обычных людей, которые заявляют: “Между этим человеком и мной нет ничего общего. Но я уважаю его прямоту, принципиальность и целостность”. (Это означает, что у нас, на самом деле, есть нечто общее.) Эта универсальная и абсолютная ценность является общей для всех экзистенциалистов. Правда, у разных философов она имеет разные названия. Киркегор и Хайдеггер называют ее *аутентичностью*, Марсель — *верностью*, Сартр — *искренностью*. Так формируется индивидуальная норма *терпимости*, однако она оказывается не индивидуальной, а абсолютной нормой»⁵.

Когда же коснется практических дел повседневной жизни, философ-субъективист будет категорически против, если чьи-то действия в духе субъективизма нанесут ему ущерб. Если служащий банка, разделяя идею философа-субъективиста о том, что не существует объективной честности, попытается обмануть нашего философа на две тысячи рублей, то философ вряд ли потерпит такое субъективистское и релятивистское к себе отношение.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Все мы имеем какие-то предрассудки и взгляды, обусловленные культурой, к которой принадлежим. Означает ли это, что мы не способны понять, что:

а) мы можем ошибаться, а представители другой культуры могут быть правы?

б) некоторые истины являются объективными и универсальными?

2. В своих практических делах люди иногда предпочитают опираться на некие объективные данные, поступающие из надежных источников, не доверяя при этом своим субъективным представлениям и впечатлениям. Приведите примеры такой стратегии.

3. Согласны ли вы с таким утверждением: если отнести нравственность к сфере субъективности, это сведет ее к вопросам вкуса? Может ли такое отношение к морали повлиять на поведение людей?

4. Объясните, почему при отсутствии объективных норм нравственности, нам пришлось бы отказаться от идеи морального прогресса?

5. Еще сравнительно недавно, согласно индуистским культурным нормам, женщина, потерявшая мужа, должна была совершить акт самосожжения на погребальном костре мужа⁶. Каково ваше отношение к этому обычаю, известному под названием сати? Разделяете ли вы такое мнение: поскольку это было культурной нормой, то с ней нужно было бы согласиться? Присоединились бы вы к тем, кто выступил с инициативой запретить этот обычай?

6. Обсудите тезис: «В субъективизме заложено самоопровержение». Приведите примеры, иллюстрирующие этот тезис.

7. «Сторонникам нравственного субъективизма трудно согласовать свою теорию с повседневной жизненной практикой». Приведите примеры, иллюстрирующие данное положение.

Спор между субъективизмом и объективизмом, по-видимому, является одной из тех ситуаций, когда третьего не дано. Отсюда следует, что наши рассуждения о несостоятельности субъективизма говорят в пользу объективистской концепции морали. Но, разумеется, эти рассуждения «от противного» не являются доказательством истинности объективизма в строгом смысле слова «доказательство». Поэтому имеет смысл обратиться к вопросам, ответ на которые обеспечит более широкую аргументацию в пользу объективизма.

Первый вопрос: *Если существуют объективные моральные ценности, как мы о них узнаем?*

На первый взгляд, этот вопрос кажется сугубо теоретическим и, на самом деле, в одном из своих вариантов является предметом теоретического исследования. Но на простейшем уровне можно констатировать, что люди осознают объективные нормы и ценности, даже не задумываясь об этом. Если старший брат отобрал игрушку у младшего и не отдает ее, младший обязательно закричит: «Это нечестно!» Дети, как правило, обладают острым чувством справедливости и честности. Впрочем, как и взрослые. Легко представить себе ситуацию, когда кто-то говорит: «Я пришел к тебе на помощь, когда тебе было плохо. А сейчас, когда я нуждаюсь в твоей поддержке, ты и не думаешь мне помогать. Это нечестно!»

Обычному человеку не нужен специальный курс этики, чтобы понять, что честно, а что нечестно. Это знание, как правило, взаимно, и мы ожидаем от других людей честного к себе отношения. У нас могут быть разногласия с другими людьми в некоторых практических ситуациях, но у людей обычно не возникает никаких проблем в определении самого понятия честности. Если вы пожаловались другу, что кто-то обошелся с вами нечестно, и он скажет вам в ответ: «Честность? А что это такое? Я не понимаю, что ты имеешь в виду!» — то вы вряд ли подумаете, что он говорит серьезно.

Два небольших отступления

Сделаем два небольших отступления, чтобы рассмотреть две проблемы, имеющие отношение и к теоретической, и к практической этике. Сразу же заметим, что обе эти проблемы могут вызвать такой вопрос: «Какой смысл говорить об абстрактной объективной справедливости (или о каком-либо другом моральном качестве)?». Ведь когда вы пытаетесь применить понятие справедливости к какому-нибудь практическому спору, то обычно спорящие стороны не могут и не хотят вырабатывать общее значение термина «справедливость», которое было бы применимо в данной ситуации.

Отступление 1

Очень часто и, вероятно, не без оснований утверждается, что сочинение Платона «Государство» является не столько практическим политическим проектом, сколько своего рода опытом разработки понятия «справедливость». Платон знал, что значение понятия «справедливость» можно осмыслить гораздо лучше, если отнести его ко всей совокупности граждан, а не к жизни отдельного индивида. Основной тезис Платона заключается в том, что справедливость состоит не в одинаковом отношении ко всем гражданам, а, напротив, в различном отношении, которое зависит от конкретных нужд отдельного гражданина и его места в обществе. Можно проиллюстрировать мысль Платона с помощью простого примера: даже в наши дни справедливое распределение пищи между членами семьи не означает, что четырехлетнему ребенку дадут столько же еды, сколько его отцу, занимающемуся тяжелым физическим трудом.

Наша цель состоит не в обсуждении политических взглядов Платона, а в демонстрации различного использования понятия «справедливость». Демонстрация различий в его использовании, в свою очередь, нужна для того, чтобы избежать ложных дедуктивных выводов. Легко впасть в бездумный скептицизм относительно необходимости обсуждения этого понятия, говоря: «Что толку обсуждать объективные моральные качества, вроде справедливости, если на практике *справедливость* для разных людей означает совершенно разные вещи?».

Но подобный способ рассуждения не отличается глубиной. Мы должны постоянно учитывать объективный моральный принцип справедливости. В практических вопросах разные люди, политические партии, правительства и страны могут по-разному подойти к определению того, какой способ их решения будет справедливым. Но эти различия не означают, что понятие объективной справедливости и ее нормы не имеют смысла и от них следует отказаться. Все мы далеки от совершенства, и наше поведение во многих отношениях не дотягивает до нормы. И это всем понятно. Но если мы откажемся от объективного стандарта, то у нас не останется никакой рациональной основы для обсуждения спорных вопросов, никаких ориентиров в виде представлений о реформе или прогрессе — и мы погрязнем в скандальных столкновениях произвольных мнений, ценностей и амбиций.

Отступление 2

Вторая проблема, которую считаем нужным обсудить, близка первой, за исключением того, что она теснее связана со значением понятий, подобных слову «справедливость». Существует точка зрения, согласно которой такие слова, как «справедливость», «честность» и т. п., не имеют собственного значения. Они несут в себе те смыслы, которые им приписывает если не каждый отдельный индивид, то, по крайней мере, каждое отдельное общество или культура (которые, конечно, по своим масштабам могут быть меньше, чем город, где живет данный человек, или даже его страна или народ, не говоря уже о человечестве в целом). Утверждается, что значение этих слов в каждом отдельном случае не обязательно должно быть абсолютно субъективным, поскольку это не индивидуальная идея отдельного человека. Оно объективно в том смысле, что его значение распознается и разделяется всеми членами сообщества, к которому принадлежит данный индивид. Но оно не может быть отнесено к сфере всеобщего и потому объективного, ведь в мире существует столько же значений термина «справедливость», сколько стран и народов.

Следует заметить, что две с половиной тысячи лет назад древнегреческие философы, подобные Платону,

выработали понятие справедливости, которое можно было применять универсально. Поздние стоики и римский правовед Цицерон в I в. до н. э. наметили идею естественного права, которая могла бы быть применена ко всем представителям человеческого рода. Ветхозаветные псалмопевцы и пророки, заглядывая далеко в будущее, говорили о том времени, когда Господь будет судить народы и править ими «по правде... и... истине» (Псал.95:9-13). Они предупреждали: когда Господь будет это делать, то к Израилю Он отнесется так же строго, как и к остальным народам, если не строже — в силу особых привилегий, которые иудеи получили как богоизбранный народ (Амос.3:2). В свете этого может показаться странным, что цивилизации XXI века относятся к значениям слов, подобных слову «справедливость», как к абсолютно уникальным, не способным передать тот универсальный смысл, который в один прекрасный день коснется всего человечества.

Тем не менее будем надеяться на то, что прогресс человеческого рода, выражающийся в усилении справедливости в семье, в социальных сетях, возникающих на базе семьи, в рамках племенных связей, в масштабах отдельных государств и континентов, в конце концов, заставит людей задуматься о всеобщей справедливости в мире. Хотя бы в том виде, как она сформулирована во Всеобщей Декларации прав человека. Но мы не будем подробно останавливаться на содержании этого документа.

Постмодернист Стэнли Фиш в своей книге *«There's No Such Thing as Free Speech, and It's a Good Thing Too»* («Не существует такой вещи, как свободная речь, и это тоже хорошо») говорит, что обычно люди ошибаются, утверждая: значение таких терминов, как «справедливость», «честность», «достоинство», совершенно ясно и очевидно для каждого и что в конкретной ситуации достаточно повести себя справедливо — и все сразу же согласятся со значением термина «справедливость». Это не так, говорит Фиш. Подобные термины «имеют разное значение в зависимости от различных допущений и условий»⁷. Из этого рассуждения Фиша, видимо, следует, что не может быть подлинно объективной спра-

ведливости, поскольку каждая культура и даже каждый индивид понимают справедливость по-своему, и потому между ними не может быть никаких пересечений. Между тем те социальные силы в обществе, которые имеют власть, используют ее для того, чтобы именно их представление о справедливости господствовало в сфере судопроизводства и за ее пределами⁸.

Нарисованную Фишем картину, к сожалению, можно действительно увидеть во многих судах большинства стран мира. Но именно благодаря тому, что люди обладают подлинной верой в объективную, абсолютную справедливость, они способны распознавать нарушения справедливости и имеют основания для изменения ситуации в лучшую сторону, а также обладают стандартом, на который нужно ориентироваться для достижения прогресса. Если бы абсолютной справедливости не существовало, если бы борьба за справедливость сводилась к противостоянию вечно конфликтующих между собой партий, продвигающих собственное понятие справедливости и не способных к восприятию высшей справедливости и достижению согласия, мы были бы навечно обречены на иррациональные споры, конец которым могло бы положить только силовое решение представителей власти.

Для иллюстрации своей позиции Фиш приводит пример, заимствованный из фильма. В одном из его эпизодов показаны два человека, работающие в канцелярии большой компании. Один из них — племянник руководителя компании. Компания назначает человека, который должен определить, кто станет начальником канцелярии. Этот человек объявляет сотрудникам канцелярии, что ему предписано сделать свой выбор только на основании деловых качеств сотрудника. На что племянник руководителя говорит: «Это нечестно!».

Мы считаем, что решение, основанное на анализе деловых качеств, является в высшей степени справедливым и противостоит nepotизму*. Но идея Фиша состоит в том, что представление о справедливости племянника босса

* **Непотизм** (лат. *Nepos* — внук, племянник) — предоставление римскими папами высоких должностей, прибыльных мест, имений своим родственникам для укрепления собственной власти; кумовство. — Прим. ред.

расходится с этим решением. Племянник считает, что его родственные связи с руководителем компании тоже должны приниматься во внимание⁹. Действительно, во многих странах, даже в рамках одной культуры, на государственных предприятиях, в сфере гражданской службы и управления nepoтизм не только широко практикуется, но игнорирование родственных связей может быть расценено как предательство по отношению к семье.

Должны ли мы в связи с этим отказаться от веры в объективную справедливость, существующую независимо от любой культуры? Должны ли мы согласиться с постмодернистами в том, что идея справедливости создается людьми, а поскольку человеческое общество порождает множество противоречащих друг другу понятий справедливости, подлинная объективная справедливость в принципе невозможна? Если мы с этим согласимся, то должны согласиться и с нравственным релятивизмом. Но тогда встает вопрос: на каких основаниях мы будем выступать против Гитлера и его «арийских» идеологов, которые, действуя в соответствии со своим представлением о справедливости, считали, что уничтожение шести миллионов евреев в газовых камерах вполне справедливо, а защита евреев — преступление против «арийского» государства. Если следовать концепции Фиша, то гитлеровское определение справедливости было объективным, в том смысле, что оно принадлежало не одному единственному индивиду, а целой культуре. Неужели не существует справедливости, стоящей над культурой?

Второй вопрос, ответ на который должен обеспечить аргументацию в пользу объективизма. *Если существуют объективные нравственные ценности, объективно правильное и объективно неправильное поведение, то почему в нашем мире существует столь большое разнообразие моральных практик?*

Прежде всего следует разобраться в сути этого вопроса. Она состоит не в том, например, почему, несмотря на признание правдивости в качестве универсальной объективной нравственной ценности, так много людей говорят неправду. Известно, что даже в тех культурах, которые считают истину объективной моральной ценностью, люди,

грешащие против истины, пытаются скрывать это, а когда их «выводят на чистую воду», они ищут себе оправдание. Это, конечно, свидетельствует о том, что они допускают существование и авторитет всеобщей, объективной моральной ценности самой истины и необходимость подчинения ее авторитету. В противном случае они не чувствовали бы необходимости оправдываться.

Таким образом, вопрос состоит не в том, почему многие люди говорят неправду. Он скорее вот в чем: если правдивость считается универсальной, объективной моральной ценностью, почему существует так много культур, в которых ложь и обман рассматриваются как нормальная и приемлемая практика, так что, испытав обман на собственном опыте, человек не будет жаловаться на это? Ответ на вопрос гласит, что на самом деле таких культур в нашем мире не существует, а если и существуют, то их крайне мало.

То же касается многих других нравственных ценностей. История свидетельствует: основные моральные законы, существовавшие уже в глубокой древности, сохранили свою общезначимость вплоть до наших дней. Клайв С. Льюис в своей книге «Человек отменяется»¹⁰ приводит список принципов морали, общих для всех мировых цивилизаций. Он называет их «примерами естественного закона» и объединяет в восемь групп.

1. Закон общего благоденствия.
2. Закон благоденствия в конкретных областях жизни.
3. Обязанности перед родителями, старшими и предками.
4. Обязанности перед детьми и потомками.
5. Закон справедливости.
6. Закон доброй веры и правдивости.
7. Закон милосердия.
8. Закон великодушия.

В пункте 1 он имеет в виду такие предписания, как не убивай, не разоряй; не будь рвачом, угнетателем; не клеветни; не лжесвидетельствуй; не делай другому того, чего бы ты не хотел, чтобы делали тебе, а также другие позитивные правила. В пункте 2 речь идет о любви к жене/мужу, семье, родным и стране. В пункте 5 гово-

рится о справедливости и честности в отношениях между полами, честном и справедливом суде. Пункт 8 означает смелость, готовность пострадать во имя защиты других; предпочтение смерти перед жизнью в стыде и бесчестии; стремление избегать похотливых и непристойных мыслей и поступков. Содержание пунктов 3, 4, 6 и 7 очевидно.

Или возьмем конкретный пример из истории древнего мира. Список, который приводим ниже, содержится в египетской «Книге мертвых» — своеобразном документе, который прилагался к телу умершего человека при подготовке его к погребению. Идея этого документа в том, что человек после смерти должен предстать перед Последним Судом, решающим, допускать ли умершего к вечной жизни или нет. В этом документе содержалась своего рода «декларация», в которой сообщалось, что человек не совершал дурных поступков и не нарушал законов нравственности. Приведем некоторые пункты этой «декларации».

Я не делал зла людям.

Я не совершил греха относительно Истины.

Я не творил предосудительного.

Я не кощунствовал.

Я не поднимал руку на слабого.

Я не делал мерзкого пред богами.

Я не был причиной недуга.

Я не убивал.

Я не приказывал убивать.

Я никому не причинял страданий.

Я не прибавлял к мере веса и не убавлял от нее.

Я не обманывал.

Я не крал.

Я не завидовал.

Я не совершал прелюбодеяния¹¹.

Мы не стремимся здесь определить, действительно ли умерший египтянин жил в соответствии с тем, что говорилось в его «декларации». Следует отметить, во-первых, что культура Древнего Египта существенно отличалась от нашей культуры; во-вторых, несмотря на серьезные отличия древнеегипетской культуры, наши

моральные ценности значительно совпадают. Этот факт свидетельствует в пользу объективности и универсальности моральных ценностей.

ЕСТЬ ЛИ ИСКЛЮЧЕНИЯ ИЗ УНИВЕРСАЛЬНЫХ ЭТИЧЕСКИХ ПРАВИЛ? ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ У ДРЕВНИХ ГРЕКОВ И КАЛЛАТИЕВ

Для обоснования релятивистского подхода к моральным ценностям часто приводится история из книги Геродота. «Царь Дарий во время своего правления велел призвать эллинов, бывших при нем, и спросил, за какую цену согласны они съесть своих покойных родителей. А те отвечали, что ни за что на свете не сделают этого. Тогда Дарий призвал индийцев, так называемых каллатиев, которые едят тела покойных родителей, и спросил их через толмача, за какую цену они согласятся сжечь на костре своих покойных родителей. А те громко вскричали и просили царя не кощунствовать»¹².

Какие выводы можно сделать на основании этого рассказа? Релятивисты утверждают: этот рассказ свидетельствует, что разные народы придерживаются разных нравственных ценностей и этики, что именно культура и обычаи придают им устойчивость, обеспечивают их передачу от поколения к поколению, делают невозможным их изменение, превращают их в абсолютную, объективную моральную ценность. Но сравнительная антропология показывает, как утверждают релятивисты, что не существует абсолютных, универсальных нравственных ценностей. В разных этнических группах они разные.

Однако в этой интерпретации заложено, по крайней мере, две ошибки. Во-первых, установка релятивистов на то, чтобы видеть только различия в погребальных обрядах двух упомянутых этнических групп. Они не видят общего между ними, а именно: обычаи обеих этих групп выполняют функции почитания умерших предков. Очевидно, что эти группы используют разные методы для оказания почестей умершим, но в то же время они решительно против любых форм их осквернения. И это отношение является культурной универсалией¹³.

Вторая ошибка релятивистской интерпретации состоит в том, что в ней не проводится различие между фундаментальной нравственной ценностью и принципом, с одной стороны, и разнообразными способами, с помощью которых этот принцип реализуется на практике, — с другой. Если бы в истории Геродота говорилось о двух группах, одна из которых почитала бы своих умерших родителей, а другая выбрасывала их трупы в мусорную яму, то это свидетельствовало бы о существенных различиях между ценностями и принципами двух групп. Однако отличие в практиках двух групп, на самом деле, касалось только разницы в применении одного и того же фундаментального принципа.

Между тем все это имеет важнейшее значение с точки зрения этики. Мы уже убедились на приведенных выше примерах, что честные люди, твердо убежденные в необходимости соблюдения социальной справедливости, могут расходиться между собой относительно приложения этого принципа к практическим ситуациям. Но использование этих расхождений для отрицания того, что существует какой-то фундаментальный, объективный моральный принцип справедливости, будет означать уничтожение критериев оценки и критики любых недостатков современного общества и ориентиров для будущего развития, а также способов гармонизации различий, не сопряженных с эгоистичным навязыванием собственных представлений с помощью силы.

Это, конечно, не означает, будто мы отрицаем, что всегда существовали и до сих пор существуют социальные группы, которые нарушают фундаментальные этические практики. Каннибализм, издевательство над детьми, ритуальное убийство и захоронение рабов в случае смерти их хозяина, убийство младенцев и прерывание беременности — все это противоречит принципу неприкосновенности и святости человеческой жизни. Поскольку некоторые из этих практик обязаны своим происхождением предрассудкам и ложным идеям о богах, духах и бесах, мы должны иметь в виду, что не все религии истинны: некоторые религиозные практики опасны и вредны. Но при этом можно констатировать и то, что упадок тра-

диционной религии в последнее время привел к колоссальным потерям в понимании неприкосновенности и святости человеческой жизни, особенно жизни нерожденных младенцев. Мы еще вернемся к этому вопросу.

Третий вопрос. Являются ли семья и школа источниками нравственных ценностей для большинства людей? Если да, то можно ли сказать, что они восприняли эти ценности из некоторых объективных, независимо существующих моральных принципов?

Легко допустить, что мы усвоили многие (если не все) свои нравственные ценности от родителей или учителей. Полученные знания и представления очень разнообразны. Некоторые из них — это просто знания о социальных условностях. Так, в отдельных странах дорожное движение правостороннее, поэтому дети там должны усвоить, что нужно передвигаться по правой стороне, а движение по левой стороне является нарушением. Но это просто произвольная социальная условность, которая не является универсальным принципом. В других странах движение левостороннее — и детей обучают, что нужно двигаться именно по левой стороне.

Но существуют и всеобщие, или, иначе говоря, универсальные, законы. Таковы законы арифметики. Ребенок сначала может узнать о том, что $2 + 2 = 4$, от своего учителя. Роль учителя заключается только в том, чтобы *указать* ребенку на универсальные и объективные истины. То же можно сказать и об универсальных, объективно истинных моральных законах. Тот факт, что дети должны воспринять эти законы от своих родителей и учителей, не означает, что эти законы не имеют абсолютного характера.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Если вы возражаете против какого-то нечестного поступка, то ожидаете ли от людей, что они знают значение понятия «честность»?

2. Иногда членам семьи приходится делить наследство, и у них начинаются серьезные разногласия по поводу раздела. Означает ли это, что понятие честности не имеет никакого практического смысла и от него надо отказаться?

3. Обсудите тезис: «Если в обществе не действует принцип справедливости, тогда главным способом контролирования социальной жизни становится воля правящей группы или правящего лица».

4. Обсудите тезис: «Моральные законы подобны правилам арифметики. Их никто не придумал».

5. Как можно доказать, что нравственные ценности универсальны?

6. Приведите пример культуры, в которой обман считается нормальным, приемлемым и допустимым поведением. Как вы сами относитесь к обману? Считаете ли его приемлемым? Если «нет», то почему?

7. Какие ошибки допускают некоторые теоретики, утверждая, что различие в похоронных обрядах в разных культурах свидетельствует о том, что моральные ценности являются не универсальными и объективными, а относительными?

8. Можно ли назвать истинным высказывание: «Тот факт, что мы усваиваем моральные ценности в семье и школе, показывает, что эти ценности – культурная традиция»? Обсудите это высказывание.

Д

Каков источник объективных нравственных ценностей и на чем они основываются?

Существует три теоретических возможности.

1. Основание всеобщих объективных нравственных ценностей заключено в материальной субстанции Вселенной. Согласно этой теории, они просто возникли в результате эволюции подобно другой материальной субстанции и процессам Вселенной.

2. Всеобщие объективные моральные ценности — это продукт человеческой мысли и деятельности. Согласно этой теории, они являются принципами поведения, которые возникли в результате развития социальной жизни и социальных институтов.

3. Основание всеобщих объективных нравственных ценностей заключено в характере Бога. Они проявляются через природу и Слово Божье.

Рассмотрим каждое из указанных объяснений, помня при этом, что наша задача — раскрыть всеобщие объективные моральные ценности. Недостаточно объяснить тот факт, что у разных наций и народов разные ценности. Мы должны объяснить феномен ценностей, которые независимы от отдельных людей, обществ, культур и поколений.

1. ОСНОВАНИЯ ЭТИКИ ЗАКЛЮЧЕНЫ В ПРИРОДЕ И ЭВОЛЮЦИИ¹⁴

1. Крайний материализм и аморализм подхода к этическим вопросам

Для сторонников атеистического материализма проблема объяснения происхождения этико-морального чувства человечества оказывается чрезвычайно сложной. И это понятно, поскольку трудно объяснить, как лишённая сознания материя могла послужить источником нравственного сознания. Поэтому некоторые материалисты решают эту проблему путем отрицания существования любых моральных или этических законов. Так, Уильям Б. Провайн, историк из Корнельского университета, пишет: «Для человеческого общества не существует ни нравственных, или этических законов, ни абсолютных принципов. Мы безразличны для Вселенной и не имеем конечного смысла в жизни»¹⁵.

Аласдэр Палмер, корреспондент отдела науки «Sunday Telegraph», внушает рядовому читателю: «Не только религиозные представления *о мире* противоречат научным объяснениям происхождения человека. В противоречии с наукой находятся и многие наши *этические ценности*, поскольку большинство из них восходит к религии. В научном объяснении человека уже нет места ни свободной воле, ни равным способностям всех индивидов быть добрыми и совершать справедливые поступки, ни душе»¹⁶.

2. Социальный дарвинизм

Чарльз Дарвин и некоторые его последователи-эволюционисты считали, что с помощью двух связанных между собой принципов — «борьбы за выживание» и «выживания наиболее приспособленных» — они могли не только объяснить происхождение видов, но и с уве-

ренностью предсказать грядущее развитие разных человеческих рас. Дарвин писал: «В какой-нибудь из будущих периодов — и даже не слишком отдаленный, если мерить столетиями, — цивилизованные человеческие расы почти наверняка уничтожат и вытеснят во всем мире дикие расы»¹⁷. Или: «Более цивилизованные так называемые кавказские расы победили турецкие в борьбе за выживание. Если взглянуть на недавнюю историю мира, увидим, что бесконечное число низших рас было уничтожено во всем мире более цивилизованными расами»¹⁸.

Легко представить себе, что даже во времена Дарвина было трудно убедить «турецкие», «низшие» и «дикие» расы, что дарвиновские принципы эволюции составляли надежную основу для универсальных, объективных нравственных ценностей. Когда впоследствии теория социального дарвинизма, придуманная Гербертом Спенсером (1820—1903), была подхвачена Гитлером и использована для истребления шести миллионов евреев, все эти теории были окончательно дискредитированы.

3. Социобиология

Эта теория более утонченная, чем социальный дарвинизм, но она также является крайней формой материализма. Связанная с именами таких ученых, как Фрэнсис Крик, Жак Моно, Эдвард О. Уилсон и Ричард Докинз, теория утверждает, что человек — не что иное, как его гены. Следовательно, нравственность основывается на генах, хотя очевидно, что главная, по существу, единственная цель генов состоит не в продолжении воспроизводства человека, а в воспроизводстве самих себя. Многие поколения людей служат просто машинами или средствами для воспроизводства того, что Докинз называл «эгоистичными генами». Майкл Рьюз и Эдвард Уилсон объясняют это так: «Нравственность или, точнее, наша вера в нравственность, является всего-навсего приспособлением, предназначенным для целей нашего дальнейшего воспроизводства. Таким образом, основания этики заложены не в воле Бога... В любом значимом смысле этика, как мы ее понимаем, является иллюзией, внушенной нам нашими генами и направленной на то, чтобы мы взаимодействовали с ними»¹⁹.

Подобная концепция содержит в себе очевидные сложности. Если человек — не что иное, как гены, и гены контролируют его нравственное поведение, то как можно критиковать человека за его плохие поступки и хвалить за хорошие? Какими же великими носителями нравственности были гены Европы, Азии, Австралии, Африки и Америки, если по их милости произошла Вторая мировая война! Докинз в своей знаменитой книге «Эгоистичный ген» считает: хотя человек — не что иное, как его гены, он может восставать против них, когда они сбивают его с правильного пути. «Мы устроены как машины для генов... но мы в силах обратиться против наших создателей. Мы — единственные существа на Земле, способные восстать против тирании эгоистичных репликаторов»²⁰. Но как? Если мы всего-навсего гены, если не существует нематериального, негенетического элемента внутри нас, то за счет чего можем восставать против наших генов и вести себя морально?

Подобный генетический детерминизм, развиваемый Докинзом, согласно которому существует прямая причинная связь между генами и поведением, был подвергнут серьезной критике со стороны многих ученых. Приведем примеры этой критики. Так, нейробиолог Стивен Роуз, у которого нет никаких возражений против эволюционизма Дарвина, резко выступает против редуccionизма, заключенного в нейрогенетическом детерминизме. Он считает, что подобный детерминизм совершенно ошибочен: «Меня огорчает самонадеянность и высокомерие, охватившие отдельных наших биологов, которые претендуют на такие объяснительные возможности своей — и нашей — дисциплины, коими она явно не обладает. Их поверхностные атаки на научные бастионы игнорируют противоречащие их объяснениям факты»²¹. Далее Роуз говорит: «Явления и проявления жизни всегда связаны с вопросами культуры и природы, а явления человеческого существования и опыта являются как биологическими, так и социальными. Их адекватные объяснения должны принимать во внимание и то, и другое»²².

4. Тезис о том, что «выживание сильнейших» может объяснить альтруистическое поведение

Для эволюционной модели объяснение альтруистического поведения всегда являлось серьезной проблемой, поскольку альтруизм, на первый взгляд, осложняет выживание, а не способствует ему. В целях доказательства можно было бы предположить: поскольку силы эволюции всегда способствуют выживанию вида, то эти силы могут каким-то образом придавать нравственный смысл поступкам и практикам, которые способствуют выживанию расы. Но исходя из тех же причин те же силы эволюции должны способствовать выработке отношения неприятия действий и практик, которые делают выживание более сложным и менее вероятным.

Как в таком случае эволюционная модель может объяснить глубокое моральное убеждение в том, что мы обязаны поддерживать слабых, больных, увечных, пожилых, причем не только своих родных и близких, а любых нуждающихся в поддержке людей, хотя она может привести к существенному уменьшению наших собственных средств, осложнит и сделает менее вероятным выживание нашей расы? Утверждение о том, что здоровые поддерживают слабых и больных в надежде, что когда сами станут слабыми и больными, то также найдут поддержку, и это как бы способствует выживанию, не убедительно. Такая взаимная поддержка находит большое одобрение, но она определенно не является необходимой для выживания человеческого рода. Если бы выживание было единственной целью эволюции, последняя никогда не привела бы к развитию чувства долга перед слабыми, больными, увечными и пожилыми.

5. Этический натурализм

В опубликованном недавно эссе под названием «Натурализм»²³ Джеймс Рэйчелс воскресил теорию этического натурализма. Он описывает ее так: «Этический натурализм — это идея о том, что этика может быть понята в терминах естествознания (*natural science*). Более конкретно это означает, что моральные качества (такие как доброта и праведность) тождественны *природным* качествам, то есть таким, которые фигурируют в научных описаниях и объяснениях мира».

В этой теории есть доля правды. По сути, в Библии высказываются аналогичные мысли. В Новом Завете (см. Римл.1:31 и 2Тим.3:3) используется прилагательное *astorgos* (бездушный) для описания человека, неспособного испытывать то особое чувство любви и привязанности, которое возникает между родителями и детьми, а также другими членами одной семьи. Обычно женщине не нужно учиться любить своих детей. Материнская любовь — это врожденное чувство, обусловленное самим физиологическим процессом, связанным с вынашиванием ребенка²⁴. Члены одной семьи испытывают естественное чувство привязанности друг к другу, так что совершенно противоестественно, когда эта привязанность замещается бессердечностью, равнодушием и даже жестокостью.

Проблема бытия (есть) и долженствования (должно)

Первым, кто описал эту проблему, был Дэвид Юм²⁷. Для понимания смысла этой проблемы следует отметить, что модальный глагол «должен» может использоваться в разных смыслах. Нас интересует тот его смысл, который выражен во фразе «ты должен сделать то-то и то-то», что означает: «твой долг состоит в том, чтобы сделать то-то и то-то».

Слово «должен» может иметь и другие значения, и их нельзя путать с тем, которое нас интересует.

1. Оно может использоваться для обозначения рекомендации. Так, высказывание: «Ты должен пойти и посмотреть этот фильм. Он очень хороший» — не означает: твой долг — посмотреть этот фильм. Это просто совет посмотреть фильм.

2. Оно может указывать также на то, что человеку нужно делать, чтобы достигнуть или избежать какого-то результата: «Тебе необходимо сделать ход ферзем, чтобы его не потерять». И это просто совет, из которого не следует предписание: сделать ход ферзем — твой долг.

3. Оно может означать, что некое событие обязательно произойдет, если все будет идти по плану. Например: «Этот поезд должен прибыть в Санкт-Петербург через 30 минут». Если сейчас 16.30, поезд должен прибыть в 17.00; если он будет идти по расписанию, то прибудет в Санкт-Петербург через полчаса.

В этическом контексте слово «должен» означает, что у данного человека есть какой-то долг. Таким образом, когда говорим, что кто-то должен что-то сделать, то есть имеет обязанность, мы высказываем ценностное

суждение. Вклад Юма в обсуждение понятия долженствования состоял в том, что он указал: нельзя основывать ценностное суждение на высказывании о факте.

Рассмотрим вымышленный пример. Представьте себе ситуацию, при которой у молодого человека по имени Борис обнаружили тяжелое заболевание почек, и он умрет от почечной недостаточности, если ему не сделают операцию по пересадке почки. Таково фактическое состояние дела. Для проведения операции нужен донор. У Бориса есть племянник Алексей, которому говорят, что он должен стать донором, ибо так он спасет своего дядю от преждевременной смерти. Однако не всегда все так просто и самоочевидно. А что если Борис, злоупотребляя алкоголем, разрушил свою печень? К тому же, он является вожаком банды, на счету которой жизнь многих невинных жертв. Алексей женат, он порядочный семьянин и имеет четверых детей, которые нуждаются в поддержке отца. Как из того факта, что Борис умрет, если Алексей не станет его донором, следует, что долг Алексея стать донором? Для доказательства того, что это его долг, следует выдвинуть соответствующие аргументы, которые докажут: долг Алексея состоит в спасении Бориса от смерти. Проведем аналогию с рассмотренным вымышленным примером: из того факта, что существует гора Эверест, не следует, что я должен совершать восхождение на нее.

Слабость этического натурализма

Рейчелс, как сторонник и адвокат этического натурализма, осознает проблему вывода долженствования из факта существования. Он предлагает следующее решение: «Наиболее вероятная форма этического натурализма начинается с отождествления добродетели с удовлетворением наших интересов, тогда как “интересы” объясняются как объекты предпочтений. Например, защита зрения в наших интересах, потому что у нас могут быть желания, которые нельзя было бы осуществить, если бы мы были слепыми, поэтому иметь здоровые глаза — это очень хорошо. Защита детей — это тоже хорошо, потому что мы заботимся о детях и не хотим видеть, как

они страдают... Следовательно, размышление о том, что мы делаем, в самой своей основе — это размышление о том, как удовлетворить наши интересы»²⁸.

В связи с этим рассуждением возникает вопрос: как относиться к повстанцам в Сьерра Леоне, которые еще совсем недавно, в целях удовлетворения своих интересов, вооружали детей и обучали их пользоваться оружием для истребления других детей и взрослых? Нет никаких сомнений в том, что повстанцы неправильно понимали свои подлинные интересы. Но все мы можем ошибаться. Всегда ли наш моральный долг совпадает с представлениями о том, как удовлетворить наши интересы? Наполеон считал, что удовлетворение его интересов состояло в завоевании России. Но был ли этот военный поход его моральным долгом?

Рейчелс считает, что возможно вывести «должно» из «есть». Чтобы обосновать свою мысль, он приводит следующий пример: «Любое суждение о том, что должно быть сделано, следует обосновать. Если я вам говорю, что вы должны выйти из комнаты, то вы можете меня спросить: “Почему я должен это сделать?”. Если для того нет причин, вам не нужно уходить. Мое предложение оказывается просто некоей странностью. Однако представьте себе: я говорю вам, что в комнате пожар. Это уже достаточная причина, чтобы вы покинули комнату. И если вы мне верите, то, без сомнения, так и сделаете. Но станет ли данная ситуация для вас причиной ухода из помещения, зависит от вашей жизненной позиции. Если вы боитесь получить ожог или вообще сгореть в огне, то пожар будет для вас причиной, чтобы покинуть комнату. Если же почему-то вы не боитесь сгореть в огне (что маловероятно), то этот факт не имеет для вас значения. В этом случае пожар для вас не является основанием уйти из комнаты»²⁹.

Комментарий

Нет смысла отрицать то положение, на обоснование которого направлен пример Рейчелса, а именно: самосохранение является мощным мотивом для действия и во многих обстоятельствах — правильной и оправданной при-

чиной действия. Но даже если это так, то когда дело доходит до морального долга, физическое самосохранение не может быть высшим критерием правильности действия. Сократ утверждал: если человек сохраняет свою жизнь, жертвуя при этом истиной, то он тем самым предает свой долг. Тысячи христианских мучеников добровольно принимали на себя долг верности и предпочитали отдать свою жизнь за веру, только бы не предать Христа. Существуют более высокие и важные ценности, чем жизнь.

Но главная цель Рейчелса состоит в том, чтобы доказать: «Юм был неправ..., когда говорил, что никогда не следует выводить *должно* из *есть*», и тем показать: возможно вывести этику долга из простых фактов, составляющих природные процессы. Насколько можно считать доказательным пример, приведенный Рейчелсом? Ответ состоит в том, что он не доказателен, поскольку этот пример не является иллюстрацией долга. Обратите внимание на то, как Рейчелс использует слово «должны»: «Если я вам говорю, что вы должны выйти из комнаты... представьте себе, что я говорю вам: в комнате пожар. Это уже является достаточной причиной, чтобы вы покинули комнату».

Но «должны» в данном случае не означает, что ваш долг — покинуть комнату. Единственное, что это слово означает в данном случае, — что именно вам следует делать, если вы хотите избежать ожогов. Если же вы не боитесь получить ожоги или вообще сгореть, то у вас нет причины уходить. Другими словами, у вас нет никакой обязанности уходить из комнаты. В данном случае предложение выйти из комнаты — просто совет. В нем не говорится о долге, и он не является предписанием долга. Рейчелс, вероятно, был введен в заблуждение неопределенностью значения слова «должен».

Его доказательство несостоятельно еще и по другой причине. Для выведения долженствования из простого утверждения о факте следует использовать адекватное основание, из которого факт влечет за собой долг. Рейчелс понимает: это необходимо, и потому говорит, что в его формулировке в общем виде содержится адекватное основание. Оно оказывается даже не альтруизмом, а на-

шими собственными интересами. А это вряд ли может быть основой для адекватной этики.

6. Инстинкт

Высказывалось мнение, что моральные ценности объективны и универсальны потому, что они основаны на инстинкте, общем для всего человечества. Разумеется, инстинкт для человека необходим. Инстинктивные крики ребенка нужны, чтобы на него обратили внимание. Но сам по себе инстинкт является не более адекватным основанием для объективных моральных ценностей, чем натурализм. У нас множество инстинктов, но проблема заключается в том, что они иногда противоречат друг другу.

Представьте себе такую ситуацию. Вы находитесь дома в полном одиночестве. Вдруг слышите отчаянные крики о помощи, доносящиеся с улицы. Вы чувствуете инстинктивное побуждение прийти потерпевшему на помощь. Но этому побуждению противоречит другое инстинктивное чувство — инстинкт самосохранения, который говорит вам, что вы не должны ввязываться в опасную для вашей жизни ситуацию. Как в этом случае определить, в чем состоит ваш долг? Если ваши инстинкты противоречат друг другу, то необходима опора на нечто иное, чтобы разрешить нравственную задачу.

Подведем предварительные итоги нашего обсуждения.

Концепции физической эволюции и инстинктивных действий, социальный дарвинизм, социобиология и этический натурализм не могут быть основой универсальной объективной этики. Необходимо нечто большее. И это, как считают приверженцы иудаизма, христиане и мусульмане, — характер Бога-Творца. Конечно, многие люди не верят в Бога. В то же время они не могут не видеть, что ни эволюционная теория, ни натурализм не способны обеспечить основы для удовлетворительной этической системы. Эти люди задумываются о возможных подходах к решению такого вопроса. Ниже рассмотрим некоторые из них.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Назовите причины, являющиеся основанием того, что можно согласиться или не согласиться с теорией, согласно которой

материалистическая эволюция может объяснить существование всеобщих объективных нравственных ценностей.

2. Что такое социобиология? Правильно ли будет считать, что наше поведение контролируется генами?

3. В какой мере можно восстать против своих генов?

4. Как вы объясните альтруизм?

5. Что такое этический натурализм?

6. В какой мере Библия согласуется с этическим натурализмом?

7. В чем состоит логическая проблема выведения должностования из высказывания о фактах, которые не сопровождаются дополнительным указанием на основания действия?

8. Обсудите подход Рейчелса, согласно которому личные интересы человека достаточны для оснований адекватной этики.

9. Приведите аргументы в поддержку и в опровержение тезиса: «Инстинкт – источник этики».

II. ВСЕОБЩИЕ ОБЪЕКТИВНЫЕ НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ ЯВЛЯЮТСЯ ПРОСТО ПРИНЦИПАМИ ПОВЕДЕНИЯ, ОТКРЫТЫМИ И РАЗРАБОТАННЫМИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВОМ БЛАГОДАРЯ ПРАКТИЧЕСКОМУ ОПЫТУ В ХОДЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ И СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ

Многие философы, в том числе убежденные в своем атеизме эволюционисты, отрицают, что можно построить этическую систему, исходя из физических сил и природных процессов. Они утверждают, что этические понятия, нормы, принципы и кодексы поведения возникли естественным образом из практических потребностей людей — из таких социальных проблем, как заключение брака между людьми разных рас, а также между близкими родственниками, территориальные конфликты и конфликты по поводу границ, ведение войн, мирные договоры, создание конституций, законов и проч. Этика на этой ранней стадии развития составляла область практического разума, и только длительный опыт рефлексии над многими похожими ситуациями привел к формированию теоретической этики. Но сложившиеся таким образом этические принципы не предназначались для того, чтобы быть запечатленными в виде каменных скрижалей, подобно

Заповедям, данных Богом. Следовательно, они могли быть изменены, забыты или заменены новыми принципами, отражающими постоянно накапливаемый человечеством опыт в сфере науки, техники и психологии³⁰.

Подобное объяснение возникновения и развития морали и этики не отвечает на важный практический вопрос: откуда человек знает, что должен соблюдать моральный закон? Предположим, например, что в практических целях, следуя собственным интересам, государство *N* заключает официальный договор с государством *M*. Предположим далее, что впоследствии обстоятельства меняются и в тех новых условиях государству *N* становится выгодным нарушить условия договора. Руководители государства *N* опасаются, что нарушение условий может привести к серьезным последствиям. Но государство *M* настолько ослабло, что уже не способно реагировать на нарушения. Должно ли государство *N* продолжать соблюдать свои обязательства перед другим государством? Может ли оно в силу слабости другого участника договора считать, что свободно от нравственных обязательств и может нарушить заключенное соглашение? Другими словами, является ли моральный закон тем авторитетом, который может предписывать взявшему на себя обязательства государству выполнение своих обязательств? Или, может быть, этика является сферой прагматики, так что субъект действия не должен держать свое обещание в случае безнаказанности его нарушения?

Древние народы хорошо понимали, что обещание и договор нарушить очень легко, поэтому требовали от обеих договаривающихся сторон призывать Бога или богов в свидетели заключения договора, чтобы нарушивший условия договора был подвергнут Божественным санкциям. И до сих пор в судах многих стран или перед заседаниями сената люди, дающие показания или какие-либо фактические сведения, клянутся говорить правду, всю правду и ничего, кроме правды. Нарушение клятвы считается не только преступлением, но и грехом против Бога.

Однако в тех случаях, когда люди не верят в Бога, а этические законы рассматриваются просто как созданные людьми условности, возникает вопрос: на чем, в конечном

итоге, основывается долг человека говорить истину, поступать справедливо, держать обещания и любить ближнего?

ТЕОРИЯ ДОГОВОРА, ИЛИ КОНТРАКТНАЯ ТЕОРИЯ³¹

Теория договора имеет долгую историю. В Европе она восходит к древним грекам. Согласно политической теории древних греков, люди сначала жили отдельными семьями. Это были «дикари», свободные, как дикие животные. В этих условиях жизнь человека была грубой и жестокой. Затем люди научились жить в городах. Эта жизнь означала отказ от известной доли свободы, подчинение законам, институтам и обычаям города. Большинство людей были готовы жить согласно этим законам, потому что городская жизнь предоставляла массу преимуществ по сравнению с опасностями и неудобствами жизни в условиях дикой природы.

Концепция Сократа — вариант контрактной теории. Когда его приговорили к смерти, он мог бы спастись, убежав из города. Но он решил остаться. Он говорил, что в течение многих лет соглашался жить как гражданин Афин и пользоваться жизненными благами, возможными благодаря защите закона. Сократ понимал эту ситуацию как своего рода договор, который нельзя нарушать, так как приговор был вынесен в соответствии с законами города. Он не был согласен с этим приговором, но считал, что должен уважать этот пожизненный «договор» и подчиняться ему.

В XVII—XVIII вв. теория договора еще оставалась в Европе влиятельной политической теорией и использовалась для убеждения людей в том, что они обязаны подчиняться своему правительству. В те времена наиболее распространенной формой государственного управления была монархия. Утверждалось, что жизнь, которая регулируется правительством, лучше, чем существование «согласно природе». Более того, люди имели моральное обязательство давать клятву верности правительству, поскольку «соглашались» с его авторитетом, или, по крайней мере, существовали достаточные основания подчиняться ему, ибо это был для них способ избежать трудностей и лишений «природного состояния».

Это в лучшем случае сомнительный аргумент. Ведь к этому времени люди уже не жили в «природном состоянии» в течение многих веков. И вряд ли можно говорить о «согласии» людей с определенными формами правления, поскольку народные массы не имели права голоса.

Более того, это был довод, допускающий двойное толкование. Например, Жан-Жак Руссо (1712-1778) в своем трактате «Об общественном договоре, или Принципы политического права» (1762) использовал теорию договора, чтобы заклеить все существующие правительства и поднять вопрос о революции. Он считал, что у народа нет причин подчиняться авторитету существующего правительства, потому что без этого правительства он мог бы рассчитывать на лучшее качество жизни. Руссо выразил эту мысль в своей знаменитой формуле: «Человек рождается свободным, но повсюду он в оковах»³². Руссо выдвинул идею народного суверенитета. Государственные законы должны приниматься общей волей всего народа и применяться по отношению ко всем людям одинаково. Это привело бы к реальному осуществлению свободы, равенства и братства. Человек, как доброе и благое от природы существо, больше уже не будет развращен и испорчен цивилизацией.

Томас Гоббс (1588-1679) также относится к сторонникам теории договора. Но его концепция общественного договора противоположна тому, что впоследствии было сказано Руссо. Согласно теории Гоббса, люди, жившие в природном состоянии, испытывали постоянный страх и угрозу со стороны отдельных людей или групп, которые обладали властью их убить. Поэтому они уступили свои естественные права некоему суверену в обмен на защиту со стороны этого суверена. Таким образом, он брал на себя обязанность защищать их, а они обязывались подчиняться ему и его законам. Тем самым люди утрачивали моральное право возврата себе отданных прав и выступления против суверена.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА

Исходная, отягощенная политическими смыслами версия теории общественного договора, в конечном итоге,

вышла из моды. Классическая теория общественного договора должна была допустить реальное соглашение реальных людей в действительных обстоятельствах, тогда как на самом деле она была разработана как гипотетическая модель соглашения между идеальными субъектами, действующими в идеальных условиях. Таким образом, она была вытеснена теориями, адресованными жизненным реалиям.

В последние десятилетия контрактная теория была возрождена, но не как политическая теория, а как попытка серьезного рассмотрения этической проблематики. Попытка, направленная на анализ статуса этики, авторитета морального закона, и, следовательно, как ответ на вопрос, обсуждаемый выше: в каком смысле наш долг состоит в том, чтобы поддерживать основу морального закона? Современная контрактная теория нацелена на то, чтобы дать ответ, заключающий в себе серьезное отношение к чувству долга и, в то же время, удовлетворяющий тех, кто не верит в Бога, и в особенности тех, кто отрицает идею обоснования морального закона с помощью авторитета Бога, обладающего правом налагать на нас обязательства и предписывать Свой Закон.

Одним из современных сторонников контрактной теории является Джеффри Сайер-Маккорд. Он описывает достоинства этой теории: «...точно так же, как политическая теория договора выросла в ответ на признание того, что политическая легитимность и политические обязательства не могут быть возведены ни к Богу, ни к природе, моральная теория договора в огромной мере обязана своим происхождением представлению о том, что моральные ограничения должны как-то отражать человеческий разум или социальные условности, а не Бога и не природу. Контрактная теория утверждает соблазнительные перспективы теории, демистифицирующей статус нравственности и показывающей, что она является необходимым выражением природы человека. Ведь если источник и авторитет нравственности восходят к нашей способности понимать ее требования, тогда понимание нравственности, в конечном итоге, требует обращения к тому, что нам необходимо в любом случае

для объяснения наших собственных способностей и практик. То есть нет необходимости постулировать что-то оккультное, таинственное или сверхъестественное»³³.

Из этого рассуждения следует: философские теории должны приниматься не просто потому, что они истинны, а потому, что они привлекательны. И многим людям некая теория будет казаться подлинно привлекательной, если в ней не признается авторитет Бога. Если же, в конце концов, моральный Закон исходит от нас самих и от наших моральных способностей, тогда, во-первых, больше вероятности, что мы можем его соблюсти. И, во-вторых, если нам не удастся его соблюсти, то в таком случае мы ответственны только перед самими собой и сообществом, к которому мы принадлежим, а не перед Всемогущим Богом. Если же моральный Закон исходит от Бога, то не будут ли тогда Его требования слишком высоки для нас? И не приведет ли наша неспособность соблюсти этот Закон к состоянию страха? Более того, если, с одной стороны, моральный Закон — это такое установление, с которым мы, как члены некоего сообщества, готовы соглашаться, то у нас сохраняется ощущение свободы. Если же, с другой стороны, моральный Закон предложен нам Всемогущим Богом, то не оказываемся ли мы в своего рода рабстве?

ОЦЕНКА КОНТРАКТНОЙ ТЕОРИИ МОРАЛИ

На уровне практической этики не существует сомнений, что достижение максимального согласия среди максимального числа людей — идеальный способ достижения общественной гармонии и благосостояния. И если бы каждый член этого гармонизированного сообщества был заинтересован в бескорыстном служении всеобщему благу, то результат был бы идеальным. Однако здесь возникает некая принципиальная сложность: как начать переговорный процесс людей с уже сформировавшимся стремлением ко всеобщему благу?

Когда дело доходит до конкретных рекомендаций контрактной теории морали, она наталкивается на еще более серьезные сложности, так как нас при этом интересуют не только практические детали каждодневной

жизни, но и фундаментальные вопросы вроде статуса нравственности. Нас также интересует следующая фундаментальная проблема. Представьте себе, что в некоей форме контрактной теории морали было достигнуто общее согласие относительно требований нравственности. Тогда какой высший долг или цель можно положить в основу этого морального согласия? Вот как сам Сайер-Маккорд описывает смысл проблемы, стоящей перед его моральной теорией: «Второе, что нас заботит, — это... почему вообще мы должны задумываться о морали? Даже те, кто стремится вести себя в соответствии с моралью, могут в какой-то момент задуматься, надо ли им придерживаться моральных норм, особенно в ситуациях, когда совершенно очевидно, что мораль требует жертв. Почему мы не можем думать об озабоченности нравственным поведением просто как об отражении процесса социализации, который проходил бы более гладко, если бы не нужно было следовать моральным нормам? В той мере, в какой контрактная теория разрабатывается просто как способ выражения озабоченности по поводу морали, которая должна быть для нас общей, она, в сущности, не обращается к этому вопросу. Но многие считают, что от анализа этого вопроса отказываться нельзя, по крайней мере, потому, что действительные заботы людей отражают невежество и предрассудки. Конечно, мораль предлагает нам проявлять подчинение нормам и жертвенность как совершенно законные требования. Но действительно ли у нас есть причины и основания проявлять подчинение и верность норме и самопожертвование, когда от нас этого требуют?»³⁴.

У Гоббса, как указывает Сайер-Маккорд³⁵, можно найти ответ на вопрос о том, почему у нас есть какие-то фундаментальные причины неморального свойства, которые заставляют нас подчиняться норме и жертвовать собой. Мы должны защищаться от несправедливости, жестокости, угнетения и насилия. Поскольку все члены данного сообщества соглашаются жить в соответствии с принятой и построенной на общественном договоре моралью, у нас существует мощное практическое (хотя и лежащее вне нравственности) основание для того, чтобы быть вер-

ными и подчиняться общепринятой морали, несмотря на необходимость жертвенности с нашей стороны.

В рамках определенных границ такая мораль может быть полезной как практический совет, но она имеет серьезные ограничения. В тех странах, где демократия допускает максимальное влияние контрактного подхода на мораль, распространены случаи обмана, лжи, несправедливости по отношению к отдельным людям, коррупция в сфере бизнеса, нарушения налогового режима, организованная преступность, насилие над детьми и т. п. Поскольку те, кто совершает подобные преступления, часто оказываются безнаказанными, мораль, основанная на договоре, не обладает никакими механизмами, которые бы регулировали их подчинение моральным нормам. Они не признают никаких требований долга.

Что можно сказать, когда большинство представителей нации, основываясь на едином моральном решении, заключает договор о преследовании меньшинства, как это произошло в Руанде, когда этническая группа хуту ввела политику геноцида по отношению к этническому меньшинству, или когда в Албании вера в Бога считалась преступлением, за которое полагалась высшая мера наказания — смертная казнь?

Если за нравственными законами не стоит Бог и страшный Суд, то мораль не имеет высшего авторитета. Что же касается морали, основанной на договоре, на предпосылке о том, что Бога не существует, и тем самым опирающейся на собственные нравственные способности и ресурсы человечества, то эта мораль, несмотря на все свои прекрасные идеалы, оказывается иллюзией.

III. УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ОБЪЕКТИВНЫЕ НАВРСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ И ЗАКОНЫ ОСНОВЫВАЮТСЯ НА ХАРАКТЕРЕ И ВОЛЕ БОГА. ОНИ ЯВЛЕНЫ НАМ В ПРИРОДЕ И В СЛОВЕ БОЖЬЕМ

Эту точку зрения можно было бы назвать «теорией морали, основанной на власти Бога». Согласно этой теории, наш долг — соблюдать нравственный Закон, основанный на том факте, что Бог является нашим Творцом.

Ее логика проста: у нас не было бы ни жизни, ни окружающего мира, если бы Бог не создал наш мир и нас самих. Даже если вы отвергнете идею Бога, все равно утверждение о том, что мы не создали самих себя, не говоря уже о Вселенной, останется неоспоримым. Но в этом случае мы полагаем творящим началом безличностные силы и поэтому не можем найти никаких убедительных причин, почему мы, будучи личностями, стоящими в силу самой своей природы выше лишенных личностного начала сил, должны иметь какой-то высший долг подчиняться им или любой социальной системе, созданной нашими же собратьями.

Обязательным следствием «теории морали, основанной на власти Бога», является то, что не подчиняться нашему Творцу и Его законам — значит, обрекать себя на жизнь в нереальном мире, наполненном несчастьями и трагедиями. Можно объяснить, почему эта теория так часто подвергалась нападкам. Человеческое мышление нередко перегружено эмоциями и индивидуальным восприятием. В сознании некоторых людей эта теория вызывает идею всемогущего тирана с его дремлющим оком, который грубо ограничивает человеческую свободу. Таковые выстраивают против этой теории возражения морального порядка. Они утверждают: действие, вызванное страхом перед Богом или надеждой получить Божье воздаяние, приводит к разрушению бескорыстной мотивации, необходимой для подлинной нравственности³⁶. Но наиболее фундаментальным и наиболее часто используемым философским аргументом против обсуждаемой теории является так называемая проблема Евтифрона.

ПРОБЛЕМА ЕВТИФРОНА

Название восходит к диалогу Платона «Евтифрон», в котором, насколько известно, эта проблема была предложена впервые. Евтифрон обсуждает с Сократом природу благочестия, или, иначе говоря, святости (*holiness*). На некотором этапе дискуссии благочестие определяется как то, что «любят все боги»³⁷. А затем Сократ спрашивает его: «...Благочестие любимо богами потому, что

оно благочестиво, или оно благочестиво потому, что его любят боги?»³⁸

И поныне, когда речь идет о том, *что именно* Бог определяет как нравственность, люди вопрошают: Бог предписывает что-то, потому что оно нравственно, или оно становится нравственным потому, что Бог это предписывает?

Если Бог это предписывает, потому что оно (благо) хорошо, рассуждают некоторые, тогда должно существовать благо, не зависимое от повелений Бога. А это будет означать, что «благочестие» — это норма, которой Бог тоже должен следовать. А это, в свою очередь, означает, что существует нечто выше Бога, так что Бог не является высшим авторитетом.

Таким образом, если нечто становится нравственным просто потому, что так предписано Богом, значит, Бог может предписывать вообще любое поведение (хорошее, плохое или совершенно возмутительное), и это должно быть хорошо только потому, что оно соответствует произвольному повелению Бога. То есть делается вывод, что Бог не лучше любого из худших диктаторов.

Далее этот вывод приводит к такому суждению: даже если Бог существует, Он не может быть высшим моральным авторитетом, и нравственность могла бы быть всецело автономной.

Но это рассуждение неверно и вытекает из нашей неспособности понять, что мы имеем дело как с Божьими волей и Заповедями, с одной стороны, так и с сущностью Бога — с другой. Рассмотрим одно из наиболее важных предписаний Бога: «...будьте святы, ибо Я свят» (Левит 11:44,45; 19:2; 20:7; 1Петр.1:16). Это предписание требует от нас быть святыми, или, иначе говоря, благочестивыми, но оно не является произвольным повелением бессовестного тирана; оно основывается на природе Самого Бога: «Я свят», — говорит Он. В то же время оно не основывается и на некоей норме, которая является внешней и более высокоавторитетной по отношению к Богу. Сам Бог в Своем бытии — абсолютная сумма и совершенство святости. Он, например, не может лгать или быть неверным, потому что не может от-

рицать Самого Себя (см. 2Тим.2:13; Тит.1:2). Бог не может действовать «вопреки Самому Себе» или предписывать то, что несовместимо с Его природой.

Это означает, что долг следовать нравственному закону налагается на нас не силами природы, не нашими собратьями и не сводом безличных принципов, а личностным Богом, сострадательным и милостивым.

ЕЩЕ ОДНА ПРОБЛЕМА

Помимо проблемы Евтифрона, человечество задумывается еще над одной существенной сложностью, о которой мы уже говорили. Эту сложность безуспешно пыталась преодолеть теория общественного договора. Сторонники указанной теории ставили перед собой задачи, во-первых, устранить угрозу человеческой свободе, и этой угрозой якобы является для нас Всемогуший Бог, предписывающий нам соблюдать Свой моральный Закон; во-вторых, преодолеть страх человека, опасаясь, что он не способен (не говоря о том, что не готов) соблюсти этот Закон, в то время как его нарушения повлекут за собой страшные последствия.

Поэтому в настоящем контексте целесообразно обозначить два аспекта того, как, согласно Библии, Бог дает людям Свой Закон.

1. Десять Заповедей и Ветхий Завет (Исх.19:1-8; 20:1-24; 24:1-11)

Когда Бог дал людям Десять Заповедей, Он сначала освободил их от политического, экономического и социального рабства и тем снискал их благодарность. Затем Он предложил им в знак их свободного и благодарного принятия Его Закона заключить с Ним соглашение (Завет), согласно которому они стали бы Его людьми, обязанными соблюдать Его постановления. Закон предусматривал достаточно свободные условия прощения в случае нарушения этого Закона.

2. Новый Завет. Законы Божьи написаны в сердцах людей (Луки 22:20; Евр.8:6-12; 10:14-18; 2Кор.3:2-18).

Новый Завет с Христом, который человек может свободно принять, основан на Его смерти за грехи мира. Посредством этого Завета могут быть преодолены горь-

кие чувства обиды и страха и достигнуто примирение с Богом. Бог обеспечивает не только полное прощение, но и действие Святого Духа в сердцах людей, придавая тому, кто добровольно вступает в Завет, новые силы, необходимые, чтобы учиться постигать, любить Его законы и соблюдать их.

Эти соображения позволяют сделать вывод: опасения относительно того, что Бог, стоящий за моральным Законом, может угнетать человека как бессердечный тиран, лишены каких-либо оснований.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Почему любая теория морали должна обеспечивать обоснование причин, по которым мы должны соблюдать моральный закон?

2. Чем объяснить правило древних (и некоторых современных) народов призывать в свидетели своих утверждений, обещаний и соглашений Бога или богов?

3. В чем заключается смысл договора в концепции Сократа?

4. Как применялась политическая теория договора в XVI–XVII вв.?

5. В чем состоит различие между применением контрактной теории у Гоббса и Руссо?

6. Каковы особенности современной теории общественного договора? Что является движущей силой ее развития?

7. Охарактеризуйте положительные стороны теории морали, основанной на идее общественного договора.

8. В чем ее недостатки?

9. Раскройте смысл теории морали, основанной на власти Бога? Каковы ее основания и следствия?

10. Объясните, как вы поняли проблему Евтифрона. Можно ли найти удовлетворительный способ разрешения этой проблемы?

11. В чем состоял Ветхий (то есть старый) Завет (договор)? Каковы были его предпосылки? (См. Исход 19:1-6). В чем сущность его условий?

12. Что, согласно Новому Завету, Христос предлагает сделать для нас?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Liberty or Community?: Defining the Post-Marxist Agenda // Introducing Applied Ethics / Ed. by Brenda Almond. Oxford: Blackwell, 1995. P. 249 and 256.

² Лосский Н.О. История русской философии. М.: Высшая школа, 1991. С. 515 – 516.

- ³ О древнем враче Гиппократе (460-377 до н. э.) практически ничего не известно. Ему приписывают целый ряд древнегреческих медицинских трактатов. Маловероятно, что текст клятвы сочинил именно он, но вполне возможно, что он сформулировал некоторые ее принципы. Отдельные фрагменты этой клятвы до сих пор используются в медицинских учебных заведениях.
- ⁴ *Chamberlain P.* Can We be Good Without God? Downers Grove. Illinois: Inter Varsity Press, 1996. P. 50 – 51.
- ⁵ *Mabbott J. D.* An Introduction to Ethics. L.: Hutchinson University Library. 1966. P. 101.
- ⁶ Обычай был запрещен в 1829 г. – *Прим. перев.*
- ⁷ *Fish S.* There's No Such Thing as Free Speech, and It's a Good Thing Too. New York: Oxford University Press, 1994. P. 4.
- ⁸ *Ibid.* P. VIII.
- ⁹ Разумеется, в семейном бизнесе хозяин обладает полным правом делать назначения по своему желанию и на основе родственных связей.
- ¹⁰ *Lewis C. S.* The Abolition of Man. Collins: Fount Paperbacks, 1978. P. 49 – 59.
- ¹¹ Поэзия и проза Древнего Востока / Под ред. И. Брагинского. М.: Худ. лит., 1973. С. 71 – 72.
- ¹² *Геродот.* История: В 9 кн. Л.: Наука, 1972. Кн. 3. 38. С. 150.
- ¹³ В связи с этим можно также привести в качестве примера действия Антигоны, героини известной трагедии Софокла. Она считала, что «неписанные законы» Небес требовали, чтобы ее брат был похоронен, хотя государство запрещало его хоронить на том основании, что он был предателем.
- ¹⁴ Более полный анализ данного вопроса см.: Д.Гудинг, Дж.Леннокс "Человек и его мировоззрение". [Т.1]. Гл. 11.
- ¹⁵ *Provine W. B.* Scientists, Face it! Science and Religion are Incompatible // The Scientist. 1988. September 5. P. 10.
- ¹⁶ *Palmer A.* Must Knowledge Gained Mean Paradise Lost? // Sunday Telegraph. 1997. 6 April.
- ¹⁷ *Дарвин Ч.* Происхождение человека и половой отбор // Дарвин Ч. Сочинения: В 5 т. М., 1953. Т. 5. С. 266.
- ¹⁸ *Darwin Ch.* Letter to W. Graham. July 3 // Life and Letters. I. 1881. P. 316.
- ¹⁹ Evolution and Ethics // New Scientist. 1985. Vol. 108. October 17. P. 51 – 52.
- ²⁰ *Докинз Р.* Эгоистичный ген. М.: Мир, 1993. С. 186.
- ²¹ *Rose St.* Lifelines – Biology, Freedom, Determinism. London: Penguin, 1997. P. 276.
- ²² *Ibid.* P. 279.
- ²³ *Rachels J.* Naturalism // The Blackwell Guide to Ethical Theory / Ed. by Hugh LaFollette. Malden, Massachusetts, USA; Oxford, UK: Blackwell, 2000. Ch. 4.
- ²⁴ Когда этот физиологический процесс нарушается, например, в результате послеродовой депрессии, природное материнское чувство может быть подавленным.
- ²⁵ *Levin M.* Why Homosexuality Is Abnormal // Ethics in Practice / Ed. by Hugh LaFollette. Oxford: Blackwell, 2002. P. 233.
- ²⁶ *Ibid.* P. 234.
- ²⁷ См.: *Юм Д.* Трактат о человеческой природе, или попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам // Юм Д. Сочинения: В 2 т. М., 1966. Т. 1. С. 618.
- ²⁸ *Rachels J.* Op. cit. P. 75.

²⁹ Ibid. P. 78.

³⁰ Известным представителем этой позиции является Т. Добржанский, один из ведущих специалистов в современной биологической теории эволюции. См. его статью: *Dobzhansky Th. Chance and Creativity in Evolution // Studies in the Philosophy of Biology: (Reduction and Related Problems) / Ed. by F. A. Ayala and Th. Dobzhansky. Berkeley, 1974. P. 307 – 336.*

³¹ В настоящем переводе термина «*contractarianism*», употребляемого авторами данной книги в оригинале, используется как традиционный термин «общественный договор», так и калькированный термин «социальный контракт». В данном случае следуем распространенной практике дублирования понятий. Сравните «общественное – частное» и «публичное – приватное», «специалист по связям с общественностью – пиарщик, или специалист по пиару». – *Прим. перев.*

³² Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 152.

³³ *Sayre-McCord G. Contractarianism // Ethics in Practice / Ed. by Hugh LaFollette Oxford: Blackwell, 2002. P. 254.*

³⁴ Ibid. P. 259.

³⁵ Ibid. P. 260.

³⁶ Более подробно см.: Д.Гудинг, Дж.Леннокс «Человек и его мировоззрение». [Т.1]. Гл. 11. 6.6.

³⁷ Платон. Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. 9с-2.

³⁸ Там же. 10а-3-5.

Краткая характеристика некоторых современных этических систем

ВВЕДЕНИЕ

Начнем с рассмотрения четырех групп вопросов, к которым следует обратиться при анализе любой этической системы.

1. Каков статус и основания данной этической системы? К какому авторитету она апеллирует?

2. Какова ее конечная цель? Каков общий принцип или каковы принципы она полагает для достижения этой цели?

3. Какие конкретные правила устанавливаются в этой этической системе для регулирования поступков человека в его обычной каждодневной жизни?

4. Какие рекомендации дает данная теория для приложения ее общих принципов или специфических правил в реальных сложных жизненных ситуациях?

Мы, разумеется, не будем втискивать каждую этическую систему в рамки четырех обозначенных выше групп (или уровней осмысления), ведь не всякая этическая теория отвечает на все эти вопросы. В некоторых теориях отсутствует позиция 2, то есть не указывается конечная цель, отличная от общей установки относительно нравственного поведения. В других теориях не проводится различие между общими принципами (позиция 2) и конкретными правилами (позиция 3). В иных не различаются конкретные правила (позиция 3) и рекомендации, необходимые в определенных жизненных ситуациях (позиция 4). Но если будем иметь в виду все четыре группы (или уровни осмысления) в этических теориях, это поможет нам объективно рассмотреть любую интересующую нас этическую систему. Можем, по крайней мере, попытаться при сопоставлении разных этических теорий оставаться на одной позиции, то есть

сравнивать уровень одной теории с соответствующим уровнем другой и не допускать их смешения.

На сей раз начнем с библейской этической системы, которая в течение нескольких веков оставалась основной, если не единственной этической системой Европы.

А

Христианская этика

1. СТАТУС, ОСНОВАНИЯ И АВТОРИТЕТ ХРИСТИАНСКОЙ ЭТИКИ

В предыдущей главе мы убедились в том, что библейская этика основывается на характере и воле Бога. В Нем же заключен и ее авторитет. Более того, нравственный Закон в библейской этике не является множеством безличных правил и норм: это воля Троиединого Творца. Таким образом, послушание человека, в конечном итоге, — это не только вопрос подчинения Закону, но и послушания перед Личностью.

Природа может служить указанием на наш нравственный долг, но *Авторитет*, стоящий за природой, призывает нас жить в гармонии не только с законами самой природы, но и в гармонии с Творцом природы. Творение (в первоизданном виде, еще не искаженном падением человека и его отчуждением) — это Божьи разум и мироустройство (*design*), выраженные и приведенные в действие Божественным Логосом, Вторым Лицом Божественной Троицы. А Божьи разум и характер были далее выражены через Боговдохновенное Священное Писание и, кроме того, — через воплощение, жизнь, учение, смерть, погребение, Воскресение и Вознесение воплощенного Логоса.

Библейская истина о том, что мужчины и женщины были сотворены по образу и подобию Божьему, означает, что мы тоже являемся личностями; мы способны поддерживать личные отношения не только друг с другом, но и с нашим личным Творцом в тех рамках, которые Он очертил нам в Своих Заповедях.

Более того, Закон Божий выражен не только в форме высказываний. В воплощенном Богочеловеке, Иисусе, Сыне Божьем, он был явлен через человеческую жизнь. Закон не остался просто теоретико-этической системой. Авторитет этого проявления был подтвержден тем, что Христос восстал из мертвых.

И, наконец, последняя авторитетная оценка нравственности людей будет осуществляться не Богом-Отцом, а тем же совершенным проявлением Закона Божьего, последним Судьей — Иисусом Христом, Человеком, Который одновременно является Богом (см. Иоан.5:22,23).

2. ВЫСШАЯ ЦЕЛЬ И ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ХРИСТИАНСКОЙ ЭТИКИ

а) *Высшая цель*

Прославление Христа

Вот что говорится в Евангелии: «...все делайте в славу Божию» (1Кор.10:31); «...все из Него, Им и к Нему. Ему слава во веки. Аминь» (Римл.11:36). И еще: «Смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной. Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних, и всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца» (Филп.2:8-11).

Нравственное совершенствование верующих во Христе

«...любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного... <...> Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Матф.5:44,45,48). Христос наказывает нас «для пользы, чтобы нам иметь участие в святости Его» (Евр.2:10).

Окончательное прославление верующих во Христе

«...кого Он предузнал, тем и предопределил быть подобными образу Сына Своего, дабы Он был

первородным между многими братьями. А кого Он предопределил, тех и призвал, а кого призвал, тех и оправдал; а кого оправдал, тех и прославил» (Римл.8:29,30).

«...Мы теперь дети Божии; но еще не открылось, что́ будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть. И всякий, имеющий сию надежду на Него, очищает себя, так как Он чист» (1Иоан.3:2,3).

Из этих и многих других подобных новозаветных текстов становится очевидным, что христианская этика включает в себе не только правила, которые обеспечивают нормальные отношения между людьми, хотя эти правила и занимают в ней большое место. Среди специальных понятий Нового Завета, таких как спасение, искупление, оправдание и т.п., этика составляет часть того, что называется освящением. Это неотъемлемая часть цели творения, искупления и, наконец, прославления природы и человечества, осваивающего окружающую природу как среду обитания.

б) Общие принципы христианской этики

«...и люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всеми силами твоими» (Втор.6:5). «...сия есть первая и наибольшая заповедь» (Матф.22:38). Во второй заповеди записано: «...люби ближнего твоего, как самого себя» (Левит 19:18). «...на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Матф.22:40). «Любовь не делает ближнему зла; итак любовь есть исполнение закона» (Римл.13:10).

Другими словами, эти две заповеди: «Люби Господа своего» и «Люби ближнего своего» — общие этические принципы, которые должны быть положены в основание поступков человека (позиция 3) и его практических решений (позиция 4) и определять их мотивацию.

Или возьмем еще одно краткое изложение общих принципов библейской этики:

«О, человек! Сказано тебе, что́ — добро, и чего требует от тебя Господь: действовать справедливо,

любить дела милосердия и смиренномудренно ходить пред Богом твоим» (Мих.6:8).

При любых жизненных обстоятельствах справедливость и любовь, а также осознание того, что живешь и ходишь перед Богом, являются абсолютно необходимыми. Без любви справедливость становится бессердечной и формальной. Без познания Бога мы упускаем из виду главную цель этики, которая заключается в том, чтобы угодить Богу и прославлять Его, и, кроме того, утрачиваем ограничитель, мешающий нам совершать зло.

Вспомним ветхозаветную историю об Иосифе, которого искушала жена его хозяина Потифара. На ее попытки соблазнить его Иосиф ответил: «...как же сделаю я сие великое зло и согрешу пред Богом?» (Быт.39:9).

К приведенным выше принципам Новый Завет добавляет еще один, характерный для христианства. Это — осознанное на рациональном уровне чувство долга жить во Имя Христа в знак благодарности за личное спасение, обретенное самопожертвованием Христа:

«Ибо любовь Христова объемлет нас, рассуждающих так: если один умер за всех, то все умерли. А Христос за всех умер, чтобы живущие уже не для себя жили, но для умершего за них и воскресшего» (2Кор.5:14,15).

Именно это означает древнюю христианскую мудрость: «В христианстве спасение — это милость, этика — это благодарность».

3. КОНКРЕТНЫЕ ПРАВИЛА РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОСТУПКОВ ЧЕЛОВЕКА

Ветхий Завет

Десять Заповедей, которые Бог дал народу Израиля на горе Синай, касаются следующих сфер человеческих действий.

Отношение человека к Богу:

1) запрет на поклонение другим богам (при этом надо иметь в виду, что идолы не обязательно бывают деревянными, каменными или металлическими. Они также

могут существовать в сознании человека, то есть понятия и идеи тоже могут превращаться в идолов);

2) запрет на поклонение изображениям и почитание их;

3) запрет на использование Имени Бога в обыденных обстоятельствах и при произнесении ложной клятвы.

Отношение человека к своей работе:

4) предписание соблюдать субботу, то есть использовать один день в неделю для физического, эмоционального и психологического отдыха и, в то же время, — для размышлений о Творце.

Отношение человека к родителям:

5) предписание почитать родителей, причем не только формально, но и фактически, поддерживая их в старости, тем самым утверждая святость процесса передачи жизни от одного поколения к другому.

Отношение человека к обществу:

6) святость жизни, запрет на убийство;

7) святость брака, запрет на супружескую измену;

8) уважение к собственности и запрет на воровство;

9) святость истины и запрет на ложное свидетельство.

Отношение человека к своим мыслям, желаниям, вожделениям и искушениям:

10) запрет, который относится не просто к присвоению чужой собственности, но и к желанию чужой собственности, то есть запрет на внутренние желания человека, которые могут спровоцировать действия против чужой собственности (Левит 19 глава).

Из приведенного списка очевидно, что Десять Заповедей — это конкретные правила. Но столь же очевидно и то, что они не могут быть исчерпывающим списком норм на все случаи жизни. Поэтому в следующих трех главах Ветхого Завета и во многих других книгах Библии даны подробные рекомендации и правила, относящиеся к более частным ситуациям; эти рекомендации показывают, как применять общие правила Десяти Заповедей к разным жизненным ситуациям. Например, шестая заповедь, которая запрещает убийство, сопровождается подробными инструкциями, как следует связывать эту заповедь с исключительными ситуациями,

как-то: смертной казни, случайного непреднамеренного убийства или убийства в целях самообороны. Более того, в книге Притчей Соломоновых содержится немало практических советов, которые не связаны ни с какими общими законами и должны применяться там, где кажутся уместными.

Таким образом, Десять Заповедей не предназначены для того, чтобы быть подробными и исчерпывающими правилами. Значение Заповедей состоит в описании основных жизненных ценностей и их святости. И это не пустое дело. Существуют ценности, на которые следует ориентироваться в разных сферах жизни и деятельности. Когда вы испытываете большие сложности в своей жизни и нужно справиться с неразрешимыми ситуациями, очень легко отказаться от базовых ценностей и пойти на компромисс. Так, если человек пытается выжить в условиях жесткого соревнования в мире бизнеса, ему несложно отнестись к истине как к чему-то относительному и пойти, например, на подделку документов. Когда не ограниченное моральными нормами сексуальное поведение становится распространенным явлением, очень легко утратить чувство святости передачи жизни от одного поколения к другому. Когда жизнь тяжела или, наоборот, полна успеха и богатства, очень легко отказаться от высшей ценности: каждодневного духовного общения с Творцом. Поэтому понятно: библейская этика должна уделять особое внимание тому, что можно назвать «частными» правилами, направленными на сохранение непреходящих ценностей и святости жизни.

Новый Завет

Формулировки христианской этики пронизывают весь текст Нового Завета. Это связано с тем, что Новый Завет не является системным изложением теологии, где один раздел посвящен, например, Богу-Отцу, другой — Христу, третий — Церкви, а четвертый — этике. В теологии Нового Завета христология, сотериология, этика, отдельные рассказы и притчи переплетены между собой так же, как это происходит в нашем мышлении и жизни. Теория и практика всегда должны идти вместе.

Поэтому во всем Новом Завете встречаются отрывки, в которых содержатся этические нормы, например, Нагорная проповедь (Матф.5-7 главы), или перечисляются заповеди, связанные с жизнью в семье, на работе и в обществе в целом.

Имеет смысл специально упомянуть следующие особенности христианской этики, трактуемые в Новом Завете.

Цель христианской этики – выполнение Закона Божьего. В Новом Завете подчеркивается, что спасение нельзя заслужить путем соблюдения Закона Божьего, оно дается исключительно Божьей милостью как дар. Тем не менее здесь говорится, что цель спасения – укрепление каждого христианина в Божьем Духе. Поскольку «закон, ослабленный плотью, был бессилён, то Бог послал Сына Своего в подобии плоти греховной в жертву за грех и осудил грех во плоти, чтобы оправдание закона исполнилось в нас, живущих не по плоти, но по духу» (Римл.8:3,4; ср. Гал.5:16-25).

Этические требования Христа выше справедливости в общепринятом смысле этого понятия. «Вы слышали, что сказано: "люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего". А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклиняющих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного; ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Матф.5:43-45). Из этого этического требования Христа вытекает, что христианство автоматически исключает преследование на религиозной почве.

Один из этических принципов Христа предполагает личный опыт спасения и принадлежность Телу Христову, что порождает новые побуждения и основания человеческой деятельности. «Посему, отвергнувши ложь, говорите истину каждый ближнему своему, потому что мы члены друг другу» (Ефес.4:25). «Итак облекитесь... в милосердие, благодать, смирennemудрие,

кротость, долготерпение, снисходя друг другу и прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу: как Христос простил вас, так и вы» (Колос.3:12,13).

Человек в реальных сложных жизненных ситуациях должен руководствоваться принципами христианской этики.

Более подробно будем говорить об этом в следующей главе. А сейчас рассмотрим, что надо делать христианам, когда, сталкиваясь с какой-то сложной ситуацией, они не находят в Библии ясных исчерпывающих указаний относительно принятия решения. Как в таком случае следует действовать и где искать моральное руководство:

а) в созданной Богом природе. «Не сама ли природа учит вас...?» — спрашивает Апостол Павел (1Кор.11:14). Библия отнюдь не говорит, что только те люди, которые знают Библию и верят в нее, стремятся жить нравственной жизнью. На самом деле, в Библии утверждается, что люди достаточно часто, действуя в соответствии с природой, познают предписания Творца, поскольку Он заложил Свой Закон в их сердца (Римл.2:14,15), и они действуют так, как подсказывает им совесть. Именно поэтому христиане готовы объединиться с людьми других вероисповеданий и даже с неверующими, озабоченными состоянием окружающей среды и связанными с этим проблемами медицины, сельского хозяйства, образования, борьбы с голодом, бедностью, глобальным потеплением и проч. Христиане интуитивно понимают, какие процессы и действия противоречат естественному ходу дел;

б) в традиционной культуре, если она предлагает правильные способы жизни (1Кор.10:31-33);

в) в коллективном сознании христианской общины, когда это сознание подлинно христианское (1Кор.10:32,33);

г) в водительстве Духа Святого (Римл.8:14,15), обитающего в душе человека;

д) в молитве (Деян.13:1-13);

е) в коллективном опыте Божьих людей (Евр.11 глава).

Кроме этого, в христианской этике заложен еще один принцип, который помогает понять, почему в Библии не

содержится бесчисленное множество подробных правил на все случаи жизни. Бог не хочет, чтобы люди были нравственно инфантильными. Он желает, чтобы христиане учились брать на себя ответственность в принятии решений, помня при этом, что в один прекрасный день каждый из них должен будет предстать перед Христом и отчитаться за принятое решение. И придется сказать Ему: я не знаю, правильно мое решение или неправильно, но я принял его, ибо искренне думал, что оно соответствует Твоей воле. Практическое приобретение способности свободного принятия решения, подчиненного желанию угодить Господу, составляет секрет развития подлинно христианского характера, а также и сердце христианской этики.

Приведем отрывок из Библии, который является иногда предметом разногласий среди самих христиан. «Иной отличает день от дня, а другой судит о всяком дне *равно*. Всякий поступай по удостоверению своего ума. Кто различает дни, для Господа различает; и кто не различает дней, для Господа не различает. Кто ест, для Господа ест, ибо благодарит Бога; и кто не ест, для Господа не ест, и благодарит Бога. Ибо никто из нас не живет для себя и никто не умирает для себя, а живем ли — для Господа живем, умираем ли — для Господа умираем. И потому, живем ли, или умираем, — *всегда* Господни. Ибо Христос для того и умер, и воскрес, и ожил, чтобы владычествовать и над мертвыми и над живыми. А ты что́ осуждаешь брата твоего? Или и ты, что́ унижаешь брата твоего? Все мы предстанем на суд Христов. Ибо написано: «живу Я, говорит Господь, предо Мною преклонится всякое колено, и всякий язык будет исповедывать Бога». Итак каждый из нас за себя даст отчет Богу» (Римл.14:5-12).

Возражения против принципов христианской этики

Возражения против христианской этики многочисленны. Приведем примеры.

1. Христианская этика исходит из предпосылки, что Бог существует. Однако эта предпосылка не доказана. Для тех, кто в Бога не верит, ее основания и авторитет являются произвольными и неубедительными.

2. Если человеческие существа подчиняются моральному кодексу, навязанному им каким-то божеством, они превращаются в рабов. Поскольку они подчиняются правилам под действием страха, это уничтожает нравственный характер их поведения.

3. На основании анализа так называемой проблемы Евтифрона (см. главу 1 данной книги) доказывается: логически невозможно прийти к выводу, что Бог создал моральный Закон. Нравственное чувство человека должно быть независимым.

Многие серьезные философы утверждают, что можно построить удовлетворительную этическую теорию безотносительно к Богу. В следующих главах книги рассмотрим некоторые из концепций более подробно.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. На чем основывается христианская этика и к какому авторитету апеллирует?

2. Как трактуется в христианской этике природа?

3. Каков смысл христианского представления о том, что подчиняться моральному Закону – значит, в конечном итоге, повиноваться Личности? Почему христиане считают, что это так важно?

4. Из каких источников христиане черпают знание о моральном Законе?

5. Назовите и объясните четыре основные цели христианской этики.

6. Какие основные четыре принципа положены в основу христианского поведения и составляют его мотивацию?

7. К каким сферам человеческой деятельности относятся Десять Заповедей?

8. Какое отношение учение Нового Завета к ветхозаветным Десяти Заповедям (Декалогу)? Какую роль они играют в Новом Завете?

9. Каков смысл утверждения о том, что христианская этика предполагает личный опыт спасения?

10. Приведите примеры, иллюстрирующие тезис: «Этические требования Христа выше, чем обычные представления о справедливости».

11. Почему нравственное поведение должно опираться как на справедливость, так и на любовь?

12. Откуда можно черпать представления о нравственном поведении, если в самой Библии не дано ясных указаний, как действовать в той или иной ситуации?

13. Приведите примеры возражений против христианской этики. Насколько они, с вашей точки зрения, разумны?

Б

Деятельностный утилитаризм (act-utilitarianism)

Утилитаризм существует в разных формах. До сих пор известен его исходный вариант, разработанный английским философом Иеремией Бентамом (1748-1832). Это так называемый деятельностный утилитаризм (*act-utilitarianism*), в отличие от его измененного варианта, который называется регулятивным утилитаризмом (*rule utilitarianism*). Все формы утилитаризма — это виды консеквенциализма. Ниже раскроем смысл названий этих направлений. Но прежде чем объяснять значение разновидностей утилитаризма, остановимся на его исходной форме.

Работа, в которой Бентам впервые изложил свою теорию, называется «Введение в основания нравственности и законодательства» (1789). Как следует из названия, его теория первоначально касалась этики политических, социальных, экономических и правовых систем, наряду с личной этикой, или нравственностью. Мы должны постоянно иметь это в виду. Ведь этика частной жизни человека, проявляющаяся в его индивидуальной заботе о семье и близких родственниках, может отличаться от беспристрастной заботы, которую должно проявлять правительство по отношению ко всем своим гражданам. Таким образом, критикуя теорию Бентама, мы должны иметь в виду различия практического применения этических теорий.

Утилитаризм остается интересным и для наших современников, поскольку его подходы проникают в этические теории, которые по своей природе не являются утилитаристскими. Так, небольшая книга «Утилитаризм: “за” и “против”», в которой Дж. Смарт приводит аргу-

менты в пользу утилитаристской теории, а Бернард Уильямс — против нее, с 1973 по 1998 гг. выдержала 16 изданий¹. Популярность этой книги отчасти обусловлена тем фактом, что многие экономисты предпринимали попытки применить принципы Бентама к экономической теории и практике. Современную оценку утилитаризма в контексте экономических дискуссий можно найти в книге «Утилитаризм и за его пределами», изданную под редакцией лауреата Нобелевской премии Амартия Сена в сотрудничестве с Бернардом Уильямсом². В целом, подход авторов этой книги к утилитаризму критический.

Общая оценка деятельностного утилитаризма

1.	Статус, основания и авторитет утилитаризма	Природа и человеческая психология
2.	а. Цель б. Общий принцип	Удовольствие или счастье Всегда стремиться достичь наибольшего удовольствия для наибольшего числа людей
3.	Конкретное правило	Действие ³ человека нравственно, если оно приводит к наибольшему удовольствию, и не является нравственным, если приносит больше страданий, чем удовольствия
4.	Рекомендации для конкретных случаев	При количественном учете и в конкретных случаях распределения удовольствия, произведенного конкретным действием, каждый должен считаться за одного и не более чем за одного. При учете удовольствия, произведенного данным действием, человек, учитывающий это удовольствие, должен оставаться совершенно беспристрастным.

АНАЛИЗ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ УТИЛИТАРИЗМА

1. ОСНОВАНИЯ УТИЛИТАРИЗМА

Майкл Слоут описывает основания утилитаризма следующим образом: «Бентам и его последователи отвергают религиозные традиции и социальные условности в пользу трактовки благосостояния человека или сча-

стью как краеугольных камней нравственной оценки любого явления...»⁴.

Сам Бентам говорит: его теория основана на том, что он считает фундаментальным и обязательным элементом психической организации любого человека, а именно — желание достичь удовольствия и счастья и избежать боли и страдания. Он пишет: «Природа поставила человечество под управление двух верховных властителей — страдания и удовольствия. Им одним предоставлено определять, что можем делать, и указывать, что мы должны делать»⁵.

Другими словами, страдание и удовольствие — это не просто факты человеческого опыта, которые нам следует учитывать наряду с другими вещами, чтобы выполнять наш общественный долг по отношению к своим согражданам: действовать справедливо, говорить правду, любить и проч. Страдание и удовольствие — это единственные нравственные ориентиры человечества. Именно они определяют, что мы должны делать, чтобы избежать страданий и достигать удовольствий. Более того, они указывают, в чем состоит суть нравственного долга. Наш моральный долг в том и состоит, чтобы стремиться к счастью и избегать боли. Этот тезис утилитаристов связан с их пониманием жизненных целей.

2. ЦЕЛЬ И ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ УТИЛИТАРИЗМА

Цель жизни в утилитаризме — удовольствие. Другими словами, удовольствие — не только долг, но и высшая цель человека. Это объясняет общий принцип утилитаризма, согласно которому следует стремиться к тому, чтобы совокупное удовольствие для наибольшего числа людей перевешивало страдание.

Природа удовольствия в концепции Бентама

Поскольку Бентам считал удовольствие высшей целью человечества, его можно назвать гедонистом (от греч. *hedonic* — удовольствие). Но, как и у греческих философов-эпикурейцев, которые также считали удовольствие высшим благом, удовольствие, по Бентаму, означает не

сибаритство и растрачивание самого себя в бесконечных удовольствиях, а счастье или благополучие.

В реальной жизни не всегда получается так, что действие приводит только к удовольствию, которого все ожидают. Очень часто поступок человека приводит к смешанному результату: удовольствие может сопровождаться страданием или оно может принести и приносит удовольствие одним и боль другим. Поскольку, согласно утилитаризму, общий принцип состоит в том, чтобы действовать не во имя удовольствия как такового, а во имя наибольшего удовольствия и минимального страдания, то необходима какая-то система для измерения соотношения между удовольствием и страданием, которое производит данное действие. Эта система у Бентама получила название «гедонического исчисления» (*hedonic calculus*)⁶.

Гедоническое исчисление Бентама

Согласно системе Бентама, удовольствие и страдание исчисляются по таким параметрам:

- 1) интенсивность;
- 2) продолжительность;
- 3) несомненность или сомнительность;
- 4) отдаленность или близость;
- 5) способность данного действия порождать состояния и ощущения того же рода, то есть способность данного удовольствия приводить к дальнейшему удовольствию либо способность удовольствия или счастья не порождать дальнейшего страдания;
- 6) способность данного поступка или состояния не порождать ощущения противоположного рода, то есть способность страдания не порождать удовольствия либо способность удовольствия или счастья не порождать страдания;
- 7) масштаб (*extent*), то есть число людей, которых это действие затрагивает.

Размеры определяемого таким образом страдания, которое проистекает из данного действия, затем сопоставляются с размерами удовольствия, проистекающего из того же самого действия. Так определяется, прибавляет ли данное действие страдания или удовольствия.

Понятно, если воспринимать предложенный Бентамом метод исчисления слишком буквально, то есть приравнивать измерение счастья и боли к измерению веса картошки, то это будет слишком большим упрощением его позиции. Очевидно, Бентам имел в виду другое — примерно то же самое, что думает человек, взвешивая «за» и «против» строительства дачи: компенсирует ли удовольствие, которое получит он и его семья, пользуясь этой дачей, все тяготы, связанные со строительными работами и последующим благоустройством участка. Так же рассуждает беременная женщина, думая о том, окупятся ли боль и страдания, которые ей предстоит перенести во время родов, радостями материнства. Все мы время от времени мысленно взвешиваем и сопоставляем подобные вещи.

Бентам разработал гедоническое исчисление ради весьма практических вещей, как видно из того, каким образом он применил свои принципы к политике государства в системе наказания преступников в Англии.

Логическое обоснование наказания у Бентама

С одной стороны, рассуждал Бентам, преступник рассматривает свое преступление как способ максимизации своего удовольствия и минимизации страдания. Если общество будет реагировать на его стремление так, что испытываемое им страдание будет перевешивать удовольствие, то это удержит преступника от совершения новых преступлений. С другой стороны, Бентам считал, что общество не должно причинять преступнику больше боли, чем это необходимо для получения такого благого результата. В Англии во времена Бентама человека могли повесить за кражу свиньи. Бентам считал, что такое наказание является чрезмерным. И на основе своей утилитаристской теории он энергично выступал за реформу системы тюрем.

3. КОНКРЕТНОЕ ПРАВИЛО УТИЛИТАРИЗМА

Моральность поступка (что такое хорошо, а что — плохо) должна оцениваться не на основе нравственности самого действия, а исключительно по его по-

следствиям, то есть по тому, приносит оно удовольствие или страдание.

Это конкретное правило должно применяться к любой сфере деятельности, если необходимо установить, является ли данное действие нравственным или безнравственным. Сам Бентам называл такой подход принципом полезности, или утилитарности (от латинского *utilitas* — полезность).

Бентамовский принцип полезности

«Под принципом полезности, — пишет Бентам, — понимается тот принцип, который одобряет или не одобряет какое бы то ни было действие, смотря по тому, имеет ли оно (как нам кажется) стремление увеличить или уменьшить счастье той стороны, об интересе которой идет речь, или, говоря то же другими словами, содействовать или препятствовать этому счастью»⁷. Именно этот принцип утилитаризма чаще всего подвергался критике, поскольку, согласно ему, если какое-то действие признается большинством людей безнравственным, но предназначено сделать счастливым наибольшее число людей, то такое действие должно считаться нравственным. Другими словами, если достигнутый результат — благо, то не имеет значения, что средства его достижения безнравственны: цель оправдывает средства, а средства при этом следует оценивать не как безнравственные, а как нравственные. Именно поэтому данную форму утилитаризма принято называть деятельностный утилитаризм.

4. ПРИЛОЖЕНИЕ УТИЛИТАРИЗМА К КОНКРЕТНЫМ СИТУАЦИЯМ

При оценке удовольствия или счастья, которые должно породить конкретное действие, каждого адресата действия следует учитывать один, а не более раз («каждый должен считаться за одного и не должен считаться более чем за одного»⁸).

Это правило следует использовать, например, при принятии парламентом законов. Неверно, если парла-

ментский закон обеспечивает одной группе больше счастья или благосостояния по сравнению с другими.

Субъект действия при принятии решения должен быть абсолютно нейтральным и объективным и не должен отдавать предпочтения своим интересам по сравнению с интересами других людей или общества в целом.

Для иллюстрации этого тезиса попробуем обрисовать несколько жизненных ситуаций.

Ситуация 1. Представим себе, что два разных человека в двух разных ситуациях нарушили правила уличного движения, что привело к серьезным авариям. Оба они предстали перед начальником полиции. Как тот должен вести себя? Конечно, мы ожидаем, что по отношению к обоим нарушителям он будет действовать по закону, даже если один из них приходится ему родным братом. Только абсолютная непредвзятость может обеспечить уважение закона и тем самым создать предпосылки благополучия и счастья в обществе. Понятно, что много людей одобряют такой принцип Бентама.

Ситуация 2. Представьте себе, что я работаю электриком в больнице, а моя жена в той же больнице выполняет обязанности медсестры. В одном из помещений больницы, где в это время находятся хирург с мировым именем и моя жена, начинается пожар. У меня есть возможность спасти одного из них. Кого я должен спасать?

Бентам говорит, что безнравственно в подобной ситуации спасать свою жену. Почему? Потому что, принимая решение о том, кого спасать, я должен быть абсолютно объективным и нейтральным. Единственно, чем я должен руководствоваться, — это счастьем и благополучием наибольшего числа людей. Если я спасу хирурга высокой квалификации, он может спасти жизни большего числа людей, чем моя жена. Следовательно, мой долг — оставаясь беспристрастным, спасти жизнь врачу и оставить свою жену погибать в горящем здании.

Анализируя подобную ситуацию, большинство людей сочтет правило Бентама бесчеловечным.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. На основе какой теории психологической организации человека построена концепция Бентама?
2. Что, согласно утилитаризму, составляет главную цель человека и его благо; какой общий принцип, согласно данному учению, может привести к достижению этой цели?
3. В чем состоит бентамовское «гедоническое исчисление»? Для чего оно было разработано?
4. Как Бентам применил свою теорию к вопросу о наказании и реформе тюрем?
5. Какое конкретное этическое правило предложил Бентам для регулирования действий человека?
6. В чем состоит бентамовский «принцип полезности»?
7. Каков смысл термина «деятельностный утилитаризм»?
8. Согласны ли вы с тезисом Бентама, что цель оправдывает средства? Имеет ли значение, что действие, которое в конечном итоге приносит благо, является злом?
9. Что имел в виду Бентам, когда утверждал: мы всегда должны быть беспристрастными при вычислении наибольшего удовольствия для наибольшего числа людей?
10. Подумайте над примером о пожаре в больнице и ответьте, осудили бы вы электрика, если бы он стал спасать свою жену, а не хирурга? Если нет, то скажите, какова разница между электриком, спасающим свою жену, и начальником полиции, проявляющим по отношению к своему брату бульшую снисходительность, чем к другому правонарушителю?

ОБЩАЯ ОЦЕНКА УТИЛИТАРИЗМА. ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В СВЯЗИ С ПРИМЕНЕНИЕМ УТИЛИТАРИСТСКОЙ ЭТИКИ

Утилитаризм, безусловно, обладает некоторыми привлекательными чертами. Одна из них — простота и очевидность его основного принципа: всегда стремиться максимизировать удовольствие и минимизировать страдание для возможно большего числа людей. Любой человек согласится с тем, что стремление предусмотреть последствия действий человека с целью увеличения удовольствия и уменьшения боли — это обычное дело. Более того, стремление максимизировать удовольствие не

только для самого себя, но и для наибольшего числа своих ближних является исключительно похвальным поведением в обществе. Кроме того, оно может заключать в себе героическое самопожертвование. Если единственный способ максимизировать удовольствие для возможно большого числа моих сограждан — это отказаться от собственного удовольствия, взять на себя боль и страдания других, то утилитаристский принцип обязывает меня это сделать. И, наконец, привычка тщательно анализировать результаты своих действий превращает нас в ответственных и предусмотрительных людей.

Однако утилитаризм сталкивается и с серьезными проблемами. Поэтому среди философов много тех, кто категорически отвергает утилитаризм, тогда как его сторонники, не удовлетворенные возможными последствиями, занимаются его постоянным видоизменением. В результате их усилий складываются теории, которые трудно отнести к утилитаристским.

Рассмотрим некоторые сложности, возникающие при попытках применения утилитаризма на практике.

1. Отсутствие единодушия в вопросе о том, какого рода удовольствия мы должны максимизировать

Сначала обратимся к критическим замечаниям Дж. С. Милля (1806-1873). Хотя Милль сам был горячим сторонником утилитаризма, он утверждал, что нужно стремиться не к увеличению количества удовольствия (как говорил Бентам), а к улучшению его качества. Интеллектуальное, эстетическое и духовное удовольствие, убеждал он, является высшим типом удовольствия по сравнению с физическим удовольствием и приносит гораздо больше внутреннего наслаждения. Он говорил, что гораздо «лучше быть недовольным человеком, чем довольной свиньей...»⁹. Таким образом, когда человек стоит перед выбором между телесными и духовными удовольствиями, то следует предпочесть последние первым. Так модифицируется упрощенное представление Бентама о количестве удовольствия.

2. Проблема измерения сравнительной ценности несоизмеримых сущностей

Когда мы стоим перед выбором, какое из двух возможных действий совершить, то должны остановиться на том из них, которое приведет к наибольшему удовольствию. Далее, предположим, что совершенное вами действие дает 5 единиц физического удовольствия, 5 единиц интеллектуального удовольствия, тогда как другое могло бы дать 7 единиц интеллектуального удовольствия и 3 единицы физического удовольствия. Является ли общая сумма удовольствий одинаковой? Дает ли каждая единица интеллектуального удовольствия больше, чем единица физического, как следует из концепции Милля? Ответ, разумеется, будет зависеть от того, кто производит оценку удовольствий, поскольку вкусы и предпочтения разных людей неодинаковы. Если личность принимает решение о своих удовольствиях безотносительно других людей, то ответ очень прост. Но если следует максимизировать удовольствие наибольшего числа людей, то мы сталкиваемся с другой практической проблемой.

3. Кто должен решать, к какого рода удовольствиям следует стремиться?

Субъект действия (то есть тот, кто осуществляет действие) или объект (то есть адресат этого действия)? Согласно теории Бентама, действие следует оценивать как нравственное, если оно приводит к удовольствию, или безнравственное, если оно приводит к страданию. Допустим, что отдельное действие приводит к последствиям, которые субъект оценивает как исключительно приятные, тогда как объект этого действия оценивает их как скучные, неприятные и болезненные. Как принимать такое действие: нравственным или безнравственным? Кто оценивает его результат?

Более того, когда дело доходит до оценки, что следует считать истинным, приемлемым и приятным, то встает вопрос о законности, или легитимности суждения индивида либо группы (скажем группы, относящейся к социальным меньшинствам). Правило Бентама, как мы уже говорили выше, состоит в том, что действие должно способствовать наибольшему удовольствию наибольшего числа людей. Это правило было бы, по-видимому,

соблюдено, если бы государство приняло законодательство, по которому данный акт считается нравственным, если он, например, делает счастливым 80 % всего населения; при том остальные 20 % могут оставаться минимально удовлетворенными или даже огорченными. При такой постановке вопроса нельзя не вспомнить безжалостную политику Гитлера, которая получила поддержку большинства населения страны, но при этом привела к унижению, а затем и искоренению таких социальных меньшинств, как евреи, цыгане и многие другие.

Вполне разумно, когда родители и государство настаивают на том, что все дети должны ходить в школу и получать образование, тогда как многие дети считают, что это занятие не приносит им удовольствия. Родители и государство считают: они знают, что для детей лучше. И хотя учеба кажется детям тяжелой, родители и государство убеждены, что полученные детьми знания в дальнейшей жизни помогут им достичь наибольшего удовольствия и счастья.

Но когда речь идет о самостоятельных взрослых людях, то возникает вопрос, имеют ли отдельные индивиды или социальные меньшинства право настаивать на своих представлениях об удовольствии и счастье, либо они должны следовать общепринятым взглядам и вкусам во имя необходимости достижения наибольшего счастья наибольшего числа людей.

Аргументация Дж. С. Милля

Именно Дж. С. Милль, который настаивал на том, что нужно отдавать предпочтение качеству, а не количеству удовольствия, был поборником прав индивида и социальных меньшинств. Но, несмотря на отличия от концепции Бентама, его концепция остается утилитаристской. Так, Милль утверждал, что права отдельного индивида основываются не на том, что он сотворен Богом по Его образу и подобию, а на том, что эти права даются ему государством. Человек имеет права на ту или иную вещь, считал Милль, если общество берет на себя обязательство защищать его права собственности. Но в связи с этим встают закономерные вопросы: на

чем основывается обязательство государства? Кто или что вменяет такую обязанность государству?

Милль полностью отвечает в духе Бентама: это обязательство должно основываться на «полезности». То есть общество гарантирует и защищает права отдельного человека только потому, что это «полезно», или, как сказал бы в этом случае Бентам, это способствует достижению наибольшего удовольствия в обществе. Мы хорошо знаем, как этот принцип был понят в тоталитарном государстве.

Оставаясь в рамках бентамовской концепции, Милль настаивал на том, что индивид должен быть свободным в следовании собственным целям в сфере личной (частной) жизни. Он утверждал: единственно, ради чего может применяться сила по отношению к другому члену общества, — это предупреждение ущерба, который данный член общества может нанести другим. Только в этом случае оправдано применение силы по отношению к индивиду против его воли. Его собственное благо, физическое или нравственное, не может быть достаточным.

Джон Скорупски пишет по этому поводу: «Милль великолепно защищает этот принцип свободы на двух основаниях: он позволяет индивидам реализовывать свой индивидуальный потенциал так, как они этого хотят; путем освобождения талантов, творческих способностей и динамизма он создает важнейшие условия для нравственного и интеллектуального прогресса. Однако ограниченность бентамовского наследия, несмотря на существенное расширение его теории в концепции Милля, не может не сковывать его мысль. Его защита принципа свободы была бы более сильной, если бы он ослабил (или либерализовал) ее основания, признав множественность человеческих целей и подставив вместо общей полезности родовое понятие общего блага»¹⁰.

4. Проблема предвидения будущего

Бентам утверждает, что нравственность или безнравственность деяния (*act*) зависит от того, приводит ли оно к удовольствию или страданию. Но, конечно, результаты деяния очень часто отличаются от тех, которые ожидал субъект действия. Наряду с положитель-

ными результатами, к которым, по мнению субъекта, должно было привести его действие, возможны и отрицательные побочные эффекты. Иногда за непосредственными позитивными результатами скрывается негативный эффект. Таким образом, встает вопрос: как оценивать действие — по тому нравственному качеству, которое ожидает от него субъект действия, и по непосредственным последствиям этого действия? Или мы должны подождать и сравнить его непосредственные и отдаленные результаты?

Те, которые в 1950-е годы строили атомные реакторы, искренне считали, что несут человечеству благо, и отчасти были правы. Они не могли предвидеть, что атомные реакторы будут служить источниками смертельной опасности, а проблема обработки и хранения атомных отходов окажется практически неразрешимой.

Как же тогда оценивать действия разработчиков и строителей атомных реакторов, если следовать утилитаристской концепции? Какими они были: нравственными или безнравственными? Можно сказать, что намерения этих людей были благими, независимо от того, к каким результатам они привели. Но это серьезно подрывает деятельностный утилитаризм и превращает его в регулятивный (*rule-utilitarianism*). Ведь как только мы допускаем, что должна приниматься во внимание нравственность намерения, стоящего за данным поступком, независимо от того, каков его результат, мы подрываем сами основы деятельностного утилитаризма: нравственность или безнравственность действия должна оцениваться не на основании нравственности самого действия или мотивов совершившего его субъекта, а на основании качества его результатов.

Более того, всем известно, что плохие поступки (*acts*), непосредственно влекущие за собой такие же результаты, иногда в будущем приводят к неожиданно хорошим результатам. Следует ли такие действия рассматривать как благие? Вспомним известную библейскую историю об Иосифе и его братьях (см. Быт.37-50). Братья продали Иосифа в рабство. Но, в конце концов, к их великому удивлению, это оказалось благим делом

для Египта, соседних государств, а также для отца Иосифа и его братьев. Иосиф говорит своим братьям: «..вот, вы умышляли против меня зло; но Бог обратил это в добро, чтобы сделать то, что теперь есть: сохранить жизнь великому числу людей...» (Быт.50:20). Разумеется, в конечном итоге их действие привело к максимизации радости и удовольствия. Но можно ли сделать вывод, что поступок братьев был добродетельным?

Христианская оценка утилитаризма

Если добродетельность поступка должна оцениваться по его результатам, то атеистический утилитаризм взваливает на плечи людей тяжелый груз, который они никогда не смогут понести. Мы все должны отвечать за наши поступки и обязаны проявлять дальновидность, заботу и осторожность. Но мы не можем полностью предвидеть будущее. Это под силу только Богу.

Представим себе, что отец семейства решил вывезти свою семью на природу. Он ведет машину с большой осторожностью. Но вдруг прямо перед его машиной перебегает дорогу ребенок. Водитель делает крутой поворот, чтобы не наехать на ребенка. Машина врезается в телеграфный столб, и жена водителя, которая сидела на пассажирском месте, получает смертельную рану. Если нравственность поступка человека, пожелавшего устроить пикник на природе, оценивать по тому, чем окончилась поездка, то это означает, что он совершил аморальный поступок и должен оставшуюся жизнь мучиться угрызениями совести. Разумеется, любой здравомыслящий человек возразит против такого вывода: намерения главы семейства были благими; он не мог предвидеть аварию, поэтому не виноват в несчастном случае, приведшем к смерти его жены. Не говоря уже о том, что он стремился избежать гибели ребенка. Обвинять его в аморальности было бы совершенно несправедливо.

Или возьмем, к примеру, хирурга, который оперирует с высочайшей осторожностью и намеревается облегчить страдания своего пациента, но в результате какой-то ошибки в ходе операции наносит ему непоправимый вред — и пациент умирает. Вправе ли мы считать, что хирургическая операция была моральным злом?

Дело в том, что мы живем в неопределенном мире. Никто из нас не способен предвидеть плохие результаты, к которым могут привести наши непреднамеренные действия. Если нравственность наших поступков должна оцениваться просто по тому, приводят ли они к удовольствию или к страданию, то любая деятельность будет абсолютно противопоказанной, а ответственность за нее — невыносимой. Любой христианин обладает смелостью, необходимой, чтобы жить активной жизнью. Эта смелость исходит из уверенности, что «любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу» (Римл.8:28). То есть если люди любят Бога, то все, что с ними происходит, способствует высшему и вечному благу.

Справедливости ради надо отметить, что многие современные утилитаристы в данном пункте изменяют исходную концепцию Бентама. Они утверждают, что при оценке нравственности каждого поступка следует принимать во внимание не только результаты и следствия этого поступка, но и много других факторов, включая мотивацию и намерения субъекта действия. Это гораздо честнее и справедливее. Но, как мы уже отметили выше, это подрывает базовый принцип, на котором покоится бентамовский деятельностный утилитаризм.

Модификации исходной утилитаристской концепции

Именно эти практические проблемы привели к тому, что современные сторонники утилитаризма предпринимают попытки его модификации.

Некоторые из них отказываются от бентамовского представления о нравственном действии как о таком, которое должно быть направлено на *наибольшее* удовольствие для *наибольшего* числа людей. Вместо этого упомянутые сторонники предлагают принцип *результативного утилитаризма* (*outcome utilitarianism*). Согласно этой теории, качество любого состояния дел определяется в зависимости от того, насколько общее или среднее благосостояние доступно людям, а также высокоорганизованным животным. Этой точки зрения придерживаются многие экономисты.

Другие мыслители смягчают критерий Милля, связанный с качеством удовольствия, к которому следует стремиться. Они ограниченно, считают благом то, что удовлетворяет желания и стремления людей или делает их счастливыми.

Можно также отметить тенденцию смягчения требования количества блага или удовольствия, которое должно произвести конкретное действие субъекта. Если ради того, чтобы считаться нравственным, человек должен стремиться к максимизации блага для наибольшего числа людей, тогда он должен отдать последнюю корку хлеба и последний грош для спасения огромного числа голодающих в мире людей. Но это расценивается многими утилитаристами, и не только утилитаристами, как неразумное и невозможное требование.

Поэтому вместо такого требования предлагается принцип «умеренного утилитаризма» (*satisficing utilitarianism*). Согласно ему, действие можно счесть добродетельным, если в результате действия удовольствие людей и их благо увеличиваются, при том, что, в принципе, субъект мог произвести гораздо больше блага, если бы захотел. Умеренная природа этого минимального, но обязательного блага оставляет открытой возможность для энтузиаста делать больше и, не ограничиваясь долгом, стремиться ко все большему благу людей.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Какие особенности утилитаристской концепции кажутся вам привлекательными?

2. Дж. С. Милль сказал: «Лучше быть... недовольным Сократом, чем довольным дураком»¹¹. Как это замечание связано с теорией удовольствия Бентама?

3. Каковы проблемы применения бентамовского гедонического исчисления на практике?

4. Кто обязан оценивать, какого рода удовольствия должны присутствовать в жизни: а) семья; б) школа; в) государство?

5. Является ли достаточно справедливой установка на то, чтобы просто максимизировать удовольствие и благо в государстве в целом?

6. На чем, по Дж. С. Миллю, основаны права человека? Согласны ли вы с ним?

7. Каково различие между правами человека и гражданскими правами? Исходят ли они из одного и того же источника? Какие обязанности сопутствуют гражданским правам?

8. Справедливо ли ставить добродетельный поступок в зависимость исключительно от его будущих результатов? Если «нет», то почему?

9. На каком основании, по-вашему, следует отличать нравственные действия от безнравственных?

10. Как далеко мы должны заглядывать в будущее, чтобы решить, осуществлять данное действие или нет? В связи с этим ответьте на вопрос: следовало ли вообще строить атомные реакторы?

11. Если при оценке нравственности действия следует рассматривать мотивы и намерения субъекта действия, наряду с характером его результатов, то как это подрывает фундаментальный принцип деятельностного утилитаризма?

12. Представьте себе, что некое действие повлекло за собой зло, но со временем, в конце концов, привело к добру. Следует ли такое действие оценивать как нравственное?

13. Когда христиане говорят, что «все содействует ко благу», то о каком благе идет речь? Для ответа на этот вопрос прочитай-те Римл.8:28-30.

14. Как современные сторонники утилитаризма преобразовали исходную утилитаристскую концепцию?

ОЦЕНКА УТИЛИТАРИЗМА: ЕГО НРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

1. ОСНОВАНИЯ УТИЛИТАРИЗМА

Приведем еще раз одно из высказываний Бентама: «Природа поставила человечество под управление двух верховных властителей — страдания и удовольствия. Им одним предоставлено определять, что мы можем делать, и указывать, что мы должны делать»¹².

Сначала следует убедиться, что мы правильно понимаем смысл этого высказывания, а затем — спросить себя: является ли оно истинным?

А. В чем заключен смысл данного высказывания?

Прежде всего, следует обратить внимание на то, что, хотя «Бентам и большая часть его последователей от-

вергают религиозные традиции и сакральные нормы», их концепция, не признающая Бога как основу морали, не делает их свободными в выборе своего долга. Итак, они подчиняются двум «суверенным властителям», которые поставлены над их природой и диктуют им долг. Чтобы эти ученые лучше понимали смысл долга, подчинение ему поощряется радостью и удовольствием, а неподчинение — болью и страданием. Вполне логично в связи с этим спросить: как это безличное, *безнравственное* состояние дел (природа, удовольствие и страдание), если за ним не стоит Творец-Личность, может предписывать человеку, в чем состоит его *нравственный* долг?

Возможно, подобная оценка концепции Бентама несправедлива. Очевидно, его риторика означает лишь то, что страдание и удовольствие — это обстоятельства, при которых приходится жить, поэтому нам скоро становится ясно, в чем состоит наш долг по отношению к ближнему.

Еще раз обратимся к вымышленной ситуации. Представим себе, что я веду автобус, наполненный пассажирами. В какой-то момент я выезжаю на дорогу, которая покрыта тонким слоем льда и потому очень опасна. Состояние дороги свидетельствует, что мой долг заключается в максимально осторожном управлении автобусом. Если я этим принципом пренебрегу, то могу попасть в аварию и подвергнуть жизнь пассажиров опасности. Таким образом, состояние дороги диктует мне основы моего нравственного поведения. Согласно Бентаму, только состояние дороги говорит мне о том, в чем заключается мой долг, поскольку дает мне возможность осознать: если я не буду вести автобус максимально осторожно, то причиню боль и страдание своим пассажирам. А если буду вести автобус осторожно, это доставит им удовольствие. Итак, по Бентаму, нами руководит природа. Именно она указывает, в чем состоит наш долг, и налагает на нас суровые санкции, если мы не выполняем или даже отказываемся от его выполнения. Но понятно: то, что мы должны выполнить, — это не долг по отношению к природе, а долг по отношению к нашим ближним и к самим себе. В то же время получается, что именно лишенная сознания и нравствен-

ности природа, а не Бог, учит нас, в чем состоит высшее жизненное благо, стремление к которому составляет наш высший долг, а именно — удовольствие.

Смысл понятия долженствования по Бентаму

Но чтобы быть честными по отношению к Бентаму, следует убедиться в том, что мы правильно понимаем его рассуждения. Что он имеет в виду под понятием «должны», когда говорит: наши действия должны определяться представлениями об удовольствии и страдании? При обсуждении *этического натурализма (ethical naturalism)* (см. главу 1 данной книги) мы говорили о том, что понятие долженствования может использоваться в разных смыслах. Можно ли понимать тезис Бентама в таком смысле: если хотим избежать страдания и получить удовольствие, то должны проявить мудрость и действовать определенным образом? Или он вкладывает в него более жесткий смысл: страдание и удовольствие указывают нам, в чем состоит наш нравственный долг действовать определенным образом?

Ответ на эти вопросы кажется очевидным. Во-первых, в июле 1822 г. Бентам добавил примечание к первой главе своего «Введения в основания нравственности и законодательства», в котором утверждается «*величайшее счастье* или *благоденствие* как единственно истинная, должная и во всех отношениях желательная» цель человеческого действия¹³.

Бентам считает, что только при таком понимании слова «должно», «правильно (хорошо)» и «неправильно (плохо)» и т. п. имеют смысл; при другом же понимании они не имеют смысла¹⁴.

Во-вторых, обсуждая возможность того, что человек способен отвергнуть утилитаристский принцип и сосредоточиться на собственных чувствах, Бентам говорит о значении понятия долженствования как о безусловном. Он выдвигает предложение, чтобы человек прежде всего спросил, не является ли его принцип деспотичным и враждебным по отношению ко всему человеческому роду, а также не является ли он анархическим, или «не возникнет ли на этом основании столько же разных стандартов хорошего и плохого (*right and wrong*), сколько существует людей»¹⁵.

Таким образом, очевидно, что Бентам вкладывает в понятие должностования самый жесткий из всех возможных смысл морального долга. Именно так его воспринимали последователи мыслителя. Должное, на которое природа указывает людям посредством страдания и счастья, — это не пожелание, а указание на моральный долг, гласящее: следует действовать так, а не иначе, и если вы не действуете в соответствии с данным указанием, ваше действие «аморально, анархично и деспотично».

Б. Истинно ли то, что природа не только указывает человеку на его нравственный долг, состоящий в достижении наибольшего удовольствия в обществе, но и предписывает этот долг человеку?

Христиане, разумеется, не будут отрицать, что должны действовать во благо каждого человека (см. Гал.6:10); что «всякая душа да будет покорна высшим властям...» и нужно отдавать «всякому должное: кому по́дать, по́дать; кому оброк, оброк...» (Римл. 13:1,7); «совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков, за царей и за всех начальствующих...» (1Тим.2:1,2). Иначе говоря, нужно любить ближнего своего, как самого себя (Римл.13:9). Но христиане считают, что их долг стремиться к благу общества основывается не на природе, не на удовольствии и страдании, а на Боге. Делая природу основой нравственного долга человека перед обществом, утилитаризм сталкивается с той же проблемой, с которой сталкивается этическая система, основанная на идее договора, или контракта (*contractarianism*): природа просто существует. Это — «сущее», из которого нельзя вывести «должное» (см. подробное обсуждение этого вопроса в главе 1.Д/II данной книги).

2. ВЫСШЕЕ БЛАГО И ВЫСШАЯ ЦЕЛЬ В УТИЛИТАРИЗМЕ

Итак, Бентам провозглашает «удовольствие» высшим благом и целью как для индивида, так и для общества. Сам он позднее стал говорить о «счастье», а его последователи начали использовать термины «благополучие» и «удовлетворение желаний».

Обычным людям нравятся удовольствия, и христиане в этом смысле не являются исключением. Они наслаждаются как радостями этой жизни, так и чувствуют полноту «радостей пред лицом Твоим» (Псал.15:11). Но хорошо известно, что удовольствие — это нечто неустойчивое и преходящее. Оно может принимать различные формы: физическую, психологическую, эстетическую, интеллектуальную или духовную. Разные люди получают удовольствие от разных вещей, а то, что приносит удовольствие одному, может принести страдание другому. Кроме того, удовольствие как опыт само по себе достаточно неустойчиво.

Удовольствие не существует само по себе, так сказать, в вакууме. Мудрецы уже давно поняли, что удовольствие обычно получаешь тогда, когда стремишься к чему-то другому. И этим оно похоже на родственное ему чувство — радость. Нельзя просто радоваться, не имея при этом объекта радости. Можно получать радость от игры в футбол, плавания, рисования, игры в шахматы, обучения чему-то и от тысячи других вещей. То же можно сказать и об удовольствии.

Некоторые выводы

1. Не всякое удовольствие — благо

Все зависит от того, что является источником удовольствия. Некоторые люди находят удовольствие в том, чтобы приносить боль другим людям. Это называется садизмом. Есть и такие, которые получают удовольствие от сексуального надругательства над детьми. Это называется педофилией. Такой тип преступного поведения становится все более и более распространенным. Преступники часто получают удовольствие от совершенного преступления, как отмечал еще Бентам.

Когда дело доходит до личных целей человека, то не всякое удовольствие — благо. Все зависит от того, каков источник и нравственное качество получаемого удовольствия. Недостаточно просто стремиться к удовольствию как к высшему благу, ценности и цели. Итак, в соответствии с каким принципом следует решать, какое удовольствие — благо?

2. Просто стремиться к удовольствию неправильно с нравственной точки зрения

Например, если человек ищет удовольствия в браке, — это совершенно естественно и нормально. Но предположим, что один из супругов заболевает и приносит своей половине одно лишь страдание. Если здоровый человек стремится только к счастью, он может считать своим правом оставить больного партнера и найти другого. Но если брак основан на подлинной любви, то подобный «выход» практически невозможен.

3. Бывает безнравственным желание доставить удовольствие другим

Обратимся к историческим примерам. Сократ доставил бы огромное удовольствие афинянам, если бы согласился прекратить свои искания истины. Он не пошел по этому пути. Сократ считал своим долгом призвать афинян к совместным исканиям истины. Но они его за это казнили.

Христос доставил бы огромное удовольствие толпе, если бы поднял вооруженное восстание против римлян. Он не пошел по этому пути. И толпа потребовала Его распять.

4. Стремление к удовольствию, даже к удовольствию благому, как к высшей цели своей жизни — это разновидность идолопоклонства

В Библии не осуждается стремление к удовольствию, но утилитаристский подход к удовольствию как к высшей цели в жизни не находит в ней поддержки. Так, Библия осуждает людей, которые «более сластолюбивы, нежели боголюбивы» (2Тим.3:4). Адам и Ева, как сказано в одном из библейских рассказов, жили в саду, полном удовольствий и радостей, которые мог им дать любящий Бог. Но они поддались самому древнему из искушений: решили, что физическое, эстетическое и интеллектуальное удовольствия — главное в жизни, и можно испытывать эти удовольствия, игнорируя Творца, Его волю и Слово.

Подводя предварительные итоги, можно сказать: относительно жизненных устремлений отдельной личности христианская позиция состоит в том, что нет ничего плохого в стремлении к удовольствиям, но неверно делать удовольствия высшей жизненной целью. Во всех наших исканиях любовь к Богу и к ближнему, долг и нравствен-

ность, которые вытекают из этой любви, должны в нашей системе приоритетов занять более высокое место, чем поиски удовольствия ради самого удовольствия. А когда дело доходит до долга перед обществом, то многие философы также утверждают, что некоторые вещи должны занять более высокое место по сравнению с бентамовским принципом полезности (см. об этом ниже).

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Как Бентам понимает принцип, согласно которому природа, страдание и удовольствие диктуют человеку его нравственный долг?

2. В чем суть высказывания: «Удовольствие – это нечто обнаруживаемое вами, когда вы ищете что-то другое?» Согласны ли вы с этим?

3. Можно ли считать удовольствие нравственным? Если нет, то на каком основании вы определяете, что является благом, а что – нет?

4. В чем опасность превращения удовольствия в высшее жизненное благо?

5. Всегда ли правильно давать людям то, что принесет им удовольствие?

6. Подумайте о мотивах вашего поведения. Можно ли сказать, что вы руководствуетесь исключительно такими чувствами, как страдание и удовольствие? Если нет, то какие другие мотивы движут вашим поведением?

7. Если вы осознаете, что, сообщая правду, огорчите своего собеседника, то чем будете руководствоваться в своей стратегии общения с ним: верностью истине или желанием угодить и понравиться своему собеседнику?

8. Сможете ли вы бескорыстно ухаживать за любимым человеком, если он тяжело заболеет?

9. В чем слабость подхода к долгу перед обществом, основанного исключительно на фактах безличной природы?

2а. ОБЩИЙ ПРИНЦИП УТИЛИТАРИЗМА

Легко сформулировать общий принцип, по которому при наличии выбора всегда следует избирать такое действие, которое поможет достичь наибольшего удовольствия для наибольшего числа людей. Но на практике этот выбор может быть непростым.

Начнем с того, что исключительно сложно, совершая все свои действия, каждый раз останавливаться и просчитывать, принесет ли данное действие максимум удовольствия для каждого человека. Когда же речь идет о важнейших общественных решениях, включая такие, которые предусматривают привлечение множества экспертов, то очевидно, что граждане должны полагаться на мнение специалистов. Но даже экспертам не всегда легко оценить, какие действия обязательно приведут к наибольшему удовольствию наибольшего числа людей. Приведем некоторые примеры.

1. Вырубка джунглей в различных частях мира и производство высококачественной древесины, не сопровождающиеся программами новых посадок, максимально увеличивают доходы компаний, занимающихся продажей лесоматериалов, а также правительственных чиновников, которые смотрят сквозь пальцы на нарушения со стороны этих компаний. Все это обычно приносит удовольствие тем, кто может позволить себе приобрести мебель, изготовленную из этой древесины. Вместе с тем влияние вырубок на состояние окружающей среды и на общее благополучие населения, живущего в местах вырубки, является негативным. Если единственный мотив нашего поведения заключается в том, чтобы доставить наибольшее удовольствие наибольшему числу людей, то какие действия следовало бы предпринять?

2. Предположим, бухгалтеры большого промышленного предприятия обнаружили, что директора предприятия фальсифицировали данные финансового отчета, так что обнародованные ими доходы, на самом деле, значительно меньше действительных. Таким образом они увеличивают цену своих акций и доставляют удовольствие акционерам. Как в таком случае должны поступать бухгалтеры? Должны ли они смириться с этим обманом, публично санкционируя его и тем самым сохраняя свое положение на данном предприятии? Или им надо было обнародовать истинные данные и тем подорвать репутацию компании, нанося ущерб ее пенсионному фонду и спровоцировав значительное сокращение рабочих мест? Как следует действовать человеку в подобной ситуа-

ции, если главным мотивом его поступков является не справедливость, а достижение благосостояния наибольшего числа людей?

3. Распространенные сейчас внебрачные связи, нежелание людей связывать себя условиями брачного контракта, а также достаточно простые условия развода, супружеская неверность, прерывание беременности — все это преподносится как способы уменьшения страдания и увеличения удовольствия. Действительно ли подобные практики приводят к максимальному увеличению удовольствий их участников? Способствуют ли они благополучию, здоровью и счастью государства в целом?

Оказавшись перед принятием решения, как поступать в критических жизненных ситуациях, которые могут привести к разрыву брака, прерыванию беременности и проч., люди, наверное, не должны руководствоваться исключительно общим правилом: «Действуй так, чтобы доставить наибольшее удовольствие наибольшему числу людей». Требуются более конкретные правила, связанные с разнообразными сферами жизнедеятельности, которыми следует руководствоваться при принятии решения, ведущего к счастью как можно большего числа людей. Очевидно, природа стоящих перед нами проблем такова, что мы обязательно нуждаемся в нравственном руководстве.

Именно поэтому в Библии наряду с более общими правилами, подобными заповедям: «...возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим...» (Марк.12:30) или «Возлюби ближнего своего, как самого себя», содержатся более конкретные правила, относящиеся к особым сферам человеческих отношений: «Не убивай. Не прелюбодействуй. Не кради» (Исх.20:13-15); «...не участвуйте в бесплодных делах тьмы, но и обличайте» (Ефес.5:11).

Утилитарист Дж. С. Милль прекрасно понимал проблемы, связанные с тем, что человек не всегда может просчитать последствия своих действий, обусловленных соблюдением правил и норм. Конечно, он не считал, что эти правила и нормы исходят от Бога. По мнению Милля, они являются результатом человеческого опы-

та, накопленного в течение многих веков существования общества. В своем сочинении «Утилитаризм», впервые опубликованном в 1863 г., он писал, что на протяжении истории человечество опытным путем усваивало тенденции определенных действий. Поэтому к настоящему времени человечество приобрело позитивные представления о том, как некоторые действия людей способствуют счастью. Таким образом, сформировавшиеся понятия оказываются правилами нравственности для многих людей, а также для философа, пока ему не удастся обнаружить лучшие правила. Однако Милль дополняет, что принятый моральный кодекс ни в коем случае не является фактом божественного права¹⁶.

Смысл его утверждений, в действительности, заключается в том, что эти правила и нормы могут бесконечно улучшаться, хотя от них ни в коем случае нельзя отказываться под предлогом проверки каждого действия с помощью общего принципа полезности, выдвинутого Бентамом. Милль писал, что считать правила нравственности такими, которые поддаются улучшению, — это одно, а проходить мимо промежуточного обобщения (он имеет в виду «правила и нормы», возникшие в результате обобщения длительного опыта человечества) и пытаться проверять каждое отдельное действие непосредственно с помощью наиболее фундаментального принципа (то есть принципа полезности Бентама), — это другое.

Таким образом, простые люди не могут допускать безответственного игнорирования норм и правил. Улучшение общей морали — дело философов. Тем не менее Милль, как убежденный утилитарист, утверждал, что ни одна норма и ни одно правило не являются абсолютными. Существует только один фундаментальный принцип нравственности — утилитарный, в соответствии с которым действие оценивается в зависимости от того, насколько оно способствует благосостоянию. Таким образом, когда какие-то нормы и правила кажутся несовершенными (особенно если, по мнению философов, они нуждаются в улучшении) и если какое-то из них противоречит другому, то единственным критерием их оценки и усовершенствования является счастье.

Подчеркнем еще раз, что данный вариант утилитаризма привлекает своей простотой. На самом деле, это форма утилитаризма, основанная на идее правила (*rule-consequentialism*), а не на представлении о последствиях поступка (*direct-consequentialism*). Согласно последнему, правильность или неправильность поступка должна оцениваться не по нравственному качеству самого действия, а по качеству его последствий. Такова исходная форма бентамовской теории в чистом виде. Тогда как утилитаризм, основанный на правиле, утверждает, что оценка нравственности поступка должна в большинстве случаев строиться на правилах и нормах традиционной морали, а не просто на намерениях субъекта и ожидаемых им результатах.

Большинство современных утилитаристов придерживается прямолинейного утилитаризма, который исходит из последствий поступка и отрицает утилитаризм, основанный на правиле. Они вопрошают: какое теоретическое обоснование следует подводить под утверждение о том, что *правила* должны оцениваться просто на основании их следствий (то есть приведет ли следование этим правилам к счастью?), а сами *действия* не должны оцениваться просто по их последствиям (то есть приведут ли эти действия к счастью или нет?)¹⁷.

Но существует еще более серьезный практический аргумент против теории Милля. Его сила может быть оценена на основании исторического опыта, который приобрело человечество со времен Милля. Как при коммунизме марксистского толка, так и при гитлеровском социализме не было недостатка во влиятельных и могущественных философах, убеждавших мир в том, что за традиционным моральным правилом «Не убий!» не стоит авторитет Бога. Поэтому, в соответствии с их представлениями о морали, это правило можно было нарушать. Обоснованием для такого отношения к правилу, как они считали, было следующее: нарушение того или иного правила будет способствовать наибольшему счастью наибольшего числа людей в утопическом государстве, которое они намеревались создать. И это правило нарушалось миллионы раз. К чему привело нарушение этого правила, нам хорошо известно.

3. ОДНО ИЗ КОНКРЕТНЫХ ПРАВИЛ УТИЛИТАРИЗМА

Из общего принципа бентамовской этики вытекает одно конкретное правило.

Правильность или неправильность, то есть нравственность действия должна оцениваться не на основании какого-либо качества, свойственного самому действию, а на основании его последствий, то есть на основании того, к чему действие приводит: к удовольствию или страданию. Если это действие приводит к увеличению удовольствия, оно нравственно, а если — к увеличению страдания, оно безнравственно.

Первая нравственная проблема: каков наш долг перед прошлым?

Призывая людей оценивать нравственность поступка исключительно на основании его будущих следствий, деятельностный утилитаризм (*act-utilitarianism*) тем самым игнорирует их долг перед прошлым. Предположим, я бизнесмен. У меня есть друг, тоже бизнесмен, который в свое время помог мне встать на ноги. Понятно, я очень обязан ему. Друг заболевает тяжелой болезнью и умирает. Умирая, он обращается ко мне с просьбой, чтобы я, в знак благодарности за его помощь, помог его неопытному сыну вести дело отца. Но после смерти отца, вместо помощи молодому человеку, я планирую, как, не нарушая закона, сначала установить контроль над его делом, а потом уволить его. И я принимаю решение сделать это. Таким образом, нарушаю обещание, данное отцу молодого бизнесмена отплатить ему добром за добро. Нажив много денег на новом деле, в будущем я смогу заняться благотворительной деятельностью и улучшить состояние многих людей. Тем самым общее количество счастья возобладает над страданием и болью отдельных людей.

Согласно Бентаму, такое поведение должно рассматриваться как добродетельное. Является ли оно таковым на самом деле?

Вторая нравственная проблема: вопрос о справедливости распределения (distributive justice)⁸

Цель принципа полезности Бентама состоит в том, что удовольствие должно превышать страдание. Если

возьмем всю нацию в целом, вычислим общий объем страдания и общий объем удовольствия, испытанных всеми ее гражданами, и обнаружим, что совокупное удовольствие превышает совокупное страдание, то это будет означать, что принцип полезности Бентама соблюден. Однако будет ли такая ситуация справедливой? Не случится ли при этом так, что распределение благ окажется неодинаковым и сохранится значительное неравенство между очень богатыми и очень бедными? Будет ли это справедливым?

Даже Дж. С. Милль, будучи последователем Бентама, утверждал, что справедливость *должна считаться более важной*, чем общая польза. Дж. М. Скорупски излагает позицию Милля по этому вопросу следующим образом: «Права на справедливость накладывают исключительно жесткие обязательства на общество. Эти обязательства обеспечивают каждому человеку самые важные составляющие благополучия. Требование справедливости — это требование от наших ближних, чтобы они объединенными усилиями "обеспечивали то, что составляет надлежащее условие человеческого существования, то есть безопасность"¹⁹. Поскольку права на справедливость (*justice-rights*) защищают те виды полезности, которые касаются самих условий существования, они *имеют приоритет по сравнению с прямым домогательством общей пользы*, равно как и по сравнению с преследованием частных целей» (*курсив наш*. — Д. Г., Дж. Л.)²⁰. Джон Ролз в своей известной книге «Теория справедливости»²¹ выступает еще более категорично против принципа полезности Бентама. Философ Томас Нагель характеризует его точку зрения так: «Ролз выступает против утилитаризма, утверждая, что наивысшее общее благо нельзя достичь, если использовать в качестве средств достижения этого блага такие, которые ведут к несправедливости по отношению к меньшинствам, включая людей, не имеющих достаточного образования и профессиональной подготовки»²².

Еще более важное соображение Нагеля содержится в следующем замечании: «Рассуждая на более общем уровне, он [Ролз] утверждает, что право предшествует

благу, не зависит от него и *не может быть определено как то, что способствует благу или максимизирует его*. Некоторые условия социальных отношений между людьми и то, как с ними можно обращаться, предшествуют получению желаемых результатов. Такое представление противоположно идее о том, что права — это просто человеческие соглашения, полезность которых была инструментально доказана тем, что они способствуют всеобщему благосостоянию»²³.

Таким образом, Ролз убежден, что права людей с ограниченными физическими возможностями, малоквалифицированных и малообразованных, а также права меньшинств должны учитываться *до* того, как будет применен принцип полезности Бентама, диктующий исчисление наивысшего блага для наибольшего числа людей.

Третья нравственная проблема: сложность обоснования расхождений между представлениями о нравственности в деятельностном утилитаризме и представлениями о нравственности на уровне здравого смысла

Деятельностный утилитаризм утверждает, что цель оправдывает средства. Правильность или неправильность поступка зависит не от нравственного качества самого действия, а от его результатов, то есть от того, производит ли он наибольшее благо для наибольшего числа людей. Оппоненты утилитаризма приводят примеры экстремальных случаев, которые наглядно демонстрируют моральную неприемлемость основного принципа утилитаризма.

Предположим, что в одной больнице оказываются четыре смертельно больных человека. Один из них страдает заболеванием легких, двое — заболеванием почек и еще один — заболеванием печени. Попробуйте представить такое криминальное развитие ситуации: хирурги больницы захватывают здорового юношу, убивают его и производят пересадку его органов своим пациентам. Является ли такой поступок нравственным? Согласно утилитаризму, он вполне нравственен, поскольку вместо четырех умирает только один человек. Продление жизни четверым людям якобы оправдывает смерть одного человека.

С точки зрения представлений о морали на уровне здравого смысла подобный вывод, сделанный в духе утилитаризма, вызывает отвращение. Даже если допустить, что мотивы хирургов были исключительно благими, то напрашивается вопрос: кто дал им право отнимать жизнь у юноши? И к какому обществу мы придем, если жизнь одних людей будет приноситься на «алтарь» счастья и удовольствия других? И кого можно считать авторитетом при решении вопроса, что человеческая жизнь имеет лишь ограниченную ценность, так что четыре человеческих жизни более ценны, нежели одна?

А если предположить, что человеческая жизнь имеет бесконечную ценность?

В этом свете вполне понятно утверждение Майкла Слоута о том, что большая часть современных утилитаристов «так или иначе старается свести к минимуму или умолчать важность расхождений между утилитаристскими представлениями о морали и представлениями на уровне здравого смысла»²⁴.

Конечно, этим занимаются не все. В книге «Утилитаризм: “за” или “против”» Дж.Смарт пишет: «Полагают, что некоторые следствия утилитаризма несовместимы с моралью на уровне здравого смысла, но я склонен считать: тем хуже для здравого смысла»²⁵. И далее: «Нетрудно показать, что утилитаризм может в некоторых исключительных случаях привести к ужаснейшим последствиям»²⁶. Приводя вымышленный случай, когда шериф маленького городка может предотвратить большие беспорядки, во время которых могут быть убиты сотни людей, только сфабриковав обвинение против невинного человека и убив его как козла отпущения²⁷, Смарт признает, что он чувствовал бы себя ужасно, если бы ему пришлось в этой ситуации принять решение в соответствии с принципами утилитаризма. В то же время он добавляет, что чувствовал бы себя не лучше, если бы ему пришлось допустить гибель и страдания сотен людей²⁸.

Однако Бернард Уильямс заканчивает книгу об утилитаризме таким замечанием: «Но требования политической реальности и проблемы политического мышления, что ни говори, упрямы. И, беря во внимание эти требования и

проблемы, простота утилитаризма свидетельствует о его несостоятельности. Важные вопросы, которые он поднимает, должны обсуждаться в контекстах, гораздо более интересных и плодотворных, чем сам утилитаризм. Недалек тот день, когда мы больше о нем не услышим»²⁹.

4. РЕКОМЕНДАЦИИ УТИЛИТАРИЗМА ОТНОСИТЕЛЬНО ДЕЙСТВИЙ В КОНКРЕТНЫХ СЛУЧАЯХ

Здесь моральная проблема связана с требованием утилитаризма касательно того, что при любых обстоятельствах человек должен забыть о своих обязательствах перед семьей ради стремления наивысшего блага для всех людей. Последовательное применение этого принципа приведет к уничтожению семьи как ячейки общества. Время от времени философы разных направлений, а также тоталитарные политические деятели выдвигали идею разрушения естественных семейных уз, которые якобы мешают процветанию государства. К счастью, природа оказалась сильнее этих идеалистов. Библия учит, что забота о семье должна быть первостепенным, хотя и не единственным долгом человека (см. 1Тим.5:4,8).

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. *Какими конкретными правилами вы обоснуете правильность или неправильность вырубки джунглей?*
2. *Если руководители коммерческого предприятия считают, что, обманывая клиентов, они могут получить больше доходов от своего дела, сохранить работников и заслужить одобрение партнеров, то можно ли считать их действия правильными? Поясните свой ответ.*
3. *Если бы институт брака прекратил свое существование и был заменен промискуитетными³⁰ отношениями, то к каким последствиям это привело бы: к увеличению или уменьшению всеобщего счастья? Обоснуйте свой ответ.*
4. *Зачем нам нужны конкретные правила для разнообразных сфер жизнедеятельности?*
5. *Каково, согласно Дж. С. Миллю, происхождение норм и правил нравственного поведения и каким авторитетом они подкреплены?*

6. Каково различие между прямым консеквенциализмом и консеквенциализмом, основанным на правиле?

7. За прошедший век заповедь «Не убий!» нарушалась миллионы раз. Считаете ли вы, что это привело к увеличению счастья человечества? Обоснуйте свою точку зрения с помощью исторических примеров.

8. Каков смысл понятия «справедливость распределения»?

9. Почему и как Дж. С. Милль и Джон Ролз требуют модификации утилитаризма, чтобы была достигнута справедливость распределения?

10. Представление деятельностного утилитаризма о том, что цель оправдывает средства, противоречит здравому смыслу. Согласны ли вы с этим утверждением? Приведите примеры в поддержку вашего мнения.

11. Какова, с вашей точки зрения, роль и функция семьи в обществе и личный долг каждого человека по отношению к обществу? Какое место этот долг должен занимать в ряду других обязанностей человека?

В

Интуитивизм

Мы достаточно подробно рассмотрели разнообразные версии утилитаризма, поскольку центральные идеи этого направления по-прежнему занимают умы многих людей, даже если они не являются последовательными утилитаристами и не считают себя формально принадлежащими этой школе этической мысли. Более того, утилитаризм — хорошее основание для сравнения и выяснения особенностей других теорий, к которым обратимся ниже.

Прежде чем приступить к анализу других теорий, введем два технических термина.

1. Телеологические теории. Греческое слово *telos* означает «цель» или «последствия» действий человека. Этические теории считаются телеологическими, если они утверждают, что правильность или неправильность поступков должна оцениваться исключительно по их результатам, или последствиям, а не по моральным качествам самих действий. Прагматизм и все формы консеквенциализма, очевидно, являются телеологическими те-

ориями, равно как и деятельностный утилитаризм (см. предыдущий раздел).

2. Деонтологические теории. *Deonto* — часть греческого слова, которое означает: то, что должно быть сделано, или «долг человека». Этические теории считаются деонтологическими, если, в соответствии с этими теориями, все люди должны вести себя определенным образом, и добровольность их действия оценивается не по его результату, а по тому, действовали ли они согласно долгу или нет. Важным является именно нравственное качество поступка. При этом считается, что обычно нравственные поступки ведут к положительным результатам. То есть не благие результаты делают поступок нравственным: нравственность поступка определяется его соответствием нравственному долгу и нравственным нормам.

Переходим к анализу двух этических теорий, которые, в отличие от утилитаристских, считаются деонтологическими. Это интуитивизм и этика Канта³¹.

Общая характеристика интуитивизма

1. Интуитивизм — это деонтологическая концепция.

2. Согласно интуитивизму, существует ряд принципов или обязанностей человека, по которым можно оценивать нравственность поступка.

3. Эти принципы и обязанности (*duties*) известны человеку на интуитивном уровне.

4. Из таких невыведенных фундаментальных принципов или обязанностей выводим принципы и обязанности, которые должны применяться в разнообразных сферах деятельности и конкретных ситуациях.

Некоторые интуитивистские концепции

ГЛАВНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ИНТУИТИВИЗМА

Среди современных представителей интуитивизма следует назвать имена Дж. Э. Мура (1873-1958), Г. А. Ричарда (1871-1947), У. Д. Росса (1877-1971) и А. К. Эвинга (род. 1953). Наиболее влиятельным из этих философов является Росс. Несмотря на жесткую критику, которая на какое-то время погрузила интуитивизм в небытие, он

недавно был возрожден, в частности, в учении Дэвида Макнотона.

ИНТУИТИВИЗМ В ЭТИКЕ

В логике и науке термин «интуиция» применяется по-разному. В философии, в частности в теории познания, он использовался так называемыми интуитивистами Н. Лосским (1870-1965) и С. Франком (1877-1950) для развития системы целостного интуитивизма, который понимается Лосским как учение о том, что все виды знания являются непосредственным созерцанием реальности познающим субъектом³². Учение Н. Лосского и С. Франка развивали такие мыслители, как Д. Болдырев (1885-1920) и С. Левитский. Разновидность так называемого «интуитивного реализма» была принята Б. Бабининым, А. Огневым, Ф. Бережковым, П. Поповым и В. Кожевниковым (1850-1917). Последний разрабатывал религиозно-мистическое направление этой концепции.

Обсуждая современный этический интуитивизм, легче сказать, что́ этот термин не означает. Современный интуитивизм не говорит об интуиции как о внезапно охватившем человека вдохновении, о предчувствии или о неожиданной идее. Слово «интуиция» происходит от латинского *intuitio*, которое первоначально означало «пристально смотреть» (то есть смотреть в физическом смысле). Затем оно стало означать «видеть что-то на интеллектуальном уровне», например, видеть, что целое больше, чем составляющие его части, или что $3+5=8$, и видеть это, не прибегая к дискурсивному мышлению, и видеть как самоочевидную истину, которая не требует доказательств. То, что мы видим с помощью интуиции, является самоочевидным.

Дэвид Макнотон объясняет, что́ означает понимание фундаментальных, или первичных (*basic*) принципов нравственности интуитивным путем: «Термин "интуитивизм" имеет несчастливую судьбу. Он порождает всевозможные неправильные представления на уровне здравого смысла о характере этого термина в этике. Например, бытует точка зрения, что интуитивисты верят в мистическую способность или "нравственное чувство", не известное науке, с помощью которого мы обнаруживаем

принципы морали... Однако фундаментальные *prima facie* принципы мы познаем как достоверные и несомненные. Росс не утверждает, что моральные субъекты (*moral agents*) осознают их с того момента, когда они выносят первое моральное суждение. Их можно познать в процессе *интуитивной индукции*. Конкретные моральные истины являются первичными предметами нашего суждения. Мы расцениваем некоторые поступки как правильные в силу ситуации. Это относится, например, к сдерживанию обещания. Столкнувшись несколько раз с такими ситуациями, при которых дается обещание, мы приходим к выводу, что сдерживать обещание — правильно. Если бы это был просто индуктивный вывод, тогда его сила зависела бы от числа и разнообразия проанализированных нами случаев. Но Росс на основании своего принципа утверждает, что возможно прийти к прямому познанию истины... Это необходимая истина, которую можно знать *a priori*, потому что она самоочевидна и не требует доказательства. Истина является самоочевидной, если ее понимание достаточно для обоснования веры в нее. Человек знает данное утверждение, если он верит в него *на основе его понимания*»³³.

Далее Д. Макнотон развивает свою мысль о том, что самоочевидные принципы не всем кажутся непосредственно очевидными. Можно столкнуться со множеством конкретных примеров, прежде чем убедиться в том, что все эти примеры касаются одного универсального принципа. Затем он добавляет: «Это очень важный момент в защите интуитивизма против клеветников. Росс не утверждает, что моральные принципы познаются благодаря какой-то особой таинственной способности. Единственная способность, которая при этом задействуется, — разум. В своих рассуждениях Росс следует основной философской традиции. Согласно этой традиции, существуют важнейшие утверждения, истинность которых определяется посредством прямого рационального постижения (*insight*)»³⁴.

Фундаментальные *prima facie* обязанности согласно интуитивизму

Росс в своей книге «Справедливость и благо» приводит фундаментальные, невыводимые, *prima facie* обязанности:

1. Обязанности, основывающиеся на моем совершенном ранее действии. Они, в свою очередь, разделяются на такие основные категории:

а) обязанности, связанные с **верностью**; они вытекают из того, что я дал обещание;

б) обязанности, связанные с **возмещением убытка или вреда**; они проистекают из того, что я сделал что-то неправильно и поэтому должен исправиться.

2. Обязанности, основывающиеся на предшествующих действиях других; это обязанности, связанные с **благодарностью** тем, кто мне помог.

3. Обязанности, обусловленные необходимостью предупредить не соответствующее достоинствам людей распределение благ и ответственности; это обязанности, связанные с осуществлением **справедливости**.

4. Обязанности, которые основываются на факте, что существуют в мире такие люди, жизнь которых можно было бы улучшить; это обязанности, связанные с **благодарительностью**.

5. Обязанности, которые основываются на том факте, что я могу стать лучше; это обязанности, связанные с **самосовершенствованием**.

6. Обязанности, связанные с **предупреждением нанесения вреда** другим³⁵.

Что хотел сказать Росс, когда называл эти обязанности фундаментальными?

Он имел в виду, что, например, посредством интуиции вы можете видеть: справедливость является фундаментальным долгом. Это интуитивное представление, или инсайт, не требует дальнейшего обоснования. Если же, например, меня спросят, почему моим долгом считается подчинение законам моей страны, то я могу привести несколько аргументов. Но когда я спрошу, почему нужно всегда соблюдать справедливость, то на этот вопрос нельзя ответить. Это самоочевидное утверждение.

Производные обязанности

Помимо перечисленных фундаментальных обязанностей Росс приводит другие — производные от них. Производные обязанности являются недостаточно общими, чтобы рассматривать их как фундаментальные принци-

пы; это просто конкретные случаи каких-то фундаментальных принципов.

Например, Росс утверждает, что долг подчиняться законам своей страны вытекает из трех фундаментальных обязанностей: благодарности, верности и принципу непричинения вреда (см. выше в списке обязанностей: 1а, 2 и 4). Обычно человек испытывает чувство благодарности к своей стране за блага и защиту, которые от нее получает (2). Живя в своей стране, мы, как считал Сократ, даем молчаливое обещание подчиняться ее законам (1а), и перед нами стоит долг соблюдать ее законы, потому что соблюдение законов — это благо для наших сограждан (4). Аналогично долг человека не лгать выводится из двух фундаментальных принципов: непричинения вреда (6) и верности (1а).

Почему Росс называл фундаментальные обязанности *prima facie* обязанностями?

Росс называл все фундаментальные обязанности *prima facie* обязанностями. Его самого не устраивало использование термина *prima facie* в данном контексте, потому что обычное значение этого термина передает смысл, отличный от того, который он в него вкладывал.

Prima facie — это два латинских слова, которые означают «на первый взгляд», «согласно первому впечатлению». Эта фраза обычно используется в юридических контекстах. Предположим, что жена Смита была найдена мертвой. Полиция может сказать: «Существуют *prima facie* данные, свидетельствующие, что в ее смерти виноват ее муж, Смит». Это высказывание означает: данные полиции, на первый взгляд, свидетельствуют о том, что он виноват в ее смерти. Но впоследствии может оказаться, что эти *prima facie* впечатления оказались неверными, а муж женщины совсем *не* виновен в ее смерти.

Возьмем, к примеру, два обязательства: придерживаться обещания и проявлять благодарность родителям и заботу о них. Называя их *prima facie*, Росс *не* хотел сказать, что они кажутся фундаментальными обязательствами на первый взгляд, но в определенной ситуации то или иное из этих обязательств может оказаться совсем не обязательством. То, что он на самом деле имел

в виду, можно проиллюстрировать с помощью примера. Представьте себе, что я пообещал своему сыну взять его с собой в воскресенье на футбольный матч. Когда наступает воскресенье, я должен сдержать свое обещание. Но ранним утром в воскресенье мне звонят, сообщая, что серьезно заболела и попала в больницу моя мать. Совершенно очевидно, что я должен бы поехать и навестить ее. И ввиду состояния ее здоровья я должен выполнить по отношению к матери свой долг. Это означает, что в изменившейся ситуации я теперь не могу выполнить свой долг перед сыном.

Однако это совсем не означает, что выполнение данного сыну обещания оказывается вовсе не реальным долгом, а только *prima facie* долгом. Оно остается неизменным долгом. И я должен выполнить свое обещание в какой-то другой день.

Кроме этого, в такой ситуации есть еще один аспект, который вызывает у Росса беспокойство. Если принять во внимание, что как посещение матери, так и поездка с сыном на футбольный матч являются подлинными обязательствами, то, очевидно, я не могу выполнить их оба одновременно. Следовательно, с точки зрения Росса, в таком случае нельзя сказать, что у меня есть обязательство сделать то, что я, вероятно, не могу сделать. Когда я убеждаюсь в воскресенье, что должен выполнить два обязательства, то бессмысленно говорить, что мое обязательство — не выполнять долг перед сыном, так как это будет явным противоречием. Поэтому, по Россу, я должен рассуждать так: в это воскресенье будет правильно, если я выполню долг по отношению к своей матери.

Нет смысла дальше углубляться в терминологические сложности, вызванные использованием понятия *prima facie* у Росса. Важно понять его основные идеи. Их можно изложить, не используя при этом фразу *prima facie*.

Росс считал все фундаментальные обязанности устойчивыми и неизменными принципами, которые необходимо всегда учитывать в случае принятия морального решения. Вместе с тем в данной ситуации два приведенных нами принципа могут предписывать разные способы действия, так что человек не способен подчиняться

им обоим одновременно. Поэтому нельзя сказать, что человек должен выполнить обе обязанности одновременно: ему необходимо выбрать, согласно какой из двух обязанностей он должен действовать.

Росс рассматривал все фундаментальные «обязанности» как надежные и сами по себе неизменные принципы, которые всегда должны учитываться при принятии решения. Однако можно представить себе ситуацию, когда из двух фундаментальных принципов будут вытекать противоположные рекомендации относительно действий, так что человек не сможет одновременно следовать обоим. Понятно, что человек, оказавшийся в такой ситуации, не должен следовать (одновременно) обоим фундаментальным принципам.

Возьмем, к примеру, долг человека не лгать, который Росс рассматривал как производный относительно двух других принципов: верности и непричинения зла. Представьте себе такую ситуацию. Врач лечит человека, больного раком, и вполне возможно, что пациент находится на последней стадии этой болезни. Пациент спрашивает врача: «Доктор, скажите, у меня рак?» Что должен ответить ему врач? Когда врач начинает лечить своего пациента, подразумевается, что он тем самым дает обещание не обманывать его. Принцип 1а (верность) диктует, что он не может предавать своего пациента, обманывая его. Но если он будет следовать этому долгу и скажет пациенту правду, то тем самым убьет в нем надежду на выздоровление. Это нанесет больному серьезную душевную травму, тогда как принцип 6 (долг не причинять вред) запрещает это. Таким образом, человек не может подчиниться сразу двум принципам. Вполне возможно, что врач последует принципу 6 и не скажет пациенту всю правду.

Росс, вероятно, одобрил бы такое решение. Но это не означает, что он считает, будто верность как один из основных принципов только кажется таковым, а на самом деле основным не является. Этот принцип остается подлинно фундаментальным долгом человека, который должен учитываться при принятии всех моральных решений. Только тогда, когда два фундаментальных принципа вступают в противоречие друг с другом, человек

должен решать, какому из них в данной ситуации он должен отдать предпочтение.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Каково различие между телеологической и деонтологической этическими теориями?
2. К какому из этих типов теорий относится интуитивизм?
3. Как интуитивисты приходят к пониманию того, что они называют фундаментальными (первичными) обязанностями человека?
4. Какие обязанности, согласно Россу, можно считать фундаментальными?
5. Почему интуитивисты называют некоторые обязанности производными? Приведите два примера производных обязанностей и объясните, из каких других обязанностей они выводятся?
6. Что Росс имеет в виду, называя некоторые фундаментальные обязанности обязанностями *prima facie*?
7. Что, согласно Россу, происходит, когда в определенной ситуации две фундаментальные обязанности противоречат друг другу?

Оценка интуитивизма. Его сильные стороны

Самыми яркими критиками интуитивизма являются утилитаризм и консеквенциализм, однако по сравнению с этими этическими теориями интуитивизм имеет ряд несомненных достоинств.

1. **Интуитивисты отрицают утверждение о том, что цель оправдывает средства,** и настаивают на том, что нравственный поступок должен не только приводить к благим результатам, но и сам должен соответствовать неким моральным принципам.

2. **Интуитивисты проявляют интерес к обязанностям, которые связаны с прошлым.** В деятельностном утилитаризме и деятельностном консеквенциализме речь идет исключительно о достижении наивысшего счастья в настоящем и будущем. Действие считается нравственным, если оно способствует достижению наивысшего удовольствия для наибольшего числа людей, даже если при этом игнорируются обязательства, исходящие из прошлого. Интуитивизм, наоборот, настаивает на том, что человеку необходимо соблюдать:

- долг *верности*, то есть выполнение обязательств, взятых на себя ранее;
- долг *возмещения убытков*, то есть компенсирование нанесенного кому-то в прошлом ущерба;
- долг *благодарности* людям, которые оказали данному человеку помощь в прошлом;
- долг *справедливости*, связанный с устранением несправедливости, проявленной по отношению к каким-то людям в прошлом.

3. Интуитивисты подчеркивают важность обязательств по отношению к тем, кого любишь. Следуя долгу благодарности к тем, кто помогал нам в прошлом, мы должны, согласно интуитивизму, проявлять особое отношение к нашим родителям и любимым. Этим предписанием интуитивизм отличается от утилитаризма (вспомните приведенный выше вымышленный пример с пожаром в больнице).

4. Согласно интуитивизму, справедливость должна осуществляться по заслугам. Если говорить о законе, то принцип справедливости по заслугам (*justice according to merit*) абсолютно запрещает наказание невинного человека или нанесение ему любого ущерба, даже если это делается во имя великого будущего всего общества в целом. Утилитаризм и консеквенциализм уступают в этом пункте интуитивизму, поскольку единственный признаваемый ими абсолютный принцип — это максимум удовольствия или блага для максимального числа людей. Они не накладывают никаких абсолютных запретов на причинение вреда, пытки или даже казнь невинных людей, если такие действия считаются необходимыми для блага человечества в целом. Энтони Кенни пишет об этом так: «Консеквенциалисты, подобные Бентаму, судят о действиях на основании их следствий, и не существует такого класса действий, которые бы они исключали изначально. Тот, кто верит в естественное право, услышав, что некто Ирод или Нерон убили пять тысяч людей, не виновных ни в каких преступлениях, сразу же скажет: "Это было преступление". Консеквенциалист, прежде чем вынести такое суждение, должен сказать: "Расскажите мне подробнее, что произошло. Каковы были последствия этого мас-

сового уничтожения людей? Что бы произошло, если бы правитель оставил эти пять тысяч в живых?“ Консеквенциализм, восходящий к Бентаму, в настоящее время распространен среди профессиональных философов. Последовательный консеквенциализм, вероятно, более популярен в теории, чем на практике: за рамками философских семинаров большинство людей, наверное, считает, что некоторые действия возмутительны и изначально безнравственны, а потому отвергает идею о том, что человек не должен останавливаться ни перед чем в достижении желаемых последствий. Однако в современных дискуссиях, например, на темы медицинской этики, именно консеквенциалисты оказывают сильное влияние на формирование политики, по крайней мере, в англоязычных странах. Это происходит потому, что они говорят языком сравнения затрат и результатов (*cost-benefit terms*), который техники и политики инстинктивно понимают. В то время как многие представители обычной, непрофессиональной публики разделяют подозрение Бентама, что некоторые виды действий абсолютно запрещены»³⁶.

Таким образом, в сравнении с утилитаризмом и консеквенциализмом, интуитивизм, настаивающий на справедливом учете заслуг человека, кажется более предпочтительной теорией.

Но, как продолжает далее Энтони Кенни, утверждать, что что-то абсолютно запрещено, — значит, неизбежно прийти к вопросу: если не может быть абсолютного запрета без того, кто запрещает, то кто, в таком случае, устанавливает эти абсолютные запреты? Кенни дает свой ответ на этот вопрос. Ниже мы обратимся к его содержанию. Но сначала должны рассмотреть, как на этот вопрос отвечает интуитивизм и может ли он ответить на него удовлетворительно.

Оценка интуитивизма. Его слабые стороны

1. Попытка Росса систематизировать фундаментальные (первичные) обязанности

Сам Росс не был удовлетворен своим перечнем фундаментальных обязанностей человека. Он рассматривал его как первый опыт классификации, которую собирал-

ся улучшать. Даже не все интуитивисты соглашались со всеми позициями его перечня. Так, некоторые говорили, что долг говорить правду не может быть производным от первичного долга держать обещание. Скорее, наоборот: долг говорить правду является фундаментальным долгом и именно из него вытекает производный долг держать обещание.

Другие утверждают, что некоторые обязанности, которые Росс считает отдельными первичными обязанностями, такие как справедливость, благотворительность, непричинение вреда, могут быть легко объединены в одну — стремление к счастью и удовольствию, как это сделано в концепции утилитаристов.

2. Двойственное утверждение Росса о том, что фундаментальный долг — самоочевиден и воспринимается посредством интуиции

Даже если сами интуитивисты не могут прийти к согласию относительно того, каковы фундаментальные обязанности, понятно, что их критики также утверждают, что эти обязанности не могут быть самоочевидными. Христиане говорят, что целесообразно обратиться к моральным принципам, изложенным в Новом Завете, так как они вытекают из самой природы нашего Творца (см. Римл.2:14,15).

3. Отсутствие в интуитивизме высшей цели или глобального принципа, который бы служил руководством в практических и нравственных решениях

Высшая цель христианства — слава Господа, а его глобальный принцип заключен в предписании любить Бога всем сердцем своим, всею душою своею, всем разумом своим, всеми силами своими, а также любить своего ближнего, как самого себя. Высшая цель утилитаризма — наивысшее блаженство и удовольствие, а его глобальный принцип — добиться наивысшего удовольствия для наибольшего числа людей.

Интуитивизм, по-видимому, не ставит никакой высшей цели, отличной, скажем, от пристойного поведения и общего блага человечества; в нем не дается глобальный принцип, который бы служил нравственным ориентиром при столкновении с моральными дилеммами.

4. Отсутствие в интуитивистской этике какого-то основания и, следовательно, высшего авторитета

Христианская этика основана на характере и воле Бога. Утилитаристская этика возводится к природе и психологическим особенностям человека. Интуитивистская же этика, по-видимому, ни на чем не основана. Конечно, в ней провозглашается, что фундаментальные обязанности человека постигаются с помощью интуиции. Но на вопрос, каково происхождение этих обязанностей, в рамках интуитивизма, вероятно, нельзя дать ответа. Следовательно, в рамках интуитивизма нет ответа и на более глубокие проблемы: если мы признаем, что фундаментальные обязанности могут быть восприняты с помощью интуиции, то зачем нам принимать их всерьез? Каким авторитетом они обладают? Неужели не существует никакого принципа или долга, который предписывал бы нам выполнять отдельные принципы? А если такого не существует, то зачем нам их выполнять?

Те же проблемы возникают в связи с контрактарианизмом (*contractarianism*). Макнотон считает, что нашел адекватный ответ на эти проблемы. Он пишет: «Теперь я обращаюсь к четвертому возражению против интуитивизма... Согласно интуитивизму, можно знать некоторые нравственные факты, но... почему мы не способны просто принять их к сведению и дальше действовать по своему усмотрению? Это очень старое возражение против интуитивизма никак не может подорвать основы интуитивизма. Ведь факты в соответствующих контекстах дают все основания или во что-то поверить или что-то сделать. Если в вашем направлении движется огромный грузовик, то у вас есть причина сойти с дороги. Если женщина, с которой вы разговариваете, честна и надежна, у вас есть основания верить ее словам. Конечно, мы можем предвидеть ход событий, при этом не понимая, что этот ход событий дает нам основания действовать... Но мы часто понимаем не только, куда ведут события, но и то, что их ход дает нам основания что-то сделать... Интуитивист утверждает, что мы способны распознавать некоторые типы ситуаций (например, когда даем обещание или когда кому-то нужна помощь), в которых у нас есть основания действовать»³⁷.

Однако в таком рассуждении не проводится различие между *основанием* для какого-то действия и *долгом* совершить данное действие (те же дефекты обнаружены в аргументации Рейчела, см. главу 1.Д/1.5). Если хотим купить пирожное и другие сладости, то факт, что кондитерская закрывается через десять минут, является причиной для того, что следует поторопиться, чтобы туда попасть. Но этот факт ни на кого не налагает никаких моральных обязательств торопиться, чтобы туда успеть. В конце концов, Росс приходит к утверждению, что воспринятое нами с помощью интуиции является не множеством *фактов*, а множеством фундаментальных *обязанностей*. Он доказывает, что они логически невыводимы из других соображений. Однако, чтобы налагать на кого-то обязанности, они должны на чем-то основываться.

Поясняя мысль о том, что некоторые типы действий абсолютно запрещены, Кенни пишет: «Откуда, спрашивают люди, происходят эти абсолютные запреты? Нет сомнений, верующие считают, что они исходят от Бога. Но как они могут убедить в этом неверующих? Может ли существовать запрет без того, кто налагает этот запрет?»³⁸

И это верно. Многие искренние специалисты в области этики не верят в Бога, и им еще предстоит найти ответ на вопрос: кто обладает авторитетом для установления этих запретов, которые мы обязаны соблюдать как абсолютный долг? «Ответ следует искать в природе самой нравственности, — пишет Кенни. — Для существования нравственности необходимо три элемента: нравственное сообщество, множество нравственных ценностей и моральный кодекс... Нравственная жизнь сообщества состоит в совместном следовании нематериальным ценностям, таким как честность, истина, товарищество, свобода...»³⁹.

И это тоже верно. Но откуда общество черпает нравственные ценности, разделяемые его членами? Может быть, оно находит их с помощью коллективного разума? Для ответа на этот вопрос еще раз предоставим слово Кенни. «На вопрос: "Кто осуществляет запрет?" — есть ответ: "Это делает нравственное сообщество: принадлежность к нравственному обществу включает в себя подчинение моральному кодексу"»⁴⁰.

Но именно так рассуждает и Джеффри Сайер-Маккорд от имени современного контрактарианизма (глава 1.Д/II), и мы уже говорили о неадекватности такого подхода. Можно только добавить: если моральный кодекс возникает в обществе и если именно на обществе лежат функции предписывания правил и осуществления запретов, то что происходит, если это общество — гитлеровская Германия?

Хорошо известно, что многим серьезным мыслителям трудно принять Бога как Авторитет, стоящий за моральным кодексом. Но известно также и то, что им трудно найти адекватную замену Тому, Кто предписывает моральные нормы и запрещает их нарушение.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Согласны ли вы с тем, что некоторые характеристики интуитивизма ставят его над утилитаризмом и консеквенциализмом? Приведите доводы в пользу своей позиции.

2. Объясните, что означает тезис: «В интуитивизме подчеркивается важность нашего долга по отношению к прошлому». Обоснуйте значение этого тезиса.

3. Интуитивизм дает основания считать, что особая забота о родителях и родственниках соответствует моральной норме. Прокомментируйте это утверждение и сравните по этому параметру интуитивизм с утилитаризмом.

4. Объясните значение тезиса: «Критика консеквенциализма, развиваемая Энтони Кенни, свидетельствует в пользу интуитивистской концепции».

5. Многие философы критикуют список фундаментальных (первичных) обязанностей человека. Почему?

6. Другие философы утверждают: представление Росса о том, что фундаментальные (первичные) обязанности человека самоочевидны, не может быть верным. На каких основаниях они это доказывают?

7. Интуитивизм не ставит никакой высшей цели и не формулирует никакого глобального принципа. Верно ли это? И если «да», то почему это является недостатком интуитивистской концепции?

8. Что имеется в виду, когда говорят, что интуитивистская этика не имеет оснований и потому никакого высшего авторитета? Верно ли это?

9. Каково различие между основанием и долгом совершить какое-то действие?

10. В чем слабость идеи о том, что фундаментальные этические нормы того или иного общества порождаются самим обществом?

11. Обсудите утверждение: «Люди, не верящие в Бога, испытывают сложности в поисках адекватной этической замены».

Г / Этика Канта

Мы уже рассматривали теорию познания Канта (см. Д.Гудинг, Дж.Леннокс, «Человек и его мировоззрение». Т. 2. Гл. 7. В. III). Теперь остановимся на его этической теории. Последние два века она была, наряду с утилитаризмом, одной из наиболее влиятельных этических теорий. Некоторые ее принципы стали неразрывной частью мышления многих людей, даже не считающих себя последовательными кантианцами, а иногда и не осознающих, что они разделяют принципы кантовской этики. Основным сочинением Канта в области этики является работа «*Метафизические основания нравственности*», впервые опубликованная в 1785 г.

Основные принципы этики Канта

Иммануил Кант был едва ли не величайшим философом эпохи Просвещения. Его подход к этике можно скорее отнести к рационализму, чем к эмпиризму. Именно посредством разума человек осознает, *что* нравственно, а *что* безнравственно. Более того, Кант считал, что разум универсален, поэтому каждый, кто руководствуется исключительно разумом, придет к тому же взгляду на нравственность, что и он сам.

1. Необходимость доброй воли

В отличие от утилитаристской, этическая система Канта является строго деонтологической. Кант утверждает, что высшая форма блага — это добрая воля. Он пишет: «Нигде в мире, да и вне его, невозможно помыслить ничего иного, что могло бы считаться добрым без ограничения, кроме одной только **доброй воли**»⁴¹. А если

человек имеет добрую волю, то это означает, что он исполняет свой долг, то есть совершает дела, которых требует от него долг, и совершает их исключительно из чувства долга, а не по какой-то другой причине.

Если, например, вы делаете подарок бедному из сострадания, то такой поступок не является нравственным, ибо, действуя из сострадания, вы не чувствуете долга. Вы должны делать подарок бедному просто потому, что это ваш долг.

Если какое-то дело осуществляется из желания его благих последствий, то его тоже нельзя считать нравственным. Совершая этот поступок, вы просто действуете в соответствии со своими интересами. Поэтому делать доброе дело следует потому, что это ваш долг, независимо от того, приведет ли оно к благим последствиям или нет. (Понятно, что подобная концепция противоположна утилитаризму и консеквенциализму). Кант приводит следующий пример: «Конечно, то, что мелкий торговец не запрашивает слишком много у своего неопытного покупателя, отвечает долгу; этого не делает и умный купец, у которого большой бизнес; наоборот, он каждому продает по твердо установленной общей цене, так что ребенок покупает у него с таким же успехом, как и всякий другой. С каждым, таким образом, тут поступают *честно*. Однако этого далеко не достаточно, чтобы на этом основании считать, будто купец поступал так из чувства долга и по принципам честности; этого требовала его выгода. Но в данном случае нельзя считать, что он, кроме того, еще испытывает прямую симпатию к покупателям, чтобы, так сказать, из любви не оказывать ни одному из них предпочтение в цене перед другим. Следовательно, такой поступок был совершен не из чувства долга и не из прямой симпатии, а просто с корыстными целями»⁴².

2. Предписание действовать в соответствии с долгом является категорическим императивом

Чтобы понять смысл этого утверждения, необходимо рассмотреть различия между категорическими и гипотетическими императивами. Последние имеют следующую

форму: «Если вы хотите X, то делайте Y». Например: «Если вы хотите получить золотую медаль на Олимпийских играх, то должны тренироваться по шесть часов в день». Или: «Если вы хотите сбросить вес, меньше ешьте». Этот тип императива называется гипотетическим, поскольку он говорит, что́ делать, если вы хотите чего-то добиться, например, стать золотым медалистом или похудеть. Но, разумеется, если вы не хотите стать медалистом или похудеть, то вам не нужно следовать этим советам. В конце концов, это был только совет, и он связан с вашим желанием. Вам не было сказано, что ваш долг — тренироваться ежедневно шесть часов кряду и худеть, независимо от того, хотите вы того или нет.

Гипотетическим императивом является также высказывание: «Если вы хотите, чтобы вас уважали, всегда говорите правду». Это очень надежный совет, но опять же он зависит от гипотезы (предположения), что вы хотите (чтобы вас уважали). Что же касается категорического императива, то он, наоборот, является предписанием, которое не зависит ни от какой гипотезы. Он говорит вам: нечто является вашим абсолютным долгом, независимо от того, хотите ли вы того или нет, надеетесь ли получить хороший результат или нет, поступив определенным образом. «Не говорите неправды». «Не убивайте». «Отдавайте долги». «Придерживайтесь обещанного».

Таким образом, согласно Канту, фундаментальным принципом, который лежит в основе всякого правильного поступка, является категорический императив: «Всегда следуй своему долгу и делай это с доброй волей, то есть с намерением совершать данный поступок исключительно потому, что это твой долг».

Подобное представление вызывает вопросы: как в многочисленных жизненных ситуациях я могу узнать, в чем состоит мой долг? С помощью какого общего критерия или критериев я могу его узнать? Другими словами, нам нужен не перечень конкретных предписаний для действий в разнообразных сферах деятельности, а общий принцип для правильного мышления. Отвечая на эти вопросы, Кант предлагает три формулировки своего категорического императива.

ПЕРВАЯ ФОРМУЛИРОВКА КАТЕГОРИЧЕСКОГО ИМПЕРАТИВА

«Существует лишь один категорический императив, а именно: поступай только согласно такой максиме⁴³, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом»⁴⁴.

Другими словами, вы должны действовать так, будто устанавливаете закон для всех.

Кант приводит несколько примеров для подтверждения своей мысли. Вот один из них. Кого-то «нужда заставляет брать деньги взаймы. Он хорошо знает, что будет не в состоянии их уплатить... <...> Положим, он все же решился на это; тогда максима его поступка будет такой: нуждаясь в деньгах, я буду занимать деньги и обещать их уплатить, хотя знаю, что никогда не уплачу. <...> Тут мне сразу становится ясно, что она [максима] никогда не может иметь силу всеобщего закона природы и быть в согласии с самой собой, а обязательно должна себе противоречить. В самом деле, всеобщность закона, гласящего, что каждый, считая себя нуждающимся, может обещать, что ему придет в голову, с намерением не сдерживать обещания, сделала бы просто невозможными и это обещание, и цель, которую хотят с его помощью достигнуть, так как никто не стал бы верить в обещанное...»⁴⁵.

Здесь категорический императив исключает: 1) *пристрастность*: я не могу действовать так, будто для меня существует один закон, а для других людей — другой; 2) *логическую противоречивость*: если бы все делали, как я, и нарушали обещания, то никто вообще не давал бы деньги в долг — ни мне, ни кому-либо другому, так как никто не верил бы, что они будут возвращены. Другими словами, мое действие не может быть превращено в модель для всеобщего подражания, потому что это приведет к логическим и практическим противоречиям, которые, согласно Канту, являются *противоречиями закону природы*.

Но Кант приводит еще один пример, который базируется на несколько ином принципе. Один человек, «которому живется хорошо и который видит, что другим при-

ходится бороться с большими трудностями (он должен бы помочь им), думает: какое мне дело до всего этого? Пусть каждый будет настолько счастлив, как того хочет Всевышний или как он сам себе может это устроить; отнимать у него я ничего не стану да и завидовать ему не буду; но и способствовать его благополучию или помогать ему в беде у меня нет никакого желания! Конечно, если бы такой образ мыслей был всеобщим законом природы, человеческий род мог бы очень неплохо существовать, и, без сомнения, лучше, чем когда каждый красиво говорит о сострадании и благосклонности, и при случае даже старается что-то сделать, но, вместе с тем, где только можно, обманывает, предаёт права человека и в большинстве случаев вредит ему. Но хотя и при такой максиме, возможно, мог бы существовать всеобщий закон природы, тем не менее нельзя **хотеть**, чтобы такой принцип везде имел силу закона природы. В самом деле, воля, которая пришла бы к такому заключению, противоречила бы самой себе, так как иногда все же могут быть случаи, когда человек нуждается в любви и участии других, между тем как подобным законом природы, возникшим из его собственной воли, он сам отнял бы у себя всякую надежду на желаемую помощь»⁴⁶.

Во втором случае, в отличие от первого, максима «Не помогай другим в нужде» может быть возведена во всеобщий закон без какого-либо логического или практического противоречия в природе. В описанной Кантом ситуации общество бы сохранилось. Но дело не в этом. Кант хочет сказать, что сам человек, который поступил бы согласно этой максиме, не хотел бы, чтобы она стала всеобщим законом. Если бы максима стала правилом общего поведения, то человек был бы лишен помощи, которая в один прекрасный день может ему понадобиться. Кант называет такую ситуацию не противоречием в природе, а противоречием в самой воле человека.

Комментарий

Категорический императив Канта применительно к первому примеру является, несомненно, прекрасной максимой, поскольку он исключает использование предвзятого принципа: «Для бед-

ных один закон, для богатых – другой». Он также исключает ситуацию, когда, провозглашая закон для других, законодатели сами его не выполняют.

Аналогично категорический императив, представленный во втором примере, задает прекрасную нравственную норму. На первый взгляд может показаться, что его формулировка имеет то же содержание, что и так называемое золотое правило: «...во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними...» (Матф. 7:12). Кант предупреждает об опасности эгоизма, заставляющего одних ожидать, что другие люди будут им помогать, но мешающего помогать нуждающимся.

Однако некоторые критики отмечали, что в этих примерах Кант незаметно для самого себя отошел от принципа: «Поступай в соответствии со своим долгом, независимо от ожидаемых последствий и без расчета на какую-либо выгоду для себя»; он невольно впал в утилитаризм: «Всегда помогай другим в нужде, ведь если ты не будешь этого делать, то последствия твоего бездействия отразятся на тебе – никто не поможет тебе, когда будешь в этом нуждаться».

Но, строго говоря, это критическое замечание не является справедливым. Кант не говорит: «Вы должны действовать из эгоистических побуждений и всегда помогать другим, чтобы они в свое время помогли вам». Он не формулирует также и гипотетический императив: «Если вы хотите, чтобы другие помогали вам, сначала помогите им». Кант иллюстрирует первую формулировку категорического императива так: «Если вы хотите что-то делать или не хотите что-то делать, то должны в то же время хотеть, чтобы все люди в мире делали (или не делали) это же. Таким образом, отказываясь помочь нуждающемуся человеку, вы тем самым хотите, чтобы ни один человек в мире не помог ни одному нуждающемуся, даже вам».

Итак, Кант не говорит, чтобы мы помогали другим с тем, чтобы они, в свою очередь, помогали нам. Он говорит: если вы отказываетесь помогать другим, то ваш принцип, возведенный во всеобщий закон, запретит любому человеку в мире когда-либо помогать вам или кому-нибудь другому. А это – абсурд.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Объясните, что означает тезис: «Подход Канта к этике скорее рационалистический, чем эмпирический».

2. Что имеется в виду, когда утверждают: этическая система Канта строго деонтологическая? В чем противоположность деонтологической системы и утилитаризма?

3. Какой смысл вкладывает Кант в понятие «добрая воля»? Какую роль оно играет в его этической системе?
4. Если человек делает подарок бедному человеку из сострадания или потому, что ему приятно проявлять щедрость, то Кант не расценивает такой поступок как подлинно нравственный. Почему? Согласны ли вы с ним?
5. В чем Кант видит нравственную проблему на примере с торговцем?
6. Каково различие между гипотетическим и категорическим императивами?
7. Кант утверждает, что существует только один категорический императив и он является фундаментальным принципом подлинно нравственного решения. В чем состоит категорический императив и как он влияет на поведение человека?
8. Какой смысл вкладывает Кант в утверждение: «...поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом»? Как вы оцениваете этот принцип?
9. Какое основание выдвигает Кант, когда говорит, что неправильно брать деньги в долг, обещая отдать этот долг, но в то же время зная, что не сможете его заплатить?
10. Объясните, почему, согласно второму примеру Канта, неверно, если преуспевающий состоятельный человек отказывается помогать нуждающимся. После этого ответьте на два вопроса:
- а) как вы понимаете золотое правило? Считаете ли вы, что Кант в своем втором примере говорит о чем-то похожем на золотое правило?
- б) не кажется ли вам, что Кант невольно скатывается к утилитаризму?

ВТОРАЯ ФОРМУЛИРОВКА КАТЕГОРИЧЕСКОГО ИМПЕРАТИВА

«Поступай так, чтобы всегда относиться к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого как к цели, и никогда не относиться к нему только как к средству»⁴⁷.

а) Различие между целями и средствами

Различие между целями и средствами в философии восходит к Аристотелю. Он считал, что каждое живое существо в природе имеет свою «цель», например: цель желудка состоит в том, чтобы вырос дуб. Затем Аристотель переносит это понятие на человеческие существа, говоря о цели, или высшем благе, к которому они стре-

мятся или должны стремиться в своей жизни. Далее он определяет «цель» как нечто, к чему надо стремиться ради нее самой, а не как средство, служащее достижению некоей более великой цели.

В практической жизни человек может следовать не-скольким менее значительным целям, которые, в конце концов, становятся средствами достижения более великих целей. Так, человек ходит на работу, чтобы заработать деньги. Но это для него — не самоцель. Он нуждается в деньгах, чтобы купить пищу для себя и своей семьи. Впрочем, он может также играть на скрипке, но не с целью заработать денег или сделать карьеру музыканта, а просто ради удовольствия.

б) Какой смысл Кант вкладывает в понятия «средства» и «цели»

Категорический императив гласит, что мы никогда не должны использовать другие человеческие существа просто как средства для достижения собственных целей. Обратите внимание на фразу «просто как средства». Нет ничего плохого в использовании человеческих существ как *средств*. Мы все это делаем, например: используем парикмахера, чтобы он подстригал нам волосы, таксиста — чтобы он нас куда-то подвез, пекаря — чтобы он испек нам хлеб. Подобным образом государство использует учителей как инструмент обучения школьников, а врачей — для лечения больных.

Однако мы не должны использовать человеческие существа *исключительно как средства*. Аристотель, как и многие его современники, использовал человеческие существа как рабов. Он называл их «живыми орудиями» и относился к ним просто как к средствам достижения своих целей. Но, используя строителя в строительстве нашей дачи, мы понимаем, что он не просто инструмент для достижения нашей цели. Он — человеческое существо со своими желаниями и жизненными целями. Он должен быть свободен в своем выборе и в следовании собственным целям. Таким образом, используя его для строительства дачи, мы заключаем с ним соглашение. Он принимает добровольное решение работать на нас, потому что руководствуется собственной целью: зарабо-

тать деньги на жизнь и, вероятно, получить удовлетворение от применения своих профессиональных навыков.

Таким образом, вторая формулировка категорического императива призывает нас всегда уважать независимость, ценность, значение, неприкосновенность и достоинство каждого человеческого существа. Ни одно человеческое существо не живет на Земле для того, чтобы быть исключительно средством для достижения целей других людей. Каждый человек является целью сам по себе, и ему не нужно иметь какое-то основание для своего существования, отличное от его бытия.

Следовательно, отношение к людям как к целям означает признание того, что они существуют как цели сами по себе. Поэтому следует не только позволять им, насколько это возможно, осуществлять свой выбор, действовать по своим желаниям и достигать самореализации, но и, по возможности, помогать им в достижении их целей.

Комментарий

Повторим еще раз: провозглашенный здесь Кантом принцип очень важен. Из него вытекают и соответствующие следствия для частной жизни человека. Мы обычно презираем тех, кто просто использует других людей в собственных целях, а потом, получив от них все необходимое, отбрасывает их как ненужную вещь. Из этого принципа также вытекают важные следствия для работы промышленности. Слишком часто в процессе развертывания промышленной революции фабриканты использовали рабочих так, будто бы те были просто деталями механических устройств. А когда эти «детали» выходили из строя или оказывались уже ненужными, фабриканты сразу же от них избавлялись. Даже маленькие дети должны были работать. При этом совершенно не учитывалось, что целью использования ребенка должно быть развитие его мышления и физических способностей с постепенным превращением его в здорового и образованного человека.

Взгляд на этику Канта с христианских позиций

Утверждение о том, что ни одно человеческое существо на Земле не может быть использовано только как средство для достижения целей других людей, абсолютно верно. Но следующее утверждение, которое гласит, что каждое человеческое существо является

целью само по себе и ему не нужно иметь какое-то основание для своего существования, отличное от его бытия, истинно в том смысле, что именно так должно относиться к каждому индивиду общество. Но чтобы это высказывание можно было счесть библейской истиной, оно должно быть расширено. Главная цель человека — прославлять Бога и вечно пребывать с Ним. Согласно Новому Завету, цель, определенная Богом каждому человеку, если он примет ее, состоит в единстве с Христом и руководстве Его принципами, то есть в достижении соответствия с образом Сына Божьего в теле, душе и духе, что может быть обретено благодаря Божьей благодати и водительству Духа Божьего. Наше отношение к нашим собратьям должно всегда быть подчинено этой цели, а все, что ей препятствует или противоречит, является по определению злом.

ТРЕТЬЯ ФОРМУЛИРОВКА КАТЕГОРИЧЕСКОГО ИМПЕРАТИВА

«Каждое разумное существо должно поступать так, как если бы оно благодаря своим максимам всегда было законодательствующим членом во всеобщем царстве целей. Формальный принцип этих максим гласит: поступай так, как если бы твоя максима в то же время должна была служить всеобщим законом (всех разумных существ)»⁴⁸.

Эта третья формулировка уравнивает первую и вторую. В первой подчеркивается следствие принципов моего действия на других людей: я должен действовать в соответствии с максимами, которые мог бы пожелать сделать всеобщим законом. И я должен относиться к людям как к целям самим по себе. Третья формулировка напоминает мне также, что я не единственный гражданин своей страны. Я не единственный, кто имеет право и долг следовать максимами поведения, которые, с моей точки зрения, должны быть всеобщим законом. Каждый человек в государстве может и должен вести себя подобным образом; никто не должен жить за счет других. Но что происходит, когда равно рациональные люди не согласны в том, какие максимы заслуживают превращения во

всеобщие законы? Возможно, лучшим политическим ответом на этот вопрос будет подлинная демократия, при которой люди чувствуют себя максимально свободными в принятии решений относительно своих собственных целей. Граждане демократического государства способны уважать цели других людей и в то же время готовы идти на необходимые компромиссы.

Критическая оценка этики Канта

Выше мы проанализировали сильные стороны этической концепции Канта. Теперь обратимся к критическим замечаниям, которые высказывались по поводу его этических представлений. Главная критика касается статуса, оснований и высшего авторитета его этики (схема предложенного здесь анализа дана в начале 2-й главы данной книги).

Кант был рационалистом, и нравственность, с его точки зрения, основана на разуме. Этическая система, согласно Канту, базируется на самоочевидных принципах, которые открывает разум. Понятно, что эмпирики с ним не соглашались. Д. Д. Рафаэль так комментирует правило, по которому мы должны относиться к другим людям как к целям самим по себе: «Каким образом устанавливается принцип цели? Предполагается ли, что он должен быть самоочевидным? Сам Кант был рационалистом. Он утверждал, что истинность категорического императива становится известной благодаря деятельности разума. Мы не обязаны разделять его позицию по этому вопросу. Если, исходя из общих философских принципов, мы считаем, что лучше следовать путем эмпиризма, то есть при этом ссылаться на идеи, убеждения и верования в терминах чувств и ощущений, то можем при этом посылаться на наш фундаментальный этический принцип именно на основе такого объяснения, подобно тому как это делает утилитарист-эмпирик. Способность к сочувствию, основанному на воображении, делает нас способными оценивать и действовать нравственно. Мы можем почувствовать себя на месте других людей, можем представить, какие желания мы испытывали бы и какие решения принимали бы, окажись на их месте. Именно сочувствие и симпатия ведут

нас к тому, чтобы способствовать достижению целей других людей, воспринимать их цели как собственные»⁴⁹.

Нет сомнений, сказанное Рафаэлем о сочувствии и симпатии, подпитываемых воображением об их значимости и влиянии, истинно. Многие люди предпочитают именно это эмоциональное объяснение, а не холодный рационализм Канта. Разумеется, все мы должны учиться умению войти в положение другого. Однако остается вопрос, на который нельзя дать ответ с помощью симпатии, основанной на воображении. И Рафаэль согласен с этим: «Эмпирический подход к принципу цели не дает исчерпывающего ответа на вопрос: откуда мы знаем, что наш основополагающий принцип истинен? Что же касается эмпирической формы утилитаризма, то она не открывает нам, как перейти от позитивного психологического объяснения к нормативному суждению. Согласно этому объяснению, симпатия и сочувствие приведут к суждению и мотиву альтруистического обязательства, которые должны дополнить врожденный мотив эгоизма. Но из этого объяснения непонятно, почему требования симпатии должны рассматриваться как такие, которые превосходят требования эгоизма... Эмпиризм дает позитивное психологическое объяснение чувству обязательства перед другими, но не обеспечивает прочных оснований для нормативного суждения об альтруистическом обязательстве относительно естественного эгоизма»⁵⁰.

Проанализировав этику Канта (как в рационалистической, так и в эмпирической ее интерпретациях), мы убеждаемся в том, что она, как и другие рассмотренные нами концепции (атеизм, утилитаризм, интуитивизм, этический натурализм или теория общественного договора), не может адекватно объяснить основания нравственности. Другими словами, при нашей психологической организации, при том, что мы способны мыслить и сопереживать другим людям, откуда мы воспринимаем не просто намерения, а абсолютный долг вести себя нравственно? Иначе говоря, как мы преобразуем то, что «есть», на то, что «должно»?

Христиане, разумеется, скажут: моральный долг человека находит свое основание в Боге, нашем Творце, в Его характере и воле и что эта воля проявилась не толь-

ко в природе, но и в Самооткровении Бога через Священное Писание и в Личности Христа. Таким образом, открывается пропасть между этикой, основанной на вере в Бога, и этикой, которая с самого начала исключает Бога и пытается обрести свои основания и высший авторитет в светском начале. Но именно в этом пункте этики Канта обнаруживаются серьезные противоречия.

Противоречивость позиции Канта

Как мы видели в самом начале и убедились, подойдя к завершению нашего анализа теории немецкого философа (см. Д.Гудинг, Дж.Леннокс, «Человек и его мировоззрение». Т. 2. Гл. 7), Кант верил в Бога, и верил в Него на нравственных основаниях. Кант видел, что человек, живущий в соответствии с моральным долгом, предписанным категорическим императивом, часто не получает вознаграждения в своей земной жизни; и, наоборот, безнравственный человек не обязательно получает в этой жизни наказание за свои злодеяния. Поэтому он утверждал: должен существовать иной мир и свершится Судебное расследование, на котором Бог вознаградит праведных и покарает нечестивых.

Однако, несмотря на это, Кант отрицал все формы Самооткровения Бога в Священном Писании и в Иисусе Христе. Кант доказывал, что законосообразные процессы, наблюдаемые нами в природе, могли быть установлены Божественным Правителем. Но он открыто отрицал, что человек получает прямые предписания от Бога, помимо тех правил нравственности, которые наш разум выводит из природы вещей. Кант писал: «...поэтому мы не можем рассматривать их... как производные только от воли, в особенности от такой воли, о которой мы не имели бы никакого понятия... Мы будем считать поступки обязательными не потому, что они суть Заповеди Бога... Мы будем изучать свободу при целесообразном единстве согласно принципам разума и лишь постольку будем считать себя сообразующимися с божественной волей, поскольку признаем священным нравственный закон, которому нас учит разум на основании природы [наших] поступков, и полагаем, что мы служим этому закону лишь тем, что содействуем выс-

шему в мире добру в себе и других. Следовательно, этико-теология имеет только имманентное применение»⁵¹.

Здесь Кант говорит как типичный мыслитель эпохи Просвещения. Он исповедует веру в Бога, но при этом требует, чтобы человеческая воля была совершенно независима⁵². Он не просто подразумевает, что Бог наделил человека свободной волей, так что он может выбирать, повиноваться Богу или нет. Кант утверждает, что человеческий разум должен быть главным судьей в вопросе о том, каким предписаниям человеку следует подчиняться. Он не считает действия обязательными на том основании, что они предписаны Богом. Кант изучает природу вещей, и если его разум говорит ему о каком-то поступке как о моральном долге, то он делает вывод, что такой поступок является своеобразным обязательством перед Богом. Он подчиняется определенному предписанию просто потому, что так решает его собственный разум. В этическом мире человек выступает верховным судьей.

Отсюда недалеко до позиции французского философа-экзистенциалиста Ж.-П. Сартра, который совершенно отрицал Бога и любой внешний нравственный авторитет. Сартр был нацелен на то, чтобы стать абсолютно независимым человеком, способным делать моральный выбор совершенно произвольно и самостоятельно.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Что означают термины «цель» и «средства»?
2. В чем различие между обычным использованием других людей как средств и использованием их исключительно как средств?
3. Что имеется в виду под высказыванием: каждый человек является целью сам по себе?
4. Что означает на практике отношение к людям как к целям?
5. Каковы следствия этого принципа:
 - а) в частной жизни;
 - б) на производстве;
 - в) в государстве?
6. Как определяется главная цель человека в Библии?

7. Что означает тезис: «Третья формулировка категорического императива уравнивает первые две формулировки»? Почему он важен?

8. Что случается, когда разумные люди не соглашаются друг с другом относительно того, какие правила и принципы должны быть превращены во всеобщие?

9. Поясните смысл высказывания Рафаэля о том, что способность к симпатии, основанная на воображении, позволяет нам производить оценки и действовать как нравственным существам. Как использование этой способности может влиять на наше отношение к другим людям?

10. Какой смысл вкладывает Рафаэль в утверждение, что «эмпиризм дает позитивное психологическое объяснение чувству обязательства перед другими, но не обеспечивает прочных оснований для нормативного суждения...»? Почему это важно?

11. В чем принципиальное отличие христианской этики от светской?

12. Что привело Канта к вере в Бога, жизнь после смерти и Страшный Суд?

13. Обсудите утверждение: «Кантова независимая воля ставит в центр нравственности не Бога и Божье Слово, а человека и человеческий разум».

14. Есть ли сходство между концепциями Канта и Сартра? И если есть, то в чем оно состоит?

Д / **Этика добродетели**

Приступая к исследованию этики добродетели, мы сразу же осознаем, что она существенно отличается от этических систем, рассмотренных выше. Те системы сосредоточены в основном на правильности или неправильности человеческих действий. Этика добродетели касается не столько наших поступков, сколько характера и наших склонностей как нравственных субъектов.

Совершенно очевидно, что внутреннее состояние и характер человека серьезно влияют на его внешние поступки, взаимоотношение с людьми, на отношение к работе и поведение вообще. Так, способный от рождения студент может быть ленивым и слабовольным. Он неорганизован, не может сосредоточиться на учебе и

слишком часто поддается своему желанию развлечься с друзьями. Сдавая экзамены, такой студент надеется не столько на подготовку, сколько на удачу. Даже если повезет и он получит диплом специалиста, ему нельзя поручить ответственную работу, ибо на него вообще нельзя положиться. Другой студент, менее одаренный от природы, но более упорный и настойчивый, оказывается в результате надежным работником. Он добивается успеха там, где тот, более способный, но менее дисциплинированный, терпит неудачу.

Внутренние мотивы и намерения могут изменять нравственный смысл поступка. Представьте себе ситуацию, когда во время какого-то общественного мероприятия его организаторы просят участников внести свою лепту в благотворительную акцию. Один из участников жертвует определенную сумму, но делает это не потому, что искренне хочет помочь. Он просто боится, что будет некрасиво выглядеть в глазах сообщества. Другой жертвует огромную сумму денег, но опять же не из сострадания, а чтобы произвести впечатление на публику. И, наконец, третий жертвует сумму, несоизмеримую с его доходами, так как им движет подлинное сострадание. Пожертвованные средства, конечно, помогут нуждающимся, независимо от мотивов благотворителей. Но как оценить нравственный вклад этих людей?

В Библии сказано: «И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею — нет мне *в том* никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» (1Кор.13:3-7).

Любовь — внутренняя добродетель, как и терпение и доброта. Зависть, хвастовство, гордыня, самоутверждение — пороки. В Новом Завете не одобряется квиетизм*,

* **Квиетизм** (лат. — спокойный, безмятежный) — а) религиозно-этическое учение в католицизме, проповедующее мистико-созерцательное отношение к реальности, равнодушие к добру и злу; б) переносно — пассивность, бездеятельность (прим. ред.).

ограничивающийся исключительно развитием внутреннего благородства. В Новом Завете говорится о необходимости практического действия и благих дел: «Дети мои! Станем любить не словом или языком, но делом и истиною» (1Иоан.3:18). Но в то же время в нем признается важность развития добродетельного характера. Так, в Послании к галатам говорится о нескольких важнейших добродетелях. Таким образом, праведная жизнь — это не просто вопрос внешнего соответствия множеству правил, но еще и развитие внутренних добродетелей человека: «Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание» (Гал.5:22,23).

Однако, рассуждая о наших внутренних состояниях, мы должны понимать различие между мотивами и намерениями, которые могут привести к конкретным действиям, с одной стороны, и пассивными наклонностями и характером — с другой. Артур Холмс пишет об этом так: «Мотив, намерение и внутренняя установка... Общее между ними, во-первых, то, что все это внутренние состояния, а не внешнее поведение, и, во-вторых, они являются скорее эмоциональными, чем сугубо познавательными (когнитивными) состояниями. Добродетель — это правильная внутренняя установка, а установка — это склонность действовать определенным образом. Установка является более фундаментальной и устойчивой, чем конкретный мотив или интенция, стоящие за данным действием. Она отличается от незапного импульса тем, что остается устойчивым состоянием сознания, интериоризованной [усвоенной в процессе воспитания] и обычно рефлексивной [осознанной] чертой. Добродетели — это общие черты характера, которые обеспечивают внутреннее санкционирование наших конкретных мотивов, намерений и внешнего поведения»⁵³.

I. ИСТОРИЯ ЭТИКИ ДОБРОДЕТЕЛИ

В течение нескольких столетий философов интересовала в основном теоретическая сторона этики. В последнее время некоторые западные философы возрождают интерес к этике добродетели. К ним относятся такие философы, как Элизабет Анском, Филиппа Фут, Розалинд Херстхауз, Джон МакДауэл, Аласдер

Макинтайр, Марта Насбаум, Амели Рорти, Майкл Стокер и Майкл Слоут. Однако основы этого подхода были заложены уже в античный период, в особенности в учении Аристотеля.

Способности человека по Аристотелю

Подобно Платону, Аристотель считал, что человек обладает следующими способностями души: «...растительной, способностью стремления и ощущения, пространственного движения и размышления» (О душе, глава 3, 414a)⁵⁴.

1. Растительная способность связана с физическим насыщением, употреблением пищи, жидкости, ростом и проч. «Растительная способность» человека роднит его с животными. Она связана скорее с физическими, а не нравственными процессами, протекающими в человеческом теле. Они не являются рациональными и главным образом находятся вне сферы нравственной ответственности.

2. Эмоциональная способность — это способность испытывать страх, ненависть, гордость, любовь, сострадание, зависть, ревность, желание и проч. На фоне этих эмоциональных состояний проявляются добродетели человека, которые могут контролировать его поведение.

3. Интеллектуальная способность связана с пониманием, практической мудростью, а также с овладением философской мудростью.

В соответствии с этой классификацией, Аристотель выделял два типа добродетелей: нравственные добродетели (щедрость и благоразумие), присущие тому, кто может управлять своими страстями, и мыслительные добродетели (мудрость, сообразительность и рассудительность), которые способствуют философской мудрости и пониманию, а также практической сметке (Никомахова этика, I. XIII.19, 1103a, 3–10)⁵⁵.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Что такое этика добродетели? Чем она отличается от этических теорий, с которыми вы познакомились раньше?

2. Как внутренняя сущность влияет на наше поведение? Приведите примеры.

3. Как внутренние мотивы и намерения изменяют значение поступка? Приведите примеры.

4. В чем, согласно Библии, состоит важнейшая внутренняя добродетель? Каковы ее характерные черты?

5. Что такое квиетизм? Почему в Библии он не одобряется?

6. Что говорится в Новом Завете о развитии внутренних добродетелей?

7. Что такое добродетель? Как отличить добродетель и мотив (намерение)?

8. Каковы, согласно Аристотелю, три составляющие человеческой души? К какой из составляющих относятся нравственные добродетели, а к какой – интеллектуальные?

Понятие добродетели у Аристотеля

Согласно Аристотелю, добродетели не являются ни страстями, подобными внезапно охватывающему нас гневу или страху, ни врожденными способностями — такими как речь, обоняние или слух. Добродетель — это «склад души». В своем сочинении «Этика» он определяет добродетель как «преднамеренно (сознательно) приобретенное качество души, состоящее в субъективной середине и признанное разумом, притом признанное так, как бы ее определил благоразумный человек...»⁵⁶.

Древнегреческое слово «добродетель» (*arete*) первоначально означало качество, делающее предмет пригодным к выполнению какого-то действия. Например, *arete* ножа — это его острота. *Arete* солдата — качество его характера, которое делает из него человека, способного хорошо воевать. *Arete* политика — это качество, которое помогает человеку управлять государством. Когда говорится о человеке как о нравственном существе, то его *arete* — это такой «склад души», который делает его хорошим человеком, способным жить так, чтобы достигнуть высшего блага в жизни.

Для Аристотеля таким высшим благом было то, что древние греки называли эвдемонией (*eudaimonia*). Это слово трудно перевести на русский язык. Наиболее близким его эквивалентом является понятие счастья, но такого счастья, которое следует отличать от простого удовольствия, развлечения или потворства своим слабостям. Вероятно, можно было бы описать эвдемонию как

«наслаждение самым лучшим, что есть в жизни». Более того, подобное счастье не является пассивным восприятием чего-то приятного. Оно предполагает активность человека. Счастье, согласно Аристотелю, это деятельность души в согласии с добродетелью. Отсюда следует, что добродетель состоит в выборе между двумя крайностями (см. определение, приведенное выше).

Понятие середины у Аристотеля

Понятие середины у Аристотеля относится к наиболее известным понятиям его учения. Оно было предметом многочисленных толкований, которые часто искажали его смысл. Поэтому мы должны попытаться разобраться, чтобы не вкладывать в него те значения, которым это понятие никогда не отвечало у самого Аристотеля. Начнем с практических примеров.

Аналогия: *Пищи не должно быть слишком много, но ее не должно быть и слишком мало.*

Пища и питание, как мы уже узнали, относятся к растительному уровню жизни человека. Питание — простой пример необходимости избегать, с одной стороны, избытка пищи, а с другой — ее недостатка. Если пищи слишком много, можно навредить здоровью. Если ее слишком мало — вы придете к такому же результату. Например, некоторые современные подростки страдают болезнью, которая называется *anorexia nervosa*. Итак, обе крайности опасны. Целью человека должна быть золотая середина.

Аристотель поясняет, что рекомендация придерживаться золотой середины в еде не означает указания, сколько конкретно пищи надо съесть. Это количество для разных людей разное. Тяжеловес нуждается в большем количестве еды, чем молодая женщина маленького роста; взрослый должен съесть больше, чем пятилетний ребенок. Но в каждом случае нужное количество еды должно находиться между двумя крайностями: недостатком и избытком.

ПРИМЕНЕНИЕ АНАЛОГИИ

Перейдем к нравственным добродетелям, которые связаны с контролем над страстями и желаниями. Начнем с практического примера.

Мужество

Смелость — это нравственная добродетель, связанная со способностью контролировать страх. Человек испытывает страх, подобно животным и птицам. Это очень полезный механизм, необходимый для защиты от опасности. Под воздействием страха в организме вырабатывается адреналин, заставляющий нас либо противостоять опасности, либо бежать от нее.

Однако страх — неприятная эмоция. Он ближе к боли, чем к удовольствию, поэтому служит испытанием характера. В межличностных отношениях он может сделать человека более агрессивным. Страх также может заставить человека оправдываться, отказываться признать свои ошибки. Страх может помешать человеку выполнить свой долг или защитить правое дело.

Правильной реакцией на страх является, согласно Аристотелю, мужество. Но что это такое? Это не стремление полностью подавить в себе страх или игнорировать опасность. Парашютист никогда полностью не утрачивает чувство страха: в противном случае любой прыжок может стоить ему жизни. Человек, который действует так, будто не существует никаких опасностей, ведет себя не как мужественный, а как опрометчивый и немудрый. Но тот, кто перед лицом опасности забывает о своем долге, ведет себя как трус.

Мужество, согласно Аристотелю, — это середина между избытком страха, с одной стороны, и недостатком страха — с другой. Следовательно, быть добродетельным — значит, быть посередине (Никомахова этика, книга вторая, 1109а, 1–4)⁵⁷.

Чтобы разобраться в представлениях Аристотеля о добродетели, нам понадобится **еще несколько примеров**. Тем, кто хочет познакомиться с концепцией Аристотеля более подробно, рекомендуем обратиться к его сочинению «Никомахова этика».

Удовольствие

Трактовка того, как Аристотель понимал удовольствие.

1. *Недостаток, нехватка или полное отсутствие* удовольствия могут быть обусловлены отрицанием удо-

вольствия любого рода, которое, в свою очередь, может быть вызвано отношением к удовольствию как к чему-то дурному по определению. Такое отношение существует у некоторых религиозных людей, считающих, что получение удовольствия — само по себе зло. А скряги, подобные Скруджу из произведения Ч. Диккенса «Рождественская сказка», считают, что стремление к удовольствию — проявление безответственности. Это неверно. Сам Господь даровал людям множество удовольствий. Возьмем, к примеру, питание. Бог наделил нас аппетитом, способностью смаковать пищу, различать множество вкусовых оттенков. Он создал также ощущение сытости, которое является разновидностью удовлетворения желания.

Некоторые удовольствия, подобные неожиданно донесшемуся до нас аромату цветущего дерева, не могут принести насыщения, но они совершенно необходимы каждому человеку для ощущения полноты жизни. Хотя мы не испытываем прямой необходимости в ароматах, но Господь наделил нас этой способностью, чтобы мы могли испытывать неожиданные удовольствия. Игнорирование таким благом, полученным человеком, или подозрительное к нему отношение — неправильно и свидетельствует об отсутствии понимания его природы и неблагодарности по отношению к Богу.

2. *Избыток* удовольствий связан с невоздержанностью человека, предающегося чревоугодию и неумеренному веселью. Такой человек стремится к удовольствию ради самого удовольствия до тех пор, пока эти неуменные «развлечения» не обращаются в свою противоположность. Последствия обжорства и разгула — разрушенное здоровье и преждевременная смерть.

3. *Середина* — это умеренность и самоконтроль.

Отношение	Недостаток	Избыток	Середина
К деньгам	Жадность, скупость	Мотовство, беспечность, неосмотрительность	Щедрость и широта души
К самооценке	Самоирония, неискренность, самоуничужение	Хвастовство	Искренность, реалистичная самооценка, здравомыслие и правдивость

Отношение	Недостаток	Избыток	Середина
К честолюбию (цель в жизни)	Полное отсутствие амбиций, бессмысленное существование	Чрезмерное честолюбие, жестокость по отношению к другим людям и полное равнодушие к их интересам и чувствам	Умеренное честолюбие, постановка реальных целей, способствующих развитию потенциала человека и учитывающих интересы других людей
К другим людям	Угрюмость, недружелюбие	Раболепие, низкопоклонство	Дружеское отношение, вежливость и уважение по отношению к другим людям

В связи с такой интерпретацией добродетели возникает целый ряд вопросов.

1. Если всегда следует ориентироваться на среднее между двумя крайностями, то *на каком основании принимать решение, что такое середина?* Ответ Аристотеля гласит: полагаясь на свое восприятие. Это означает, что в таком случае невозможны никакие точные правила. Существуют самые разные люди и возникают самые разные ситуации. Приведем пример из современной жизни. Кто-то учится какому-то делу, постепенно приобретая опыт. Человек, который только учится водить машину, сначала не умеет рулить, но постепенно понимает, насколько и на какой скорости можно повернуть руль, чтобы машина ехала в нужном направлении.

2. *Как стать добродетельным?* Аристотель говорит, что этому невозможно научиться путем простого освоения теории. Здесь помогает только практика. Но в связи с этим возникает вопрос. Если мужество и храбрость — это добродетели, то как человек может вести себя храбро, если он не стал храбрым ранее? А чтобы научиться храбрости, нужно сначала вести себя храбро; таким образом опять возникает замкнутый круг. Однако этот замкнутый круг возникает скорее на словах, чем в реальной жизни. Чтобы пояснить свою мысль, рассмотрим еще один пример из обыденной жизни. Предположим, ребенок хочет научиться ездить на велосипеде. Он не сможет этого добиться, пока не научится держать равновесие. Но нельзя научиться держать равновесие, если не садиться на велосипед и не начинать на нем ездить. Поэтому многие люди

пытаются ездить, и хотя сначала время от времени падают, вскоре убеждаются, что могут ездить. Человек учится мужеству и храбрости примерно так же. Маленький ребенок пугается таких вещей, которые взрослому не кажутся страшными. Постепенно ребенок преодолевает свои страхи и становится отважным; он научается противостоять другим, реальным опасностям, бороться со страхом и преодолевать его. Так его мужество возрастает и становится чертой характера.

Примерно то же сказано в Новом Завете. Мы не становимся добродетельными, просто читая в Библии о том, что нужно жить добродетельной жизнью. Добродетель должна воплощаться в поведении. Человеку нужно упражняться в добродетели, как он упражняет свои мышцы, чтобы они не атрофировались. «...упражняй себя в благочестии... преуспевай в правде, благочестии, вере, любви, терпении, кротости» (1Тим.4:7; 6:11), — говорит Апостол Павел. Ему вторит и Апостол Петр: «...покажите в вере вашей добродетель, в добродетели рассудительность, в рассудительности воздержание, в воздержании терпение, в терпении благочестие, в благочестии братолюбие, в братолюбии любовь» (2Петр.1:5-7).

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Каким было исходное значение древнегреческого слова *arete*, обозначающего добродетель?

2. Изложите своими словами, в чем состоит понимание «середины» у Аристотеля. Как аналогия с едой помогает понять смысл его термина?

3. Можно ли сказать, что страх сам по себе плох и не нужен? Какой цели служит страх в жизни человека?

4. Что Аристотель имеет в виду, когда говорит, что мужество — это среднее между трусостью и опрометчивостью?

5. Всегда ли удовольствие является благом? Если нет, то при каких условиях оно может принести вред человеку?

6. Каково, согласно Аристотелю, правильное и неправильное отношение: а) к деньгам; б) к честолюбию; в) к самооценке; г) к другим людям?

7. Определите, какое качество из ниже перечисленных следует отнести к «недостатку», «избытку» и «середине»?

а) терпение, раздражительность, пассивность;

- б) малодушие, тщеславие, великодушие;
- в) скромность, застенчивость, невыдержанность.

8. С помощью какого метода можно определить, где «середина»? С помощью логики? Если иначе, то как?

9. Насколько процесс обучения добродетельному поведению похож на процесс обучения вождению автомобиля?

10. Как человек становится добродетельным?

а) Что об этом говорит Аристотель?

б) Что говорит об этом Библия?

11. Как вы понимаете высказывание Апостола Петра о том, что Бог дал человеку все, нужное «для жизни и благочестия» (2Петр.1:3; 5-7)?

Некорректная критика учения Аристотеля

1. Некоторые критики считают, что сведение таких важных добродетелей, как мужество и любовь, к точному определению «середины» между «избытком» и «недостатком» является совершенно непригодной и поверхностной методикой. Они говорят, что мужество и любовь исходят из открытой души, а не связаны со скрупулезным взвешиванием качеств на каких-то мифических весах.

Эта критика, сама по себе достаточно честная, тем не менее свидетельствует о непонимании учения Аристотеля. Он сам указывает, что, называя мужество серединой, он просто определяет, *что такое мужество*: это добродетель, противоположная двум отрицательным качествам. Эти качества строго противоположны мужеству и находятся на двух крайних позициях по отношению друг к другу. Мужество находится «посередине». Но когда доходит до его *ценности* и *меры*, то это предельное качество, и именно так оно и должно воплощаться в поведении. Человек не может обладать чрезмерным мужеством. Аристотель говорит о любой добродетели, как о складе души, который сознательно избирается, состоит в обладании серединой по отношению к нам; причем она определяется таким суждением, каким определит ее сам рассудительный человек. «Середина между двумя [видами] порочности, один из которых — от избытка, другой — от недостатка» (Никомахова этика, II. 6 (VI), 1107a, 1–5)⁵⁸.

2. Критики Аристотеля также утверждали, что попытка втиснуть все добродетели в середину между двумя крайностями — избытком и недостатком — либо невозможна, либо не приносит никакой пользы. Например, убийство нельзя назвать ни избытком, ни недостатком какого-то качества, среднее значение которого было бы добродетелью. Но и сам Аристотель говорит о том же: «Не всякий поступок и не всякая страсть допускает середину, ибо у некоторых [страстей] уже в самом названии выражено дурное качество (*phaylo tēs*), например: злорадство, бесстыдство, злоба, а из поступков — блуд, воровство, человекоубийство. Все это и подобное этому считается дурным само по себе, а не из-за избытка или недостатка, а значит, в этом никогда нельзя поступать правильно, можно только совершать проступок; и «хорошо» или «не хорошо» невозможно в таких [вещах; например, невозможно] совершать блуд... как следует [то есть правильно]; вообще совершать какой-нибудь из таких [поступков] — значит совершать проступок»⁵⁹ (Никомахова этика, II. 6 (VI), 1107a, 8–18).

Различие между этикой Аристотеля и утилитаристской этикой

Между этикой Аристотеля и утилитаризмом есть существенное различие. В утилитаризме, как мы убедились выше, никакое действие не может быть заранее признано недостойным. При каких-то особых обстоятельствах даже убийство невинного человека, например, может быть оправдано, если оно будет способствовать предупреждению убийства большого числа других людей и тем самым максимально увеличит удовольствие наибольшего числа людей. Аристотель же сразу определяет некоторые поступки и жизненные позиции как абсолютное зло, не оправданное ни при каких обстоятельствах.

Умственные добродетели в учении Аристотеля

Согласно Аристотелю, существует две умственные части души. Одна — практическая мудрость (*phronesis*). Мы опираемся на нее, когда принимаем решение или

делаем выбор, какое действие предпринять, какими средствами воспользоваться, чтобы добиться поставленной цели. Другими словами, эта способность души помогает людям делать правильный выбор. Аристотель называет ее рассудительностью.

Другая умственная часть души — философская мудрость (*sophia*). Именно благодаря этой мудрости мы созерцаем мир (древнегреческое слово, обозначающее созерцание, стало корнем нашего современного слова «теоретизирование»), понимаем происхождение, неизменные причины и принципы, лежащие в основании всех вещей. Аристотель называл исследование вечного и существующего обусловленной необходимостью наукой.

Как умственные части души могут быть добродетелями?

Напомним, что первоначальный смысл понятия добродетели у древних греков — *aretē* — «быть пригодным для какого-то действия». Предназначением каждой умственной части души, по Аристотелю, является получение истины: «Дело обеих умственных частей души — истина. А это значит, что для обеих частей добродетелями являются те склады [души], благодаря которым та и другая [часть] достигнет истины наиболее полно» (Никомахова этика, VI. 1 (I), 1139b, 12–14)⁶⁰.

РАССУДИТЕЛЬНОСТЬ

Когда речь идет о нравственных добродетелях, руководящих нашими поступками, то именно рассудительность определяет, где находится «середина» и к чему следует стремиться, чтобы избежать пороков, которые по обоим сторонам «середины». Более того, совершая каждое действие, мы должны выяснить, зачем мы его совершаем, к какой цели стремимся и какой является эта цель — благой или порочной. Ведь, согласно Аристотелю, цель становится причиной, или «принципом» действия.

Таким образом, практическая мудрость, или рассудительность состоит в определении целей, оснований и последствий наших поступков. Именно поэтому практический разум должен быть сам по себе добродетель-

ным. Недобродетельный практический разум разрушается, потворствуя и находя оправдание порочному поведению. Об этом Аристотель пишет так: «Принципы поступков — это то, ради чего они совершаются, но для того, кто из-за удовольствия или страдания развращается (*toi diephtharmenoi*), принцип немедленно теряет очевидность, как и то, что всякий выбор и поступок надо делать именно ради этого принципа и из-за него. Именно порочность уничтожает (*phthartike*) принцип» (Никомахова этика, VI. 5 (V), 1140b, 16–20)⁶¹.

НАУКА

Наука, доказывает Аристотель, исследует фундаментальные неизменные принципы и всеобщие необходимые истины. Однако научное исследование и доказательства не могут устанавливать первопринципы. Научному исследованию предшествует принятие некоторых истин как исходных. Согласно Аристотелю, мы постигаем эти первопринципы с помощью ума (Там же, VI. 6 (VI), 1140b, 31–32; 1141a, 8)⁶².

Библия с этим согласна. В Библии сообщается, что именно путем непосредственного созерцания («через рассматривание творений») мы можем видеть, что невидимые процессы, лежащие в основании природы, исходят из вечной силы Бога-Творца (Римл. 1:20).

В других источниках утверждается, что подобные вещи недоступны интуитивному прозрению. В связи с этим встает вопрос: в какой мере интуитивное постижение мира определяется предшествующими установками человека?

Оценка этического учения Аристотеля

Нет смысла доказывать ценность этических прозрений Аристотеля. Она очевидна. Однако при этом некоторые части его учения явно несут в себе ограничения, связанные с культурой того времени, его собственными характером и наклонностями. В частности, это касается того, что Аристотель считал главным благом в жизни, а именно — счастьем (*eudaimonia*). Он утверждал, что *эвдемония* — это деятельность в соответствии с добродетелью. Но не ясно, считал ли он, что добродетельное поведение — счастье само по себе, или может быть:

счастье — это цель или награда добродетельного поведения. Понятно, однако, что, по Аристотелю, умственное созерцание — главная деятельность Бога и соответственно наиболее приближенная к Божественной деятельность человека. Таким образом, высшим блаженством для человека должна быть именно умственная деятельность. Хотя человек смертен, ему следует подражать божественному.

Аристотель был ученым мужем, сравнительно состоятельным человеком. Он мог позволить себе заниматься философским созерцанием, потому что у него были рабы, которые на него работали. Он, в известном смысле, отступает от мировоззрения социальной среды, к которой принадлежит: «Первый попавшийся, в том числе и раб, будет вкушать телесные удовольствия, наверное, ничуть не хуже самого добродетельного. Но долю в счастье никто не припишет рабу, если не припишет и участие в жизни. Ведь счастье состоит не в таком времяпрепровождении, но в деятельности сообразно добродетели, как это и было сказано прежде» (Никомахова этика, X. VI (8), 1177a, 6—11)⁶³.

Аристотель рассуждает о разумном созерцании как о высшей форме деятельности и говорит: если существует Бог, то интеллектуальная деятельность должна быть для Него главной. В этом древнегреческий философ совершает ошибку, распространенную среди ученых и философов. Библия свидетельствует о другом: Бог — любовь, и наслаждение этой любовью открыто для всех. Оно, наряду со святостью, — главный мотив подлинно этического поведения.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Можно ли считать справедливой критику в адрес Аристотеля со стороны тех, кто, комментируя его представление о добродетели как середине между двумя крайностями, говорит: «Такие добродетели, как мужество и любовь, исходят из открытой души, а не связаны со скрупулезным взвешиванием качеств человека на каких-то мифических весах»?

2. Как вы понимаете определение добродетели, данное Аристотелем: добродетель — это склад души, который сознательно изби-

рается, состоит в обладании серединой по отношению к нам; причем она определяется таким суждением, каким определит ее сам рассудительный человек. «Середина между двумя [видами] порочности, один из которых – от избытка, другой – от недостатка»?

3. Считает ли Аристотель, что все пороки являются либо избытком, либо недостатком какой-то добродетели? Каково его отношение, например, к зависти, злобе и воровству?

4. Относительно убийства и супружеской неверности Аристотель говорит в «Никомаховой этике»: «Все это и подобное этому считается дурным само по себе... в этом никогда нельзя поступать правильно, можно только совершать проступок; и «хорошо» или «не хорошо» невозможно в таких [вещах...]... вообще совершать какой-нибудь из таких [поступков] – значит совершать проступок». Чем подобная оценка отличается от деятельностного утилитаризма?

5. Как бы ответил Аристотель современным сторонникам идеи вседозволенности? Какие аргументы против Аристотеля они бы выдвинули?

6. Каковы, согласно Аристотелю, умственные добродетели? В чем различие между ними?

7. Какова общая цель умственных добродетелей?

8. Почему практическая мудрость сама по себе добродетельна?

9. Что имеет в виду Аристотель, когда говорит, что «порочность уничтожает... принцип»?

10. В чем состоят функции науки как интеллектуальной деятельности?

11. Когда Аристотель говорит, что мы понимаем первопринципы с помощью не научных доказательств, а интуиции⁶⁴, что он имеет в виду? Что общего между этим суждением Аристотеля и учением Библии?

12. Согласны ли вы с утверждением, что интуитивные прозрения человека зависят от сложившихся в его сознании представлений и установок?

13. Как представление о счастье в учении Аристотеля связано с тогдашней культурой?

14. В чем, согласно Аристотелю, состоит высшее счастье?

15. Как бы выглядело этическое учение Аристотеля, если бы он высшим началом принял любовь, а не разум?

II. СОВРЕМЕННАЯ ЭТИКА ДОБРОДЕТЕЛИ

Возрождение интереса к этике добродетели в наши дни началось с публикации в 1958 г. статьи Дж. Э. М. Ан-

ском «Современная философия морали»⁶⁵. Автор этой статьи говорит: поскольку утилитаризм, столь влиятельный в первой половине XX в., не смог связать должествование и благо, то есть объяснить, почему наш долг состоит в совершении благих дел, стало быть он полностью мог бы отказаться от понятий нравственного обязательства и долга. Они представляют собой не что иное, как реликты давно отживших этических понятий. Автор статьи также считает, что чрезмерный рационализм этической теории, свойственный ей со времен Просвещения, перестал быть плодотворным. Поэтому имеет смысл вернуться к древней традиции и сосредоточиться на развитии внутренних добродетелей личности.

После публикации статьи Анском интерес к этике добродетели стал стремительно возрастать. В результате сформировалось несколько подходов. Систематический обзор современного состояния этики добродетели, а также ее продуманную интерпретацию можно найти у ее представителя Майкла Слоута. Его статья «Этика добродетели»⁶⁶ стала основным источником при написании следующего раздела данной книги.

Особенности этики добродетели

Отличительные особенности этики добродетели легко понять, сопоставляя ее с утилитаризмом и этическим учением Канта.

А. В утилитаризме правильность поступка оценивается в зависимости от результатов, к которым приводит данное действие.

Б. В кантианстве правильность поступка оценивается в зависимости от того, соответствуют ли действия субъекта определенным моральным правилам или принципам.

В отличие от этих двух направлений этика добродетели говорит о правильности или неправильности поступка в терминах внутренней психологической организации человека — его характера и мотивов, которыми он руководствуется. Концептуальный аппарат этики добродетели состоит не из деонтологических понятий типа «следует», «правильный», «обязательный», «обус-

ловленный долгом», а из так называемых аретаических (от древнегреч. *aretē* — добродетель) понятий, характеризующих добродетельное поведение или содержащих оценку типа «восхитительный», «отличный».

Слоут предлагает следующее общее определение этики добродетели. Данную концепцию, говорит он, можно «счесть формой этики добродетели, если она трактует аретаические понятия как фундаментальные (а деонтологические понятия — как производные или несущественные) и сосредоточивается на внутреннем характере и мотивах поведения, а не на правилах или последствиях действий»⁶⁷.

Объединенные этим общим подходом, сторонники этики добродетели расходятся между собой по ряду фундаментальных вопросов. Рассмотрим некоторые из них.

Первый рассматриваемый нами вопрос касается того, должна ли этика добродетели быть теоретической дисциплиной. Некоторые сторонники этики добродетели апеллируют к мнению Аристотеля, предполагающему: именно тот, кто стал добродетельным, определяет, что такое «середина», к которой он должен стремиться, и что является правильным в каждой ситуации. Верное решение не может быть предписано правилами: оно зависит от восприятия того или иного человека и может быть принято лишь на основе опыта и развития добродетельного характера.

Таким образом, сторонники данной позиции утверждают, что не следует предпринимать никаких попыток сведения этики к формальной теории с фиксированными общими правилами и конкретными правилами для разнообразных сфер деятельности человека. Все решения в любой ситуации нужно принимать, исходя из чувства добродетельного индивида.

Комментарии

Изложенная выше позиция порождает очевидную проблему, которую можно сформулировать примерно так: чтобы наметить правильное решение, нужно сначала стать добродетельным. Чтобы стать добродетельным, нужно усвоить необходимые добродетели. Каким образом человек узнает, каковы эти добродетели, если не располагает теорией нравственности? Можно ли назвать эти добродетели самоочевидными, как утверждает интуитивизм? Как

выбрать между добродетелями, которые одобрял Гитлер, и теми, которые одобрял Маркс? Еще античный философ Аристотель подробно теоретизировал по поводу необходимых добродетелей.

Майкл Слоут и многие другие сторонники этики добродетели утверждают, что необходимо разработать общую структуру и теорию этики добродетели. В качестве примера такой разработки он приводит работу Розалинды Херстхаус⁶⁸, а также собственные исследования.

Чтобы понять смысл их разработок, напомним, что мы анализируем каждую этическую теорию по четырем группам вопросов.

1. Каков статус и основания данной этической системы? К какому авторитету она апеллирует?

2. Какова ее конечная цель? Каков общий принцип или какие принципы, которые она предлагает (устанавливает) для достижения этой цели?

3. Какие конкретные правила устанавливаются в этой этической системе для регулирования поступков человека в его повседневной жизни?

4. Какие рекомендации дает эта теория для применения ее общих принципов или специфических правил в реальных сложных жизненных ситуациях?

Концепция этики добродетели Херстхаус

1. Общий принцип концепции: что определяет правильность поступка?

Подобно Слоуту, Херстхаус утверждает, что правильность поступка зависит от того, станет ли этот поступок совершать добродетельный человек. В этом утверждении она следует Аристотелю, который, по ее мнению, считал, что тот или иной поступок является правильным, *потому что его всегда совершит добродетельный человек.*

Комментарии

А. Совершенно очевидно, что эта позиция отлична от утилитаризма, который учит, что правильность или неправильность поступка зависит только от его последствий.

Б. Эта позиция отлична и от кантианства, в соответствии с которым правильность поступка зависит от того, совершался ли он из желания подчиниться моральному закону.

В. Что же все-таки означает тезис: поступок правильный, потому что его совершил бы добродетельный человек? Чтобы разобраться в этом, воспользуемся аналогией.

Предположим, я, ничего не зная об искусстве, пришел в картинную галерею и оказался среди двадцати картин, имеющих разную степень художественной ценности. Мне говорят, что я могу взять любую картину, которую выберу. Естественно, я захочу выбрать самую ценную. Но какова это картина? Ничего не зная об искусстве, я не могу этого определить. Но в это время в зал входит известный искусствовед. Я спрашиваю его, какую картину выбрать, и в своем выборе следую его совету. Когда же я приношу картину домой и меня спрашивают, насколько она ценна, я естественно отвечаю: «Мне известно, что это самая ценная картина в галерее, потому что на нее мне указал опытный специалист».

Что следует из моего ответа? Стала ли картина ценной потому, что ее выбрал художественный критик? Конечно, нет. Она была таковой до того, как он увидел ее. Он является большим знатоком искусства, и именно потому сразу же понял ценность живописной работы и выбрал ее.

Теперь рассмотрим, как эта аналогия относится к обсуждаемому нами вопросу. Предположим, мы столкнулись с поступком, который любой человек считает гадким. В этом случае мы вправе сказать: тот, кто совершил этот поступок, – порочный человек. Почему? Потому что ни один добродетельный человек так бы не поступил. Мы, разумеется, не хотим тем самым сказать, что данный поступок стал порочным, потому что ни один добродетельный человек не совершил бы его. Цепочка рассуждений должна разворачиваться с другого конца: поскольку данный поступок всегда объективно гадкий, ни один добродетельный человек его не совершит.

Что же в таком случае означает высказывание: «Данный поступок является правильным, потому что его всегда совершит добродетельный человек»? Очевидно, нельзя сказать, что поступок становится правильным просто потому, что такие поступки совершают добродетельные люди. Понятно, что молодой неопытный человек, не уверенный в том, будет ли данное действие нравственным или безнравственным, может посмотреть, как в подобном случае ведет себя более опытный человек. Сравнивая свою ситуацию с аналогичными ситуациями, в которых оказывался его друг, или знакомый, молодой человек может подумать: «Он повел себя так-то и так-то, он считает, что это правильно, иначе никогда не стал бы вести себя таким образом. Я могу наследовать его пример». Однако если нужно выбрать то, что действительно нравственно, а что безнравственно, то очень опасно определять нравственный поступок по тому, что делают добродетельные люди. То, что они поступили определенным образом, не делает данный поступок правильным. И добродетельные люди иногда ошибаются.

Кроме того, если нравственность поступка ставить в зависимость от того, совершает ли его добродетельный человек или недобродетельный, то прежде чем оценивать поступок, следует сначала оценить человека, который его совершает, и установить, был ли он добродетельным в момент совершения этого поступка. А это, как утверждает Роберт Лоуден, очень трудно сделать⁶⁹. Некоторые внешне добродетельные поступки могут совершаться людьми, которые далеко не добродетельны. Иуда Искарот молился и вел себя как подлинный ученик Христа в течение трех лет, и все, за исключением Самого Христа, считали его таковым, пока предательство не показало его подлинную сущность.

Таким образом, этике добродетели не удастся найти замену объективности моральных норм и абсолютных ценностей. Она, фактически, оказывается зависимой от них. Предметы и поступки должны быть объективно благими и правильными, прежде чем добродетельный человек отдаст им предпочтение. Хотя понятно, что добродетельный человек скорее увидит правильное и благое, чем закоренелый преступник, так же как опытный искусствовед легко распознает шедевр там, где непрофессионал его не заметит.

2. Цель этики добродетели в концепции Херстхаус

Подобно Слоуту, Херстхаус считает, что «добродетели — это качества характера, которые нужны субъекту для достижения счастья (эвдемонии), общего благополучия и благосостояния»⁷⁰.

Как мы уже убедились выше, нет определенности в понимании счастья у Аристотеля: считал ли он, что счастье — это жить в соответствии с добродетелью, или оно — цель жизни и награда за добродетель.

Поясним, в чем различие между этими двумя позициями на примере из обыденной жизни. Представьте себе двух юношей. Один постоянно тренируется и принимает участие в футбольных играх, стремясь достичь мастерства в игре. Он находит удовольствие в самой игре. Другому юноше тоже нравится играть в футбол, и он тоже мечтает достичь спортивных высот. Но он хочет не просто играть в футбол. Его интересует нечто иное: он стремится к наградам, его главная мечта — получить кубок мира.

Как же в таком случае связать счастье с практикой этики добродетели? Состоит ли оно просто в добродетельной жизни? А быть может, оно — нечто большее,

чем определенная цель, достигаемая путем добродетельной жизни? Слоут считает, что в концепции Херстхаус счастье понимается как нечто большее, чем просто добродетельная жизнь, нечто отличное от нее. Таким образом, жизнь в соответствии с этикой добродетели — это, в конечном итоге, только средство достижения высшей цели — счастья.

Если это так, то что такое счастье и как его определить? Какое бы определение мы ему ни дали — и это беспокоит Слоута — этика добродетели уже не является самодостаточной и независимой. Ее высшей целью должно быть нечто другое, а поэтому значение и ценность также зависят от того другого.

Сторонники христианской этики не испытывают никаких проблем с этим понятием. Они убеждены, что добродетельное поведение, хотя оно благое и желательное, не является самодостаточным. За ним стоит некая высшая цель, которая не может быть определена в обычных терминах этики. Это — прославление Бога и вечное наслаждение общением с Ним. Однако моралисты, не верящие в Бога, все-таки должны ответить на вопрос: зачем нужно быть нравственным человеком? Для ответа на этот вопрос им необходимо либо изобрести какую-то высшую цель, вроде счастья (как бы оно ни определялось), либо рассматривать нравственное поведение как ценность и цель саму по себе — действительно высшую цель в жизни.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Чем отличается этика добродетели от утилитаризма и кантианства?

2. Как вы понимаете общую характеристику этики добродетели, данную Слоутом?

3. «Некоторые сторонники этики добродетели выступают против правил. Они утверждают, что при принятии нравственных решений все зависит от чутья и образованности добродетельного человека в сфере этики». Что означает это утверждение? На каких основаниях оно делается?

4. Чем, согласно Херстхаус, определяется нравственность или безнравственность того или иного поступка?

5. «Поступок считается нравственным, если его совершит добродетельный человек». В чем двусмысленность этого высказывания?

6. Является ли картина произведением искусства только потому, что ее считает таковой опытный искусствовед? Или он выбирает ее потому, что она действительно является шедевром?

7. На какие проблемы, согласно Роберту Лоудену, наталкивается этика добродетели, когда необходимо оценить нравственность субъекта? Согласны ли вы с его критикой этики добродетели?

8. Почему опасно определять нравственное поведение как то, что «предпочитают делать нравственные люди»?

9. Считаете ли вы верным предложенный вывод: «Теории добродетели не удастся найти замену объективности моральных норм и абсолютных ценностей. Она, фактически, оказывается зависимой от них»?

10. Что Херстхаус считает целью этики? Почему М. Слоут критически относится к ее интерпретации?

11. Перечитайте пример, рассказывающий о двух любителях игры в футбол. В чем различие их отношения к футболу?

12. Что имеет в виду Слоут, когда утверждает, что этическая система должна быть самодостаточной и не ставить цель, выходящую за ее пределы?

13. Почему христиане говорят, что добродетельная жизнь не является достаточной сама по себе и потому должна существовать цель, находящаяся за рамками добродетельной жизни? Какова эта цель?

Концепция этики добродетели М. Слоута

Концепция Майкла Слоута направлена на выявление единого основополагающего принципа, который может сделать этику добродетели подлинно единой теорией, сопоставимой с этическими теориями, подобными утилитаризму и кантианству, и демонстрирует ее превосходство.

Подобно другим сторонникам этики добродетели, Слоут ратует за оценку нравственности поступка с позиций действующего лица. Это означает, что нравственность поступка зависит не от оценки его последствий, как в утилитаризме, а от оценки добродетельности действующего лица. Как же в таком случае оценивается добродетельность действующего лица? Слоут выдвигает следующие предложения.

1. Нравственность сводится к единому основополагающему мотиву – всеобщей доброжелательности (*universal benevolence*), то есть доброжелательного отношения ко всем и вся. В этом случае не нужно оценивать, является ли совершенный кем-то поступок нравственным или безнравственным путем анализа его результатов. Вы не будете его оценивать на основе того, подчиняется ли совершающий его человек какому-то моральному правилу. Он оценивается по тому, насколько близко добродетельность действующего лица на момент совершения поступка соответствует *нравственному качеству* всеобщей доброжелательности. Никакое другое обоснование поступка действующего лица не нужно. Всеобщая доброжелательность не восходит ни к какому другому более фундаментальному принципу, моральному закону или личности: она сама фундаментальна. Даже если поступок человека в силу каких-то непредвиденных обстоятельств привел к катастрофическим результатам, этот человек не подлежит обвинению, поскольку руководствовался всеобщей доброжелательностью.

Однако, в конце концов, Слоут признается в том, что он не удовлетворен всеобщей доброжелательностью как основополагающим принципом, поскольку этот принцип обладает теми же недостатками, что и утилитаристское представление о морали. Как мы убедились выше, согласно Бентаму, человек не только должен действовать так, чтобы способствовать наибольшему счастью наибольшего числа людей, но и при подсчете этого числа он должен быть совершенно беспристрастным и соблюдать полную нейтральность по отношению к своим близким родственникам: матери, детям и др. Так, он не может препятствовать их гибели, если их гибель способствует наибольшему удовольствию наибольшего числа людей.

Большинству людей такое отношение покажется антигуманным. Однако если всеобщую доброжелательность положить в основание этики добродетели, то мы снова придем к подобной же антигуманной позиции. Согласно такой позиции, доброжелательность человека всегда должна быть универсальной. Она не совместима с его заботой о близких родственниках, с тем, чтобы его от-

ношение к ним отличалось от его отношения к другим людям, живущим с ним в одном городе. Человек также не предполагает, что он будет как-то иначе относиться к своей стране, чем к другим странам мира. А поскольку в настоящее время этическая теория считается неудовлетворительной, если она приложима только к личной жизни человека и его отношению к близким людям и не приложима к государственным и международным делам, Слоут ищет какой-то один основополагающий принцип, который объединит этику добродетели и в то же время соединит любовь и заботу о своих близких друзьях с подлинно гуманистической заботой обо всем человечестве.

2. Нравственность понимается как этика заботы.

Слоут указывает, что в последние два десятилетия были выдвинуты две концепции, развивающие этику заботы как, по своей сути, женскую этику. Женская этика считается противоположной традиционной мужской этике, основанной на понятиях права, справедливости, полезности, понятной по количественным параметрам. Таковы концепции Кэрол Гиллиган (см. ее книгу «Иным голосом: психологическая теория и развитие женщины»⁷¹) и Нел Ноддингс («Забота: женский подход к этике и нравственному воспитанию»⁷²). Слоут воспринял идею заботы как основополагающий принцип нравственности и применил его к своему варианту этики добродетели, исходящей из действующего лица.

Он развивает свою концепцию из представления об инстинктивной любви отца к своим детям. Затем переходит к описанию отца, имеющего двух двадцатилетних сыновей. Один из них — здоровый, энергичный и честолюбивый молодой человек, а другой — инвалид. Слоут далее рассуждает, что для здорового сына он как отец может сделать немного, тогда как больному может и должен помогать все время. Затем Слоут вопрошает: как именно отец этих двух детей будет делить между ними свою любовь, помощь и время?

Слоут уверяет, что в своем поведении любящий отец не станет опираться на требования некоего абстрактного принципа справедливости, а будет руководствовать-

ся инстинктом заботы о двоих сыновьях. И хотя уход за сыном-инвалидом потребует больше времени, отец будет стремиться к тому, чтобы подарить свои время, любовь и помощь также другому сыну.

Далее Слоут применяет эту хорошо знакомую всем модель взаимоотношений между заботливыми родителями и детьми к поведению людей вообще. Он указывает, что существует значительная разница между заботой о близких людях и родственниках, заботой о родной стране и заботой о других странах и миллионах людей, с которыми мы не знакомы. В первом случае забота направлена на знакомых людей, на отдельного человека, на отдельную семью, на отдельное государство, к которым мы имеем прямое отношение. Во втором случае проявляем заботу не о тех, кого близко знаем, а о людях в целом; при этом можем знать некоторых из них, а можем и никого не знать. Наша забота в этом случае вытекает из нашего общего гуманизма и благожелательности.

Смысл рассуждения Слоута в том, что подлинная этика заботы побуждает нас проявлять внимание и любовь к самым близким и любимым людям. И этим этика заботы отличается от утилитаризма. В то же время она вдохновляет нас посвящать часть времени, энергии и денег на заботу обо всем человечестве.

Оценка концепции Слоута

Попытка построить этическую систему, которая способствовала бы развитию этики практической заботы, а также обеспечить ее рациональное обоснование путем встраивания ее в общую философскую теорию заслуживает безусловного одобрения. Своим гуманизмом она выгодно отличается от холодных бездушных конструкций обычного философского теоретизирования.

Тем не менее, когда мы начинаем задумываться об основаниях этики добродетели и о том, на какой авторитет она опирается, то наталкиваемся на сложные вопросы как теоретического, так и практического порядка.

Прежде всего, это касается утверждения Слоута, что его версия этики добродетели исходит из действующего

лица, то есть для оценки поступка она рассматривает не его результат и, конечно, не внутреннее нравственное качество поступка, а скорее мотивы действующего лица. Приведем, к примеру, его обоснование всеобщей благожелательности (это обоснование равно относится и к разделяемой им этике заботы): «Основанная на позиции действующего лица (*agent-based*) *нравственность как всеобщая благожелательность* рассматривает всеобщую и справедливую благожелательность как высший и лучший из мотивов, оценивая поступки исключительно в терминах того, насколько их мотивы приближаются ко всеобщей благожелательности»⁷³.

Нет смысла оспаривать ценность мотива всеобщей благожелательности и в еще меньшей мере — ценность мотива заботы. Однако следует задаться вопросом о *статусе* этих мотивов. Возьмем, к примеру, заботу. Что это такое? Для большинства людей проявлять заботу о ближнем — естественная потребность, но находятся и такие, которые не чувствуют в этом потребности.

Для рассмотрения вопроса воспользуемся еще раз нашей аналогией с живописью. Некоторые люди наделены способностью к рисованию от рождения. Путем упорных занятий они развивают эту способность и добиваются признания своего искусства со стороны других людей. Они приобретают то, что древние греки называли бы *aretē* художника, — другими словами, достигают совершенства в искусстве рисования, — и люди оценивают их работу в *аретических* терминах.

А есть люди, начисто лишенные художественного дара, которые очень редко принимаются за живопись. Я также принадлежу к их числу. Если бы я попытался нарисовать чей-то портрет, то мое *arete* художника было бы оценено как очень низкое. Но никому не придет в голову — и в этом цель использования нашей аналогии — сказать мне, что я *должен* рисовать и то, что я не рисую или рисую очень плохо — это нарушение долга.

А что можно сказать об этике заботы? Немалая часть женщин, особенно тех, которые имеют детей, заботится о своей семье и детях. То же можно сказать и об отцах. Но если оценивать моральный климат в современном об-

честве объективно, то следует честно признать: очень распространена ситуация, когда мужчина не хочет жениться на матери своего ребенка. Он не чувствует себя обязанным заботиться о жене и детях. И, даже заключив брак, многие мужчины вскоре уходят из семьи, оставляют своих детей и отказываются содержать их. Одни из них начинают заботиться о чужих детях, другие «кочуют» из семьи в семью. К сожалению, уже нельзя сказать, что эти случаи являются исключениями из правила, — так часто они встречаются. (В некоторых странах число разводов за год равняется числу браков.)

Вряд ли можно считать, что такие отцы заботятся о своих детях и женах. Но возникают вопросы: должны ли они о них заботиться? Является ли забота о семье их долгом? Или в данном случае люди могут высказаться о них так же, как о моих рисунках: «Совершенно ясно, что забота о людях у вас не получается, но вы и не *должны* брать на себя заботу о них»? Эти вопросы могут быть заданы и во многих других ситуациях. Например, должен ли банк заботиться о своих управляющих? Может ли банк уволить человека, который проработал в нем всю свою жизнь, и нанять на его место более молодого сотрудника?

Нет смысла множить подобные примеры. Ясно, в чем суть этих вопросов: должны ли мы заботиться о других людях? В системе этики добродетели понятию долга, которое относится к так называемым деонтологическим понятиям, нет места. Напомним общую характеристику этики добродетели, которую предлагает Слоут: «Этика добродетели определяет то, что нравственно, в свете таких внутренних факторов, как характер и мотив, и, в отличие от большинства современных этических концепций, она занимается трактовкой аретаических понятий, типа “восхитительный” и “великолепный”, которые рассматривает как фундаментальные, в отличие от деонтологических понятий, типа “следует”, “правильный” и “обязательный”»⁷⁴.

С христианской точки зрения, этот недостаток рассматриваемой концепции не поддается корректировке. Библейский подход к данным вопросам качественно отли-

чен. Каин спросил Бога: «Разве я сторож брату моему?» И если бы Бог ответил ему в соответствии с этикой добродетели, то сказал бы: «Ну, знаешь, Каин, если ты руководишься всеобщей благожелательностью или этикой заботы, то твое отношение будет аретаически восхитительным. Если ты хочешь, чтобы твое поведение было понято именно так, тебе нужно позаботиться о своем брате. Но Я не могу сказать тебе, что ты должен охранять своего брата, поскольку это деонтологическое понятие».

Бог сказал Каину совершенно иное, что вытекает из Закона Божьего: «Люби ближнего своего, как самого себя». А это деонтологическое представление.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Прокомментируйте тезис: «В развитие современной этики добродетели значительный вклад внесли философы-женщины».

2. Слоут говорит о своих поисках единого основополагающего принципа добродетели. Какие два принципа он обсуждает и какому из них отдает предпочтение?

3. Что имеет в виду Слоут, когда говорит, что этическая теория должна зависеть от действующего лица?

4. Если бы всеобщая добродетель была положена в основу этической системы, как можно было бы измерять добродетельность действующего лица?

5. Что имеется в виду, когда говорится, что всеобщая доброжелательность не восходит ни к какому другому фундаментальному принципу или моральному закону?

6. Почему Слоут отрицает всеобщую доброжелательность как фундаментальный принцип? На каком основании он считает, что как фундаментальная основа этот принцип был бы таким же антигуманным, как и утилитаризм Бентама?

7. Какие идеи Слоут заимствовал из концепций Кэрол Гиллиган и Нел Ноддингс?

8. Какую проблему, с точки зрения Слоута, решает этика заботы?

9. С какой целью Слоут применяет пример с отцом, заботящимся о своих обоих сыновьях?

10. Что означает утверждение: «Этика добродетели исключает все деонтологические понятия и сосредоточивается исключительно на аретаических ценностях»? Какие следствия вытекают из этого высказывания?

11. Забота о людях – это, конечно, прекрасная добродетель, если мы ею обладаем. Но должны ли мы заботиться о других? Если да, то почему? На чем основано такое представление?

12. Должны ли большие компании заботиться о своих служащих?

13. Когда Каин спросил Господа: «Разве я сторож брату моему?», что ответил ему Бог?

Е / **Эгоизм**

I. КРАЙНОСТИ В ЭТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ

Этическая теория Аристотеля обладает двумя замечательными качествами. Во-первых, она основана на наблюдении и глубоком анализе; во-вторых, она реалистична. Наиболее очевидно эта реалистичность проявляется тогда, когда Аристотель утверждает, что в этической практике труднее всего придерживаться золотой середины и легче всего впасть в крайности.

Эта мысль Аристотеля относится не только к этической практике, но и к этической теории, как это было уже показано в приведенном выше обзоре наиболее известных этических систем.

Так, после эпохи Просвещения этические теории сосредоточились на определении нравственности или безнравственности поступков людей и их ответственности в выполнении долга. В последние десятилетия этика добродетели занимается совершенно другими вопросами. Акцент сместился с анализа качества поступков людей на их внутренние добродетели, так что деонтологический элемент оказался практически исключенным из анализа. Однако понятно, что в идеале этическая мысль не должна скатываться ни к одной из крайностей, а должна быть уравновешенным сочетанием обоих элементов.

Как показано выше, деятельностьный утилитаризм и этика Канта также представляют собой крайности. Но в формальном изложении своих посылок утилитаризм всецело телеологичен и однозначно отрицает деонтологический элемент, тогда как позиция Канта исключительно деонтологична и однозначно отрицает телеологию. Од-

нако жизнь трудно уложить в жесткую схему. Не удивительно поэтому, что при более внимательном анализе оказывается: деонтологический элемент вкрадывается в учение Бентама, а телеологический — в учение Канта.

Если же посмотреть на деятельностный утилитаризм и этику Канта с другой стороны, то оба эти учения занимают одну и ту же крайнюю позицию. Оба они отрицают законность любого эгоизма или преследования своих собственных интересов. Утилитаризм гласит: при оценке наибольшего удовольствия для наибольшего числа людей отдельный субъект (действующее лицо) должен быть абсолютно нейтральным и беспристрастным. В критических ситуациях он не должен отдавать предпочтение своим близким и любимым людям. Отец, мать, братья и сестры, жена и дети должны быть принесены в жертву, если это необходимо, для достижения наибольшего удовольствия наибольшего числа людей.

В учении Канта эгоизм также объявляется вне закона. Нравственным является только такой поступок, говорит Кант, который совершается человеком, следующим чувству долга. Благое деяние, продиктованное добротой или сочувствием, нравственно несостоятельно. Лавочник, рассуждал он, может относиться к своим покупателям справедливо, но поскольку он делает это из собственной выгоды (если бы он относился к ним несправедливо, то потерял бы всех своих клиентов и разорился), то его честное поведение не имеет моральной ценности. Кант, наверное, счел бы поговорку «Честность — самая лучшая политика» признаком развращенного сознания. Ему трудно было представить, что лавочник может действовать и из чувства справедливости, и из собственной выгоды.

Перейдем к этической теории, сторонники которой занимают другую крайнюю позицию. Эта теория называется этическим эгоизмом и утверждает, что единственным нравственно состоятельным действием является поступок, совершаемый исключительно из собственного интереса действующего лица.

Поэтому понятно, что в сознании некоторых людей «этический эгоизм» означает отождествление эгоизма и действия ради собственных интересов. В результате и то,

и другое рассматриваются с равным неодобрением. Курт Байер так описывает эгоистов: «...сосредоточенные на самих себе, бездумные, бесчувственные, безжалостные люди, склонные к самовозвеличиванию и погоне за удовольствиями. Они не задумываются о цене этих удовольствий и думают только о себе. А если и думают о других, то только как о средствах для достижения своих целей»⁷⁵.

Это достаточно категоричное высказывание. И если бы преследование собственных интересов всегда было тождественно эгоизму, оно заслуживало бы такого же осуждения.

Однако преследование собственных интересов не всегда то же самое, что эгоизм. Приравнивание действия во имя собственной выгоды к себялюбию может привести к путанице и неправильной интерпретации этических систем. Иногда подобная путаница допускается при интерпретации христианской этики.

Одна из таких интерпретаций принадлежит христианским теологам, которые находятся под влиянием учения Канта о том, что человек должен действовать, руководствуясь исключительно своим долгом. Отсюда можно сделать вывод о том, что служение Богу, продиктованное личным интересом, безнравственно. Согласно подобным концепциям, Библия учит, что единственное приемлемое поведение основано на полном отречении от самого себя: нужно взять свой крест и служить Богу, забывая о личных интересах.

Противоположной крайности придерживаются критики христианской этики. Они также рассматривают личный интерес человека (по крайней мере, в этом контексте) как нечто безнравственное. Однако они указывают на некоторые тексты из Библии, которые призывают христиан служить Богу в надежде на воздаяние за свои труды. Подобные критики заключают, что такое положение христианского учения нравственно ущербно.

Для объективной оценки этических систем, которые строятся на выгоде и интересе, следует рассмотреть, какой смысл они вкладывают в эти понятия. Но сначала обратимся к тому, как интерпретируются эти понятия в христианской этике.

II. РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ ПРЕСЛЕДОВАНИЕМ ЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ И ЭГОИЗМОМ

А. Основное различие

В своей книге «Элементы философии нравственности» Джеймс Рейчелс подчеркивает, что не всегда поступки, которые совершаются из личного интереса, являются эгоистичными⁷⁶. Скажем, больной человек действует с мыслью о собственном здоровье, когда идет к врачу. Но эгоизмом такое поведение назвать, конечно, нельзя. Оно не наносит никому ущерба и никого не лишает никаких благ. Однако можно привести примеры, которые описывают обратную ситуацию. Так, если в доме ограниченное количество еды и кто-то из членов семьи съест все или потребует больше, чем ему причитается, это уже будет эгоизмом.

Б. Нравственная приемлемость поведения, основанного на сочетании мотивов

Учение Канта, как мы помним, состоит в том, что нравственно приемлемыми являются только те поступки, которые совершаются исключительно из чувства долга. Поступки, совершаемые по другим мотивам, считаются нравственно несостоятельными. Однако можно привести примеры, которые не согласуются с этим принципом.

Представим себе такую ситуацию из обыденной жизни. Осенью, когда все люди занимаются заготовками на зиму, Ирина законсервировала больше ягод и фруктов, чем нужно для ее семьи. При этом она руководствовалась следующими мотивами.

1. *Долг*. Ее семья состоит из мужа и четверых детей, поэтому она считает, что должна заботиться о том, как их накормить.

2. *Личный интерес*. Бульшую часть заготовок, не нужных ее семье, она собирается продать на базаре, чтобы купить себе новое платье.

3. *Сострадание*. Оставшиеся консервы она хочет отдать бедной, недавно овдовевшей женщине, матери троих детей.

Таким образом, эта хозяйка, делая зимние запасы, руководствовалась несколькими мотивами. Если бы она делала их, думая только о нуждах своей семьи и о своем

долге, то Кант считал бы ее работу нравственной. Но часть консервов она приготовила из сострадания к соседке, и отнюдь не из чувства долга. Она просто пожалела бедную вдову и действовала из сочувствия к ее нуждам. Более того, она отдала ей свои дары с удовольствием и получила большое удовлетворение, увидев выражение благодарности на лицах женщины и ее детей. Должны ли мы соглашаться с Кантом, что эта часть ее деятельности нравственно несостоятельна, поскольку она не продиктована исключительно чувством долга?

Известно, что часть консервов Ирина сделала на продажу, рассчитывая на вырученные деньги купить себе платье, пусть не роскошное, но модное и красивое. И в этом она, конечно, действовала, исходя из личного интереса. Сразу же можно сказать, что это не было действием, которое можно назвать своекорыстием: Ирина никого не обделила, и семейный бюджет также не пострадает от ее покупки. Очевидно, что в данном случае она действовала не из чувства долга: долг не предписывал ей покупать себе обновку. Это — личный интерес. Вместе с тем Кант, конечно, мог бы сказать, что человек должен одеваться, а не ходить по улицам голым, и что в этом случае личная выгода совпадает с выполнением долга.

Подобные примеры показывают, что принцип Канта об обязательной связи между долгом и нравственностью является большим упрощением. Он не принимает во внимание всю сложность человеческого поведения.

В. Христианская этика и правомерность личного интереса

1. По определению, *в интересах человека как сотворенного существа — служить воле и цели своего Творца.*

Если мы, как целостные существа в единстве тела, души, духа, умений и способностей, самого дыхания, благодаря которому живем, были созданы Богом, наполненными Его любовью, деянием и волей, то разве не в наших личных интересах служить Его воле и угождать Ему?

Предположим, верующий считает своей первостепенной задачей служить Богу во имя радости и воздаяния, которые он обретает благодаря этому служению. В нашем запутанном мире, часто враждебном любой идее Бога

и Христа, быть верным Богу чрезвычайно сложно. Но даже в таких условиях только клеветник, злословящий по поводу характера Бога, может сказать, что жизнь во имя служения Богу превращается для верующего в безрадостный, неблагодарный труд. Иисус Христос говорит прямо противоположное: «...Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его» (Иоан.4:34). Очевидно, Он получал личное удовлетворение и поддержку от служения Богу. С нашей стороны было бы весьма самонадеянно думать, что мы нравственно выше Христа и не нуждаемся в таком источнике жизненных сил. Более того, Христос как Хлеб Жизни, призывает нас всех прийти к Нему и утолить свой духовный голод.

2. В интересах каждого человека искать примирения с Богом, спасения и вечной жизни.

Об этом говорил Сам Христос. Обращаясь к народу, Он призывал: «...подвизайтесь войти сквозь тесные врата, ибо, сказываю вам, многие поищут войти, и не смогут. Когда Хозяин дома встанет и затворит двери, тогда вы, стоя вне, станете стучать в двери и говорить: «Господи! Господи! отвори нам». Но Он скажет вам в ответ: «не знаю вас, откуда вы». <...> Там будет плач и скрежет зубов, когда увидите Авраама, Исаака и Иакова и всех пророков в Царствии Божием, а себя изгоняемыми вон» (Луки 13:24,25,28).

Однако многие моралисты утверждают, что против этого учения можно возразить. Если бы речь шла об упорном труде с целью получения диплома или научной степени, то они бы его одобрили. Или если бы нужно было работать сверхурочно, чтобы заработать денег и купить билет на концерт известного музыканта, то они бы тоже это одобрили. Но они считают неприемлемым хорошее поведение, подчиненное желанию попасть в рай. И говорят, что это подрывает сами основы нравственности, поскольку нравственность должна вытекать из абсолютно бескорыстного желания быть нравственным ради самой нравственности, а не ради того, что можно получить благодаря правильному поведению.

Однако такая критика христианской морали основывается на ее неправильном понимании. На самом деле, не-

возможно войти в Царствие Божье благодаря правильно-му поведению. Примирение с Богом, искупление, спасение, рай — все это дается человеку как дар, а не как награда за «хорошее поведение». В Библии читаем: «Ибо благодатию вы спасены чрез веру, и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился» (Ефес.2:8,9).

Далее. Когда Господь, наш Создатель, предлагает человечеству Свой дар, то было бы абсурдно притворяться, что в интересы человека не входит с готовностью принимать его, и тем более неразумно игнорировать или даже отвергать его как что-то неинтересное. Так, Христос сказал женщине, которая была глубоко не удовлетворена своей жизнью и известными ей религиозными учениями: «...если бы ты знала дар Божий... то ты сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе воду живую» (Иоан.4:10). Таким образом, подлинный личный интерес на этом уровне не только нравственно допустим, но и является явным благом и необходимостью.

Значение отречения от самого себя

Но если это так, то возникает вопрос: *почему же Библия говорит о необходимости отречения от самого себя?* Ответ содержится в проповеди Христа, которую Он адресовал Своим ученикам: «С того времени Иисус начал открывать ученикам Своим, что Ему должно... много пострадать от старейшин и первосвященников и книжников, и быть убиту, и в третий день воскреснуть <...> Тогда Иисус сказал ученикам Своим: если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною; ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее; какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою? Ибо придет Сын Человеческий во славе Отца Своего с Ангелами Своими, и тогда воздаст каждому по делам его» (Матф.16:21, 24-27).

В этом отрывке Христос возвещает, что будет отвергнут властями, распят и воскреснет, а затем придет на Землю опять. Он предупреждал Своих учеников, что мир не будет относиться к ним лучше, чем к Нему

Самому. «Если Меня гнали, будут гнать и вас...» (Иоан.15:20). И это не преувеличение: миллионы христиан испытали на себе преследования, были казнены из-за своей веры во Христа, причем не только во времена римлян, которые бросали их на съедение львам. Любый человек, который собирается стать учеником Христа, может столкнуться с таким отношением. Он должен быть готовым потерять свою жизнь во имя верности Христу, но, потеряв свою жизнь, он тем самым и сохранит ее — он обретет вечную жизнь и воздаяние в Царстве Божьем, когда Христос вернется опять. Но если кто-то, преследуя ложно понятые собственные интересы, отвергнет Христа, чтобы сохранить свою жизнь в этом мире, он, на самом деле, потеряет ее, поскольку уже никогда не будет наслаждаться вечной жизнью с Христом в Его грядущем Царстве.

Однако следует отметить, что даже в процитированном выше трагическом отрывке Христос вспоминает о личном интересе человека: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир [*отвергнув Христа — Д. Г., Дж. Л.*], а душе своей повредит?», ведь он потеряет свою жизнь в грядущем мире.

3. Преследование личных интересов необходимо в каждодневной жизни.

Нет никакого смысла скрывать тот факт, что именно личный интерес движет нами в повседневной жизни. Хорошо тем, кто получает удовольствие от своей каждодневной работы и кто занимался бы ею, даже если бы ему за нее не платили. Однако обычно людей к этому движет пустой желудок, потребность в одежде и жилище... Общее библейское правило для всех людей, способных трудиться, гласит: «...если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2Сол.3:10).

В то же время Библия не одобряет людей, которые работают исключительно из личной выгоды. В Послании к ефесянам прямо говорится: «Кто крал, вперед не кради, а лучше трудись, делая своими руками полезное, *чтоб было из чего уделять нуждающемуся*» (Ефес.4:28) (*курсив наш. — Д. Г., Дж. Л.*). Таким образом, в повседневной жизни перед нами не стоит выбор: *либо* руковод-

ствоваться личной выгодой и личным интересом, *либо* быть полным альтруистом. Обычно мы руководствуемся и тем, и другим. Единственное, что совсем неправильно, — жить исключительно ради себя, не принимая во внимание других людей, их нужды и интересы, боль и страдания, к которым может привести наш крайний эгоизм.

Существует очевидное различие между скупцом, который, накопив громадное состояние, удаляется в свой замок и использует деньги только для того, чтобы окружить себя роскошью, и человеком, вроде Эндрю Карнеги (1835—1919), который распорядился, чтобы его состояние пошло на благотворительные цели. Благодаря этому были поддержаны многие образовательные институты, библиотеки, искусство. Был создан также Фонд мира Карнеги для продвижения мирных инициатив.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. В каком смысле этика добродетели представляет собой крайнюю позицию?

2. На каких основаниях можно сказать, что деятельностьный утилитаризм и этическое учение Канта противоположны друг другу?

3. Что их роднит между собой?

4. Что означает термин «эгоист»? Можете ли вы привести исторические примеры эгоистичных людей?

5. В чем различие между деятельностью в личных интересах и эгоизмом?

6. Могут ли смешанные мотивы быть нравственно приемлемыми?

7. С одной стороны, если мы созданы Творцом, то почему отсюда логически следует, что в наших интересах служить воле и цели нашего Создателя?

8. С другой стороны, если мы — продукт лишенных сознания сил, то должны ли мы кому-то или чему-то служить? В наших ли это интересах? А может в таком случае нашим главным мотивом должно было быть выживание наиболее приспособленных?

9. Может ли быть стремление обрести личное спасение эгоистичной или недостойной целью? Если нет, то почему?

10. Учит ли христианство добродетельному поведению ради пользы, которую люди могут из этого извлечь? Если нет, тогда скажите, чему оно учит людей?

11. Что имеет в виду Библия, когда говорит, что человек должен отречься («отвергнуться») от себя? Почему Христос учил Своих учеников, что они должны быть готовыми к этому?

12. Ежедневный труд в жизни христианина может быть продиктован разными мотивами. Какие это мотивы: необходимость? Благотворительность? Честолюбие? Личный интерес или выгода? Деньги и блага?

Г. Христианская этика и порочность эгоизма

Человеческие существа отличаются от других млекопитающих тем, что по сравнению с животными человеческие детеныши остаются в течение длительного времени абсолютно зависимыми от своих родителей или других людей, которые за ними ухаживают. И действительно, абсолютное большинство людей, живущих в условиях цивилизации, вряд ли может быть не зависимым от услуг и помощи других людей. Следовательно, человек, который руководствуется только личными интересами, повинен в нарушении наиболее фундаментальных условий бытия человеческого общества. Более того, он серьезно подрывает свою роль и свои жизненные возможности.

Образ человеческого тела в обсуждении этических проблем

Размышляя в том же плане, и языческие, и христианские философы в древние времена использовали образ человеческого тела с его многими органами и частями как аналогию для иллюстрации отношений между отдельным человеком и политикой государства, а также отношений между отдельным человеком и духовным телом Христа (см. подобную политическую метафору у Менения Агриппы⁷⁷ и расширенную метафору Апостола Павла в 1Кор.12:12-31). Аналогичное рассуждение можно найти в более поздней литературе — у сторонников русской идеи соборности. Все эти соображения можно суммировать следующим образом.

1. Индивид не должен испытывать неловкость, рассуждая о своем благополучии и личных интересах. Если вы поранили ногу, то сигнал о неблагополучии в ноге посылается в мозг, и этот сигнал означает, что вы должны обратить внимание на пораненный участок. Чтобы

государство, церковь, производственное предприятие или семья как целостные образования нормально функционировали, нужна забота о благополучии отдельных людей. Ведь и государство, и церковь, и предприятие, и семья — это сообщества, целостные объединения, состоящие из индивидов.

2. Индивид не должен умалять свою значимость. Ему не следует также недооценивать (или переоценивать) свои способности. Человеческое тело функционирует, даже если оно лишено рук или глаз, хотя такое функционирование менее эффективно, чем у тела, имеющего все конечности и органы. Человеческое общество только обогащается, когда каждый его индивид максимально развивает свои способности.

3. Вместе с тем для любого индивида было бы весьма самонадеянным считать себя настолько важным, чтобы не чувствовать потребности в человеческом сообществе и заботиться исключительно о себе, — независимо от того, как такое поведение отразится на других членах общества. Если человек, уступая патологическим потребностям своего организма, предается пьянству или употребляет наркотики, то рано или поздно все его тело придет к разрушению. Если бы наши ноги вдруг взбунтовались и отказались служить телу, они тем самым утратили бы свою основную функцию. А если бы они надолго отказались служить человеку, это привело бы к их полной атрофии.

Абсолютный эгоизм противоестествен, непрактичен и, в конечном итоге, влечет самоуничтожение эгоистичного человека.

Христианское представление о служении и воздаянии

Новый Завет неоднократно призывает людей жить и работать во имя служения, которое будет впоследствии вознаграждено в грядущем Царстве Христа: «И все, что делаете, делайте от души, как для Господа... зная, что в воздаяние от Господа получите наследие; ибо вы служите Господу Христу» (Колос.3:23,24).

Как мы уже говорили выше, светские моралисты не в восторге от подобной жизненной позиции: бескорыст-

ное служение Христу во имя воздаяния в далеком будущем кажется некоторым из них недостаточным мотивом для нравственного поведения. Если христиане так любят Христа, рассуждают подобные моралисты, то должны бы служить ему бескорыстно, не надеясь на награду за это служение. Марксисты же считают, что идея воздаяния на небесах служит капиталистам для обмана рабочих. Вместе с тем сами они призывали и призывают пролетариат вкладывать свой труд в утопический проект построения коммунистического общества.

Таким образом, мы должны уяснить, каков смысл понятия воздаяния в Новом Завете.

1. Самое важное — отношение между Христом как Господином и Его учениками как слугами. В нашем теперешнем мире работники не всегда получают от работодателей честное и справедливое вознаграждение за свой труд. Но Христос в силу Своей природы и характера не может не вознаградить Своих слуг за то, что они для Него сделали и чем для Него пожертвовали.

2. Второй по значимости момент — природа самой награды. Однажды двое из учеников Христа попросили, чтобы в обмен на их служение и самоотверженный труд Христос пообещал им, что они займут в Царстве Божьем два самых почетных места рядом с Ним. Эта просьба означала, что они неправильно представляли себе характер награды, которую получают верные Богу люди. В ответ на просьбу учеников Христос сказал: «...вы знаете, что почитающиеся князьями народов господствуют над ними, и вельможи их властвуют ими. Но между вами да не будет так: а кто хочет быть бóльшим между вами, да будет вам слугою» (Марк.10:42,43).

Награда за служение Христу и людям во Имя Его состоит в том, что человек приобретает новые навыки и умения, чтобы и дальше служить людям. В этом принципе нет ничего странного. Сравним эту ситуацию со спортивной жизнью. Наградой за упорные тренировки служит игра в следующем туре и далее — возможность выступать на международных соревнованиях. А в грядущем Царстве Христа возможность служить другим послужит величайшей наградой, к которой устремились

бы самые эгоистичные на свете люди, если бы узнали Истину. В этом парадокс христианства.

3. И, наконец, третий важный момент в понимании воздаяния — образец христианского поведения.

Христианская идея пришествия Царствия Божьего, где каждый почтет величайшим счастьем служить другому человеку, — не фантазия. Образец такого поведения был продемонстрирован на нашей Земле. «Ибо Сын Человеческий, — сказал Христос Своим ученикам, — не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Марк.10:45).

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Что такое эгоизм?

2. Что имеется в виду, когда говорится, что эгоистичный человек наносит серьезный удар по самим основаниям человеческой жизни и общества? Согласны ли вы с этим?

3. Что такое соборность?

4. Обобщите смысл приведенной в данном разделе аналогии между человеческим телом и поведением отдельного человека в обществе. Какой вывод можно сделать на основании аналогии относительно сочетания личного интереса и служения другим людям?

5. Когда христиане говорят о том, что последователи Христа служат Ему и другим людям в надежде на воздаяние, к какого рода воздаянию они стремятся?

6. Какое отношение к людям и какие мотивы поведения содержатся в модели поведения, предложенной Христом Своим ученикам?

III. ЭТИЧЕСКИЙ ЭГОИЗМ

Прежде всего, отметим, что этический эгоизм не является просто описанием поведения большинства обычных людей. Как этическая теория, он *нормативен*. Его основополагающие принципы утверждают то, что люди *должны* делать, а именно: каждый должен действовать *исключительно во имя собственных интересов, без учета интересов других людей*.

Конечно, этот принцип позволяет этическому эгоисту помогать другим людям, например, не воровать, не нарушать обещаний и проч., *если* это соответствует интересам эгоиста. Он может, скажем, рассматривать по-

мощь своему соседу как прекрасный тактический ход, если этот сосед впоследствии сможет помочь и ему. Но принцип этического эгоизма гласит, что человек не будет никому помогать, если это не в его интересах; и этот принцип не запрещает человеку ничего из того, что согласуется с его интересами.

Комментарий

Совершенно очевидно, что многие люди на самом деле следуют такому принципу в своем поведении, даже если открыто этого не признают. Но как теория, этический эгоизм внутренне противоречив.

1. Вопрос о статусе этического эгоизма. Предписание «Действуй в соответствии со своими интересами» не является в этой теории одним из множества конкретных правил, которые могут быть применены к некоторым ситуациям для разрешения моральной дилеммы. Это единственный основополагающий принцип, на котором основана вся теория. В ней не существует морально-го принципа, который бы стоял над ним и иногда отменял бы его. Следовательно, он означает: если бы я решил, что в моих интересах кого-то убить, то должен бы пойти на убийство.

Предположим, например, что я, будучи бизнесменом, конкурирую с другим бизнесменом. Речь идет о таком доходном бизнесе, что я могу подумать: в моих интересах устранить своего конкурента, воспользовавшись «услугами» наемного убийцы. Теория этического эгоизма не содержит запрета на подобный поступок, впрочем, как и на тысячу других подобных злодеяний.

2. Логические и практические противоречия, связанные с универсализацией основополагающего принципа этического эгоизма.

Возьмем, к примеру, вышеописанную ситуацию конкуренции в бизнесе. Как этический эгоист, я считаю, что не только должен всегда действовать в соответствии с собственными интересами, но и любой другой человек должен действовать так же. Значит, это универсальное правило распространяется и на моего конкурента. В его интересах предупредить нападение на него наемного убийцы. Мой конкурент имеет на это моральное право. Но если я имею моральное право устранить его как конкурента, то как может он, посылаясь на свое моральное право, помешать мне сделать то, что соответствует моему моральному праву? Разумеется, такое действие не будет соответствовать моральному праву. Каким же образом один и тот же поступок одного и того же человека (моего конкурента, мешающего мне его устранить) может быть одновременно нравственным и безнравственным?⁷⁸

3. Совет действовать на основании принципа этического эгоизма – потенциально аморален. Подобный совет состоит в том, чтобы действовать, исходя из интереса субъекта, независимо от того, является ли это действие в своей сущности злом или добром.

4. Всеобщий этический эгоизм приведет к тотальному подрыву доверия в отношениях между людьми.

Предположим, я хочу обеспечить себе пенсию и для этого решил сделать денежный вклад. Поскольку я плохо представляю себе, как это делается, то должен посоветоваться с независимым финансовым консультантом. Размер гонорара, который получает консультант от страховой компании за консультирование клиента, желающего сделать вклад в эту компанию, зависит от компании. Компания, которая платит ему большой гонорар, возможно, является ненадежной, тогда как компания, которая платит небольшой гонорар, возможно, является наилучшей компанией. Как этический эгоист, я хочу поступить, исходя исключительно из собственного интереса. Поэтому я надеюсь, что мой консультант – не является этическим эгоистом. Ибо если он тоже этический эгоист, то будет действовать, исходя не из моих интересов, а из собственных, следовательно, я не могу полагаться на его совет. Он просто посоветует мне вложить деньги в компанию, которая платит ему больший гонорар, даже если это ненадежная компания. Поэтому, как этический эгоист, я должен бы надеяться, что мой консультант действует в соответствии не с этическим эгоизмом, а с этическим альтруизмом, поскольку это единственное условие, при котором я мог бы ему доверять. Таким образом, этический эгоизм как этическая теория несет в себе внутренние противоречия, и его противоречивость обусловлена принципом, на котором он основывается. Если я хочу действовать, исходя исключительно из своих интересов, не считаясь с интересами других людей, то я не могу рассчитывать, что все другие люди будут действовать, исходя из моих интересов.

IV. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ ЭГОИЗМ

Предпринимательский эгоизм — это форма экономической теории. Он восходит к знаменитому сочинению Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776). Смит провозглашал эгоизм применительно к бизнесу. Он утверждал, что предприниматели должны иметь свободу, не подлежащую контролю или ограничению со стороны государства. Они должны развивать свое дело, исходя из собственных интересов и стремясь к наибольшим доходам для себя и своих пайщиков.

Смит убеждал: хотя предприниматели действуют, руководствуясь собственными интересами, доходами от их деятельности будет пользоваться и сообщество в целом — посредством заработной платы наемной рабочей силы, цен, которые они платят своим поставщикам, а также сумм, выплачиваемых строителям своей недвижимости. Смит писал: «Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими собственных интересов. Мы обращаемся не к их гуманности, а к их эгоизму, и ни в коем случае не говорим им о наших нуждах, а об их выгодах»⁷⁹.

Сторонники такой формы экономики, основанной на принципе свободной конкуренции (*laissez-faire*), утверждают, что подобная форма экономики приводит к увеличению богатства широкой публики. Этот принцип стал основоположным в деятельности так называемого свободного рынка. Разумеется, нельзя отрицать, что за последний век страны, которые руководствовались принципом предпринимательского эгоизма, преуспели значительно больше, чем страны с жесткой командной экономикой.

Вместе с тем абсолютно нерегулируемый коммерческий эгоизм рождает серьезные проблемы. Конечно, даже крайняя форма эгоизма отвечает интересам людей, которые ей следуют. Однако не всегда очевидно, особенно когда речь идет о развивающихся странах, что богатство тех, кто следует принципам предпринимательского эгоизма, в достаточных количествах попадет ко всему обществу.

Например, в некоторых развивающихся странах богатство, произведенное международными нефтедобывающими компаниями, не поступает всему населению, а оседает на банковских счетах разных чиновников. Невозможно забыть, как в Бопале (Центральная Индия) в декабре 1984 г. утечка ядовитого газа на американской фабрике пестицидов, которая была вызвана явно недостаточными мерами безопасности, привела к смерти около 2500 человек и многочисленным травмам у многих тысяч людей.

Или приведем другой пример. В одной из развитых стран на Западе был изготовлен сорт сухого молока, не обеспечивающий детям нужных питательных элементов. Поэтому там была прекращена его продажа. Однако

производители этого сухого молока продолжают продавать его в развивающиеся страны.

Поэтому очевидно, что ничем не ограниченный коммерческий эгоизм не приносит пользу обществу в целом.

V. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЭГОИЗМ

Строго говоря, психологический эгоизм не является этической теорией. Но он связан с этикой, поскольку претендует на объяснение природы человека, основанное на научных представлениях о мотивации поведения. Его исходное допущение состоит в следующем: человек так устроен, что для него психологически невозможно сделать то, что не соответствует его личному интересу. Психологический эгоизм не интересуется, нравственно или безнравственно ведут себя люди. Он просто говорит о том, что люди всегда поступают, исходя из личных интересов, ибо они таковы. Отсюда делается вывод, что любая этическая теория, которая предписывает людям определенные поступки, не способствующие достижению их личного интереса, является ложной: она диктует людям делать то, что они, на самом деле, не могут делать.

Общепризнанно, что когда человеку предлагается что-то сделать, то подразумевается, что он обладает возможностью или способностью это сделать. Если же он такой возможностью не обладает, то и не должен этого делать, и его нельзя обвинять в том, что он этого не делает. Человек с парализованными ногами не должен лезть на высокую скалу и снимать с нее ребенка, который туда каким-то образом забрался. Никто не будет этого человека обвинять и в том, что он и не делает такой попытки.

Таким образом, согласно психологическому эгоизму, люди могут делать только то, что хотят делать. А их психическая организация такова, что они обязательно хотят делать только то, что отвечает их интересам.

Однако в обществе широко известны примеры альтруистического поведения. Немало людей работает бесплатно в благотворительных организациях и проектах. А такие известные люди, как мать Тереза или Альберт Швейцер, вообще посвятили свою жизнь заботе о бедных и больных. Психологический эгоизм не может от-

рицать подобные примеры. Однако он отрицает, что желания, которые стоят за внешне неэгоистичным поведением таких людей, на самом деле эгоистичны. Согласно психологическому эгоизму, эти желания всегда непременно эгоистичны. И люди ничего не могут с этим поделать. Они даже могут думать, что действуют альтруистично, из самых неэгоистических намерений. Но это невозможно. Психологический эгоизм, настаивая на научной основе своих обобщений, утверждает, что люди так психологически организованы, что не могут действовать иначе, как преследуя собственные интересы.

Приведем пример логики рассуждений представителей этого направления. Представьте себе, что в каком-то доме начался пожар. В доме осталось двое детей. Они кричат о помощи. Мимо дома проходят два человека. Один из них не предпринимает попытки спасти детей. И сторонник психологического эгоизма объясняет почему: это не в его интересах, ибо он понимает, что может потерять свою жизнь; а он не делает ничего противоречащего личным интересам. Другой человек бросается в огонь и позже умирает от ожогов. Психологический эгоизм объясняет и этот поступок. Человеком в данном случае двигало не сострадание к детям и не готовность пожертвовать собой. Это психологически невозможно. Этот человек тоже действовал в границах своих интересов: он не смог бы жить с мыслью о том, что не предпринял попытки спасти детей. Он сделал это не во имя детей, а ради своего внутреннего спокойствия.

Оценка психологического эгоизма

1. Психологический эгоизм претендует на научность. Однако не является научной теорией.

Утверждение, что все люди действуют, исходя из собственных интересов, в лучшем случае является эмпирическим обобщением, основанным на наблюдении. Однако характер этого наблюдения весьма ограничен. Поэтому психологический эгоизм основан на слабой индукции. Одного контрпримера будет достаточно, чтобы опровергнуть его главный тезис. Откуда известно, что в истории не было совершено ни одного поступка, который был

бы продиктован не личным интересом действующего лица, а желанием пожертвовать собой? И каким образом психологическому эгоизму удастся так глубоко проникнуть в чувства всех современных людей, что он может наверняка утверждать, будто никто из них не руководствуется иными, кроме личного интереса, мотивами?

Вернемся к приведенному выше примеру. Психологический эгоизм объясняет, почему один из прохожих не попытался спасти детей. Но те же аргументы, без всяких дополнительных уточнений, используются и для объяснения того, почему другой человек поступил совершенно иначе. А ведь теория, которая предлагает одно и то же объяснение для прямо противоположных явлений, бесполезна. Будучи далеко не научной, она, вероятно, возникла в сознании людей, которые не знают, что значит действовать из соображений, отличных от собственных интересов. Поэтому она пытается отрицать все факты, свидетельствующие об альтруистическом поведении других.

2. Эмпирические данные говорят о том, что человек в своих действиях руководствуется не одним, а несколькими мотивами.

А. Когда психологический эгоизм убеждает, что человеческие существа руководствуются единственным мотивом, а именно: личным интересом, то следует задаться вопросом, что понимается здесь под личным интересом?

Человек, который пьет много алкоголя, каждые полчаса курит и принимает наркотики, также будет утверждать, что делает это из собственного интереса. Наверное, это действительно приносит ему кратковременное удовольствие. Но можно ли назвать это подлинным личным интересом, если подобные привычки рано или поздно приведут к болезни и смерти?

Можно лишь надеяться, что он осознает свою ошибку и перестанет преследовать ложно понимаемые личные интересы, обратившись к действительным интересам. Возможность подобного развития жизненных стратегий свидетельствует о том, что человек не всегда слепо следует своим желаниям. Он может руководствоваться разумом, способным скорректировать его желание подчиниться сиюминутным настроениям и интересам.

Б. Кроме того, человек умеет сострадать другим, и это помогает ему понять, как чувствуют себя люди и в чем они нуждаются. Нередко чувство сострадания приводит людей к тому, что они добровольно помогают ближним, пренебрегая собственными нуждами и интересами, никоим образом не надеясь на воздаяние.

В. Но, помимо сострадания, существует еще одна движущая сила в мире — любовь. Не любовь к своему возлюбленному или к другу, а бескорыстная любовь, которая, как сказано в Библии, ничего не хочет для себя («не ищет своего»). Иисус Христос явил подобную любовь в полной мере. И благодаря Его милости многие люди смогли проявить такую же любовь к ближнему.

Очевидно, человек в своих действиях не всегда руководствуется одним лишь неизменным мотивом удовлетворения собственных интересов и потребностей.

В психологическом эгоизме есть зерно истины

Однако есть множество людей, которые искренне считают, что картина человеческой природы, нарисованная психологическим эгоизмом, верна. По крайней мере, отчасти. И характер таких людей полностью вписывается в эту картину. По их мнению, неэгоистические этические теории выдвигают слишком жесткие требования к человеку; что же до библейских моральных норм, то они просто недостижимы. В подобном рассуждении присутствует честность и большая доля правды. В каком-то смысле оно справедливо по отношению к каждому. Даже один из величайших святых — Апостол Павел — делился своими переживаниями по поводу того, как бывает тяжело соблюдать моральный Закон. В своем Послании к римлянам он писал: «...знаю, что не живу во мне, то есть, в плоти моей, доброе; потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю» (Римл.7:18,19).

С этой проблемой рано или поздно сталкивается каждый из нас. Каков способ ее разрешения, узнаем ниже.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Что такое этический эгоизм?

2. На каком принципе основывается этический эгоизм? Назовите наиболее серьезные следствия из того, что эта концепция основывается на одном-единственном принципе.

3. Поясните тезис: «Если этическому эгоизму придать статус всеобщего нравственного принципа, он превращается в логическое противоречие».

4. Почему совет действовать на основании принципа этического эгоизма может быть аморальным?

5. Приведите практический пример, показывающий, как всеобщее применение принципа этического эгоизма в поведении людей может привести к подрыву доверия.

6. Что вы понимаете под предпринимательским эгоизмом?

7. Приведите аргументы и примеры, свидетельствующие «за» и «против» идеи, согласно которой богатством, создаваемым на основе принципа предпринимательского эгоизма, могут пользоваться многие члены общества. Какова ваша позиция по этому вопросу?

8. Есть мнение, что психологический эгоизм не является моральной теорией. В таком случае, что это такое? Как он влияет на этическую теорию?

9. Основополагающий принцип этической теории состоит в том, что из утверждения «человек должен» следует утверждение «человек может». Какие моральные следствия относительно морального долга вытекают из психологического эгоизма, если он верен?

10. На каком научном основании базируется, по мнению ее сторонников, теория психологического эгоизма?

11. Есть мнение, что одного контрпримера достаточно, чтобы опровергнуть теорию психологического эгоизма. Поясните смысл этого утверждения. Можете ли вы привести примеры в его поддержку из истории или современности?

12. Как вы оцените объяснение поведения человека, вынесшего детей из горящего дома, которое предлагает психологический эгоизм?

13. Согласны ли вы с утверждением, что теория, которая дает одинаковое объяснение и данному явлению и его противоположности, бесполезна?

14. Верно ли, что человеческие существа в своем поведении руководствуются единственным мотивом? Если вы так не считаете, обоснуйте свою точку зрения.

15. Какой отклик в вашей душе находят приведенные выше слова Апостола Павла из Послания к римлянам (Римл.7:18,19)?

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Smart J.J., Williams B. Utilitarianism: For and Against. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.*
- ² *Utilitarianism and Beyond / Ed. by Sen Amartya and Williams B. Cambridge, Paris, 1982. См. также восьмое репринтное издание 1999 года.*
- ³ В оригинале книги используется термин *action*, который может переводиться как «действие» и как «поступок». В данной главе *action* переводится в основном как «действие» в соответствии с существующей традицией перевода Бентама на русский язык. Используемое в оригинальном тексте данной главы слово *act* чаще всего переводится как «поступок». – *Прим. перев.*
- ⁴ *The Oxford Companion to Philosophy / Ed. by Ted Honderich. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 890.*
- ⁵ *Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М.: РОСПЭН, 1998. С. 9.*
- ⁶ Там же. Гл. 4.
- ⁷ Там же. С. 10.
- ⁸ *Милль Дж.С. Утилитаризм. О свободе. СПб, 1900. С. 188.*
- ⁹ Там же. С. 103.
- ¹⁰ *The Oxford Companion to Philosophy / Ed. by Ted Honderich. P. 569.*
- ¹¹ *Милль Дж.С. Указ. соч. С. 103.*
- ¹² *Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. С. 9.*
- ¹³ Там же. С. 9.
- ¹⁴ Там же. С. 12.
- ¹⁵ Там же. С. 15.
- ¹⁶ См.: *The Utilitarians. Garden City, N. Y: Dolphin Books, Doubleday, 1961. P. 425 –426.*
- ¹⁷ *The Oxford Companion to Philosophy / Ed. by Ted Honderich. P. 892.*
- ¹⁸ В единственном известном нам переводе сочинения Милля «Утилитаризм» понятие *distributive justice* переводится как «распределяющая справедливость». Однако мы предлагаем свой вариант перевода: «справедливость распределения», который, на наш взгляд, является менее точным с грамматической точки зрения, но точнее передает смысл данного контекста. – *Прим. перев.*
- ¹⁹ *Милль Дж. С. Указ. соч. С. 176.*
- ²⁰ *The Oxford Companion to Philosophy / Ed. by Ted Honderich. P. 569.*
- ²¹ Русский перевод: *Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1995.*
- ²² *The Oxford Companion to Philosophy / Ed. by Ted Honderich. P. 745.*
- ²³ *Ibid. P. 745.*
- ²⁴ *Ibid. P. 892.*
- ²⁵ *Smart J. J., Williams B. Utilitarianism: For and Against. P. 68.*
- ²⁶ *Ibid. P. 69.*
- ²⁷ Именно таким принципом руководствовался первосвященник Каиафа, обрешивший Иисуса на казнь (Иоан. 11: 50).
- ²⁸ *Smart J. J., Williams B. Utilitarianism: For and Against. P. 70-73.*
- ²⁹ Там же. P. 150.
- ³⁰ **Промискуитет** (лат. смешанный, общий) – неограниченные половые сношения (*прим. ред.*).

- ³¹ Эта классификация этических концепций не является абсолютной. Когда утилитаризм провозглашает, что социальный субъект должен всегда стремиться к наивысшему удовольствию, то в известном смысле этот тезис можно трактовать как предписывание долга и потому считать деонтологическим. Аналогичным образом об этике Канта, которая предписывает человеку относиться к другим людям не просто как к орудиям, служащим для выполнения наших целей, но как к самостоятельным ценностям, можно говорить, что она ориентирована на результаты наших действий, и в этом смысле может считаться телеологической.
- ³² См., напр.: *Лосский Н. О.* История русской философии. М.: Советский писатель, 1991. С. 290 и след.
- ³³ *McNaughton D.* Intuitionism // *LaFollette H.* (ed.) *The Blackwell Guide to Ethical Theory.* Oxford, 2000. P. 270, 280.
- ³⁴ *Ibid.* P. 282.
- ³⁵ *Ross W. D.* *The Right and the Good.* Oxford: Clarendon Press, 1930. P. 2.
- ³⁶ *Kenny A.* *A Brief History of Western Philosophy.* Oxford: Blackwell, 1998. P. 285.
- ³⁷ *LaFollette H.* (ed.). *The Blackwell Guide to Ethical Theory.* Oxford: Blackwell. P. 283.
- ³⁸ *Kenny A.* *Op. cit.* P. 285.
- ³⁹ *Ibid.* P. 285, 286.
- ⁴⁰ *Ibid.* P. 286.
- ⁴¹ *Кант И.* Сочинения: В 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4 (1). С. 228.
- ⁴² Там же. С. 232 – 233.
- ⁴³ Максима, согласно определению Канта, – это «субъективный принцип [совершения] поступков, и ее должно отличать от объективного принципа, а именно – от практического закона. Максима содержит практическое правило, которое разум определяет сообразно с условиями субъекта (чаще всего с его неведением или же его склонностями), следовательно, есть основоположение, согласно которому субъект действует; закон же – объективный принцип, имеющий силу для каждого разумного существа, и основоположение, согласно которому такое существо должно действовать, то есть императив». – *Прим. перев.*
- ⁴⁴ Там же. С. 260.
- ⁴⁵ Там же. С. 262.
- ⁴⁶ Там же. С. 263.
- ⁴⁷ Там же. С. 270.
- ⁴⁸ Там же. С. 281.
- ⁴⁹ *Raphael D. D.* *Moral Philosophy.* 2nd edition. Oxford: Oxford University Press, 1994. P. 59.
- ⁵⁰ *Ibid.* P. 59 – 60.
- ⁵¹ *Кант И.* Критика чистого разума // *Кант И.* Сочинения: В 8 т. М., 1994. Т. 3. С. 597 – 598 (B846 – B848).
- ⁵² См.: *Кант И.* Основы метафизики нравственности. Разд.3.
- ⁵³ *Holmes A. E.* *Ethics.* Grove, Illinois, U. S. A.: Inter Varsity Press, 1984. P. 116.
- ⁵⁴ *Аристотель.* Сочинения: В 4 т. М.: Мысль. 1976 – 1984. Т. 1. С. 399 и след.
- ⁵⁵ Там же. С. 77.
- ⁵⁶ *Аристотель.* Этика. Книга II, § 6. Цит. по: Антология мировой философии: В 4 т. М., 1969. Т. 1. Ч. 1. С. 461 – 462.
- ⁵⁷ *Аристотель.* Сочинения. Т. 4. С. 92.
- ⁵⁸ Там же. С. 87.

- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Там же. С. 174.
- ⁶¹ Там же. С. 177.
- ⁶² Там же. С. 178.
- ⁶³ Там же. С. 281.
- ⁶⁴ В русском переводе сочинений Аристотеля говорится, что мы понимаем первопринципы с помощью ума. – *Прим. перев.*
- ⁶⁵ *Anscombe G.E.M. Modern Moral Philosophy // Philosophy, 1958. No 33. P. 1–19.*
- ⁶⁶ *Slote M. Virtue Ethic // The Blackwell Guide to Ethical Theory / Ed. by H. LaFollette. P. 325 – 347.*
- ⁶⁷ *Ibid. P. 325.*
- ⁶⁸ *Hursthouse R. Virtue Theory and Abortion // Philosophy and Public Affairs. 1990. Vol. 20. P. 223 – 246.*
- ⁶⁹ *Louden R. On Some Vices of Virtue Ethics // Virtue Ethic / Ed. by R. Crisp and M. Slote. Oxford: Oxford University Press, 1997. Ch. 10.*
- ⁷⁰ *Slote M. Op. cit. P. 327 – 328.*
- ⁷¹ *Gilligan C. In a Different Voice: Psychological Theory and Women Development. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1982.* Перевод раздела 1 данной книги «Место женщины в жизненном цикле мужчины» см. : Хрестоматия феминистских текстов: Переводы / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб., 2000. С. 166 – 186.
- ⁷² *Noddings N. A Feminine Approach to Ethics and Moral Education. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1984.*
- ⁷³ *Slote M. Op. cit. P. 330.*
- ⁷⁴ *Ibid. P. 325.*
- ⁷⁵ *Baier K. Egoism // A Companion to Ethics / Ed. by P. Singer. Oxford, 1991. P. 197.*
- ⁷⁶ *Rachels J. Elements of Moral Philosophy. N. Y.: McGraw-Hill, 1986. P. 72 – 74.*
- ⁷⁷ *Тит Ливий. История Рима от основания города. М.: Наука, 1989. Т. 1. Кн. II. 32. 8 – 12.*
- ⁷⁸ Более подробное изложение этой проблемы см.: *Baier K. The Moral Point of View. Ithaca NY: Cornell University Press, 1958. P. 189 – 190.*
- ⁷⁹ *Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: «Ось-89». Кн. I. С. 19.*

В чем практический смысл этики?

I. ВВЕДЕНИЕ. ЦЕННОСТЬ ЖИЗНИ

В предыдущих главах книги мы рассмотрели некоторые основные философские концепции нравственности. Теперь переходим к вопросу о том, каков практический смысл этических концепций и как знакомство с этическими теориями может помочь нам в решении проблем, встающих каждый день перед нами. Мы должны понять, имеет ли значение то, какой этической теории мы следуем, принимая решения относительно своих поступков.

Существует мнение, что в вопросах практической жизни этическая теория не играет никакой роли. Подобную точку зрения высказывает Джон Д. Капуто в очерке, озаглавленном «Конец этики»: «Человека, ожидающего твердых теоретических посылок для обоснования своих этических убеждений, можно уподобить тому, кто не увертывается от летящего на него снаряда, а ждет доказательств — действительно ли на него летит снаряд... Единичные ситуации каждодневной жизни “летят” слишком близко к земле, чтобы их мог обнаружить радар этической теории. Этическая жизнь — это ряд случайностей и неожиданностей, от которых этическая теория не может вас застраховать»¹.

Если точка зрения Капуто верна, то возникает следующий вопрос: каким образом мы должны вести себя, когда нужно принять какое-то моральное решение? Некоторые люди, по-видимому, считают, что они всегда знают, как действовать. Для принятия решения им достаточно прошлого опыта и здравого смысла. Каждый человек свободен принимать решения, не опираясь на какую-то конкретную этическую теорию.

Однако такая позиция не означает, что можно избежать этических суждений. В сознании человека может отсутствовать хорошо продуманная этическая теория, однако прошлый опыт и здравый смысл, на которые опирается каждый человек в любой жизненной ситуации, сло-

жились на основе принятых ранее решений, сформировавших отношение личности к жизни и общие принципы его отношения к другим людям. Отношение человека к себе и другим людям зависит от его самооценки и оценки других людей. Иначе говоря, этика зависит от ценностных суждений. А они, в свою очередь, уже составляют этическую рамку нашего поведения, осознаем мы ее или нет.

Разные люди оценивают вещи по-разному. Так, натолкнувшись на камень, похожий на алмаз, каждый отреагирует на него по-своему. Один, глядя на камень, скажет, что это не алмаз, а страз. Другой скажет: «Нет, это не страз, а просто драгоценный камень, но не такой ценный, как алмаз». Специалист, посмотрев на этот же камень, может распознать в нем настоящий алмаз немалой ценности. Но насколько он ценен? Инженер-механик скажет: «Ценность этого камня в том, что с его помощью можно разрезать очень твердые материалы». Другой заметит: «Это слишком примитивный взгляд на алмаз. Ценность алмаза в его красоте. Посмотрите, как он сияет, как в нем преломляется свет!» Найдется и такой, кто скажет, что не видит в нем никакой красоты. Бизнесмен посмотрит на него с точки зрения извлечения прибыли. Он скажет: «Ну, если какие-то люди относятся к алмазу как к ценности, то я, наверное, мог бы на нем заработать». А жулик, посмотрев на камень, подумает: «Как бы его украсть, а потом продать?»

Таким образом, если этика основана (осознанно или неосознанно) на ценностях, то ключевой вопрос, который возникает в нашей повседневной жизни при встрече с другими людьми, таков: какова ценность человеческого существа? Как мы ее определяем? Рассмотрим, как подходят к этому вопросу разные этические системы, о которых мы говорили выше.

1. МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Согласно материализму, человек — это не что иное, как физическая масса, практически не имеющая ценности, современное состояние которой является результатом действия лишенных сознания сил эволюции. Для некоторых людей подобное понимание означает упразд-

нение всех этических соображений (см. главу 1 данной книги Д/1). При этом утверждается, что отдельные человеческие расы достигли более высокого уровня в эволюционной борьбе. Те из них, кто выжил, имеют право на существование. Мораль в этом процессе не принимает никакого участия. Человек, в конечном итоге, — не что иное, как механизм, используемый генами для воспроизводства самих себя.

2. ЭТИЧЕСКИЙ НАТУРАЛИЗМ²

Нет, говорит натурализм, природу следует уважать. Природа обладает подлинной ценностью, а мы — часть этой великой системы.

Да, это хорошо. Природа является ценностью, и ее надо уважать. Но кто должен определить ценность природы? Согласно автору одной из современных этических концепций, Питеру Сингеру, человек является ценностью, но он — лишь одно из многочисленных животных. Причем при некоторых обстоятельствах он менее ценен, чем другие животные. Так, Сингер пишет: «Жизнь новорожденного младенца обладает меньшей ценностью, чем жизнь свиньи, собаки или шимпанзе»³. Питер Сингер и его коллега Хельга Кусе (*Kuhse*) определяют конкретный механизм применения своей концепции в жизни. Они предлагают, чтобы право ребенка на жизнь признавалось только через 28 дней после его рождения, пока не будет выяснено, является ли младенец полноценным. А если у него выявятся какие-то врожденные дефекты, то он должен быть умерщвлен⁴.

Разумеется, месячный младенец не обладает силой льва. Но в чем состоят критерии ценности? Ведь взрослый лев может выглядеть более величественно и прекрасно, чем молодая женщина, которая в силу каких-то причин не может самостоятельно передвигаться. Почему в таком случае не избавиться от беспомощных младенца и женщины как обузы для общества? Джон Хардвиг пишет: «Поскольку жизни и судьбы людей столь тесно связаны, то быт всех других членов семьи этой женщины может серьезно пострадать и даже разрушиться из-за того, что они должны из-за нее выносить. А если ее смерть наступит слиш-

ком поздно и уже успеет сказаться на жизни ее родных людей, то мы вынуждены спросить себя: “Может быть, кто-то должен все-таки умирать?” ...В таком случае самоубийство может быть правильным выходом из положения, и имеет смысл помочь человеку его совершить?»⁵

Таким образом, напрашивается вопрос: с помощью каких критериев определяют ценность льва и человеческого существа? Нужно ли считать, что человек не имеет ценности сам по себе, а должен оцениваться на основании каких-то качеств: красоты, силы, храбрости или ума? Кто должен определять его ценность?

3. ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА, ИЛИ КОНТРАКТНАЯ ТЕОРИЯ (CONTRACTARIANISM)

Согласно контрактной теории, опасно, когда ценность индивида ставится в зависимость от тоталитарного государства. Ценность каждого гражданина государства может быть сохранена лишь в том случае, если граждане заключат договор (контракт) друг с другом и с государством и придут к общему решению о том, что каждый гражданин будет рассматриваться как ценность.

Это так, но, как мы выяснили выше, в самой контрактной теории допускается слабость такой системы. Предприимчивые, энергичные люди, в конце концов, замечают, что не все их соотечественники напрягают силы и выполняют свой долг, а живут за счет других. Это наводит активных граждан на мысль: «Зачем нам заключать такой контракт?» Они начинают жить сами по себе, руководствуясь исключительно собственными интересами, независимо от того, что происходит с другими. Может ли что-нибудь изменить их позицию?

4. УТИЛИТАРИЗМ

«Нет, — говорят утилитаристы. — Самое лучшее — если каждый будет стремиться к наибольшему благосостоянию и счастью наибольшего числа людей».

Да, действительно, если бы все к этому стремились, это, разумеется, привело бы к прекрасной жизни. Но, как показано выше, из утилитаризма следует: если благо наибольшего числа людей будет зависеть от казни

невинного человека, то он должен быть казнен. В таком случае индивид не обладает никакой самостоятельной ценностью, поскольку она зависит от того, что хорошо для большинства.

5. ИНТУИТИВИЗМ

Интуитивизм по сравнению с утилитаризмом является, конечно, улучшением этического подхода к человеку. Согласно утилитаризму, нравственность поступка зависит исключительно от его результата. Если поступок приводит к наибольшему удовольствию наибольшего числа людей, тогда этот поступок следует считать нравственным, даже если сам по себе поступок, с точки зрения здравого смысла, — зло, как указывалось в приведенном выше примере. Согласно интуитивизму, такое недопустимо. Так, каждый из нас должен выполнять обещания, данные в прошлом, даже если нарушение этих обещаний может осчастливить и нас самих, и других людей. Нарушение обещаний аморально, ибо подрывает веру людей друг в друга, обесценивая тем самым истину, на которой зиждется общество.

6. КАНТИАНСТВО

Кант присоединяется к критическим замечаниям интуитивистов в адрес утилитаристов. Основываясь на постулированном им всеобщем принципе, он утверждает, что люди обладают равными правами. Если вы считаете, что имеете право воровать у других, то должны быть готовы к тому, что они на этом же основании имеют право воровать у вас, а это бессмысленно.

Затем Кант утверждает — и это более важно, — что будет правильным оценивать человека как цель саму по себе. Его ценность и право на жизнь не зависят от его способности или возможности быть средством для достижения целей другими людьми. Кант допускает, что люди могут быть использованы как средства для достижения цели, но только с их согласия, как, например, это происходит, когда нам необходима услуга механика, если нужно починить машину. Но мы ни в коем случае не должны относиться к человеческим существам

как средству для достижения целей, подобно тому как инженер относится к алмазу, используя его для решения своих технических задач.

Таков, согласно Канту, единственный рациональный способ поведения. Разум, с его точки зрения, — это сила, стоящая за этикой.

Да, это так, но не все люди готовы прислушаться к голосу разума. Некоторые люди, получив власть, начинают относиться к своим согражданам как винтикам в механическом устройстве, и это их совершенно не смущает.

7. ЭТИКА ДОБРОДЕТЕЛИ

Сторонники этики добродетели говорят, что нравственность поступков относительно не важна. Нужно думать не столько о качестве совершаемых дел, сколько о нравственных качествах того, кто их совершает. Ведь добродетельный человек, естественно, ценит людей и заботится о них, поэтому будет относиться к людям, исходя из представлений о морали.

Это правильно, но кто сказал, что я должен ценить других людей и относиться к ним в соответствии с моральными нормами? Кто определяет, что такое моральное норма? Почему я не могу, например, под видом заботы о пожилой женщине разведать, где она хранит свои драгоценности, а потом похитить их у нее? Каким следует считать авторитет, стоящий за добродетелью? Кто воплощает ее в жизнь?

8. ТРАНСЦЕНДЕНТНАЯ ЦЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Итак, мы, наконец, подошли к библейской оценке человека. Своей ценностью человек обязан Богу, и рано или поздно Бог это подтвердит. В Библии утверждает-ся, что этика основывается на этой трансцендентной ценности: человек создан Богом. Бог создал не только человека, Им созданы и животные, но человек — это особое творение, и у него особые отношения с Богом. Он сотворен по образу Божьему. Следствия этого события понятны из контекста, в котором сообщается об этом: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему...». Таким образом, люди в чем-то подобны Богу.

Они в каком-то смысле выражают и представляют Бога, как становится понятно из этого же текста: «...и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле» (Быт.1:26).

В следующем отрывке говорится: поскольку Бог возложил на человека роль хозяина и Своего представителя на Земле, то убийство человека — это оскорбление, наносимое Богу: «Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека: ибо человек создан по образу Божию...» (Быт.9:6).

Неизбежный выбор

Как же нужно оценивать человеческую жизнь? Как мы должны оценивать самих себя? Как следует оценивать других людей? Мы не можем избежать выбора способов оценки человека. Мы также не скажем, что нас не интересует этика по той простой причине, что само это утверждение уже является ценностным суждением, которое определяет нашу этику.

Мы убедились, что в большинстве из рассмотренных выше концепций есть доля истины. Но нет никаких сомнений в том, что последняя из них придает человеку наивысшую ценность. Таким образом, встает решающий вопрос: истинна ли эта концепция? Будучи христианами, авторы книги утвердительно отвечают на него. В следующих разделах книги рассмотрим, как эта концепция работает в нашей каждодневной жизни сравнительно с другими системами ценности. Люди всех вероисповеданий также считают, хотя и на разных основаниях, что невозможно иметь удовлетворительные ценности для построения этической системы, не опираясь на представление о трансцендентном.

А есть и такие, кто, наоборот, утверждает, что можно иметь этическую систему без трансцендентных ценностей. Такую позицию занимают люди типа Сингера, который пишет: «Современное мировоззрение не позволяет отвечать на эти вопросы в духе традиции, согласно которой человеческое существо — это особое творение, бесконечно более ценное, чем все другие существа, в силу своей человеческой природы. В свете нашего но-

вого понимания места человека во Вселенной мы должны отказаться от такого традиционного ответа и пересмотреть границы нашей морали. В результате такой ревизии возникнет этика, основанная на идее, согласно которой на самом деле имеет значение только то, действительно ли это существо — человек»⁶.

Очевидно, Сингер делает сомнительное допущение, что эволюционная точка зрения была доказана, и в силу этого существует непрерывная последовательность между животными и человеческими существами, которая не позволяет считать, что человеческие существа занимают в мироздании какое-то особое, Богом данное положение⁷.

Разумеется, каждый человек должен сам оценить истинность этих столь различных между собой взглядов.

В следующих двух главах книги будем размышлять об основных этических вопросах, связанных с началом человеческой жизни и ее завершением.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. В чем смысл утверждения, что этика основывается на ценностях?
2. Верно ли, что все люди обладают какими-то этическими представлениями, независимо от того, знают они об этом или нет?
3. Какая из упомянутых выше этических теорий ближе вам по духу?
4. «Новорожденный человеческий младенец обладает меньшей ценностью, чем свинья». Что вы скажете относительно такого утверждения?
5. Каков смысл утверждения, что невозможно построить удовлетворительную этическую систему без трансцендентного измерения?

II. ЭТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СОЗДАНИИ НОВОЙ ЖИЗНИ

Очевидно, что без человеческой жизни нет человеческих ценностей. Таким образом, жизнь считается всеми людьми самой большой ценностью. Поэтому не удивительно, что вопрос о создании новой жизни (*transmission of life*) связан со всякого рода ограничениями.

Второе очевидное обстоятельство — это то, что создание новой жизни связано с половым воспроизвод-

ством. Но с самого начала в Библии подчеркивается, что половые отношения — это не просто физический процесс. Он предполагает установление особых близких отношений между двумя людьми: «Потому оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей; и будут [два] одна плоть» (Быт.2:24).

К этому библейскому тексту надо отнестись очень внимательно. Прежде всего, в нем говорится, что человек должен оставить своих родителей. Эта фраза не означает, что он должен покинуть своих родителей в полном смысле этого слова. Здесь имеется в виду, что он должен отказаться от прежних социальных отношений и вступить в другие отношения, которые будут главными в его жизни. Отныне мужчина должен соединиться со своей женой. И когда говорится, что они будут одной плотью, это не означает, что они будут едины только тогда, когда совершают половой акт. Тут акцентируется на том, что новые социальные отношения — это нечто большее, чем соединение двух тел, хотя и оно тоже важно. Эти социальные отношения есть не что иное, как союз двух людей — новая социальная единица.

Обратите внимание на то, какие слова используются, чтобы объяснить это новое отношение: «...и прилепится к жене своей». Смысл этого высказывания в том, что такие отношения были задуманы как постоянные. В современной терминологии они называются браком. Отсюда становится ясно: новые отношения совершенно не случайны. Речь здесь идет не о том, что человек, оставаясь со своими родителями, время от времени покидает их, чтобы удовлетворить свои желания, устанавливая случайные связи.

Таковы условия создания новой жизни, описанные в Библии. Эта новая жизнь, в сущности, начинается с организации новой социальной единицы, основанной на постоянных отношениях между двумя людьми. Только в рамках этой единицы половые отношения могут соответствовать их первоначальной цели.

В половой жизни присутствуют два аспекта. Первый из них — удовольствие, радость и наслаждение друг другом. Прочтите, как об этом сказано в книге Песни Песней. И это надо подчеркнуть, поскольку на протяжении

истории находились люди, которые во имя религии относились к сексуальным удовольствиям порою как к чему-то недостойному, если уж не откровенно греховному. Второй аспект — это, конечно, рождение новых людей, что подвластно только Создателю.

Этика сохранения идеала

Итак, библейская модель брака — это идеал, который не может быть сохранен и не может принести радость человеку, если он не склонен к высокой самодисциплине, и понятие «будут двое одна плоть» имеет очевидное следствие. Это этическое требование, сформулированное в Новом Завете следующим образом: «Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее <...>. Так должны мужья любить своих жен, как свои тела: любящий свою жену любит самого себя. Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее... Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть» (Ефес.5:25-31).

Но когда, вступая в брак, люди ищут в нем только удовольствий и пренебрегают своей моральной ответственностью, их брак оказывается неудачным.

Этическое измерение брака является исключительно важным, поскольку нарушение этических норм приводит к двум серьезным последствиям. Неверность одного из партнеров в браке наносит чрезвычайный ущерб самым глубинным основам личности обоих супругов. Кроме того, она разрушает идеальные условия, которые обеспечивает для создания и поддержания новой жизни устойчивый супружеский союз.

Однако для многих людей, в особенности на Западе со времен так называемой сексуальной революции 1960-х годов, такое отношение к браку кажется совершенно несовременным. Оно проявляется по-разному. Некоторые мужчины стремятся к удовольствиям и при этом не хотят обременять себя клятвой верности, сопряженной с ответственностью, на всю жизнь одному человеку. Они не исключают для себя свободы и возможности увлечения новой привлекательной женщиной. Став отцом, та-

кой мужчина не чувствует себя обязанным заботиться о своих детях. В подобных случаях этика добродетели, делающая особый акцент на заботе, выдвигает сильные аргументы против такого поведения.

Некоторые женщины также действуют вопреки этическим нормам. Они усматривают в них кодекс, с помощью которого общество заставляет их подчиняться тирании неразумных мужчин. Эти женщины также устремляются к удовольствиям, пытаясь найти их в случайных отношениях.

Они считают, что «старомодная» половая мораль, возможно, имела смысл, когда существовала реальная угроза заражения заболеваниями, передаваемыми половым путем, и незапланированной беременности в условиях отсутствия способов их предупреждения. Но поскольку ученые разработали антибактериальные медицинские препараты, разнообразные методы контрацепции и прерывания беременности, больше не существует никаких ограничений в сексуальном самовыражении. За супружеством двух людей не стоит Творец, Который предлагает этические рамки поведения. Человеком движет глубокое прекрасное половое влечение, каким природа одарила нас в результате длительного случайного биологического развития.

Половая жизнь, говорят они, — это естественная функция организма, подобная принятию пищи. И как мы удовлетворяем свой аппетит, чувствуя голод, так должны удовлетворять свои половые потребности, когда их ощущаем. Подавление этих потребностей может плохо отразиться на психике.

Подобные рассуждения построены на ряде ложных посылок.

1. Прежде всего, согласно Библии, брак не был задуман просто как способ избежать болезней, передающихся половым путем. Брак — это союз двух людей, основанный на взаимных обязательствах. Вступающие в брак люди отдают себя друг другу. Слово, которое используется в Библии для описания их физического союза, — это глагол «познать». И это не просто эвфемизм, а обозначение того, что, сливаясь друг с другом, люди становятся на один из двух основных путей постоянного увеличения знаний друг

о друге. Половая жизнь — это не просто определенный способ достижения приятных физических эмоциональных ощущений, хотя и они приносят радость. Половая жизнь — это естественное выражение глубокой связи между двумя людьми и все большего познания ими друг друга, что невозможно достичь, вступая в случайные отношения. Действительное наслаждение сексом возможно только в браке и только между партнерами, давшими друг другу обет верности на долгие годы.

Вынесение сексуального вопроса за пределы отношений между двумя людьми, познающими друг друга, означает противоестественное их принижение.

2. Второй ложный аргумент в пользу случайных половых отношений состоит в том, что секс — это просто физическое желание, подобное голоду. Как не имеет никакого значения, с кем вы садитесь за стол, так не имеет никакого значения, с кем вы удовлетворяете свои половые потребности. Интересно, что в ранней христианской церкви в Коринфе некоторые новообращенные язычники брали за основу такую же аргументацию: «Пища для чрева, и чрево для пищи; но Бог уничтожит и то и другое» (1Кор.6:13). Здесь говорится о том, что удовлетворение потребности в пище — это просто одна из тех вещей, которые сопутствуют нашей преходящей жизни. Оно не обладает никакой моральной значимостью. Половые отношения, развивается далее эта мысль, подобны утолению голода.

Однако данная аналогия не верна. В христианстве человеческое тело имеет огромное значение: тело — это «храм живущего в вас Святого Духа» (1Кор.6:19), «тело... для Господа» (1Кор.6:13). Союз мужчины и женщины, таким образом, священен и нуждается во всякого рода защите от вульгаризации.

3. Третье ложное допущение состоит в том, что случайные половые отношения не наносят вреда тем, кто в них вступает. Тогда как на самом деле вступающие в них люди платят высокую психологическую цену. Ведь в действительности не существует такой вещи, как случайные половые отношения, хотя те, кто в них вступает, могут иметь случайные намерения. Такие отноше-

ния наносят глубокие эмоциональные травмы — раны, которые могут так и остаться не залеченными, а впоследствии помешают человеку вступить в стабильные отношения с другим человеком. Подобные отношения не приносят радости, наоборот, разрушают ее: сведенные к физическому акту, они, в конечном итоге, приносят неудовлетворение и разочарование.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Какие природные предпосылки необходимы для зарождения новой жизни?
2. В чем смысл и значение брака?
3. В чем состоит двойная функция брака?
4. Если брак – это идеал, то каковы этические условия его сохранения?
5. Каковы, по-вашему мнению, последствия развода: положительные или отрицательные? Приведите доводы в пользу своей позиции.
6. Как, по-вашему, оценили бы представители этики добродетели и интуитивизма следующее высказывание: «Безответственное отношение некоторых мужчин к своим женам делает брак неблагополучным»?
7. При каких условиях мужчина в браке господствует над женщиной, а при каких – наоборот?
8. Каковы причины ранних половых отношений?
9. Владельцы средств массовой информации наживаются на коммерциализации секса. Можно ли это считать аморальным? Обоснуйте свою точку зрения.
10. Обсудите утверждение: «Круто ли сказать «нет»! [в ответ на предложение заняться сексом], если ты подросток?»

III. ЭТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С РАЗВИТИЕМ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Обсуждая вопросы создания новой жизни, следует отдельно остановиться на тех новых возможностях и этических проблемах, которые возникают в связи с последними достижениями науки и техники. Современная наука способна помочь супругам в случае бесплодия, предупредить рождение детей с серьезными дефектами. Она может исследовать стволовые клетки и производить клонирование в терапевтических целях, обеспечивая возможность лечения серьезных заболеваний, подобных болезням Паркинсона или Альцгеймера.

Тогда в чем же проблемы? Если научные достижения помогают решать проблемы со здоровьем, имеет ли смысл обсуждать средства решения этих проблем? Не следует ли считать обсуждение этических аспектов этих достижений бессмысленным занятием?

Надо сказать, что сами по себе подобные вопросы уже обнаруживают определенную этическую позицию. Смысл этой позиции вот в чем: если определенные действия приносят благо, то средства достижения этого блага автоматически считаются также благом. Подобная политика, напомним, составляет суть утилитаризма, который утверждает, что наша основная цель в жизни — способствовать наибольшему удовольствию и благополучию наибольшего числа людей. Но он также гласит: если ради достижения этого блага необходимо уничтожить жизнь невинного человека, это нужно сделать, не задавая лишних вопросов. Другими словами, нравственность поступка зависит не от качества самого поступка, а от результатов, к которым он приводит.

Другие философы, вроде Канта, категорически отвергают подобную позицию, рассматривая ее как противоречащую подходу к нравственности с позиций здравого смысла. Цель, утверждают они, не оправдывает средства. Если поступок сам по себе отвратителен, то какими бы благими ни были его результаты, он остается аморальным и недопустимым.

В свете этой дискуссии обратимся к некоторым аспектам, которые возникают в связи с использованием современной науки и техники для решения проблем, связанных с созданием новой жизни.

1. РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ БЕСПЛОДИЯ С ПОМОЩЬЮ ОПЛОДОТВОРЕНИЯ *IN VITRO*

Бывают такие ситуации, когда сперма мужа и яйцеклетки жены вполне полноценны, но существуют какие-то

препятствия, мешающие процессу оплодотворения. Оплодотворение *in vitro* — это процедура, с помощью которой сперма потенциального отца используется в лабораторных условиях для оплодотворения яйцеклетки, взятой у потенциальной матери. Оплодотворенная яйцеклетка затем помещается в матку, где плод нормально развивается.

Существует целый ряд практических проблем, связанных с этой процедурой. Однако здесь речь идет не о них¹¹.

Несомненно, эта техника в тех случаях, когда она дает положительный результат, приносит счастье супружеским парам, которые в противном случае не смогли бы произвести на свет ребенка. Однако в связи с использованием этой техники следует сделать два замечания. Прежде всего, очевидно, что эта техника сама по себе не наносит ущерба браку двух людей. Она просто служит инструментом завершения естественных процессов, которые по какой-то причине оказываются блокированными. Конечно, некоторые моралисты считают, что искусственное получение эмбриона уже само по себе является недопустимой манипуляцией с новой жизнью. Однако более существенно другое: в ходе искусственного оплодотворения всегда получают значительно больше эмбрионов, чем может быть имплантировано в матку. Остальные уничтожаются. А если эмбрион — это уже человеческая жизнь, поэтому ее зарождение и последующее уничтожение — серьезная этическая проблема.

2. УЧАСТИЕ ТРЕТЬИХ ЛИЦ В ЗАРОЖДЕНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОНОРСКОЙ СПЕРМЫ И ДОНОРСКИХ ЯЙЦЕКЛЕТОК

Необходимость участия третьих лиц в зарождении новой жизни возникает тогда, когда либо жена, либо муж по какой-то причине бесплодны. Предположим, что бесплодием страдает муж. В прошлом единственным способом решения этой проблемы было вступление женщины в половые отношения с другим мужчиной, которые тем не менее рассматривались как супружеская неверность, нарушающая святость брачного союза.

В наше время эта проблема решается иначе. Мужчины анонимно сдают сперму в банк спермы, где она хранится.

Если муж страдает бесплодием, супружеская пара может обратиться в банк и заявить, что она хотела бы, чтобы сперма анонимного донора была использована для оплодотворения яйцеклетки жены. После такого оплодотворения женщина может произвести на свет ребенка. Считается, что подобная техника отвечает естественному желанию женщины иметь ребенка и приносит ей радость материнства. Может ли это вызывать какие-то возражения?

Этические проблемы использования донорской спермы

Главная этическая проблема здесь состоит в том, что нарушается уникальная супружеская связь между мужчиной и женщиной. Надо сказать, что эта ситуация отлична от той, когда мужчина женится на вдове, имеющей детей от первого брака. Ведь первого мужа женщины нет в живых, и мужчина, вступающий с ней в брак, с самого начала знает (впрочем, как и дети, если они достаточно взрослые), что он не их биологический отец. В таком случае нарушения священных уз брака не происходит.

Использование донорской спермы обезличивает процесс создания человеческой жизни. Ведь в этом случае зачатие и вынашивание ребенка уже не являются результатом интимных отношений жены с мужем.

Подобная процедура может также поставить под сомнение идентичность ребенка. Частью идентичности ребенка как человеческого существа является знание о том, кто его родители. Печально, когда дети этого не знают. Иногда это случается, когда ребенок остается сиротой. Бывает и так, что от некоторых детей отказываются родители, и тогда их воспитанием занимается государство или приемные родители. Если же приемные родители решают сообщить своему ребенку о том, что они не являются его биологическими родителями, то должны учесть особенности своего ребенка, чтобы не травмировать его. Ребенок может отреагировать на такое сообщение по-разному. Некоторые дети переживают это легко, тогда как для других — это тяжелый травматичный опыт, побуждающий их заниматься поисками своих настоящих родителей. Травма может быть усилена тем, что настоя-

щие родители по какой-то причине не хотят признавать своего ребенка. Встреча с настоящими родителями также может причинить ребенку душевную травму, если по каким-то причинам, живя в новом окружении, они не хотят обнаруживать своих прежних отношений.

Однако ситуация с оплодотворением *in vitro* с помощью донорской спермы совсем иная. Во многих странах анонимность доноров гарантируется государством. Причина подобных правил в следующем: если бы анонимность доноров не соблюдалась и их личность могла быть установлена ребенком, родившимся в результате оплодотворения, это привело бы к существенному сокращению потенциальных доноров. Анонимность важна еще и потому, что она исключает возможность появления донора в семье, где растет ребенок, родившийся в результате искусственного оплодотворения, а также предъявления донором претензий на отцовство.

Искусственное оплодотворение производится также в тех случаях, когда бесплодием страдает жена. Тогда спермой мужа производится оплодотворение донорской яйцеклетки, которая затем вживляется в матку его жены. Подобная процедура, разумеется, удовлетворяет потребность женщины в материнстве. Но неизбежным в данном случае является то, что родившийся у нее младенец, строго говоря, не является ее генетическим ребенком. Руководствуясь этими соображениями, многие бездетные супружеские пары склоняются к тому, чтобы смириться со своей бездетностью или усыновить чужого ребенка. В этом случае, по крайней мере, не изменяется базовая генетическая структура семьи. Следует отметить: усыновление принесло радость не только многим супружеским парам, но и многим детям. Ведь в результате усыновления дети, которые не по своей вине остались без родителей, обретают семью и тем самым — возможность вырасти под присмотром любящих родителей. А таких детей в мире пока еще очень много.

Однако дело не только в этом. Использование донорской яйцеклетки актуализирует те же этические проблемы, которые рассматривались в связи с использованием донорской спермы. Кроме того, здесь мы также

сталкиваемся с тем фактом, что процесс искусственного оплодотворения приводит к уничтожению лишних эмбрионов. Именно этот этический вопрос выходит на первый план при рассмотрении новых технологий в репродуктивной сфере. Итак, в следующем параграфе обратимся к вопросу о статусе человеческой жизни и выясним, когда же начинается жизнь человека?

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Использование донорской спермы и донорских яйцеклеток для решения вопроса бесплодия рождает ряд этических проблем. В чем сущность этих проблем? Считаете ли вы их серьезными?

2. Считаете ли вы, что приемные дети имеют право знать, кто их биологические родители?

3. Если ребенок обнаружит, что он родился в результате искусственного оплодотворения, как он может на это отреагировать?

4. Почему, по вашему мнению, при использовании донорской спермы или донорской яйцеклетки нужна анонимность? Почему в соблюдении анонимности заинтересованы родители ребенка, родившегося в результате искусственного оплодотворения?

IV. КОГДА НАЧИНАЕТСЯ ЖИЗНЬ?

Представьте себе, что группа медиков, работающих в области применения новых репродуктивных технологий, пригласила на свой семинар специалиста по этике, чтобы он сделал доклад об этических аспектах применения этих технологий. Вот что он мог бы сказать медикам.

«Уважаемые дамы и господа! Во-первых, я хотел бы искренне поблагодарить за приглашение выступить перед вами. Во-вторых, я хотел бы выразить свое восхищение такими блестящими научными догадками и изобретательными экспериментами, которые сделали возможными потрясающие открытия в области исследований человеческой жизни. Я пришел к вам, испытывая большое волнение, так как, отвечая на ваши вопросы, я невольно вторгаюсь в вашу законную область, где не могу чувствовать себя уверенно. Надеюсь, вы отнесетесь ко мне снисходительно. Я смог преодолеть свое волнение и пришел к вам потому, что специалистов в области медицины и специалистов в области этики объединяют общие интересы. И вас, и нас интересуют фундаментальные вопросы, касающиеся человеческой жизни: когда начинается жизнь? В чем ее сущность? Какие моральные ограничения могут быть связаны с нашими манипуляциями в сфере человеческой жизни?

Как неоднократно напоминали нам философы и ученые-обществоведы, никто из нас не может подходить к этим вопросам совершенно объективно. У всех нас есть какие-то предрассудки и предубеждения. Некоторые из нас, например, утверждают, что жизнь – это просто спонтанный результат многотысячелетней эволюции. Но поскольку этот лишенный сознания процесс в результате какого-то каприза природы завершился созданием высокоорганизованного мозга, то не может быть никакого этического аргумента против того, чтобы этот мозг взял на себя управление дальнейшим улучшением достижений эволюции. Если исходить из этих предпосылок, то никаких этических вопросов в обсуждаемой сфере не возникает.

Однако многие, если не большинство, из вас вряд ли согласятся с этой оценкой. Вы, вероятно, считаете, что существующие социальные системы, в которых путем сложного процесса согласования была принята система ценностей, связанных с человеческой жизнью, создал человек. Отсюда следует, что ответ на вопрос о том, какое отношение имеет этика к медицинским и научным исследованиям, гласит: само общество должно решать, что является морально допустимым.

Но, давая подобный ответ на интересующий нас вопрос, не следует забывать, как некоторые тоталитарные общества обошлись со взятым на себя правом определять ценность человеческой жизни. Они не ограничились манипуляциями, а на деле – разрушениями человеческих эмбрионов и плодов: они объявили свои претензии на право уничтожать целые народы.

Именно такие соображения убеждают многих людей, что ценность человеческой жизни не может быть защищена без трансцендентного начала. Сторонники этой точки зрения утверждают, что Сам Творец установил ценность человеческой жизни, ведь Он создал человека по Своим образу и подобию, и, в конечном итоге, человеческая жизнь принадлежит Ему. В соответствии с подобными взглядами, уничтожение жизни невинных людей равнозначно оскорблению Самого Творца.

Конечно, я, с одной стороны, не могу предполагать, что все вы согласитесь с тем, что человеческая жизнь имеет такое трансцендентное значение. С другой стороны, я уверен: все вы согласитесь со мной в том, что преднамеренное уничтожение невинной жизни является, на самом деле, преступлением, которое называется отвратительным словом «убийство». Таким образом, мы подошли к фундаментальному вопросу: когда именно начинается человеческая жизнь?

В этом вопросе существуют разные точки зрения. Он стал предметом общего обсуждения несколько десятков лет назад – задолго до впечатляющих успехов молекулярной биологии и генной инженерии. Он возник в связи с обсуждениями проблемы законности искусственного прерывания беременности. В то время во многих странах было установлено, что аборт является этически допустимым, если срок беременности не превышает 28 недель. Через

28 недель с момента зачатия плод становится жизнеспособным человеческим существом, которое может жить вне материнской матки. Следовательно, преднамеренное прерывание беременности после этого срока равносильно убийству. Плод, не достигший «возраста» 28 недель, еще не считался человеческим существом и потому мог быть уничтожен.

Но ваши последние исследования в области интенсивной терапии подорвали эту точку зрения. Оказалось, что плод, достигший уже 24 недель, при соответствующем уходе может выжить вне матки и, в конце концов, превратиться затем во взрослого человека. Тем не менее даже там, где имеется оборудование для подобного ухода, до сих пор считается возможным прерывание беременности до 28 недель, а в некоторых странах этот срок еще длиннее. Таким образом, если жизнеспособность – критерий того, с какого срока беременности плод можно считать человеческим существом (в том смысле, что после этого срока уничтожение плода должно расцениваться как преступление), то ныне имеем дело с поразительным фактом. Мы до сих пор прерываем беременность даже в тех сроках, когда плод уже достиг статуса человека.

Мне как человеку, не имеющему отношения к медицине, кажется иронией судьбы, что в одной операционной какой-то больницы врачи борются за жизнь преждевременно родившегося 24-недельного ребенка, а в другой операционной той же больницы врачи уничтожают такой же плод.

Но в любом случае наши недавние достижения в области генетики требуют, чтобы мы обсуждали вопрос о статусе человеческой жизни на более ранних этапах ее развития. Независимо от того, может ли 24-недельный плод быть признан человеческим существом или нет, многие утверждают, что эмбрион нельзя считать таким, который имеет статус человеческой жизни. Тогда необходимо спросить: а что же это такое? Понятно, что это живое существо; и нет никаких сомнений, во что разовьется эта жизнь. Она не разовьется, если перефразировать строчку из известной сказки, в «мышонка ...в лягушку [или] в неведому зверушку». Это уже никак не жизнь лягушки или мышки; это должна быть человеческая жизнь, ведь только из нее развивается человеческое существо.

Более того, мы знаем, почему это так.

Дамы и господа! Ваши собственные исследования, если я правильно понял, показали, что зигота (клетка), образующаяся в результате оплодотворения, содержит всю информацию, необходимую для развития человеческой жизни. В процессе ее последующего развития не добавится никакой новой генетической информации: вся она закладывается при зачатии.

Кто-то может возразить: хотя это и человеческая жизнь, но она еще не несет в себе личностного начала. Следовательно, хотя к зиготе нужно относиться с уважением, ей нельзя придавать полный человеческий статус. Но тогда напрашивается еще один вопрос: на какой стадии у человеческой жизни появляется полностью

развитое личностное начало? 28-недельный плод еще не является вполне развитой человеческой личностью. Таковой по большому счету нельзя считать и новорожденного младенца. Становление личности происходит в течение многих лет. И следует говорить о зрелой личности только тогда, когда человек приобрел уже достаточно жизненного опыта.

Итак, можно ли с уверенностью утверждать, что статус человеческой жизни зависит от *развития* человеческой личности? Если бы это было так, то нам нужно было бы определить, на каком этапе развития человек достигает своего полного статуса, когда его уничтожение уже может быть приравнено к убийству. Когда человеку исполняется пять лет? Или двадцать пять? Или пятьдесят? Этот вопрос усложняется еще и тем, что начиная с семидесяти лет у человека происходит снижение возможностей, которых он достиг в зените своей жизни. Означает ли это, что от человека, который еще жизнеспособен, но испытывает возрастные изменения, общество может спокойно освободиться, ибо, утратив некоторые черты своей личности, он уже не обладает полным человеческим статусом?

Вернемся к вопросу об искусственном прерывании беременности. Мэри Энн Уоррен, которая считает его допустимым, выделяет следующие характеристики личности: чувствительность, самосознание и способность прилагать моральные принципы к своим действиям. Поскольку плод не обладает этими способностями, она считает, что «плод не является ни личностью, ни членом морального общества. Более того, ни сходство плода с какой-то личностью, ни возможность того, что он станет личностью, не обеспечивают оснований, дабы утверждать, что он обладает полным и равным правом на жизнь»¹². А почему нет?

Одним из критериев полного и равного права на жизнь М. Э. Уоррен считает мышление и способность применять нравственные принципы к своим действиям. Кажется очевидным, что новорожденный ребенок не обладает способностью мышления, и должно пройти несколько лет, прежде чем он научится применять моральные принципы к собственному поведению. Таким образом, согласно этой логике, пятилетний ребенок не обладает полным и равным правом на жизнь.

Вероятно, М. Э. Уоррен не рассчитывала на то, что ее аргументация может привести к такому выводу. Однако некоторые авторы рассуждают именно так, как, например, Питер Сингер, приравнявший новорожденного младенца к поросенку.

Более убедительной мне представляется аргументация, развитая теологом и философом-моралистом Джоном Бреком. Он пишет: «Многовековой спор о том, с какого момента плод можно считать человеческим существом и, более конкретно, – личностью, в сущности своей некорректен. Он основан на неверном предположении, что критерии определения личности должны разрабатываться другими людьми, а затем эти критерии должны воплощаться плодом, идет ли речь о зачатии, имплантации оплодотво-

ренной клетки, движении внутри матки или рождении... Личностное начало придается Богом, а не физиологическим развитием, медицинским анализом или социальными нормами»¹³.

Разумеется, в этом высказывании представлена библейская позиция, и осознание следствий такой позиции прекрасно передал древнееврейский поэт: «Ибо Ты устроил внутренности мои и соткал меня во чреве матери моей. Славлю Тебя, потому что я дивно устроен. Дивны дела Твои, и душа моя вполне сознает это. Не сокрыты были от Тебя кости мои, когда я созидаем был в тайне, образуем был во глубине утробы. Зародыш мой видели очи Твои; в Твоей книге записаны все дни, для меня назначенные, когда ни одного из них еще не было» (Псал.138:13-16).

Более того, христиане, как и люди иных верований, утверждают, что существует еще одно измерение человеческой жизни, которое уместно обсудить в данном контексте, а именно: человеческая жизнь включает нематериальный компонент. Иногда этот компонент называют душой, иногда духом, но при этом имеется в виду одно: этот компонент является необходимой частью человеческой жизни¹⁴.

Конечно, среди людей, придерживающихся подобных убеждений, существуют разногласия относительно того, в какой именно момент развития эмбриона и плода происходит его одухотворение. Одни считают, что оно происходит в момент зачатия; другие думают, что это происходит тогда, когда ребенок только появляется на свет и делает первый глоток воздуха; третьи: это совпадает с тем моментом, когда будущая мать начинает ощущать шевеление плода. Насколько я знаю, сейчас подобные точки зрения мало кем разделяются.

Однако до сих пор распространено мнение, согласно которому появление души происходит в неопределенный момент между формированием зиготы и того, что позднее разовьется в нервную систему. Но не существует никаких способов доказательства того, что это происходит именно в данный, а не другой момент.

Уважаемые коллеги! По-моему, этот нематериальный компонент жизни присущ плоду с самого начала. Я говорю это как христианин, и мой вывод основан отчасти на моей вере в воплощение Сына Божьего, само зачатие Которого как человеческого существа произошло благодаря Духу Святому (Луки 1:35). Если вы спросите меня, каково отношение современных моральных мыслителей к тем возможностям создания жизни, которые открываются современной наукой, то я должен ответить: нам следует исходить из неприкосновенности человеческой жизни с самого момента ее зачатия.

Наиболее распространенным отношением к этому вопросу является такое: если что-то может быть сделано, то оно должно быть сделано, поскольку цель оправдывает средства. Но подобное отношение является проявлением плоского утилитаризма. Согласно последнему, правильность действия определяется исключительно тем, приводит ли данное действие к благу наибольшего числа людей. Если оно приводит к такому благу, то само дей-

ствие, по определению, является правильным, даже если согласно каким-то объективным нормам оно явно неэтично. Эта теория кажется мне – и не только мне – абсолютно ложной: благие результаты не оправдывают неэтичных деяний. Я знаю, что этот вывод имеет серьезные следствия: если зигота уже является живым существом и ее жизнь – это человеческая жизнь; если же человеческая жизнь просто в силу того, что она – человеческая жизнь, является неприкосновенной и священной, тогда преднамеренное нанесение ущерба зиготе или ее уничтожение следует считать глубоко неэтичным поступком. Я не случайно говорю здесь о «преднамеренном» нанесении ущерба, поскольку прекрасно понимаю, что в некоторых случаях врачи, принимая решение об облегчении боли человека, опосредованно – а не намеренно – ее уничтожают. Однако, я думаю, все согласятся с тем, что даже в случае этических дилемм следует избегать плоского этического мышления.

Вернемся к вопросу о прерывании беременности. Часто утверждается, что решающим соображением при прерывании беременности должны быть права беременной женщины, а не права нерожденного младенца. Конечно, если женщине ставится диагноз «внематочная беременность» и ее жизнь находится под угрозой, тогда считается, что сохранить ее жизнь важнее, чем жизнь плода. В литературе на эту тему обычно обсуждается другой аргумент, а именно: женщина имеет право контролировать свое тело. А поскольку плод считается частью ее тела, поэтому он является ее собственностью. Она обладает полным правом над плодом, и если по какой-то причине она хочет прервать свою беременность, то имеет право сделать аборт.

Это рассуждение, конечно, спорно. Плод, который носит женщина, не является просто частью ее тела, как, например, рука, сердце и легкие. Это отдельная личность со своим мозгом и сердцем. И, будучи отдельной личностью, это существо также обладает правами. Сомнительным также является тезис о том, что плод – собственность женщины. В действительности, аргументация, на которой основано представление о женщине как о собственнице плода, строится по тому же принципу, что и аргументация, с помощью которой в течение многих веков обосновывалось рабство. В своей сущности рабство – это право одного человека владеть другим. Философ-моралист Д. Д. Рафаэль напоминает: «Ребенок “принадлежит” своим родителям – биологическим или приемным – в том смысле, что именно они, а не кто-либо другой имеют право и долг воспитывать его... Если же они не принимают этот долг на себя, то теряют право исключать других из процесса заботы о ребенке и участия в его будущем. Дети не являются собственностью родителей. Если я обладаю материальным предметом, то даже если это прекрасный или уникальный предмет, я имею право уничтожить его или испортить, используя его не по назначению. Родители не могут относиться к своим детям подобным образом. Религиозное представление, по которому человеческая жизнь принадлежит Богу,

может быть оспорено в той его части, которая запрещает самоубийство, а не в том, более общем следствии, что никакая человеческая жизнь не может принадлежать другому человеческому существу или находиться в его полном распоряжении»¹⁵.

Данной аудитории нет необходимости указывать на поверхностный характер еще одного аргумента, который приводится в пользу аборта по желанию беременной женщины. Утверждается, что каждый ребенок в семье должен быть желанным. Следовательно, нежеланные дети не должны появляться на свет. Если представить эту аргументацию в виде силлогизма, она будет выглядеть так: каждый ребенок должен быть желанным; однако многие дети лишены этого права и являются нежеланными. Следовательно, нужно еще и лишать их права на жизнь. По-моему, это странная логика.

Спасибо за внимание!»

КОНТРОЛЬНОЕ ЗАДАНИЕ

Напишите сочинение. Осветите в нем проблемы, затронутые докладчиком. Изложите в нем аргументы от имени воображаемого оппонента.

V. ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ОКОНЧАНИЕМ ЖИЗНИ

Улучшение питания и прогресс медицины привели к увеличению продолжительности жизни людей во многих странах. Благодаря новым техническим достижениям стало возможным искусственно поддерживать жизнь людей, которые без применения технических новшеств не смогли бы жить. Тем самым увеличивается бремя заботы, лежащее как на семьях этих людей, так и на государстве. Наибольшее бремя, разумеется, ложится на ближайших родственников таких пациентов и их врачей. Именно в этом контексте мы и будем обсуждать проблемы, связанные с окончанием жизни.

Увеличение нагрузки, связанной с уходом за тяжело больными, не способными обслуживать себя людьми, поставило на повестку дня вопрос о правовой базе эвтаназии. Для понимания смысла этой проблемы обратимся сначала к тому, что означает само слово «эвтаназия». Буквальный его смысл — это «хорошая смерть», что звучит вполне безобидно. Однако в действительности данное слово обычно обозначает намеренное умерщвление людей, которое производится либо их лечащими врачами, либо кем-

то, кто помогает им добровольно покончить со своей жизнью. Иногда эвтаназию называют «умерщвлением из сострадания» (*mercy killing*), поскольку целью умерщвления пациента считается облегчение его бессмысленных и безнадежных страданий. Однако независимо от того, что становится мотивом эвтаназии, важно, что она предполагает акт преднамеренного умерщвления человека.

Кроме того, следует указать, что существует два типа эвтаназии: добровольная и не добровольная. Добровольная эвтаназия имеет место тогда, когда пациент просит, чтобы его умертвили или чтобы кто-то помог ему уйти из жизни. Не добровольная эвтаназия имеет место тогда, когда пациента умерщвляют без его согласия и без обсуждения с ним этого вопроса.

Что можно сказать об этой ситуации с позиции этики? Является ли эвтаназия долгом всякого сострадающего пациенту врача? Или, независимо от того, какими причинами руководствуется врач, это — преднамеренное убийство пациента и потому — уголовное преступление?

С одной стороны, существует такое мнение: раз мы прибегаем к гуманному умерщвлению животных, испытывающих сильные боли, то должны так же поступать по отношению к человеческим существам, страдания которых делают их существование совершенно невыносимым. Когда в семье оказывается такой больной, то страдает не только он, но и близкие родственники, которые должны изо дня в день дежурить у его постели.

С другой стороны, завершение человеческой жизни — это очень серьезный момент. Для любого человека, который верит в то, что жизнь дается Богом и только Бог обладает прерогативой отнимать ее у человека, преднамеренное умерщвление пациента кем-то другим — это неправильно. Но так считают не только верующие в Бога. Многие люди, как медики, так и представители других профессий, энергично протестуют против эвтаназии, поскольку она противоречит тому, за что борется медицина. Так, медики, дающие клятву Гиппократу, не должны прописывать больному смертельные дозы лекарств, которые он может использовать, имея намерение покончить жизнь самоубийством.

Во многих странах эвтаназия до сих пор не считается законной. Проблема легитимизации эвтаназии заключается еще и в том, что в некоторых случаях трудно определить, является ли эвтаназия добровольной или она совершена под нажимом.

Скользкий путь

Реальная практика эвтаназии показывает, что существует опасность встать на скользкий путь использования ее тогда, когда явное согласие со стороны пациента может быть сомнительным. Например, по некоторым оценкам, в Нидерландах, где эвтаназия практикуется с 1980 года, в 2001 году в тысяче случаев эвтаназии уход человека из жизни не был добровольным.

Такой незаметный переход к не добровольной эвтаназии может легко произойти в гедонистически ориентированном обществе, когда забота о престарелых все больше и чаще препятствует людям молодого и среднего возраста наслаждаться жизнью. Кроме того, пожилой пациент может владеть деньгами или собственностью, в получении которых заинтересованы его родственники. Поэтому любые средства ускорить смерть своего богатого родственника окажутся для них подходящими. Утилитаристский принцип достижения наибольшего удовольствия для наибольшего числа людей может послужить причиной давления на тяжелобольного, чтобы тот согласился на эвтаназию, или давления на его врачей, чтобы те прибегли к не добровольной эвтаназии. В то же время, поскольку пожилые люди — это обуза для государства, нетрудно представить себе, что правительства отдельных государств будут смотреть на практику эвтаназии сквозь пальцы.

Этика оспаривает некоторые наши ценности. Печально, когда ценностные ориентиры членов общества таковы, что стремление к удовольствиям одних обесценивает жизнь других. В особенности это безнравственно тогда, когда речь идет о дальнейшем существовании тех, кому мы обязаны своей жизнью. В древности убийство родителей расценивалось как самое тяжкое преступление и непростительный грех. «Почитай отца твоего и мать

твою...», — читаем в Божьем Законе (Исх.20:12). Интуитивистская этика предписывает нам почитать и защищать тех, кто дал нам жизнь и защищал, когда мы были еще не способны делать это сами.

Стресс, связанный с принятием решения

Решение пациента добровольно уйти из жизни практически всегда связано с колоссальным стрессом. Например, об эвтаназии может попросить пациент, находящийся в состоянии клинической депрессии, которая не так уж редко встречается при смертельных заболеваниях. На основании каких критериев должны врачи оценивать его просьбу? А если пациент выйдет из депрессии и захочет жить дальше? Проблема с утверждением: «Такая жизнь не стоит того, чтобы продолжать жить», заключается в его крайнем субъективизме. И если использовать это утверждение как довод в пользу эвтаназии, то почему не распространить его на те случаи, когда жизнь кажется бессмысленной обманувшемуся в своих ожиданиях подростку или женщине в состоянии депрессии, которая иногда наступает после родов?

Некоторые люди стремятся избежать проблем, связанных с принятием решения в стрессовой ситуации, оформляя завещание, в котором они распоряжаются относительно своей жизни. В таком завещании человек заранее пишет распоряжение своему врачу. Например, там может быть сказано: в случае неизлечимой болезни, сопряженной с невыносимой болью и потерей сил, делающими жизнь бессмысленной, врач должен прибегнуть к эвтаназии.

Но даже в такой ситуации таятся реальные опасности. Во-первых, в подобном завещании могут быть не учтены будущие изменения состояния здоровья пациента. Поэтому интерпретация таких завещаний может представлять проблему для врачей и родных пациента. Более того, одно дело — соглашаться на эвтаназию, когда ты относительно здоров, и совсем другое — когда ты болен. Опыт показывает, что весьма распространена ситуация, когда тяжелобольные пациенты цепляются за жизнь. И чем тяжелее их заболевание, тем сильнее желание жить, тем большим может быть вероятное изменение их отноше-

ния к эвтаназии. Таким образом, завещание относительно жизни не может быть гарантией от вступления на скользкий путь умерщвления человека против его воли. В действительности, следование подобному завещанию может привести к деяниям, которые не соответствуют теперешним интересам завещателя.

Для многих людей опасность незаметного перехода к недобровольной эвтаназии отзывается эхом программы нацистской Германии, по которой перед Второй мировой войной в этой стране было уничтожено примерно 5 тысяч детей-инвалидов и 60 тысяч людей с психическими заболеваниями. Эта страшная программа «проложила путь» к осуществленному нацистами геноцида еврейского народа, а также к убийству людей других национальностей — поляков, цыган и др. В принятой после войны Женевской декларации была подчеркнута значимость традиции Гиппократата и необходимость отрицания эвтаназии.

Борьба с болью

Представление о том, что смерти обычно предшествует страшная боль, неверно. Его нельзя считать аргументом в пользу эвтаназии. Современная медицина располагает целым рядом лекарственных препаратов, которые могут смягчать боль и облегчать участь смертельно больных пациентов. В некоторых странах созданы специальные пансионаты, в которых больные, обреченные на смерть, находятся под особой опекой.

В связи с этим следует осветить несколько моментов врачебной практики. Во-первых, существует так называемый «закон двойного действия». Здесь имеется в виду ситуация, когда смертельно больные пациенты получают сильнодействующие обезболивающие средства. Однако боль у таких пациентов постоянно нарастает, поэтому требуется и увеличение дозы лекарства. В конце концов, доза становится такой большой, что возникает риск смертельного исхода в результате принятия лекарства. В таком случае врачи не намереваются убивать пациента, они просто хотят облегчить его муки, вызванные болью. Конечно, это нельзя считать эвтаназией¹⁶.

Во-вторых, следует упомянуть прогресс сложнейших современных технологий для искусственного поддержания жизни пациентов. До появления таких технологий многие пациенты были обречены на скорую смерть. В связи с их применением напрашивается этический вопрос: должен ли врач начинать применение таких технологий, если положение больного кажется ему безнадежным? А может быть, лучше не вмешиваться в природные процессы? Но как быть в том случае, когда оборудование обеспечивает только искусственное дыхание, а другие жизненно важные системы организма уже не функционируют? Имеет ли врач моральное право отключить аппарат и тем самым вызвать летальный исход?

Так, в Великобритании Специальный государственный комитет, выступив против эвтаназии, тем не менее поддержал право врачей не начинать (или прекращать) использование аппаратов для поддержания жизни, если ситуация безнадежна.

Случаи, когда дальнейшее медицинское вмешательство не может принести улучшения состояния смертельно больного и врач допускает его смерть, нельзя считать эвтаназией¹⁷. Здесь отсутствует интенция умертвить человека.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. *Дайте определение эвтаназии.*
2. *В чем различие между добровольной и недобровольной эвтаназией?*
3. *Прокомментируйте утверждение: «Термин “пассивная эвтаназия” внутренне противоречив».*
4. *Какие отношения между пациентом и врачом соответствуют традиции Гиппократу?*
5. *Почему во многих странах эвтаназия до сих пор не считается законной? На чем основывается аргумент о «скользком пути»? Считаете ли вы, что легализация эвтаназии несет в себе опасность? Если да, то почему?*
6. *Должен ли врач всегда использовать новейшие медицинские технологии для поддержания жизни больного?*
7. *Как относится к эвтаназии религия?*
8. *Почему при назначении сильнодействующих средств следует брать во внимание намерение врача?*

- Blackwell, 2000. P. 111 – 112.
- ² В данном контексте слово «натурализм» используется для обозначения философского направления, возводящего сущность человека к природе. Обычно в русском языке этот термин используется для обозначения эстетического направления. См. также примечание 5 к гл. 2.
- ³ *Singer P. Practical Ethic.* Cambridge: Cambridge University Press, 1979. P. 122 – 123.
- ⁴ *Ibid.* P. 217.
- ⁵ *Hardwig J. Dying at the Right Time: Reflections on (Un) Assisted Suicide // Ethics in Practice.* 2nd edition. Oxford: Blackwell, 1997. P. 48.
- ⁶ *Singer P. Rethinking Life and Death.* Oxford: Oxford University Press, 1994. P. 183.
- ⁷ Подробную критику данного типа аргументации см.: Д.Гудинг, Дж.Леннокс "Человек и его мировоззрение". [Т.1]. Ч.2.
- ⁸ *Ingham R. Teenage Pregnancy.* L.: Dept of Health Social Exclusion Unit.
- ⁹ Цит. по: *Collins R. A Physician's View of College Sex // JAMA*, 232, 1975. P. 392.
- ¹⁰ Цит. по: *Kirk M., Madsen H. After the Ball.* N. Y.: Plume Books, 1989. P. 361.
- ¹¹ Эта техника дорогостояща и не всегда эффективна. Положительный результат одного цикла достигается в 15-20 % случаев. Кроме того, вероятность рисков, возникающих в процессе родов, в два раза превышает риски, существующие при рождении ребенка, зачатого естественным путем. См.: *New England Journal of Medicine.* 2002, N 346. P. 725 – 730; *Triple Helix*, 2002, Summer. P. 17.
- ¹² *Warren M. A. On the Moral and Legal Status of Abortion // Ethics in Practice.* 2nd edition / Ed by Hugh LaFollette. Oxford: Blackwell, 2002. P. 81.
- ¹³ *Breck J. The Sacred Gift of Life.* Crestwood NY: St. Vladimir's Seminary Press, 1998. P. 149.
- ¹⁴ Так, индуисты и буддисты утверждают, что духовное и вечное начало присутствует в человеческой жизни с самого момента зачатия, хотя они основывают свои представления на посылах, совершенно отличных от христианских.
- ¹⁵ *Raphael D. D. Moral Philosophy.* 2nd Edition. Oxford: Opus Books, Oxford University Press, 1994. P. 145.
- ¹⁶ Время от времени сообщается о случаях, когда врачи в корыстных целях применяют сильнодействующие анальгетики, которые приводят к смерти пациента.
- ¹⁷ Иногда применительно к таким случаям используется термин «пас! сивная эвтаназия». Но «пассивная эвтаназия» – это абсурдное слово! сочетание, поскольку эвтаназия всегда предполагает намерение. При! менение этого термина в подобных случаях нежелательно еще и пото! му, что оно может привести к размыванию различия между предна! меренным убийством и невмешательством в естественный процесс умирания организма в тех ситуациях, когда медицина бессильна.
- ¹⁸ *Stammers T. Adolescent Sexuality // CMF Files No. 4, London, CMF, 1998. P. 3.*
- ¹⁹ *Ibid.* P. 5.
- ²⁰⁻²¹ *Orr D. Premature Sexual Activity as an Indicator of Psychosocial Risk // Pediatrics.* 1991. Vol. 87. P. 141 – 147.
- ²² *Johnson A.M. Et al. Sexual Lifestyles and HIV Risk // Nature.* 1992, 360. P. 410 – 412.
- См. об этом, напр.: Кон И.С. Лунный свет на заре. М.: Олимп: Издательство АСТ, 1998. С. 61. – Прим. перев.
- ²⁴ См. об этом, напр.: Кон И.С. Психология ранней юности: Книга для учителя. М.: Просвещение, 1989. Гл. 7: Психосексуальное развитие и взаимоотношения полов.

Практические задания по этике

До сих пор мы рассуждали об этике в теоретическом ключе. В данной главе обратимся к практическим вопросам, которые возникают в разнообразных областях человеческой деятельности. В процессе обсуждения этих практических вопросов в классе рассмотрим, как применять рассмотренные нами теоретические принципы на практике.

Иногда наша задача при анализе данной ситуации будет состоять в том, чтобы разобраться, какая этическая проблема в ней заключена. Порой нам придется рассматривать ситуации, которые на первый взгляд кажутся простыми, но для выбора способа их решения потребуются пройти долгий и сложный путь. А иногда смысл этической проблемы понятен, но не ясно, как ее решать и обосновывать свое решение.

Некоторые из приведенных ниже ситуаций могут показаться вам сугубо теоретическими, поскольку вы никогда не сталкивались с ними в своей жизни. Однако их обсуждение в классе поможет вам в дальнейшем принять ответственное решение.

А / **Спортивная этика**

1. В НЕКОТОРЫХ СЛУЧАЯХ ЕДИНСТВЕННЫЙ СПОСОБ ПОМЕШАТЬ ПРОТИВНИКУ ЗАБИТЬ ГОЛ – ЭТО ПРЕДНАМЕРЕННО НАРУШИТЬ ПРАВИЛА ИГРЫ. ТАКОЕ ЯВЛЕНИЕ НАЗЫВАЕТСЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ ОБМАНОМ

А. Пойдете ли вы на профессиональный обман ради выигрыша?

Если «нет», то почему? Если «да», то как вы это обоснуете?

Б. Согласны ли вы с тем, что лучше пойти на нарушение правил, получить пенальти и надеяться на то, что игрок, который будет выполнять пенальти, промахнется,

нежели допустить, чтобы ваш противник забил гол благодаря соблюдению вами правил игры? Если вы согласны с подобной стратегией, то ответьте на следующий вопрос.

В. Вы должны кому-то большую сумму денег, но не можете отдать этот долг. Если вы не расплатитесь с кредитором, то обязательно попадете в тюрьму. Но вы работаете в банке и имеете возможность украсть из банка большую сумму денег, которая покроет ваш долг. Конечно, если вас поймают, то отправят в тюрьму. Но вас могут и не поймать. Поэтому вы решаете рискнуть и крадете деньги. В чем разница между ситуациями Б и В?

2. ЧЕСТНОСТЬ В ИГРЕ

В одном знаменитом международном матче игрок, забросивший победный мяч и принесящий своей команде победу, нарушил правило, а судья этого не заметил. Как вы считаете:

а) если рассуждать с позиций морали, то должен ли он указать на свою ошибку судье?

б) если вы можете совершить правонарушение и при этом остаться незамеченным, является ли это корректным с точки зрения этики?

в) поскольку вы выиграли матч, то имеет ли значение, придерживались вы правила или нет?

г) если все нарушают правила, то почему и вам их не нарушить?

д) выиграли ли вы на самом деле, если допустили обман?

3. ПОДЫГРЫВАНИЕ ПРОТИВНИКУ

Иногда вратарь может способствовать проигрышу матча, который его команда по всем прогнозам должна была выиграть. Он может притвориться, что сделал все от него зависящее, чтобы поймать мяч, а на самом деле специально действовал так, что мяч влетел в ворота. Когда такое случается, болельщики начинают подозревать, что вратаря подкупили работники букмекерской конторы. Что вы думаете по этому поводу?

А. Зачем работники букмекерской конторы пошли на подкуп вратаря? Правильно ли это?

Б. Работники букмекерской* конторы никого не просят заключать пари по поводу результата матча. Однако они получают доход от своего бизнеса только тогда, когда те, кто заключал пари, проиграют. Почему бы в таком случае работникам конторы не способствовать проигрышу участников пари?

В. Зачем осуждать вратаря? Что плохого в том, что он хочет заработать? Это же всего лишь игра?

Г. А может вы считаете, что букмекерскую контору нужно оштрафовать на большую сумму денег, а вратаря дисквалифицировать? Если вы придерживаетесь такой точки зрения, обоснуйте ее.

4. ПРОБЛЕМА ДОПИНГА

Спортсменов, уличенных в использовании допинга во время Олимпийских игр и других соревнований, лишают медалей.

А. Является ли использование веществ, временно усиливающих физическую и психическую активность организма, нарушением этических норм? Если «да», то почему?

Б. Предположим, спортсмен, употребляющий допинг, рассуждает так: «Многие люди принимают подобные вещества для собственного удовольствия. Я тоже принимаю эти вещества, чтобы получить удовольствие от выигранного соревнования». Как бы вы прокомментировали подобное рассуждение?

В. Какое моральное право имеет Олимпийский комитет вмешиваться в личную жизнь спортсменов и запрещать им принимать допинг, если они того хотят?

5. КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ СПОРТА (I)

Во многих странах знаменитые футбольные команды продают копии своей спортивной формы. Несмотря на то что цена этих вещей очень высока, они пользуются большой популярностью у детей. Футбольные клубы меняют свою форму дважды в год, тем самым заставляя своих маленьких болельщиков бесконечно выпрашивать деньги у родителей на форму. Даже если это

* **Букмекер** — тот, кто принимает денежные ставки на играх. — *Прим. ред.*

обременительно для семейного бюджета, родители идут на уступки, так как, появившись в старой футболке, их ребенок может навлечь на себя насмешки сверстников.

Как бы вы оценили подобный способ зарабатывания денег клубами:

а) как практичный, заслуживающий уважения способ, благодаря которому они могут позволить себе покупку дорогих игроков и обеспечить интересную для болельщиков игру?

б) как циничный и неэтичный способ косвенного давления на родителей с целью извлечения дополнительных прибылей для клуба?

Рассмотрите аргументы «за» и «против» обеих точек зрения.

6. КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ СПОРТА (II)

В далекие времена целью спорта была исключительно игра. Конечно, участникам игр нравилось выигрывать, но дело было не только в выигрыше, но и в самом процессе игры. В Древней Греции наградой победителю служил простой лавровый венок. Коммерциализация спорта привела к существенным изменениям: она превратила спорт в бизнес. Какие этические вопросы встают в этой связи? Оцените справедливость следующих утверждений.

А. Коммерциализация спорта способствовала развитию спортивных навыков спортсменов и техники игры. Поэтому игра доставляет игрокам большее удовольствие, чем раньше. Следовательно, коммерциализацию следует оценить позитивно.

Б. Когда в спорт вкладываются значительные суммы денег, то стремление к получению прибыли приводит к разрушению морали спортсменов. Следовательно, коммерциализация приносит вред.

В. Если знаменитый футболист за неделю получает намного больше, чем медсестра за год — это безнравственно.

Г. В конечном итоге, футболист получает свой заработок за счет публики. А публика имеет право платить за то, что ей нравится. Поэтому этика тут ни при чем.

1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

В чем состоит или должна состоять подлинная цель рекламы?

А. Показать людям, что данный продукт существует и он может быть им полезен.

Б. Ознакомить с качеством продукта.

В. Создать в сознании людей устойчивую ассоциацию между продуктом и названием. Так, например, название «Кодак» сначала относилось к определенному типу фотоаппарата. Впоследствии в некоторых странах словом «Кодак» стали называть фотоаппараты вообще.

Г. Оказывать психологическое давление на людей, формируя у них потребность в данном продукте, даже если они в нем на самом деле не нуждаются?

Д. Поддерживать производство, рабочие места и прибыли держателей акций предприятия, которое изготавливает данный продукт.

2. ЭТИЧЕСКАЯ ДИЛЕММА

Научно доказано, что курение — основная причина рака легких. Морально ли со стороны табачных компаний рекламировать продукты своего производства? Этическая дилемма состоит вот в чем: если они не смогут продавать свои продукты, тысячи работников этих компаний потеряют работу. Вместе с тем тысячи курильщиков, покупающих продукты табачных компаний, преждевременно умирают от рака легких. Подумайте над этой дилеммой и ответьте на ряд вопросов. Приведите доводы в пользу своих ответов.

А. Если бы разрешение рекламы табачных изделий зависело от вас, как бы вы поступили: запретили рекламу и тем самым спасли бы жизнь многим людям или разрешили ее и при этом сохранили бы рабочие места для людей?

Б. Никотин — наркотическое вещество, к которому привыкает организм. Если производители табачных изделий увеличат содержание никотина в выпускаемых ими

сигаретах, это приведет к увеличению числа наркотически зависимых и, таким образом, увеличит объем продаж продуктов табачных компаний. Считаете ли вы, что подобная стратегия морально порочна?

В. Обязаны ли работники рекламы сообщать полную информацию о пропагандируемом ими товаре? Так, в интересах табачных компаний, чтобы люди становились курильщиками в наиболее раннем возрасте. Поэтому они стремятся распространить как можно больше рекламных объявлений, показывающих кинозвезд, которые курят рекламируемые сигареты. Цель подобной рекламы — внушить молодым людям, что, начиная курить, они приобщаются к роскошной взрослой жизни.

- Должны ли рекламодатели сообщать молодым людям всю информацию о курении и, в частности, то, что, начиная курить с раннего возраста, они рискуют рано умереть? Или рекламодатели имеют право полагаться на то, что молодые люди сами разберутся в негативных последствиях курения для здоровья человека?
- Должно ли правительство запретить размещение рекламы табачных изделий вблизи школ? Будет ли это означать наступление на свободу человека?

3. ТЕХНИКА РЕКЛАМЫ

• На рекламе автомобилей часто изображена молодая красивая девушка, сидящая на капоте. Эта картинка может сопровождаться надписью: «Купите такую машину, и вам позавидует каждый». Разумеется, всякая реклама адресована как вам, так и любому другому человеку.

А. Какие человеческие качества учитывает эта реклама? И какие психологические механизмы она использует для привлечения покупателя?

Б. Можно ли считать, что данный способ обращения к вам как к потребителю рекламы является нравственным?

В. Можно ли доверять рекламе, когда нужно оценить качество автомобиля?

• Некоторые производители и продавцы товаров потребления, скажем мебели, привлекают покупателей с помощью рекламы, которая призывает: «Купите мебель в рассрочку! Первый вклад минимальный! Первый год рассрочки — беспроцентный». Это означает, что люди могут сразу же стать владельцами мебели, не дожидаясь, пока у них появятся деньги на ее покупку. Но затем, год спустя, они обнаруживают, что должны платить не только регулярный взнос, но и очень высокий процент, которым облагается их долг торговой компании или производителю. Так многие люди попадают в долговую зависимость. Если они не способны платить, торговая компания может забрать мебель обратно, даже если клиент уже выплатил за нее значительную сумму. Как бы вы отреагировали на подобную ситуацию?

А. Возложили бы ответственность за ситуацию только на покупателя, который не рассчитал свой бюджет?

Б. Обвинили бы хозяина магазина в том, что тот спровоцировал людей на покупки, которые они не могут себе позволить?

• Избыточное содержание жира в пище считается причиной артрита и заболеваний сердечно-сосудистой системы. Современные производители пищевых продуктов хорошо знают, что покупатели предпочитают пищу с низким содержанием жира. Представьте себе, что на упаковке какого-то продукта написано: «Содержание жира на 5 % меньше». Является ли подобная информация абсолютно честной и объективной? Какая дополнительная информация нужна, чтобы покупатель понял, действительно ли это тот продукт, который ему нужен?

В

Профессиональная этика

1. Представьте себе такую ситуацию. Девушка по имени Ольга сдает профилирующий вступительный эк-

замен по математике. Одну из задач она не может решить, но замечает, что ее сосед Олег уже решил эту задачу. Ольга списывает у него решение и получает высокую оценку за экзамен. Благодаря этой оценке она набирает количество баллов, нужное для поступления в университет.

Другая девушка, Ирина, сдает экзамен в той же группе и испытывает те же затруднения, что и Ольга. Ирина сидит на экзамене с другой стороны от Олега и тоже видит, что он решил трудную задачу. Но, в отличие от Ольги, она не списывает решение у Олега, так как считает это неэтичным. Ирина получает низкую оценку и не набирает проходного балла.

А. Как вы оцените поведение Ольги: считаете ли вы, что она проявила сообразительность и потому достойна учиться в высшем учебном заведении?

Б. Считаете ли вы, что Ирина поступила глупо, не сделав так, как Ольга?

В. Согласны ли вы с тем, что любой человек имеет право пойти на небольшой обман, если речь идет о его карьере?

Г. Как бы вы охарактеризовали принцип, которому последовала Ирина: кантианство? этический эгоизм? утилитаризм?

Д. Если каждый абитуриент будет поступать подобно Ольге, то как это может повлиять на ценность университетского диплома?

Е. Доверитесь ли вы хирургу, если будете знать, что он списывал на экзаменах?

2. Представьте себе, что ваш знакомый по имени Борис оформляется на работу и пишет автобиографию. Понятно, что ему хочется представить себя в наиболее выгодном свете. Поэтому он преувеличивает некоторые свои способности, а кое-что просто придумывает. Он просит вас оценить написанное и дать ему совет. Что вы ему посоветуете? Какими этическими принципами вы посоветуете ему руководствоваться?

3. Представьте себе еще одну ситуацию. Вера — научный сотрудник. Она работает в компании, которая разрабатывает новый медицинский препарат. Прежде чем

получить разрешение на производство препарата и продажу его в аптеках, компания проводит испытание препарата. Цель испытаний состоит в том, чтобы определить, может ли данный препарат останавливать развитие рака. Для испытания препарата среди больных раком пациентов было выбрано сто добровольцев. Некоторые пациенты получали испытываемый препарат, а остальные — плацебо*. В процессе эксперимента Вера установила, что лекарство оказывает положительный эффект. Однако проведенного эксперимента недостаточно, чтобы претендовать на разрешение Министерства здравоохранения с целью использования препарата для лечения больных. Для получения этого разрешения эксперимент должен быть завершен. Но Вера понимает, что ей следует начать применение лекарства для лечения других пациентов, чтобы продлить им жизнь. Хотя в таком случае эксперимент останется незавершенным. Как, по-вашему мнению, она должна поступить?

4. Представитель фармацевтической компании спрашивает ученого-медика: «Не хотели бы вы выступить с докладом по теме вашего исследования на престижной международной конференции? Мы заплатим вам хороший гонорар, возместим транспортные расходы, в том числе стоимость авиабилета в бизнес-классе, проживание в гостинице, и при этом вам даже не надо писать доклад на конференцию. Наши специалисты сами подготовят все материалы для вашего выступления». Как бы вы поступили на месте этого ученого: заподозрили бы, что компания, которая делает такое соблазнительное предложение, имеет какие-то нечестные намерения? Если да, то какие?

5. Прогресс науки зависит от честности ученых при фиксировании и анализе данных, получаемых в процессе исследования. Однако бывает, что молодой научный сотрудник постоянно испытывает давление со стороны руководства своего института, которое требует от него все новых научных достижений и результатов. И сам он тоже, конечно, стремится к славе. С какими моральными проблемами он может столкнуться в этой ситуации?

* **Плацебо** — безвредное вещество, изготовленное в виде лекарственного препарата, которое не имеет лечебных свойств. — *Прим. ред.*

Как аморальное поведение может поставить под удар его самого и репутацию науки?

6. Ирина работает секретарем директора фирмы, занимающейся разработкой мотора нового поколения. У нее есть доступ к секретной документации, в которой содержатся технические данные модели. Друг Ирины работает на конкурирующую фирму. Ирина любит его и надеется выйти за него замуж. Он предлагает ей сделать копию секретных документов. Она легко может это сделать, так что никто не узнает. Друг заявляет: если она этого не сделает, то он порвет с ней всякие отношения. Какими соображениями должна руководствоваться Ирина, принимая решение в этой ситуации?

7. Представьте себе, что вы работаете на ферме. В какой-то момент выявляете, что у одной из коров, за которой вы ухаживаете, серьезное инфекционное заболевание. Вы сообщаете об этом управляющему фермой. Он говорит, что нужно умертвить животное и похоронить его, не ставя никого в известность. В то же время вы знаете, что корова была куплена всего несколько дней назад, и вам даже известно, где она была куплена. С одной стороны, вы понимаете: если не сообщить об этом факте в ветеринарную службу, инфекция может распространиться. С другой стороны, если вы поставите в известность ветеринарную службу, на вашей ферме будет объявлен карантин, и вам придется уничтожить какое-то количество других животных. Кроме того, ваши отношения с управляющим фермой могут серьезно осложниться. Какие этические вопросы затронуты в этом примере? Как, по-вашему, нужно поступать в такой ситуации?

Г

Этика в бизнесе

1. Имеет ли мораль какое-то отношение к бизнесу? Если да, то какое? Имеет ли значение, какими методами достигается прибыль, если данный бизнес создает рабочие места для людей? Должны ли бизнесмены принимать во внимание общественные интересы?

2. В чем разница между подарком, чаевыми и взяткой?

А. Во многих странах официанты и портье больших гостиниц получают щедрые чаевые, если они хорошо обслуживают своих клиентов. Несмотря на официально низкую зарплату, работа в больших гостиницах считается выгодной, и многие люди стремятся получить ее.

Б. В некоторых странах полицейским платят такую низкую зарплату, что они, дабы заработать на жизнь, вынуждены придирааться к водителям на дорогах и стягивать с них «дань».

В. В других странах чиновники пользуются своим служебным положением для личного обогащения: они, например, создают препятствия людям, которые обращаются к ним для получения паспорта, визы или каких-то других документов.

Г. В некоторых странах, когда правительство объявляет тендер на строительство какого-нибудь гражданского объекта, то не всегда предпочтение отдается лучшему проекту. Иногда чиновники одобряют тот проект, авторы которого в той или иной форме подкупают чиновников.

Проанализируйте все четыре ситуации. Есть ли у них что-то общее? Является ли какая-нибудь из них оправданной?

3. Представьте себе, что вы работаете менеджером большой компании. Во время переговоров с зарубежными партнерами вы знакомитесь с бизнесменом, который приглашает вас провести отпуск с ним и его семьей на его личной яхте в Тихом океане. При этом он предлагает взять все расходы на себя. Примете ли вы его приглашение?

4. Представьте себе еще одну практическую ситуацию. В городскую администрацию поступает заявка на строительство большого торгового комплекса в районе города, где строительство до сих пор было запрещено. На заседании комитета по строительству один из представителей городской администрации, назовем его Дмитрием Ивановичем, произносит длинную речь, в которой обосновывает необходимость строительства. Когда объявляется голосование, он голосует за принятие этого проекта. Благодаря его аргументации проект получает одобрение. Однако на этапе обсуждения проекта

Дмитрий Иванович не сообщает о том, что он является одним из акционеров компании, которая разрабатывала проект и будет вести строительство. Какова этическая подоплека данной ситуации? Анализируя ситуацию, представьте себе, что Дмитрий Иванович во время публичной дискуссии по данному вопросу может сказать, что он, как и всякий гражданин, имеет право преследовать свои интересы. Как можно ему возразить?

5. Представьте себе, что вы руководитель самолетостроительного завода. Вы отвечаете за то, чтобы поддерживать производство и сохранять рабочие места на заводе. И вот вы ведете переговоры с какой-то авиакомпанией о покупке реактивного самолета. Представитель авиакомпании говорит вам, что он может гарантировать заказ на самолет, если эта сделка принесет ему какую-то личную выгоду. Откажетесь ли вы давать ему взятку? Или, может быть, будете обосновывать необходимость взятки тем, что речь идет о рабочих местах для тысячи работников? Какие этические вопросы затронуты в этой ситуации?

6. А теперь представьте себе, что вы работаете начальником смены на фабрике. В какой-то момент вы замечаете, что из цеха периодически исчезают инструменты. Вы докладываете об этом начальнику цеха. Он приказывает выяснить, кто крадет инструменты. В один прекрасный день вы обнаруживаете, кто это делает. Но оказывается, что этот человек ворует инструменты потому, что его жена больна. Ей нужны дорогостоящие лекарства, и ему не хватает своего заработка на покупку лекарств. Вам жаль этого человека. Если вы сообщите о воре начальству, его обязательно уволят. Если промолчите, вас могут заподозрить в пособничестве кражам. Тем самым вы тоже рискуете потерять работу. Однако вы уверены в том, что красть инструменты плохо. Как, по вашему мнению, следует действовать в такой ситуации?

А. Сообщить о воре начальству и тем самым ограбить себя от неприятностей?

Б. Организовать сбор денег среди работников предприятия или купить лекарства для больной женщины?

В. Убедить самого вора, чтобы он признался в своем поступке?

Г. Объяснить ситуацию начальнику цеха и просить его, чтобы он простил вора и позволил ему постепенно вернуть стоимость украденных инструментов?

Какие рекомендации, с вашей точки зрения, следуют из христианской этики добродетели?

7. Предположим, что вам от бабушки досталась по наследству большая дача и вы хотите ее продать. Вы помещаете объявление о продаже дачи. К вам приходит потенциальный покупатель, и дом ему очень нравится. Поскольку в объявлении о продаже говорится только о достоинствах дома и участка, покупатель не знает, что дом построен на «плывущей» почве и подвальное помещение заражено грибком, что неподалеку от вашего участка расположена мебельная фабрика, и когда ветер дует со стороны фабрики, до вас доносится неприятный запах лака. Вы понимаете: если сообщите покупателю обо всех этих обстоятельствах, он вряд ли решится купить ваш дом. Как вам следует поступить?

А. Обязаны ли вы по этическим соображениям сообщить покупателю обо всех недостатках дома и участка? Или покупатель должен сам выяснять эти недостатки?

Б. Попробуйте представить себе, чего бы вы хотели от продавца, если бы были покупателем недвижимости? Помогает ли это вам понять, как вы должны себя вести в качестве продавца?

8. На окраине города открывается супермаркет — филиал одного из известных супермаркетов. Для привлечения покупателей новый супермаркет начинает продавать товары по очень низким ценам. Маленькие магазинчики в данном районе не могут конкурировать с новым большим магазином и разоряются. После их закрытия супермаркет поднимает цены. Этичен ли такой метод ведения конкуренции? Если «нет», то почему?

Д / **Преступление и наказание**

Три студента обсуждают проблему преступления и наказания. Борис выступает за перевоспитание преступ-

ников. «Наказание всегда приносит вред, — говорит он. — Если тюрьма служит только для наказания преступников, то понятно, что, выйдя на волю, они опять начнут совершать преступления. Чтобы вернуть нарушителей закона к нормальной жизни, необходимо иметь много хорошо обученных специалистов по социальной реабилитации, налаженные системы психологической помощи и переобучения, чтобы, выйдя на свободу, бывшие заключенные получили соответствующую психологическую и социальную поддержку и больше никогда не становились на преступный путь. Это единственный способ борьбы с преступлениями».

Сергей не согласен с Борисом. Он говорит: «Конечно, психологическая помощь людям, нарушившим закон, нужна. Но наказания тоже должны применяться. Ведь нужно же, чтобы человек знал, что его ждет, если он нарушит закон. Есть опасность, что картина реабилитационных центров, которую ты нарисовал, может показаться правонарушителям чем-то вроде школы или высшего учебного заведения, где они могут получить хорошее образование. А если это так, то каждому захочется в такой школе поучиться. Я думаю, что твоя точка зрения совершенно неверна. Система наказаний должна отворачивать людей от преступлений. Неужели ты не видишь: чем тяжелее наказание за то или другое преступление, тем меньшее число людей имеет намерение его совершить? Если обращаться с преступниками более сурово, можно будет решить проблему переполненности тюрем».

«Послушайте, — вмешалась в их разговор Ирина. — Оба вы забыли об одной очень важной вещи. Конечно, мы должны иметь такую систему наказаний, которая будет заставлять людей задумываться о том, стоит ли нарушать закон. И нам, само собой, нужна система перевоспитания людей, которые на такое нарушение все-таки пошли, чтобы они снова не вступили на путь преступлений, когда отбудут наказание. Но основным и единственным основанием для наказания людей должно быть совершенное ими преступление, независимо от того, хотим мы их перевоспитать или запугать последствиями нового преступления. Нужно, чтобы наказание выпол-

няло обе эти функции. Но если человек не заслуживает наказания, то никто не имеет права карать, или помещать его в тюрьму с целью перевоспитания или профилактики преступления.

Более того. Твоя точка зрения, — говорит Ирина Борису, — очень опасна. Ты говоришь, что наказание всегда приносит вред и человека нужно помещать в тюрьму для перевоспитания, чтобы он смог вернуться к нормальной жизни, когда будет освобожден. Но именно этим аргументом пользовались тираны и диктаторы. Если какого-нибудь диктатора не устраивали политические взгляды его противников, он не всегда мог обвинить их в совершении преступления, так как эти люди могли и не нарушить закон. Просто они, с точки зрения тирана, неправильно думали или неправильно поступали. По рассуждению тирана, они психически ненормальные и нуждаются в “лечении”. На основании своих соображений он помещал их в психиатрическую “лечебницу”. Там их “лечили” до тех пор, пока они не “выздоровливали”. Разумеется, никто не мог заранее сказать, сколько времени потребуется для их “излечения”. Непонятно также, кто должен был оценивать, когда их можно считать “излечившимися”. Поэтому время пребывания такого “пациента” в лечебнице также было неопределенным.

Я понимаю, Борис, что наказание нарушившего закон человека кажется тебе варварством. Но оно гораздо безопаснее и гуманнее, чем то, что предлагаешь ты. Если человека наказывают потому, что он заслуживает наказания, тогда характер наказания и его длительность зависят от серьезности его преступления. Отбыв наказание, такой человек может выйти на свободу, независимо от того, перевоспитался он или нет. Конечно, если он находится в заключении, скажем, в течение шести лет, имеет смысл использовать все медицинские, образовательные и духовные ресурсы, чтобы помочь ему изменить представления о жизни и отвратить от дальнейшего нарушения закона. Но это следует сделать только тогда, когда человек действительно заслужил наказание».

«Да, Ирина, — вмешивается в разговор Сергей, — я согласен с тобой. Недостаточно пытаться перевоспиты-

вать людей, когда они отбывают срок наказания в тюрьме. Их следует наказывать для того, чтобы удержать от новых преступлений. Именно это я хотел сказать. Почему ты представляешь дело так, будто я забыл сказать что-то важное?»

«Ты забыл сказать, — отвечает Ирина, — что не следует использовать наказание для удерживания человека от преступления, если он его еще не совершил. Строгость наказания должна зависеть от характера проступка. Если не брать во внимание, что наказание должно зависеть от преступления, тогда можно договориться до того, что чем строже наказание, тем сильнее его профилактический эффект. Почему бы тогда не заключать людей в одиночную камеру за кражу булки хлеба или не приговаривать их к пожизненному заключению за нарушение правил уличного движения? И вообще, зачем дожидаться, пока человек совершат какой-то проступок? Может быть, надо наказывать его из соображений профилактики преступлений?»

Тут Борис и Сергей оба возмутились. «Ты все доводишь до абсурда», — сказали они.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Обычно концепции, которых придерживаются наши собеседники, можно назвать соответственно: концепцией профилактики преступлений, концепцией воздаяния за преступление и концепцией перевоспитания преступника. Сторонником какой концепции является каждый из наших собеседников?

2. Попробуйте разыграть в ролях эту дискуссию в классе. Оцените убедительность аргументации каждого из ее участников.

3. «Главная цель наказания как воздаяния за преступления состоит в том, чтобы поддержать выраженные в законе ценности. Закон, который предполагает наказание за убийство человека, направлен на утверждение ценности человеческой жизни. Если нарушение этого закона может остаться безнаказанным, то ценность, которую он утверждает, будет сведена к нулю». Приведите доказательства «за» и «против» данной точки зрения.

4. «Общество не может считаться свободным, если в нем не соблюдается справедливость». Верен ли этот тезис?

5. Обсудите следующее рассуждение: «Если человек знал, что его поступок противоречит закону, то говорить, что он совершил его

неволею и не должен за него отвечать, означает относиться к нему как к неполноценному человеческому существу, к животному или растению. Правильно и гуманно относиться к человеку – значит, воспитывать его так, чтобы он умел брать на себя ответственность».

6. Представьте себе, что два человека совершили два одинаковых преступления. Однако один из них извлек больше выгоды от него и потому получил больше удовольствия, чем другой. Согласно утилитаристской концепции наказания, первый человек должен получить более строгое наказание, чем второй. Согласны ли вы с этим?

7. Прочитайте текст из Библии: Второзаконие 25:1-3. Какие принципы справедливости там провозглашены? Как они могут быть поняты и применены к современному миру?

8. Считаете ли вы этичным, когда родители наказывают своих детей? Подумайте, таят ли в себе опасность: а) чрезмерное наказание; б) полное отсутствие наказания.

Е

Этические вопросы, связанные с охраной окружающей среды

1. В результате промышленной революции некоторые страны стали очень богатыми. Однако каждая промышленная революция негативно сказывается на окружающей среде: в результате освоения природных ресурсов вырубаются леса, загрязняются почва, реки и атмосфера. В последнее время некоторые промышленно развитые страны разработали законодательные меры, помогающие снизить негативное влияние индустриализации на окружающую среду. Они также оказывают давление на развивающиеся страны, чтобы и те накладывали ограничения на свои молодые промышленные предприятия. Однако развивающиеся страны указывают, что высокоразвитые страны тем самым отказывают им в праве на обогащение, предписывая не использовать методы, благодаря которым в прошлом они сами приобрели свои богатства.

Как можно прокомментировать эту дискуссию? Как вы думаете, на чьей стороне справедливость?

Понятно, если развивающиеся страны будут следовать теми же путями, которыми высокопромышленные

страны построили свою экономику, то это причинит большой ущерб окружающей среде.

Какие, с вашей точки зрения, этические вопросы здесь затронуты? Как технически развитые страны могут помочь менее развитым странам?

2. Крупные фармацевтические компании в развитых странах начали понимать важность традиционной (народной) медицины. Некоторые из этих компаний заготавливают сырье в слаборазвитых странах для производства препаратов, которые надеются потом выгодно реализовать. Для этого, например, производятся массовые вырубки джунглей. Однако местное население практически не имеет от этих вырубок никакой выгоды. Более того, оно теряет источник своих скудных доходов. Справедливо ли это? Что можно в этой ситуации предпринять?

3. Оправданно ли уничтожение естественной среды обитания животных? Обоснуйте свою точку зрения.

4. Производители свинины обнаружили, что инъекции антибиотиков здоровым животным способствуют прибавлению их веса. Но это означает, что любители свинины — пусть и в химически модифицированной форме — вместе с мясом употребляют антибиотики, тем самым ослабляя к этим лекарствам свой иммунитет. Как бы вы оценили этические стороны данной ситуации?

5. «Неэтично тратить миллиарды долларов на исследование и освоение космоса, когда миллионы людей на Земле умирают от голода». Обсудите это утверждение. Какие доводы «за» и «против» космических программ вы можете привести?

6. Активисты движения в защиту животных в некоторых странах нападают на женщин, которые носят одежду из натурального меха. Обсудите этические аспекты этой ситуации.

7. Существует множество данных, говорящих о том, что выхлопные газы способствуют глобальному потеплению. Существует также точка зрения, согласно которой это просто следствие эволюционного процесса, заложенного в природе, а потому люди, как часть природы, просто в нем участвуют. Следовательно, этому процессу нельзя препятствовать. Верно ли это? Несет ли человек

ответственность за состояние биосферы? Если да, то является ли это, по-вашему, моральной ответственностью?

8. Тысячи, а возможно, и больше людей в Эфиопии умирают от голода: во-первых, из-за непрекращающейся засухи; во-вторых, из-за опустошительной войны между Эфиопией и Эритреей; в-третьих, потому что финансовые средства, выделенные международными организациями, не были использованы на развитие национальной экономики. Какой моральный долг несут другие государства перед Эфиопией?

За пределами этики

На фоне колоссального мирового этического наследия обзор этических систем, представленный в этой книге, можно считать лишь кратким очерком. Однако мы попытались обрисовать некоторые наиболее известные и влиятельные теории, и в особенности — современные, а затем наметить положения этических теорий, нуждающихся в развитии.

Но задолго до того, как мы пришли к завершению обзора этических идей (если его в принципе можно завершить), уже поняли: этики самой по себе недостаточно, чтобы разрешить наши главные моральные проблемы. Этика как нормативная дисциплина предписывает то, что́ следует делать. Она говорит нам, что́ хорошо, а что́ плохо, и почему хорошее является хорошим, а плохое — плохим. Однако за пределами этики остаются две фундаментальные проблемы. Первая: почему мы иногда поступаем плохо? Другая: что можно сделать, чтобы вести себя правильно и не совершать плохих поступков.

Как отвечает на главные моральные вопросы Сократ

Сократ не интересовался философией морали, пока не выдвинул первую проблему, связанную с моралью: почему люди ведут себя неправильно? Рассуждая на эту тему, он пришел к выводу: когда мы ведем себя неправильно по отношению к кому-то, то в действительности наносим гораздо больший ущерб своей душе, чем человеку, которого мы обидели своим поведением. Отсюда Сократ сделал вывод о том, что дурное поведение связано с незнанием. Если бы человек знал, что плохое поведение ударяет прежде всего по нему самому, он вел бы себя иначе.

Как же Сократ отвечает на второй моральный вопрос: что следует сделать, чтобы исправить человека? Его ответ вытекает из поставленного им диагноза: если незнание истины является причиной неправильного по-

ведения, то встать на правильный путь мы можем путем познания истины. То есть нам следует сначала узнать, что такое справедливость, смелость, святость и другие добродетели. Мы также должны узнать, какой ущерб наносим своей душе, когда ведем себя безнравственно. Узнав все это, мы перестанем совершать неправильные поступки и причинять ущерб себе и другим.

Как отвечает на главные моральные вопросы Аристотель

Аристотель не соглашался с Сократом (Никомахова этика. VII, II, 1 ff)¹. Он считал, что точка зрения Сократа противоречит наблюдаемым фактам: люди ведут себя неправильно, даже зная, что подобное поведение неправильно. Согласно Аристотелю, причиной неправильного поведения является отсутствие самоконтроля.

Аристотель различал отсутствие самоконтроля и самовольство (*self-indulgence*). Самовольный человек отрицает любые моральные ограничения. Осознавая, что некоторые поступки считаются аморальными, он все же совершает их. Его не волнует, являются ли они правильными или неправильными: он поступает так, как хочет. Это произвол греха и порока.

Подобный человек отличается от того, кто не способен к самоконтролю. Последний знает, что́ хорошо, а что́ плохо. Он хочет поступать хорошо, но теряет самоконтроль и поступает плохо, несмотря на то что знает об этом. Как это происходит? Аристотель считает, будто при этом такой человек не меняет своих представлений и не хочет допустить: что́ он раньше считал неправильным, может в действительности быть правильным. Почему же в таком случае он совершает неправильный поступок? Аристотель проанализировал эту проблему и выдвинул несколько объяснений. Вот два из них.

Объяснение 1. Человек может в каком-то смысле иметь некое знание, а в другом смысле — этого знания не иметь (Там же. VII.III.7).

Наводя примеры подобной ситуации, Аристотель говорит о людях в состоянии сна, помешательства или опьянения. Легко понять смысл такой аналогии. Чело-

век прекрасно знает, что нехорошо драться, крушить мебель или разбивать окна. Но когда он пьян, это знание ему не помогает. Поэтому Аристотель отмечает: состояние людей, находящихся под властью своих страстей, таких как гнев, сексуальное влечение, подобно состоянию спящих, безумных или пьяных. В известном смысле они знают, что́ хорошо, а что́ плохо, но это знание не оказывает влияния на их поведение в том состоянии, в котором они пребывают.

Это не мешает тем, кто предается своим страстям, изрекать прописные истины. Пьяница может цитировать Эмпедокла или приводить научные доказательства пагубности злоупотребления алкоголем. И в этом смысле он подобен тем, кто начинает осваивать научные знания. «Начинающие ученики иногда учат на память чьи-то рассуждения и отвечают без какой-либо запинки, но еще без всякого осознания, ибо со знаниями нужно срастись, а это требует времени. Так что высказывания людей, ведущих жизнь невоздержания, подобны речам лицедеев» (Там же. VII.III.5)².

Объяснение 2. На человека по-разному влияют знания универсальных принципов, с одной стороны, и восприятие конкретных жизненных фактов — с другой.

Это связано не столько или, по крайней мере, не только с нашей внутренней способностью контролировать себя, сколько с нашим восприятием внешних вещей. Приведем простой пример.

Научно доказано, что все сильнодействующие наркотики, в конце концов, приводят к тяжелым расстройствам головного мозга.

Рассмотрим силлогизм:

Большая посылка. Все сильнодействующие наркотики приводят к поражению головного мозга.

Меньшая посылка. Данное вещество является сильнодействующим наркотиком.

Из этих двух посылок следует заключение: данное наркотическое вещество употреблять нельзя.

Представьте себе молодую девушку, которой известно общее высказывание, заключенное в большей посылке. В один прекрасный день ее приглашают на вечерин-

ку, где ей предлагают попробовать сильнодействующий наркотик. При этом ей говорят: «Все участники этой вечеринки принимают такие наркотики. Посмотри, какие они счастливые и довольные!» Итак, давно известный девушке общий принцип, согласно которому все сильнодействующие наркотики поражают мозг, отступает на задний план. А на переднем плане оказывается конкретная жизненная ситуация: прекрасная вечеринка, в которой участвуют веселые молодые люди. Глядя на веселящихся сверстников, она думает:

- 1) человек, принимающий сильнодействующие наркотики, чувствует себя прекрасно;
- 2) данное вещество — просто сильнодействующий наркотик.

Непосредственно воспринимаемые факты приводят к тому, что желание почувствовать себя так же хорошо, как и остальные гости, побеждает. Абстрактный общий принцип вытесняется конкретной ситуацией, и девушка соглашается попробовать наркотик, который ей предлагают.

Данная ситуация иллюстрирует объяснения Аристотеля: мы можем знать всеобщие нравственные принципы, однако в определенной ситуации способны оказаться под властью конкретных, но ложных аргументов, которые и формируют наши сиюминутные настроения и желания.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. На какие жизненно важные вопросы этика как нормативная система не может ответить?
2. Почему, с точки зрения Сократа, люди ведут себя неправильно, и как, по его мнению, можно предупреждать неправильное поведение людей?
3. Поступали ли вы когда-нибудь неправильно, зная при этом, что вы действуете неправильно? Если «да», то почему вы вели себя именно так?
4. Чем позиция Аристотеля по обсуждаемому вопросу отличается от позиции Сократа?
5. В чем, согласно Аристотелю, состоит разница между отсутствием способности к самоконтролю и самовольством?
6. Как бы Аристотель ответил на следующий вопрос: «Можно ли о человеке, который ведет себя неправильно и знает об этом, сказать, что он действительно знает, что это неправильно»?

7. Какое положение учения Аристотеля можно было бы проиллюстрировать при помощи описанной выше ситуации с девушкой на вечеринке? Является ли объяснение Аристотеля в данной ситуации убедительным?

Аристотель о причинах неправильного поведения и способах его коррекции

В рамках данной книги мы не будем подробно анализировать все рассуждения Аристотеля о неправильном поведении человека, знающего о том, что он ведет себя неправильно. Наша задача состоит в другом: мы должны понять, что, согласно Аристотелю, является главной исходной причиной плохого поведения человека, и как можно это поведение исправить.

По-видимому, если следовать Аристотелю, исходную причину плохого поведения нужно искать в первобытном состоянии человечества. Описывая разнообразные формы моральных отклонений, он говорит, что в отдаленных частях мира (здесь нужно сделать поправку на представления древних греков того времени) живут дикие человеческие существа, ведущие себя не лучше животных. Согласно некоторым древнегреческим мыслителям, человечество первоначально пребывало в диком состоянии. Поведение людей улучшалось, по мере того как они приучались жить в городах, подчиняясь законам и условностям, без которых городская жизнь невозможна. Дурное, дикое поведение, встречающееся даже в городах, — это пережиток или возврат к первобытному состоянию.

Вероятно, для древних греков подобный образ мыслей был естественным. Они наблюдали рост городов-государств, бурный расцвет культуры и имели все основания гордиться достижениями своей культуры. Но что бы сказали они сейчас, два с половиной тысячелетия спустя, увидев моральный упадок и преступность, процветающие в большинстве современных городов, вопреки высокому уровню образования и «цивилизации»? Оказывается, что самого по себе образования явно недостаточно для искоренения плохого поведения.

В чем же Аристотель видел способ разрешения проблемы моральной слабости, присущей всем людям?

Предлагаемый им способ прост — нравственное воспитание детей, а затем жесткий самоконтроль у взрослых.

Подобно стрелку, который целится в глаз быка, человек должен целиться в порок. Его задача — не промахнуться. Стать добродетельным просто: нужно лишь упражняться в совершении добродетельных поступков. Другими словами, основное этическое правило гласит: поступай наилучшим образом.

Но Аристотель прекрасно понимал, что это правило очень трудно соблюдать. В своем сочинении «Никомахова этика» он остроумно замечает: «Совершать зло можно по-разному (ибо оно, как образно выражались пифагорейцы, принадлежит беспредельному, а благо — определенному), между тем поступать правильно можно только одним-единственным способом (недаром первое легко, а второе трудно, ведь легко промахнуться, трудно попасть в цель). В этом, стало быть, причина тому, что избыток и недостаток присущи порочности, а обладание серединой — добродетели» (Там же. II.5 VI)³.

Таков вывод одного из выдающихся греческих философов-этиков древности. Обратимся теперь к тому, что по этому поводу думает другой величайший моралист всех времен.

Признание апостола Павла

Савл из Тарса, который стал христианским апостолом Павлом, был воспитан в строгих иудейских религиозных традициях. Для него этика состояла в четком соблюдении Закона Божьего. Будучи молодым человеком, он твердо решил соблюдать все предписания Ветхого Завета, включая Десять Заповедей. Уже в зрелом возрасте, вспоминая свою молодость, Павел рассказывает, как когда-то был уверен, что соблюдает все правила и его поведение можно считать если не вполне безукоризненным, то, с точки зрения Закона, безупречным (Филп.3:6). Приобретя определенный жизненный опыт, он начал смотреть на мир совсем иначе.

В своей знаменитой исповеди Павел показывает, как такое переосмысление стало возможным и с какой нравственной и духовной борьбой оно было связано. Приве-

дем эту исповедь, чтобы читатель смог понять весь драматизм событий, пережитых автором повествования: «Что же скажем? Неужели от закона грех? Никак; но я не иначе узнал грех, как посредством закона, ибо я не понимал бы и пожелания, если бы закон не говорил: «не пожелай». Но грех, взяв повод от заповеди, произвел во мне всякое пожелание; ибо без закона грех мертв. Я жил некогда без закона; но когда пришла заповедь, то грех ожил, а я умер; и таким образом заповедь, данная для жизни, послужила мне к смерти, потому что грех, взяв повод от заповеди, обольстил меня и умертвил его. Посему закон свят, и заповедь свята и праведна и добра. <...> Ибо мы знаем, что закон духовен, а я плотян, продан греху. Ибо не понимаю, что делаю; потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю. Если же делаю то, чего не хочу, то соглашаюсь с законом, что он добр, а потому уже не я делаю то, но живущий во мне грех. Ибо знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе; потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех. Итак я нахожу закон, что, когда хочу делать доброе, прилежит мне злое. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божию; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих. Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?» (Римл.7:7-24).

В этом тексте можно почувствовать не только драматизм внутренних переживаний автора, но и исключительную честность, с которой он признается в своих глубинных чувствах и моральных проблемах. В описанном Павлом опыте можно выделить четыре аспекта.

1. Павел понял, что Закон имеет духовную природу (7:7,12,13).

Он осознал, что недостаточно соответствия внешне-го поведения букве Закона. Мало не воровать, не лгать, не прелюбодействовать, уважать родителей и не быть

идолопоклонником. Закон имеет духовную природу, и человек должен следовать ему не только в своих внешних поступках, но и подчинять ему внутренние желания, мотивы и мысли. Заповедь, которая, как говорит Павел, «умервила» его (стих 11), — это заповедь, относящаяся ко внутренним мотивам и понятиям человека: «Не пожелай!» Но как Павел ни старался, он не мог перестать желать.

Приведем другой пример. Представьте себе такую ситуацию. Один человек изнемогает от ревности и ненависти к сопернику. Он готов с ним расправиться: избить или даже убить. Он не делает этого только потому, что не имеет такой возможности и боится последствий. Конечно, хорошо, что у него нет этой возможности. Но предположим, что он, подобно древнему персидскому шаху или современному диктатору, мог бы убить своего соперника и остаться безнаказанным. Отсюда следует, что его желание и тщательно скрываемая ненависть — такие же плохие, как и акт насилия, который он хотел бы совершить.

2. Павел понял, что осознание требований Закона ухудшает, а не улучшает положение человека.

Павел был религиозным человеком. Но когда разрушились его иллюзии по поводу собственного совершенства, у него возникло чувство сопротивления, которое привело к тому, что он стал еще больше нарушать Закон (7:10-13). Дело в том, что Закон сам по себе не мог помочь Павлу преодолеть его нравственное несовершенство. Наоборот, зная Закон, он жил с постоянной мыслью о грехе, что только усугубляло его нравственное падение.

3. Павел понял, что его внутренних ресурсов недостаточно, чтобы преодолеть свое нравственное несовершенство.

В борьбе с самим собой он призвал на помощь разум. Своим разумом, говорит Павел, я служу Закону Божьему (7:25). Это казалось ему единственным рациональным способом поведения. И тут же он добавляет: «...но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих»

(7:23). То же происходит с его чувствами и волей. Внутрь себя, говорит Павел, я «нахожу удовольствие в законе Божиим» (7:22). Более того, он честно говорит, что желание добра в нем присутствует (стих 18). Но разум, чувства и воля не помогают ему преодолевать моральную слабость.

4. Павел чувствует себя пленником в собственном доме.

«...не то делаю, что хочу, а что ненавижу... <...> желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. <...> Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?» (Римл.7:15,18,19,24).

Таким образом, видим, что и древнегреческий философ Аристотель, и древнееврейский ревнитель веры Павел признают ограниченность этики как таковой. Этика лишь показывает нам, какое поведение неправильно, и говорит, как его избежать. Она указывает цель, к которой человек должен стремиться. Но когда опыт свидетельствует о том, что мы постоянно не дотягиваем до этических стандартов, единственное, чем этика сама по себе может нам помочь в достижении этих стандартов, это дать совет: попытайся еще раз!

И чем выше стандарт, на который мы нацелены, тем больше внутреннее разочарование, когда опять не достигаем своей цели. (Человек, который вполне удовлетворен достигнутым им уровнем нравственности, либо страдает какой-то особой формой комплекса нравственной неполноценности, либо тяжелой формой фарисейства.)

Честное признание собственного нравственного несовершенства, сделанное апостолом Павлом, стало очень знаменитым. Но если бы дело ограничилось только этим признанием, мы никогда бы о нем не узнали. В других своих сочинениях Павел сообщает нам, что нашел решение волнующей его проблемы. Он говорит, что обращенный человек должен облечься в нового человека, «который обновляется в познании» (Колос.3:10). Однако прежде чем мы рассмотрим более подробно, что он здесь имеет в виду, обратимся к описанию аналогичного опыта в другом источнике.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Прокомментируйте суждение: «Представление Аристотеля о первопричине порочного поведения людей имеет много общего с эволюционным подходом к обществу».

2. Насколько убедительным кажется вам представление Аристотеля о соотношении между моралью и развитием цивилизации, если принять во внимание коррупцию, царящую в современных городах, и политику развитых стран мира, которую они диктовали в течение последнего века?

3. Как, по мнению Аристотеля, можно было бы исправить порочное поведение людей? Насколько реалистичны его соображения?

4. Что имел в виду Аристотель, когда говорил, что существует множество способов вести себя плохо, но только один способ – вести себя хорошо?

5. Считаете ли вы также, вслед за Аристотелем, что трудно вести себя хорошо?

6. На каком-то этапе своей жизни апостол Павел думал, что может соблюдать и в действительности соблюдает Десять Заповедей. Что заставило его изменить свое мнение?

7. Когда апостол Павел говорит о духовной природе Закона, что он имеет в виду?

8. Каков смысл выражения «Не пожелай...» в следующем отрывке: «Но я не иначе узнал грех, как посредством закона. Ибо я не понимал бы и пожелания, если бы закон не говорил: «не пожелай». Но грех, взяв повод от заповеди, произвел во мне всякое пожелание; ибо без закона грех мертв».

9. В каком смысле ненависть к какому-то человеку, которую его соперник испытывает в своей душе, подобна убийству этого соперника?

10. Павел констатирует, что иногда запрет, содержащийся в Законе, приводил к тому, что он еще сильнее хотел запрещенного. Испытывали ли вы что-то подобное в своей жизни? Если «да», то при каких обстоятельствах?

11. Достаточно ли, с вашей точки зрения, разума и интеллекта, чтобы помешать человеку совершить дурной поступок?

12. Как вы понимаете такие строки: «Человек, который вполне удовлетворен достигнутым им уровнем нравственности, либо страдает какой-то особой формой комплекса нравственной неполноценности, либо тяжелой формой фарисейства»? Согласны ли вы с этой мыслью?

Марксистский подход к главным этическим проблемам

Наверное, существует немного экономических, политических, социальных и этических теорий, которые были бы так детально разработаны, как марксизм. Положения марксизма формулировались таким образом, чтобы их можно было применить к любой сфере жизни: изобразительному искусству, музыке, литературе и др. Однако еще в 1961 г. руководители Коммунистической партии Советского Союза признали, что самая сложная задача — формирование нового человека: «Воспитание нового человека — сложный и длительный процесс. Невозможно механически переселить людей из царства капитализма в царство коммунизма. Нельзя брать в коммунизм человека, обросшего мхом капиталистических предрассудков. Надо прежде позаботиться о том, чтобы освободить его от груза прошлого. Борьба с пережитками капитализма в сознании людей, изменение выработанных веками навыков и нравов миллионов людей, начатое нашей революцией, — дело длительное и не простое. Коммунистическое воспитание предполагает освобождение сознания от религиозных предрассудков и суеверий, которые все еще мешают отдельным советским людям проявить свои творческие силы»⁴.

Это очень показательное заявление. Оно свидетельствует: партийные деятели, вероятно, из своего опыта работы с людьми знали, что одного знакомства с принципами марксистской этики и призывов к поведению в соответствии с этими принципами недостаточно. Они осознавали: необходимо не что иное, как воспитание «нового человека» посредством духовного и нравственного возрождения.

Язык этого высказывания поразителен. Он носит почти религиозный характер и удивительно похож на язык Нового Завета. Данная сентенция говорит о «новом человеке», как и Новый Завет (см. Ефес.4:24; Колос.3:10). Коммунисты понимали, что для строительства нормального общества необходимо духовное и нравственное возрождение людей. Об этом же говорится и в Новом Завете: «...обновиться духом ума вашего и облечься в нового

человека..» (Ефес.4:23,24); «....не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего...» (Римл.12:2); «Он спас нас не по делам праведности, которые бы мы сотворили, а по Своей милости, банею возрождения и обновления Святым Духом...» (Тит.3:5).

Однако это сходство поверхностно и на самом деле лишь демонстрирует очевидные принципиальные различия в подходах марксизма и христианства как к объяснению причин порочного поведения людей, так и к методам коррекции этого поведения. По Марксу, Бог и религия принадлежат системе, способствующей отчуждению человека от средств производства. Таким образом, моральное и духовное обновление и воспитание «нового человека», согласно Марксу, состояло в том, чтобы освободить человека, в том числе от тирании Бога и даже самого представления о Боге.

Известно, что «тиранию Бога» коммунизм заменил жестким полным контролем над человеком со стороны тоталитарного государства, как будто с помощью силы можно изменить человеческую душу и воспитать нового человека. Но многие из тех, кто отвергает тоталитаризм как метод нравственного совершенствования общества, соглашались с марксистами в их отрицании Бога как Авторитета, стоящего за моралью, и как Источника возможного морального возрождения и обновления человечества. Они боятся, что, вводя Бога в этическую систему, мы получаем еще одну форму тоталитарного авторитета и тем самым унижаем человеческое достоинство и свободу. Они говорят, что подобный подход к морали низводит зрелых людей, способных устанавливать свои собственные этические нормы и подчиняться им, до положения малых неразумных детей.

Более того, существует мнение, что религия устанавливает слишком высокую нравственную планку. Осознание недостижимости этой планки неизбежно приводит к психологически нездоровому состоянию вины, подрывающему человеческую личность и веру в возможность собственного (само)совершенствования.

Перед лицом этих страхов и опасений имеет смысл разобраться, в чем сущность христианской этики: что

она говорит о причинах универсальной нравственной ущербности человечества, какой способ предлагает для преодоления этой неполноценности и формирования того, что коммунисты называют новым человеком.

Место этики в христианском учении

Самое важное определение места этики в христианском учении содержится в трактате, написанном апостолом Павлом, который известен под названием Послание к римлянам. Он состоит из четырех основных частей.

I. 1:1 — 5:11

Божий промысел: Бог делает возможным примирение человека с Богом, принятие им Бога и обновление отношений человека с Богом.

II. 5:12 — 8:39

Божий замысел преобразования характера человека и его окончательного прославления.

III. 9:1 — 11:36

Стратегия Бога в отношении окончательного восстановления и спасения Израиля.

IV. 12:1 — 16:27

Христианская этика.

1. Этические правила вторичны.

Рассмотрим это положение на простых примерах. Никто не покупает автомобиль для того, чтобы соблюдать все правила уличного движения. Владелец автомобиля не считает, что он достиг своей окончательной цели, если научился водить в соответствии со всеми правилами. Цель покупки машины в том, чтобы путешествовать, ездить самому и возить других людей. Соблюдение правил уличного движения — это просто способ безопасного движения для самого водителя и других людей.

Люди не мечтают о детях, чтобы обучать их этическим правилам. Они хотят в их лице иметь близких себе людей, о которых можно было бы заботиться, которых можно было бы любить, ожидая от них взаимной любви. Конечно, постепенно они обучают своих детей тому, как нужно себя вести, так как это самый лучший способ достичь цели, которой они руководствовались в решении иметь детей.

Так и Господь создал человечество не для того, чтобы ограничивать его поведение законами и правилами. Создав человека по Своему образу и подобию как нравственное духовное существо, способное поддерживать отношения с Богом, Который есть Дух, Он желал, чтобы человек наслаждался общением с Богом, а Бог — с человеком. Понятно, Он научил человека этике, дав ему Свои законы и Заповеди. Но Он сделал это для того, чтобы человек мог правильно выражать образ и подобие Бога в своем поведении, в отношении к Богу и другим людям.

В этом и сущность трагедии человека: дело не в том, что человек ведет себя неправильно и часто совершает плохие поступки. Его трагедия в отчуждении от Бога и постепенном разрыве отношений между ним и его Творцом, что и обуславливает плохие поступки.

Именно эту проблему ярко описал Христос в Своей знаменитой притче о блудном сыне (Луки 15:11-32). Трагедия произошла не тогда, когда блудный сын оказался в чужой стране, где растратил свою собственность (15:13) (по мнению его старшего брата, растратил деньги с проститутками — 15:30). Беда пришла тогда, когда сын отверг своего отца. Именно это отвержение было исходной причиной того, что он отправился в «дальнюю сторону», в которой оказался для своего отца мертвым и потерянным (15:32).

2. Христианская этика вытекает из милости Бога, Который восстанавливает отношения человека с Богом.

Именно поэтому последнюю часть своего Послания, то есть часть, посвященную этике, апостол Павел начинает со следующего призыва: «Итак умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего, и не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная» (Римл.12:1,2).

В следующих пяти главах Послания Павел подробно говорит своим братьям-христианам: их моральный долг состоит в том, чтобы своей жизнью угождать Богу, прилагая к тому все свои физические, интеллектуальные, эмоциональные и духовные силы. Чтобы этого достиг-

нута, говорит Павел, они нуждаются в преобразовании своего мировоззрения, своих ценностей и поведения посредством постоянного обновления сознания, то есть осуществления того, о чем так заботилась Коммунистическая партия Советского Союза. Однако Павел не начинает разговор об этическом долге своих братьев, пока подробно не раскрывает им милостивый характер Бога. (И для этого ему потребовалось одиннадцать глав.) В христианском учении и мышлении подобный порядок является исключительно важным. Этические правила занимают не главное место в порядке вещей. Не следует думать: если человек предпринимает честную попытку следовать всем моральным предписаниям, то, в конце концов, Господь дарует ему Свою милость. Все происходит наоборот: сначала человек обретает Божью милость, которая служит мотивом для выполнения им его морального долга. Именно в Божьей милости человек черпает силы для нравственных поступков.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Прокомментируйте сходство между языком и стилем приведенных выше материалов съезда Коммунистической партии и языком Нового Завета. Есть ли в этих текстах общие идеи?

2. Действительно ли некоторые люди не согласны с присутствием Бога в этике? Если это так, то почему?

3. Считаете ли вы, что серьезное отношение к религиозным этическим нормам отрицательно сказывается на психологическом состоянии человека? Обоснуйте свою точку зрения.

4. Что имеется в виду, когда говорится, что этические правила не первичны, а вторичны? Поясните свой ответ на примере.

5. Бог создал человечество не для того, чтобы ограничивать его поведение законами и правилами. Для чего же тогда было создано человечество?

6. Каким образом притча о возвращении блудного сына иллюстрирует то, что в Библии рассматривается как основа порочного поведения человека?

7. Христианская этика вытекает из Божьей любви; Божье милосердие составляет мотивацию поведения, отвечающего христианской морали. О каких именно милостях идет речь?

8. Почему Павел излагает христианскую этику в заключительной части своего Послания к римлянам?

Первые две основные части трактата Павла

У этих двух частей много общего. Обе они подробно описывают милости Божьи, и каждая из них завершается основательной формулировкой природы, логики Божьей любви и их следствий.

ЧАСТЬ I

«...любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам. Ибо Христос, когда еще мы были немощны, в определенное время умер за нечестивых. Ибо едва ли кто умрет за праведника; разве за благодетеля, может быть, кто и решится умереть. Но Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками. Посему тем более ныне, будучи оправданы Кровию Его, спасемся Им от гнева. Ибо, если, будучи врагами, мы примирились с Богом смертью Сына Его, то тем более, примирившись, спасемся жизнью Его. И не довольны сего, но и хвалимся Богом чрез Господа нашего Иисуса Христа, посредством Которого мы получили ныне примирение» (Римл.5:5-11).

ЧАСТЬ II

«Что́ же сказать на это? Если Бог за нас, кто против нас? Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не дарует нам и всего? Кто будет обвинять избранных Божиих? Бог оправдывает их. Кто осуждает? Христос Иисус умер, но и воскрес: Он и одесную Бога, Он и ходатайствует за нас. Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? <...> Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас. Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Римл.8:31-39).

Хотя эти две части трактата Павла имеют много общего, их основные темы различны.

В части I говорится о стратегии Бога в примирении с Ним людей, которые до этого были отчуждены от Него и враждебны к Нему, не говоря уже о том, что они были грешниками. Эта стратегия включает также их полное принятие Богом и общение с Ним (*fellowship*).

В части II раскрывается промысел Божий и последовательность преобразования характера людей, то есть приобретение ими способности учиться жить как зрелых детей Божьих. Преобразование их характеров должно завершиться их прославлением.

Еще раз подчеркнем, что такая последовательность частей Послания не случайна. Обе они посвящены созданию нового человека. Часть I показывает процесс полного принятия Богом каждого отдельного человека, включая примирение с Ним и абсолютную надежность этих отношений. В части II описывается вторая стадия этого процесса, то есть моральное и духовное преобразование человека и его стиля жизни.

Подчеркивание такой последовательности необходимо, поскольку люди склонны думать, что события развиваются в обратном порядке, если вообще об этом задумываются. Они считают, что сначала нужно заняться кардинальным изменением своего характера и стиля жизни, максимально приближая их к христианской этике. А уже потом, если в конце жизни человек добивается в этом деле достаточного успеха, то, может быть, он и будет принят Богом. Подобное представление ставит принятие Богом в зависимость от нравственных достижений человека. А поскольку требования христианской этики достаточно высоки, то у людей, которые искренне стремятся добиться принятия своим Создателем на таких условиях, неизбежно возникает чувство неуверенности. И если они не закоренелые фарисеи, то неудачи заставляют их думать: христианская этика требует от людей слишком многого, а Бог в их представлении похож на надсмотрщика над рабами.

На самом же деле замысел Божий относительно создания нового человека предполагает иной порядок: сначала примирение с Богом и принятие Им и лишь затем — изменение характера и стиля жизни.

Напомним еще раз притчу о возвращении блудного сына, ведь она прекрасно иллюстрирует принцип построе-

ния обсуждаемого трактата. Возвращение блудного сына к отцу началось с того момента, когда сын стал иначе думать. В притче сказано, что он «пришел в себя» (Луки 15:17). Он покаялся. Причем покаялся не просто в отдельных своих грехах, а в своем решении отвергнуть своего отца. Сын потребовал свою долю наследства еще до смерти своего отца, что в обществе того времени считалось возмутительным поступком. Это приравнивалось к тому, как если бы он сказал отцу: «Ты что-то долго живешь на этом свете. Ты стоишь на моем пути. Отдай мне мою долю наследства, чтобы я мог чувствовать себя свободным от тебя и наслаждаться своей жизнью». На самом деле данное высказывание по своей сути аналогично греху, совершенному Адамом и Евой. Они хотели продолжать жить в раю, который создал для них Бог, но при этом оставаться свободными от нравственного суждения Бога и знать, независимо от Бога, что такое добро и зло.

Таким образом, покаяние блудного сына означало, что он полностью изменил свои прежние взгляды. За этим изменением последовали действия: он встал и пошел к своему отцу. А придя к нему, признался: «...Отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостоин называться сыном твоим» (Луки 15:21). Сначала он хотел сказать: «Прими меня в число наемников твоих», так как намеревался вернуть расположение своего отца честным трудом. Но отец не согласился с этим. Отец также не настаивал на том, чтобы до возвращения домой сын занялся изменением своего характера. Наоборот, как только сын появился на дороге к отцовскому дому, отец выбежал к нему навстречу, обнял его и приласкал. Он принял его таким, каким тот был: одетым в рубище и босым, не поставив при этом никаких условий. В отцовском доме этому юноше предстояло научиться жить как настоящему взрослому сыну своего отца.

Дополнительные замечания к части I этического трактата Павла

Итак, в части I трактата Павла сначала описывается отчуждение человека от Бога и бессмысленность его попытки стать независимым от Бога, а именно:

1) нежелание человека принимать во внимание факты, связанные с созданием мира, свидетельствующие о могуществе и Божественности Создателя (1:18-32);

2) его отказ задуматься о предписаниях морального Закона, написанного в его сердце Творцом, о том, что когда-то он предстанет перед Богом, поэтому должен будет отвечать перед Ним за свои поступки и покаяться перед Богом (2:1-16);

3) абсолютизация человеком религии, основанная на ложном представлении о том, что он столь независим от Бога, что способен сам купить себе принятие Богом путем соблюдения Его Закона. Данное представление приводит к чувству превосходства над теми, кто не может соблюдать Закон Божий, а также к непониманию того, что религиозный человек, как и другие люди, грешит, и потому так же, как и другие люди, терпит в этом неудачи (2:17-3:20).

Затем в части I объясняется Божий промысел. Здесь говорится о том, что Бог осуществляет на первом этапе возрождения человека. На этом этапе происходит примирение с Богом, его принятие Им и мир с Богом (3:21-5:11).

1. Со стороны Бога это осуществляется путем дара искупительной жертвы Его Сына, которая позволяет Богу оставаться праведным и в то же время оправдывать человека, принявшего Иисуса (3:24-26).

2. Со стороны человека это происходит не благодаря тому, что он соблюдает Закон Божий (который он неоднократно нарушал и продолжает нарушать), но единственно благодаря вере, независимо от «дел Закона», когда человек получает оправдание как безвозмездный дар Божьей милости благодаря заслугам Иисуса Христа (3:21-30).

Мир с Богом, осознание принятия Богом и уверенности в Его любви красноречиво и логично излагаются в процитированном выше отрывке (5:1-11). Однако главная мысль отрывка такова: когда оправданный и принятый Богом человек начинает свой долгий путь самосовершенствования в духе христианской этики (часть IV, 12:1-16:27), как описывается в части II трактата Пав-

ла, он идет в этом направлении не потому, что хочет быть принятым Богом, а потому, что уже принят Им. Он следует по этому пути, не испытывая рабского страха быть отвергнутым, а в дарованной Богом уверенности в спасении от Божьего гнева благодаря Христу и в достижении славы Божьей (5:1,2,9-11).

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Центральные моменты частей I и II трактата Павла имеют определенную общность. В чем ее суть?
2. В чем состоит главное тематическое отличие между этими частями трактата?
3. Почему важен именно такой порядок частей? Как бы повлияло изменение этого порядка на смысл трактата?
4. Как притча о блудном сыне иллюстрирует тезис Павла о том, что принятие Богом и примирение с Ним предшествует изменению нравственности человека?
5. В чем поведение блудного сына было подобно поведению Адама и Евы, описанному в книге Бытие?
6. Каковы признаки отчуждения человечества от Бога? Для ответа на вопрос используйте фрагмент Римл. 1:18–3:20.
7. Что вы можете сказать о действиях Бога, которые Он предпринимает для примирения человека с Ним? На каких принципах они основаны? Для ответа на этот вопрос используйте текст Римл. 3:21 и дальше.
8. Как эти действия Бога влияют на второй этап процесса формирования нового человека?

О некоторых дополнительных деталях части II трактата

Итак, в части I говорится, что оправдание и принятие Богом не могут быть достигнуты самим человеком путем упорной деятельности. Они могут быть обретены благодаря вере в Божье дело искупления. Это, как показывает Павел, совсем не подрывает авторитет Закона Божьего, но скорее утверждает его (3:31). При этом подчеркивается, что Бог не может не видеть наших недостатков. Авторитет Его Закона и заложенных в нем ценностей должны поддерживаться, а предусмотренные Законом наказания будут обязательно осуществляться. И они были осуществлены в искупительной смерти Христа (3:25).

В части II эта мысль развивается дальше. Хотя принятие Богом не может быть достигнуто соблюдением Закона Божьего, однако это принятие способствует такому поведению, которое отвечает праведным требованиям Закона.

«Итак нет ныне никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе живут не по плоти, но по духу, потому что закон духа жизни во Христе Иисусе освободил меня от закона греха и смерти. <...> ...чтобы оправдание закона исполнилось в нас, живущих не по плоти, но по духу» (Римл.8:1,2, 4).

За недостатком места невозможно здесь осветить все детали части II касательно того, как верующий приобретает способность выполнять справедливые требования Закона, или что происходит, когда он не может временно выполнить эти требования. Мы также не можем говорить о конечной цели этого процесса, которая состоит в прославлении верующего и его уподоблении образу Сына Божьего (8:26-30). Наша задача состоит в том, чтобы показать, как содержание части II связано с практикой христианской этики, описанной в части IV. Записанная здесь ситуация отличается от многих этических систем, когда потенциальному моральному субъекту сначала дается теоретическая система принципов, а затем ему предлагается применять эти принципы на практике. А вот в части IV описывается, к каким практическим мерам прибегает Бог для возрождения и обновления человека, чтобы этот человек действительно смог начать применять в своем поведении принципы христианской этики сначала как дитя Божье, а затем как взрослый сын или дочь, не считая эти принципы формой рабства. Такие меры являются обновляющей силой и вместилищем Духа Божьего.

«Итак, братия, мы не должники плоти, чтобы жить по плоти; ибо, если живете по плоти, то умрете, а если духом умерщвляете дела плотские, то живы будете. Ибо все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии. Потому что вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить в страхе, но приняли Духа усыновления, Которым взываем: “Авва, Отче!” Сей Самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы — дети Божии. А если дети, то и наследники, наследники Божии, сонаслед-

ники же Христу, если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться» (Римл.8:12-17).

Краткое изложение части IV трактата

Нет возможности подробно останавливаться здесь и на практической христианской этике, изложенной в части IV. Но общий взгляд на содержание этой части поможет нам представить себе ее смысл. Дэвид Стоун в толковании Послания к римлянам, изданном Джоном Р. У. Стоттом, предлагает такую схему содержания последней части:

«12:1,2. — Наше отношение к Богу: освященное тело и обновленное сознание.

12:3-8. — Наше отношение к самим себе: трезвая оценка своих способностей.

12:9-16. — Наши отношения друг к другу: любовь в Божьей семье.

12:17-21. — Наше отношение к врагам: не возмездие, а служение.

13:1-7. — Наши отношения с государством: сознательное гражданство.

13:8-10. — Наше отношение к Закону: любовь к ближнему как соблюдение этого Закона.

13:11-14. — Наше отношение к сегодняшнему дню: «...ныне ближе к нам спасение, нежели когда мы уверовали».

14:1 — 15:13. — Наше отношение к слабым: не презираем, не осуждаем и не обижаем, а напротив, относимся сочувственно⁵».

Аргументы против христианской этики

Уильям К. Франкена построил сложную аргументацию против принятия этических систем, основанных на христианстве или какой-либо другой религии. Первый аргумент — это заложенное в подобных системах разделение людей. «Мы должны задаться вопросом: достигаем ли мы чего-нибудь, настаивая на том, что все этические принципы логически основаны или должны быть логически основаны на религиозных представлениях. Ведь, настаивая на этом, мы привносим в любое основание нрав-

ственности все проблемы, связанные с противоречиями, возникающими на религиозной почве, а делая это, мы вряд ли способствуем тому, чтобы человечество достигло мирными и разумными средствами какого-то согласия относительно моральных и политических принципов»⁶.

На этот важный вопрос можно ответить следующим образом. Во-первых, те, которые соблюдают запрет Христа на использование силы для защиты и распространения Его учения, никогда не помышляют об использовании средств убеждения, нарушающих мир и согласие. Нельзя силой заставить человека поверить в истину. Религия, внедряющая свои идеи огнем и мечом, внушает большие сомнения относительно истинности своего учения.

Во-вторых, принципы христианской этики, которая основывается на личном осознании милостей Божьих, приемлемы только для тех, кто осознал эти милости. В то же время во многих ситуациях христианские этические принципы совпадают с принципами других этических систем. Так, во многих из них утверждается, что нельзя наказывать невинных людей, мучить детей или грабить бедных.

В-третьих, как указывает Р. М. Адамс, в истории современной светской этической теории нет никаких свидетельств того, что если бы религия была устранена из этики, то вскоре было бы достигнуто общее согласие относительно единой целостной теории морали. История говорит обратное. Адамс заключает: «Развитие и защита религиозной этической теории, таким образом, не снимает реальной возможности согласия, которое могло бы быть достигнуто при других условиях»⁷.

Таким образом, нет никаких разумных оснований лишать мирно выражаемые религиозные взгляды их места среди разнообразных этических теорий.

В то же время У. К. Франкена отмечает: «Какими бы глубокими ни были личные религиозные взгляды человека, если он посмотрит на общую картину религиозных взглядов — современную или историческую, — то не может не задуматься о том, существует ли какой-нибудь рациональный объективный метод, с помощью которого можно доказать преимущество одной религиозной системы перед другой религией или перед иррелигией»⁸.

То же касается любой системы философии и даже науки. Все они, как сказал еще Аристотель, основаны на исходных принципах, которые должны быть приняты на веру без логического доказательства. Но затем они стали основанием для истинностных суждений, правдивость которых должна доказываться с помощью аргументов и фактических данных. Более того, согласно демократическим принципам, любая религия должна иметь возможность беспрепятственно проповедовать истинность своего вероучения. Будучи христианами, авторы данной книги не могут представлять другие религии. Поэтому и далее мы будем в основном отстаивать истину Христа, рассчитывая на то, что другие религии скажут о себе сами.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. В части I трактата Павла говорится о том, что человек оправдывается верой независимо от «дел закона» (Римл.3:28). Что это означает?

2. В части II говорится о том, что Бог стремится к тому, чтобы справедливые требования Закона были исполнены. Каким образом и на какой стадии в жизни человека это происходит?

3. Почему христианская этика не является исключительно результатом усилий самого человека?

4. Чем отличаются способы воссоздания нового человека в христианстве от способов формирования нового человека в коммунистической идеологии?

5. Используя текст Римл.8, обоснуйте тезис: «Христианская этика несовместима с рабским сознанием и поведением. Она формирует людей с мировоззрением свободных зрелых детей Божьих».

6. Основываясь на материале части IV, расскажите, какие сферы жизни охватывает христианская этика.

7. К. У. Франкена считает, что попытка построить этику на религиозных представлениях приводит к разделению общества и мешает человечеству достигнуть согласия в вопросах морали и политики. Какие контраргументы выдвигает христианская этика?

8. В каком смысле претензии на истинность всех религий можно уподобить претензиям на истинность философии и науки? В какой мере они похожи?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Аристотель. Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 4.

² Там же. С. 197.

³ Там же. С. 86.

⁴ Хрущев Н. С. Отчет ЦК КПСС. XXII Съезд КПСС. Стенографический отчет: В 3 т. М.: Политиздат, 1962. Т.1. С. 123.

⁵ The Message of Romans / Ed. by R. W. Stott. Leicester: Inter-Varsity Press, 1994. P. 426 – 429.

⁶ Frankena W. K. Is Morality Logically Dependent on Religion // Religion and Morality / Ed. by G. Outka, J. P. Reeder, Jr. Garden. City, N. Y.: Anchor, 1973. P. 313.

⁷ Adams R. M. Religious Ethics in a Pluralistic Society // Prospects For a Common Morality / Ed. by G. Outka, J. P. Reeder , Jr. Princeton NJ: Princeton University Press, 1993. P. 91.

⁸ Frankena W. K. Op.cit. P. 313.

Часть вторая

Факты, история и теология

Глава 6

У всех ли религий одинаковая цель?

Глава 7

Историчность Нового Завета

Глава 8

***Личность Христа:
литературная фикция, религиозный
миф или историческая реальность?***

Глава 9

***Воскресение Христа
и вопрос о чудесах***

Глава 10

***Данные, свидетельствующие
о Воскресении Иисуса Христа***

У всех ли религий одинаковая цель?

Многим людям наше утверждение о том, что религия служит средством исправления ошибок и просчетов человечества, своеобразным способом лечения нравственных болезней, цинизма и нигилизма (см. главу 5 данной книги), кажется, по крайней мере, проблематичным и даже вообще невероятным. Посмотрите на историю религии, говорят они. Сколько раз религия была причиной бесконечных войн, несчастий и кровопролитий. Разве не столкновения между мировыми религиями являются сегодня причиной международных конфликтов и терроризма? Действительно, христианский мир, оспаривая священные земли, не раз поднимал оружие против мусульман, турков и иудеев, уничтожив миллионы иноверцев. Католики в Испании публично истязали и сжигали иудеев и протестантов. А протестанты, в свою очередь, в других странах боролись против католиков и даже казнили католических «еретиков». Индуисты и мусульмане до сих пор сражаются между собой за обладание священными землями и религиозными святынями. Разве спор за обладание храмовой горой в Иерусалиме, который длится и поныне, не является угрозой мирному существованию многих стран? К этому следует еще добавить, что в прошлых веках светские (секуляризованные) идеологи во многих восточных и западных странах навязывали свои системы с подлинно религиозным фанатизмом и мессианским абсолютизмом, уничтожая при этом людей, не согласных с подобными системами, и разрушая экономические механизмы, не укладывавшиеся в догматические рамки этих идеологий. Опираясь на такие фактические сведения, противники религии говорят, что нужно добиваться не усиления влияния религии, а его уменьшения.

Другие люди с ними не согласны, поскольку они испытали на себе пустоту атеизма, вульгарного материализма, секуляризма, увидели их неспособность стать твердыми основаниями для мотивации моральных поступков, для нравственности на уровне индивидуального поведе-

ния и общества в целом. Многие интуитивно ощущают, что религия, обладая особым духовным измерением, могла бы быть таким основанием, пробуждая в людях веру, надежду и смелость, активизируя заинтересованность в общественных делах, альтруизм и нравственность, что так необходимо для укрепления социальных связей в семье и обществе. Они считают, что, может быть, именно религия будет способствовать укреплению этих связей при условии — и это очень серьезное условие, — что все религии перестанут бороться друг с другом и начнут работать вместе во имя общего блага.

Все это понятно. И, зная запрет Христа на использование силы как в целях защиты, так и в целях расширения Его Царства и утверждения истины (см. об этом подробнее в главе 8 книги Д.Гудинга и Дж.Леннокса «Человек и его мировоззрение», Т.2), все христиане не могут не испытывать чувство стыда, вспоминая тех, кто, прикрываясь Именем Христа, воевал с другими религиями, пытаясь навязать христианскую Благую Весть силой.

Теперь рассмотрим еще один подход ко множественности религий и их сосуществованию. Этот подход можно представить в виде следующей последовательности аргументов.

1. Именно подчеркивание различий между религиями было и до сих пор остается причиной враждебности между людьми разных вероисповеданий.
2. Подчеркивание различий между религиями неразумно, поскольку все религии в своей сущности стремятся к одной и той же цели. Они могут идти разными путями, но все эти пути ведут к одной и той же вершине; все они рано или поздно сойдутся в одном и том же месте.
3. Таким образом, долг всех религий и религиозных деятелей состоит в том, чтобы прийти к согласию и начать проповедовать о том, что все они ведут к одному и тому же Богу, все стремятся к одной и той же цели, а их различия практически не существенны. Поэтому все они могут и должны работать вместе во имя общего блага.

Подобный подход на первый взгляд кажется весьма привлекательным. Но его внутренняя согласованность

зависит от того, являются ли истинными его исходные послышки. А эти послышки таковы:

- 1) главная цель всех религий — научить людей хорошо относиться друг к другу;
- 2) все религии единодушно признают этот фактор своей основной целью;
- 3) все религии согласны с тем, что особенности понятий и догматов, на которых они основаны, имеют минимальное значение.

Посылка 1 кажется обоснованной, так как воспитание людей в духе морального кодекса составляет одну из функций всех полноценных религиозных систем. Все их моральные кодексы имеют много общего. В них входит забота о малых детях и стариках; помощь бедным; опека сирот и уход за больными; уважение к собратьям; честность и правдивость; отсутствие эгоизма; гражданственность и проч.

Но следует учесть при этом, что не все религии считают своей главной целью заботу о нравственности. Так, древние греки и римляне поклонялись богам и богиням, которые в посвященных им мифах вели себя более аморально, чем поклонявшиеся им люди. Серьезные этические учения в Древней Греции и Древнем Риме развивались не в существующих тогда религиях, а в рамках философии.

Еще один контрпример к первой посылке — поклонение предкам или духам до сих пор распространено даже в развитых странах. Это поклонение связано не только и, вероятно, не столько с проявлениями любви и уважения к памяти почивших предков, сколько с утешением духов предков с помощью соответствующих ритуалов, призванных удержать их в мире духов и предупредить их возвращение в дома живых потомков. Приведем еще один подобный пример. Иногда жертвоприношения богам осуществляются для того, чтобы заручиться их помощью при участии в футбольной лотерее или в борьбе против конкурентов по бизнесу. Авторы данной книги сами были свидетелями таких ритуалов.

Посылка 2 строится на том, что все развитые религиозные системы ставят своей целью призывать людей к хорошему отношению к другим, а также к выполне-

нию своего долга перед обществом. Но эта предпосылка не верна. И если сторонники таких религиозных систем не согласятся с ней, они будут правы, так как религия не сводится к философии морали. Хотя религиозные системы и предусматривают, как, например, христианский Новый Завет, «призирать сирот и вдов в их скорбях» (Иак.1:27), религия — нечто значительно больше, чем благотворительность. Религия — это прежде всего отношения с Богом или богами, и главное здесь — правильно или неправильно человек строит свои отношения с Богом или богами. Атеист может посвятить свою жизнь работе на благо сограждан, и можно предположить, что большинство атеистов так и делает. Но в своих отношениях с Богом атеист серьезно заблуждается. Для иллюстрации этого тезиса приведем пример.

В течение многих веков пиратские корабли бороздили мировые моря. На некоторых из этих кораблей пираты относились друг к другу по-товарищески. Скажем, если они захватывали какой-то корабль, то честно делили между собой добычу. Их вполне устраивал такой характер взаимоотношений и моральные нормы, которым они следовали. Но при этом для них не имело значения, что они были пиратами и действовали вопреки государственным законам, существовавшим на суше. Если они попадались в руки правосудия, то их межличностное поведение не спасало их от виселицы.

Если существует Высшее Существо, Творец, Которому мы обязаны самой своей жизнью и своим дыханием, то наш первый долг перед Ним: любить Его всем сердцем своим, всей душою своею и всеми силами своими, как сказано об этом в Священном Писании (Втор.6:5), а уж затем — любить своего ближнего, как самого себя (Левит 19:18). Вторая заповедь тесно связана с первой, так что в Новом Завете утверждается: если кто-то говорит, что любит Бога, и при этом ненавидит своего брата, то он лжец, ибо «не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?» (1Иоан.4:20). Если же я хорошо отношусь к своему брату, но при этом не признаю Бога, отрицаю Его авторитет, отказываю Ему в любви, послушании и верности, то

когда я буду призван Им к ответу, меня тогда не спасет мое благонравное поведение по отношению к ближнему.

Посылка 3, состоящая в том, что все религии могут поступиться какими-то своими догматическими и ритуальными особенностями, оскорбительна для верующих и ставит под сомнение их принципиальность и интеллектуальные способности. Кроме того, она граничит с абсурдом. Без специфических особенностей в сфере вероучения и культа религия не может существовать. Более того, люди должны иметь свободу совести, то есть возможность честно и свободно исповедовать свои религиозные убеждения, при условии, что они не причиняют насилия в отношении других людей. Истина и логика требуют: верующие должны иметь возможность открыто утверждать, что все, противоречащее истине, является ложным. Ни одна религия не согласится с тем, что ее вероучение — не что иное, как форма прагматизма, при которой не имеет значения, истинны ли ее догматы или нет.

В силу тех же причин ни одна религия не имеет права на насильственные действия против людей, не разделяющих ее вероучение. Религия, которая прибегает к силе государственных методов, чтобы запретить кому бы то ни было высказывать сомнения в истинности ее догматов, тем самым обнаруживает слабость этих догматов. Подобные сомнения ни в коей мере не умаляют искренность тех, кто исповедует это религиозное учение. Но искренность сторонников того или иного учения не может быть гарантом истинности или совершенства данного учения. Воспользуемся для истолкования своего тезиса сравнением религиозной и медицинской практик. Все формы медицинской практики подчинены одной цели: лечению больных. Но не все направления медицинской деятельности являются равно эффективными и безопасными. Некоторые из них грозят бедой. Не нужно быть очень искушенным в медицине, чтобы не глотать содержимое любого пузырька, на котором наклеена этикетка с указанием, что это лекарство. Мы все верим в объективность истины, когда речь идет о медицине. Так же мы не можем позволить себе допустить, что то или иное вероучение верно только потому, что оно называет себя религией.

Итак, нам нужно честно ответить на вопрос, вынесенный в название данной главы: у всех ли религий одинаковая цель? Для этого рассмотрим пять мировых религий: индуизм, буддизм, иудаизм, христианство и ислам. Попробуем понять особенности их учений, которые составляют принципиальную основу любой религии¹.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Какие исторические факты доказывают, что религия как институт снискала себе плохую репутацию?
2. Существует ли какое-нибудь оправдание религиозным войнам?
3. Как бы вы определили основную цель религии?
4. Каково различие между моральной философией и религией?
5. Какое отношение к религии имеет истина?

ПОНИМАНИЕ БОГА В МИРОВЫХ РЕЛИГИЯХ

1. ИНДУИЗМ

Мы уже рассматривали, как понимает Бога индуистская философия (см. главу 3 книги Д.Гудинга и Дж.Леннокса «Человек и его мировоззрение», Т.2). Теперь обратимся к пониманию Бога в индуистской религии.

Существует мнение, что исходная форма индуистской религии была монотеистической. Известно, что в народном индуизме существует вера в высшую сущность — Брахмана, который считается непознаваемым. Но, кроме этого, индуистский пантеон насчитывает буквально тысячи богов и богинь, включая бога со слоновой головой — Ганеша. Причем эти боги более популярны, чем Брахман. Всем этим богам и богиням посвящаются многочисленные храмы. Тогда как храмов, посвященных Брахману, либо немного, либо они вообще отсутствуют. Понятно, что человек не может поклоняться всем богам сразу, поэтому люди выбирают себе каких-то отдельных богов и поклоняются им.

В народном индуизме, как и в философском, также присутствует вера в то, что все и вся тождественно Богу, и это пантеизм (более подробно о пантеизме см. главу 3.Б и главу 4.Г книги Д.Гудинга и Дж.Леннокса «Человек и его мировоззрение», Т.2). В индуистском вероу-

чении существуют колоссальные проблемы, как это видно из следующего высказывания Шри Рамакришны: «Есть один Бог, и именно Он стал этим миром... “Как змея — я кусаю, как лекарь — я лечу”. Бог — это невежда, и Бог — это просвещенный человек. Бог как невежда остается в заблуждении, но как гуру — дает невежественному человеку просветление и знания Бога»².

Рави Закарайас прекрасно показывает последствия этого вероучения для других религий: «Итак, возникает вопрос: когда Будда отверг Веды [священные индуистские тексты], был ли он Богом невежественным или Богом просвещенным? Когда Мухаммед утвердил монотеизм и поклонение Аллаху, был ли он Богом невежественным или Богом просвещенным? Так выстраивается последовательность вопросов, когда делается допущение, что все существующее — это Бог»³.

Из этого учения с неизбежностью следует, что зло, как и благо, есть бог. Иудаизм, христианство и ислам категорически с этим не соглашаются.

2. БУДДИЗМ

А. Считается, что *исходная форма буддизма* возникла из индуизма. Строго говоря, буддизм — это не религия, так как он не основывается на вере в какого-то бога или не предполагает его необходимость. Это философская система, которая предлагает своим последователям некий кодекс учений (сформулированный в Трипитаке) и совокупность психологических дисциплин, предназначенных освободить их от тирании желания, а также привести к образу жизни, свободному от переживаний, стрессов, страхов, к мирному сосуществованию с себе подобными.

Б. *Махаяна* (или *народный буддизм*) — форма буддизма, имеющая несколько разновидностей. Она находится под влиянием индуизма, и поэтому в ней практикуется вера во множество богов.

3. ИУДАИЗМ, ХРИСТИАНСТВО И ИСЛАМ

основываются на позитивной вере в Бога и поэтому категорически не согласны с поклонением тысяче богов в индуизме и махаяне. Иудаизм, христианство и ислам

утверждают, что самый тяжелый грех — сомневаться в Едином Истинном Боге.

МИРОВЫЕ РЕЛИГИИ О МАТЕРИАЛЬНОМ МИРЕ

1. ОСНОВНАЯ ФОРМА ИУДАИЗМА, ХРИСТИАНСТВО И ИСЛАМ

Во всех этих религиях полагается, что материальный мир в том виде, в каком он вышел из рук Бога, был благим и что материальное тело человека — также благо, задуманное и целенаправленно созданное Самим Единым Истинным Богом. Человеческое тело было искажено грехом, оно подлежит разложению и смерти, но однажды будет воскрешено и прославлено.

2. ИНДУИЗМ И БУДДИЗМ МАХАЯНЫ

Верования этих религий прямо противоположны учениям иудаизма, христианства и ислама. Согласно индуизму и буддизму махаяны, материальное тело человека и окружающий его материальный мир не являются творением высшего божества, они — результат истечения (эманации) из Него. Они были созданы божеством менее высокого ранга или менее высокой формой высшего божества. Вещный мир, или материя, является чем-то нежелательным, если не сказать больше: это — безусловное зло. Соответственно, мудрость человека заключается в том, чтобы быть по возможности свободным от уз материального тела и стремиться ввысь по пути духовности до полного освобождения от материальности, то есть достижения мокши, вступления в нирвану и слияния с Мировой Душой.

Все три упомянутые выше монотеистические верования рассматривают такое обесценивание человеческого тела как нанесение оскорбления Творцу. Христианство утверждает также, что это обесценивание плоти несовместимо с воплощением Сына Божьего в человеческое тело, с Его телесным Воскресением и Вознесением на Небеса, окончательным прославлением Его тела и тел людей Его народа, а также искуплением и восстановлением всего творения.

Таким образом, имеем здесь дело не с какими-то несущественными различиями, а с двумя абсолютно непримиримыми мировоззрениями.

МИРОВЫЕ РЕЛИГИИ О ПРОБЛЕМЕ ВИНЫ

ФОРМУЛИРОВКА ПРОБЛЕМЫ

Как мы уже отмечали, фундаментальные принципы морали трактуются во всех развитых религиозных системах более-менее одинаково. Сравните, например, Пять заповедей (Панча Шила)⁴ в буддизме с Десятью заповедями в иудаизме. Все религии учат нас, что мы должны вести себя правильно. Однако проблема заключается в том, что люди ведут себя неправильно. Мы грешим против Бога, нарушаем Его законы и потому заслуживаем наказания. Мы грешим против своих братьев, грешим против самих себя; если же мы действительно Божьи создания, то, нанося вред своим братьям и самим себе, тем самым совершаем тяжкий грех против Творца.

В результате, независимо от того, хранит ли наша совесть чувство вины или мы уже утратили его, мы объективно являемся виновными. Если хотим достичь мира и гармонии со своим Создателем, то должны освободиться от собственной вины. Поэтому любое вероучение, если оно считает себя религиозным, должно как-то адресоваться к проблеме вины.

Но как? Очевидно, нет смысла говорить людям, что их прошлые грехи не имеют значения и о них можно спокойно забыть. Ведь это будет означать, что те, против кого они согрешили, не важны, а ущерб, причиненный другим людям, тоже не важен и совесть — это просто признак слабости, который можно подавить чувством безнаказанности. Бог никогда не согласится с подобным отношением.

Не существует также какого-либо способа, каким мы могли бы рассчитаться с Богом за наши грехи. Если бы мы могли идеально выполнять свой долг: служить Богу и любить Его всем своим сердцем, всей своею душою, всем своим разумом и всеми своими силами, тогда не надо было бы думать, как рассчитаться с Богом.

Таким образом, каждый человек нуждается в решении этой проблемы, поскольку такое решение служит поддержанию индивидуальных моральных норм и чувства справедливости, как и норм, установленных Богом, и в то же время может принести людям прощение и справедливое освобождение от обремененного виной прошлого. Итак, что говорят по этому поводу мировые религии?

Учение о карме, реинкарнации (перевоплощении) и переселении душ

Подход к проблеме вины, существующий в восточных пантеистических религиях, таких как индуизм и буддизм, сосредоточен в учении о карме (см. главу 3.Б книги Д.Гудинга и Дж.Леннокса «Человек и его мировоззрение», Т.2). Согласно этому учению, любое зло или грех, совершаемые человеком, приводят его к страданиям. Этот принцип отражен в поговорке «Что посеешь, то и пожнешь». Более того, страдание не может закончиться до тех пор, пока оно, согласно закону кармы, не будет каким-то образом искуплено.

В такой системе идее прощения нет места. В данном контексте она не имеет никакого смысла. Поэтому в некоторых формах буддизма прощение не фигурирует. Закон кармы мыслится как безличный принцип, подобный закону притяжения. Следовательно, грех трактуется не как нарушение Закона личностного Бога-Творца, по милости Которого грех может быть прощен. По безличностному закону кармы, единственный способ, которым человек может освободиться от последствий греха, — это самому перенести столько страданий, сколько он заслужил своим грехом. Человек не может полагаться ни на какую внешнюю помощь. «Никто не может помочь другому в очищении»⁵.

Согласно закону кармы, если к моменту, когда человек умирает и его душа покидает тело, он недостаточно пострадал, в соответствии с законом кармы, значит его душа должна вернуться обратно на Землю и воплотиться в другое тело. (Учение о переселении душ гласит: если человек во время своей жизни вел себя очень плохо, то его душа может воплотиться в тело какого-то животного). Этот цикл может повторяться,

если это необходимо, множество раз, пока человек не претерпит столько страданий, сколько необходимо, чтобы «удовлетворить» свою карму и тем самым освободиться от нового воплощения.

Рассмотрим содержание этих положений. Если у ребенка есть какие-то врожденные заболевания, то учение о реинкарнации объясняет их тем, что этот ребенок (или его душа) грешил в предыдущем воплощении и ко времени, когда ему пришлось умирать, он пострадал недостаточно для выполнения своей кармы. Следовательно, ребенок должен воплотиться еще раз, чтобы его страдания продолжились. Однако никто не может сказать этому ребенку, какие грехи он совершил в предшествующих воплощениях и сколько воплощений, которых оказалось недостаточно для выполнения кармы, он уже прошел. Таким образом, возникает вопрос: может ли у этого ребенка быть какая-то надежда на то, что в своем теперешнем воплощении он не совершит новых грехов, которые превратят его воплощения в бесконечный процесс? Более того, согласно этому учению, нет смысла облегчать страдания ребенка, так как они могут уменьшить объем страданий, необходимый для выполнения своей кармы.

По мнению многих людей, это очень жестокое учение. При этом из него вытекает вывод: человек, который с детства жил в роскоши и довольстве, может считать, что заслужил эту роскошь, даже если они были достигнуты в результате нечестных операций, — ведь в предшествующей жизни он был более праведным, чем ребенок, живущий сейчас в нищете и страдающий от врожденного заболевания. Известно, что это учение способствовало обоснованию и поддержанию кастовой системы.

Иудаизм, христианство и ислам решительно отвергают подобное учение. Они отрицают, что появление на свет — это наказание за грехи, совершенные в прошлом воплощении. Подобное отношение к рождению оскорбляет жизнь и Самого Творца. Когда Христа спросили о слепом от рождения человеке: «...Равви! кто согрешил, он или родители его, что родился слепым?», — Иисус категорично ответил: «...не согрешил ни он, ни родители его...» (Иоан.9:2,3).

Если женщина в результате беспорядочной половой жизни заражается СПИДом, то ее ребенок может также родиться ВИЧ инфицированным, впоследствии заболеть СПИДом и безвременно умереть. Этот пример констатирует, что в каком-то смысле: дети, действительно, расплачиваются за грехи своих предков. Но, согласно иудаизму, христианству и исламу, нельзя утверждать, что ранняя смерть — это вина ребенка в связи с тем, что он грешил в своем предшествующем воплощении.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Сам Будда в свое время отказался от следования индуизму. Как этот факт сказался на характере исторически исходной формы буддизма?

2. В чем различие между индуистской философией и народной индуистской религией?

3. С какими моральными сложностями сталкивается пантеизм?

4. Прокомментируйте утверждение: «Некоторым людям учение о реинкарнации кажется привлекательным, так как они считают, что живущим в свое время недостойно, оно дает шанс прожить жизнь иначе».

5. Дайте оценку моральным следствиям теории реинкарнации.

6. Если бы вы решили следовать индуизму или буддизму махаяны, то как бы это повлияло на вашу оценку материального мира и человеческого тела?

ТРАКТОВКА СПАСЕНИЯ В ТРЕХ МОНОТЕИСТИЧЕСКИХ ВЕРОУЧЕНИЯХ

Наш краткий обзор показал, что между иудаизмом, христианством и исламом, с одной стороны, и другими мировыми религиями — с другой, существуют принципиальные различия. Не секрет, что эти три монотеистические вероучения имеют между собой разногласия, причем по важнейшим проблемам. А коль скоро это так, то следовало бы проанализировать, в чем состоят эти принципиальные разногласия.

Но начнем с того, что между ними есть общего. Прежде всего, все эти вероучения имеют монотеистический характер, то есть основаны на вере в Единого Истинного Бога и в то, что Он является Творцом мироздания и человечества.

Христиане охотно признают, что они многим обязаны иудаизму. Они считают Ветхий Завет, называемый иудеями ТАНах — акроним от слов Тора (Закон), Невим (Пророки) и Ктувим (Писание), — боговдохновенным. Более того, христианский Новый Завет — иудейская книга. И, наконец, Тот, Кому христиане поклоняются как Мессии, Сыну Божьему и Искупителю, был евреем. Христиане верят, что Он — Тот, Чье пришествие было предсказано пророками Ветхого Завета.

Священная книга ислама Коран предписывает мусульманам почитать Тауру, Забур и Инджиль⁶, то есть соответственно Пятикнижие Моисея, Псалмы Давида и Евангелие Иисуса (Коран. Суры 10:94; 5:44; 4:163). В Коране подтверждается рождение Иисуса от девы (Сура 3:40-42; 19:16,17; 19-21), Иисус считается Мессией (Сура 3:40-42), Словом Божьим (Сура 4:171) и Духом, или Духом Божьим (Сура 4:172). В Коране также говорится, что Иисус пребывает живым на Небесах (Сура 4:158)⁷.

Но в вопросе о том, каким образом и на каких условиях человечество может быть освобождено от вины и достичь мира с Богом, как иудаизм, так и ислам категорически расходятся с христианством.

1. ХРИСТИАНСКИЙ ДОГМАТ О СПАСЕНИИ

В христианской Благой Вести Иисус предстает не только как Пророк, Учитель или Мессия, но как Спаситель и Искупитель. Классическая формулировка Благой Вести гласит: «Напоминаю вам, братия, Евангелие, которое я благовествовал вам, которое вы и приняли, в котором и утвердились, которым и спасаетесь <....> что Христос умер за грехи наши, по Писанию, и что Он погребен был и что воскрес в третий день, по Писанию...» (1Кор.15:1-4). Таким образом, согласно христианству, спасение человека зависит от Христа. Смерть Христа на кресте была задумана Богом как жертва за грехи мира. Он был Агнцем Божьим, Который взял на Себя грех людей (Иоан.1:29). Посредством Его Воскресения и Вознесения Господь дал понять, что жертва Христа, необходимая для покрытия человеческих грехов, была уплачена, поэтому Бог может с полным осно-

ванием даровать справедливое прощение тем, кто искренне раскается и поверит в Иисуса (Римл.3:23-28; 4:24,25). Это означает, что люди получают прощение не в результате собственных страданий (как утверждает индуизм), а благодаря страданиям Христа, которые Он принял вместо них; и не в результате своих достойных поступков (как это утверждается во многих верованиях), а в силу дела искупления, которое совершил для них Христос посредством Своей смерти и Воскресения (1Петр.3:18; Тит.3:3-7; Ефес.2:1-10). Мир и уверенность перед лицом грядущего страшного Суда, обретаемые в результате искупления, описываются так: «...Он же однажды, к концу веков, явился для уничтожения греха жертвою Своею. И как человекам положено однажды умереть, а потом суд, так и Христос, однажды принеся Себя в жертву, чтобы подъять грехи многих, во второй раз явится не для очищения греха, а для ожидающих Его во спасение» (Евр.9:26-28).

Вот как об этом говорит христианский Апостол Павел: «...Христос, когда еще мы были немощны, в определенное время умер за нечестивых. Ибо едва ли кто умрет за праведника; разве за благодетеля, может быть, кто и решится умереть. Но Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками. Посему тем более ныне, будучи оправданы Кровию Его, спасемся Им от гнева. Ибо, если, будучи врагами, мы примирились с Богом смертью Сына Его, то тем более, примирившись, спасемся жизнью Его. И не довольны сего, но и хвалимся Богом чрез Господа нашего Иисуса Христа, посредством Которого мы получили ныне примирение» (Римл.5:6-11).

2. СПАСЕНИЕ В ИСЛАМЕ

А. Отличие исламского догмата о спасении от христианского

В исламе отрицается Божественность Господа Иисуса Христа. Ислам признает Его Мессией, Словом и Духом Божьим, но отрицает, что Он Воплощенный Бог. Более того, хотя, по вероучению ислама, Иоанн Креститель, Предтеча Христа, был пророком, а Иоанн, со-

гласно Новому Завету, открыто провозгласил Иисуса Агнцем Божьим, Который берет на Себя грех мира (Иоан.1:29), в исламе отрицается, что Иисус умер на кресте. В последний момент перед Его распятием, согласно Корану, Господь унес Его на Небеса, а вместо Него был распят кто-то другой, похожий на Него, возможно, даже Варавва (Коран. Сура 4:156 и след.).

Б. Учение о спасении в исламе

В исламе признается реальность рая и ада (Сура 81:2-10). Согласно исламу, необходимо верить в Единого Истинного Бога, а также совершать добрые дела, чтобы попасть в рай и избежать ада. В исламе также принимается идея Страшного Суда и подчеркивается его справедливость. В Коране говорится: «И устроим Мы весы верные для дня воскресения. Не будет обижена душа ни в чем; хотя было бы это весом горчичного зерна, Мы принесем и его. Достаточны Мы как счетчики!» (Сура 21:48).

Но в исламе отсутствует Спаситель. Пророку Мухаммеду никогда не отводилась такая роль. Он не считается искупительной жертвой, благодаря которой Бог дарует спасение. Таким образом, надежда на спасение полностью зависит от добрых дел человека, которые должны перевесить на весах Божьей справедливости. О прощении в Коране говорится следующее: «А кто придает Аллаху сотоварищей, тот измыслил великий грех. <....>... Аллах не прощает, чтобы Ему придавали сотоварищей...» (Сура 4:51;116). «А тем, которые уверовали и творили благие дела, для них — прощение и великая награда» (Сура 35:8).

Поэтому никто не может быть заранее уверенным в том, что его добрые дела перевесят плохие. А если даже они окажутся более значимыми, то удовольствуется ли Святой Бог сочетанием благих и неблагих дел в биографии человека? Более того, если прощение зависит от Его произвольного решения («...Аллах... прощает... кому пожелает». Сура 4:51), никто не может быть уверенным в этой жизни, что он будет прощен.

3. ДОГМАТ О СПАСЕНИИ В ИУДАИЗМЕ

В отличие от ислама иудаизм не отрицает, что Иисус умер на кресте, однако отрицает Его Воскресение и

Вознесение на Небеса. Иудаизм также отрицает, что посредством Воскресения Бог подтвердил слова Иисуса о том, что Он — Сын Божий. Отсюда следует, что иудаизм не соглашается и с тем, что Иисус является Искупителем человечества, а Его смерть — Богом предопределенная жертва за грехи мира.

Все это означает, что в современном иудаизме нет идеи искупительной жертвы за грехи. В этой религии, как и в исламе, окончательное спасение зависит от дел верующего, хотя каждый надеется на милость и великодушие Бога.

Исторически в Израиле не всегда было именно так. Согласно Священному Писанию иудеев, прощение связано с принесением в храме жертв за грехи. Ни один серьезный мыслитель не считал, что смерть животных в храме была платой Богу за людские грехи и помогала верующим получить Божье прощение. Эти жертвы служили постоянным напоминанием о Боге. Управляя нравственностью в мире, Бог просто не мог забыть о грехах людей или сделать вид, что на самом деле грехи не имеют никакого значения. Справедливость требовала, чтобы гнев и неудовольствие Бога по поводу греховного поведения людей были как-то проявлены, а наказание за грехи — осуществлено. Отсюда вытекала и необходимость жертвоприношений. Жертвоприношения были своеобразным напоминанием о Божьей справедливости.

В связи с этим один из самых знаменитых пророков Израиля, который предсказал пришествие Слуги Божьего, провозгласил, что Господь возложит на Него все наши беззакония, и Он будет страдать за наши прегрешения. Так, Он станет подлинной жертвой за грех мира, прототипом которой являются жертвоприношения животных (Исх.53 гл.).

Таким образом, Израиль продолжал практику жертвоприношений за грехи вплоть до времен Иисуса Христа. Христос объявил, что Он является исполнением всех жертвоприношений, Агнцем Божьим, Который снимает с мира его грехи. Большинство израильтян не поверили в это и продолжали приносить в жертву животных вплоть до 70 г. н.э., когда римляне разрушили храм — единственное место в мире, где, согласно Свя-

ценному Писанию, разрешалось осуществлять жертвоприношения. И по сей день правоверные иудеи соблюдают ежегодный День искупления — Йом Киппур, — исповедуя свои грехи в соответствии с наставлениями Ветхого Завета. Но жертвоприношения, предписанные Ветхим Заветом, не могут осуществляться и ничем не могут быть заменены.

Итак, подведем итоги нашего анализа различий между иудаизмом и исламом, с одной стороны, и христианством — с другой. В исламе отрицается, что Иисус умер. В иудаизме отрицается, что Он воскрес из мертвых. Но эти факты принадлежат истории, и именно к истории мы и обратимся.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Каково отношение христиан к Священным Писаниям иудаизма? Что имеется в виду, когда говорится, что Новый Завет — это книга иудеев?
2. Каково отношение Корана к Ветхому и Новому Заветам?
3. В чем состоит проблема вины?
4. Что, с точки зрения мусульман, произойдет во время Страшного Суда?
5. Каково содержание ежегодного праздника иудеев Йом Киппур — Дня Искупления?
6. В чем смысл и значение смерти Иисуса?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мы, разумеется, осознаем, что в мире существует огромное число разных религий. Обзор всех этих религий невозможно осуществить в рамках одной главы. Но этот обзор подтвердил бы тот вывод, который можно сделать на материале пяти мировых религий, а именно: все мировые религии расходятся в своих основных позициях. Однако мы рекомендуем читателям самим убедиться в правильности этого вывода и обратиться для этого к специальной и справочной литературе. См., напр.: Народы и религии мира. Энциклопедия. М.: Изд-во «Большая Российская Энциклопедия», 2000; *Мень А. История религии: В 7 т. М.: Слово/Slovo, 1991-1992 и др.*

² *Sri Ramakrishna. Vedanta for Modern Man / Ed. by Christopher Isherwood. N. Y.: New American Library, 1972. P. 246.*

³ *Ravi Zacharias. Jesus Among the Other Gods. Nashville: Word Publishers. 2000. P.162.*

- ⁴ См. об этом, напр.: *Мень А.* Мировая духовная культура. Христианство. Церковь. Лекции и беседы. М.: Фонд им. Александра Меня, 1995. С. 74. – *Прим. перев.*
- ⁵ *Zaehner R. C.* The Concise Encyclopedia of Living Faiths. L.: Hutchinson, 1977. P. 265.
- ⁶ См. об этом, напр.: *Пиотровский М. Б.* Коранические сказания. М.: Наука, 1991. – *Прим. перев.* См. также: Ислам. Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991.
- ⁷ Тут и далее Коран цитируется по изданию: Коран / Пер. с араб. акад. И. Ю. Крачковского. М.: СП ИКПА, 1990.

Историчность Нового Завета

А

Историческая природа христианской Благой Вести

Когда начинаешь читать Новый Завет, сразу же бросаются в глаза содержащиеся в нем исторические ссылки. Например, автор третьего Евангелия Лука во введении к своему сочинению говорит: «Как уже многие начали составлять повествования о совершенно известных между нами событиях, как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова, то распустилось и мне, по тщательном исследовании всего сначала, по порядку описать тебе, достопочтенный Феофил, чтобы ты узнал твердое основание того учения, в котором был наставлен» (Луки 1:1-4).

Таким образом, Лука утверждает, что пишет о событиях, которые случились в определенное время и могут быть отслежены благодаря свидетельствам очевидцев. Он также уверяет, что провел собственное исследование всего, что происходило, чтобы представить события в упорядоченном виде некоему высокопоставленному римлянину по имени Феофил и тем самым доказать подлинность этих событий.

Следовательно, свою цель Лука видит в том, чтобы показать жизнь Христа в контексте современной ему истории. Поэтому свое повествование начинает словами: «Во дни Ирода, царя Иудейского...» (Луки 1:5). Далее автор конкретизирует время рождения Христа, соотнося его с другими событиями: «В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле. Эта перепись была первая в правление Квирина Сириею» (Луки 2:1,2).

Приступая к описанию общественного служения Христа, Лука сопровождает его еще более конкретной исторической информацией: «В пятнадцатый же год правления Тиверия кесаря, когда Понтий Пилат начальствовал в

Иудее, Ирод был четвертовластником в Галилее, Филипп, брат его, четвертовластником в Итурее и Трахонитской области, а Лисаний четвертовластником в Авилинее, при первосвященниках Анне и Каиафе...» (Луки 3:1,2).

Подобный способ детализации описания и датировки события характерен для серьезных античных историков, когда они стремятся подчеркнуть важность события. Лука не удовлетворился замечаниями вроде «некогда, в некоем городе», свойственными мифологическому повествованию. Он точно привязывает описываемое им событие к историческому контексту, предоставляя доступную проверке информацию и тем самым показывая читателю свое отношение к данному событию как очень важному.

Достоверность исторического описания Луки — это отдельный вопрос, и к нему мы еще вернемся. Сейчас же хотим просто подчеркнуть, что Новый Завет имеет прочное основание в истории. Это доказывает, что христианская Благая Весть, в отличие от математики или философии, не состоит из множества оторванных от времени идей и истин, для которых не так уже и принципиально, где, когда и кем они были впервые провозглашены и насколько важно их содержание. Она также отличается от буддизма, для которого существенно само учение и не столь существенна личность его основателя. Христианская Благая Весть основывается на исторической Личности Иисуса Христа, а также на исторических событиях, которые Его окружают. Если изъять Личность Иисуса Христа из христианского вероучения, то это означает уничтожить его. Истины христианства — это прежде всего истины о Христе: Его жизни, сообщения о Самом Себе, Его смерти, Воскресении и Вознесении. Эти истины — в первую очередь факты истории, хотя заключенный в них смысл внеисторичен и несет в себе духовное содержание.

ДВА ОБРАЗЦА ХРИСТИАНСКОГО УЧЕНИЯ

С самого начала в христианском учении постоянно подчеркивались указанные выше основные темы. Впервые Апостол Петр провозгласил Благую Весть в Иерусалиме в День Пятидесятницы, то есть на пятидесятый день после Воскресения Христа (Деян.2 гл.). Эти темы прозвучали

уже тогда. Они же фигурируют в раннехристианских поповедях, примеры которых можно найти в текстах книги Деяния святых Апостолов. «После чтения закона и пророков, начальники синагоги послали сказать им: мужи братия! если у вас есть слово наставления к народу, говорите. Павел, встав и дав знак рукою, сказал: мужи Израильтяне и боящиеся Бога! Послушайте: Бог народа сего избрал отцов наших и возвысил сей народ во время пребывания в земле Египетской, и мышцею вознесенною вывел их из нее, и около сорока лет времени питал их в пустыне. И, истребив семь народов в земле Ханаанской, разделил им в наследие землю их. И после сего, около четырехсот пятидесяти лет, давал им судей до пророка Самуила. Потом просили они царя, и Бог дал им Саула, сына Кисова, мужа из колена Вениаминова. Так прошло лет сорок. Отринув его, поставил им царем Давида, о котором и сказал, свидетельствуя: нашел Я мужа по сердцу Моему, Давида, сына Иессеева, который исполнит все хотения Мои. Из его-то потомства Бог по обетованию воздвиг Израилю Спасителя Иисуса. Пред самым явлением Его Иоанн проповедывал крещение покаяния всему народу Израильскому. При окончании же поприща своего Иоанн говорил: за кого почитаете вы меня? я не тот; но вот, идет за мною, у Которого я не достоин развязать обувь на ногах. Мужи братия, дети рода Авраамова, и боящиеся Бога между вами! вам послано слово спасения сего. Ибо жители Иерусалима и начальники их, не узнавши Его и осудивши, исполнили слова пророческие, читаемые каждую субботу, и, не нашедши в Нем никакой вины, достойной смерти, просили Пилата убить Его. Когда же исполнили все написанное о Нем, то, снявши с древа, положили Его во гроб. Но Бог воскресил Его из мертвых. Он в продолжении многих дней являлся тем, которые вышли с Ним из Галилеи в Иерусалим и которые ныне суть свидетели Его пред народом. И мы благовествуем вам, что обетование, данное отцам, Бог исполнил нам, детям их, воскресив Иисуса, как и во втором псалме написано: «Ты Сын Мой, Я ныне родил Тебя». А что воскресил Его из мертвых, так что Он уже не обратится в тление, о сем сказал так: «Я дам вам милости, обещанные Давиду, верно». Посему и в другом месте го-

ворит: «не дашь Святому Твоему увидеть тление». Давид, в свое время послужив изволению Божию, почил, и приложился к отцам своим, и увидел тление; а Тот, Которого Бог воскресил, не увидел тления. Итак, да будет известно вам, мужи братия, что ради Него возвещается вам прощение грехов; и во всем, в чем вы не могли оправдаться законом Моисеевым, оправдывается Им всякий верующий. Берегитесь же, чтобы не пришло на вас сказанное у пророков: «Смотрите, презрители, подивитесь и исчезните; ибо Я делаю дело во дни ваши, дело, которому не поверили бы вы, если бы кто рассказывал вам». При выходе их из Иудейской синагоги, язычники просили их говорить о том же в следующую субботу» (Деян.13:15-42).

КОНТРОЛЬНОЕ ЗАДАНИЕ

Прочтите вслух на уроке приведенный выше фрагмент из Нового Завета. Подумайте, на какие содержательные части можно разделить этот текст. Сопоставьте свои предложения с данным ниже списком. Этот фрагмент дает нам прекрасное представление о том, как проповедовали первые христиане.

1. Павел кратко излагает историю Израиля с самого ее начала до правления царя Давида.

2. В рамках этого повествования Павел говорит об Иисусе как о потомке Давида. О Его уникальной Божественной сущности народ Израиля узнал от человека, известного под именем Иоанн Креститель.

3. Несмотря на это, Иисус был отвергнут правителями Иерусалима и казнен через распятие на кресте. Он был распят при римском прокураторе Понтии Пилате.

4. Иисус был похоронен.

5. Но Иисус восстал из мертвых, и свидетели видели Его живым довольно продолжительное время.

6. Все это произошло во исполнение того, что предсказывали иудейские пророки.

7. На основании этих фактов все, кто поверит в Иисуса как Спасителя, могут быть спасены.

В проанализированном фрагменте совершенно очевиден акцент на историческом характере описываемых событий.

Приведем еще одну известную формулировку христианской Благой Вести, также принадлежащую Апостолу Павлу: «Напоминаю вам, братия, Евангелие, которое я благовествовал вам, кото-

рое вы и приняли, в котором и утвердились, которым и спасаетесь, если преподанное удерживаете так, как я благовествовал вам, если только не тщетно уверовали. Ибо я первоначально преподавал вам, что и сам принял, то есть, что Христос умер за грехи наши, по Писанию, и что Он погребен был и что воскрес в третий день, по Писанию, и что явился Кифе, потом двенадцати; потом явился более нежели пятистам братий в одно время, из которых большая часть доныне в живых, а некоторые и почили; потом явился Иакову, также всем Апостолам; а после всех явился и мне, как некоему извергу. Ибо я наименьший из Апостолов, и недостойн называться Апостолом, потому что гнал церковь Божию» (1Кор. 15:1-9).

В этом Послании Павел обращается главным образом к не-иудеям. Поэтому в нем ничего не говорится об истории Израиля, но мы опять встречаемся здесь с теми же сильными историческими утверждениями, как и в приведенных выше фрагментах.

1. Христос умер за наши грехи.
2. Он был похоронен.
3. Он восстал на третий день.
4. Все это – исполнение пророчеств, содержащихся в Священном Писании иудеев.
5. Воскресшего Христа видело множество свидетелей.
6. Большинство этих свидетелей до сих пор живы (и потому их можно об этом спросить).
7. Павел также был одним из свидетелей. Причем сначала он не только не был сторонником Христа, но и жестоко преследовал христианскую Церковь.

Разумеется, что те сообщения, которые считаются историческими, могут быть подвержены исторической критике. Именно поэтому ниже мы обратимся к вопросу об историческом методе.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Какие книги Нового Завета были написаны Апостолом Лукой?
2. Какие данные свидетельствуют о том, что Лука рассчитывал, что его книги будут рассматриваться как исторические документы, а не как мифы?
3. Почему история является таким важным элементом христианской Благой Вести? Чем в этом смысле христианство отличается от буддизма?
4. Когда, согласно Луке, впервые начала проповедоваться христианская Благой Весть? Каково было ее содержание? (См. Деян.2 гл.).
5. Какова связь между историей в Ветхом Завете и христианской Благой Вестью? Почему эта связь важна?

I. ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД

История и естествознание принадлежат к разному типу научных дисциплин. Если одним из важнейших инструментов естествознания является повторный эксперимент, то история имеет дело с неповторяющимися событиями прошлого. Битву при Ватерлоо невозможно повторить, чтобы мы смогли еще раз пронаблюдать ее и понять, что же там на самом деле произошло. Следовательно, историк больше похож на следователя, чем на естествоведа, поскольку должен основываться на сведениях из исторических источников, определять, насколько надежными и подлинными являются эти источники, а уже потом делать вывод, который служит наиболее осмысленным объяснением исторических фактов.

Историков могут заинтересовать, например, такие вопросы относительно обсуждаемой нами темы.

1. Какие данные свидетельствуют о том, что описанные в Новом Завете события действительно имели место?

2. Каковы источники информации, содержащейся в Новом Завете?

3. Насколько описанные события близки по времени к источникам информации?

4. Насколько близки по времени описываемые события и их объяснения?

5. Насколько надежными являются в данном случае документальные данные?

6. Какие археологические и другие независимые исторические данные могут служить подтверждением сообщений, которые содержатся в Новом Завете?

II. НАИБОЛЕЕ РАННИЕ ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ, ПОДДАЮЩИЕСЯ ДАТИРОВАНИЮ

Вероятно, самое важное обстоятельство, на которое следует обратить внимание, — это отсутствие хронологического порядка в расположении книг Нового Завета. Первые четыре книги Евангелий, которые являются жиз-

неописанием Иисуса Христа, были написаны почти после всех посланий Апостола Павла. Свои послания, которые занимают более половины Нового Завета, Павел начал писать, скорее всего, в конце 40-х годов н.э., причем большая часть их была создана в течение 50-х годов. Вероятно, что Евангелия от Марка, Матфея и Луки были созданы в 60–70 гг., а Евангелие от Иоанна — примерно в 80–85 гг. Хотя некоторые авторы приводят аргументы в пользу более раннего создания Евангелия от Иоанна. Книга Деяния святых Апостолов оканчивается арестом Павла в Риме, поэтому из этой Книги невозможно узнать о его дальнейшей судьбе. (Он был казнен во время императора Нерона около 64–65 гг. н.э.) Это обстоятельство является серьезным аргументом в пользу того, что Деяния были написаны до 64–65 гг., а Евангелие от Луки — еще раньше.

Таким образом, бо́льшая часть Нового Завета была создана еще тогда, когда были живы свидетели описываемых в нем событий, в том числе люди, враждебно настроенные по отношению к христианской Благой Вести, которые могли легко уличить авторов Нового Завета в небрежном изложении событий или в их мифологизации.

Сравним Новый Завет с другими историческими источниками. Так, две самые ранние биографии Александра Македонского были написаны Аррианом и Плутархом спустя более четырехсот лет после смерти Александра, последовавшей в 323 г. до н.э. И несмотря на это, историки считают их, в целом, надежными. Интересно, что легенды вокруг имени Александра начали появляться спустя века после того, как Арриан и Плутарх¹ создали его жизнеописание. Таким образом, временной промежуток между описанием событий, которые нашли свое отражение в Евангелиях и Деяниях Апостолов, и временем их описания (то есть примерно 30–60 лет спустя) незначителен, если сравнить его с промежутками, разделяющими другие исторические факты и их описания. Поэтому вопрос о мифологических дополнениях даже не затрагивается.

Чтобы разрешить проблему более ранних источников, обратимся к сочинениям Апостола Павла и попробуем выяснить, опирался ли он сам на более ранние

источники? Ответ на этот вопрос, очевидно, может быть положительным, так как в его сочинениях действительно содержатся ссылки на более ранние изложения христианского вероучения, или, иначе говоря, кредо, восходящие к началу возникновения Церкви.

Самое важное из них — это, наверное, приведенный выше текст из первого Послания к коринфянам, который был написан Павлом около 55 г. н.э. Рассмотрим его историческое значение. Обращение Павла к вере в Иисуса Христа произошло около 32 г. н.э. В этом году он отправился в Дамаск и встретился там с Ананией и некоторыми другими последователями христианства. Его первая встреча с апостолами, очевидно, состоялась около 35 г. в Иерусалиме. В 55 г., после проповедования христианской Благой Вести в Азии и Европе, Павел написал в форме кредо то, что проповедовал до этого в течение двадцати лет. Обратившись к его сочинению, мы увидим, что оно содержит некоторые наиболее важные темы, которые прозвучали уже в проповеди Петра в День Пятидесятницы.

Этот исключительно короткий промежуток времени между событиями и описывающими их текстами служит опровержением достаточно распространенного представления о том, что Воскресение Христа можно отнести к числу мифологических дополнений, сделанных с целью укрепить Его положение среди последователей.

Специалист в области римской истории А. Н. Шервин-Уайт, изучавший, каким образом миф и легенда вплелись в изложение истории античного мира, приходит к следующему выводу: «Геродот помогает нам проверить скорость создания мифа, и эта проверка свидетельствует, что даже двух поколений недостаточно, чтобы мифологическая линия возобладала над твердым историческим ядром устной традиции»².

III. МОЖНО ЛИ ДОВЕРЯТЬ ЛУКЕ КАК ИСТОРИКУ, ИЛИ О ЧЕМ СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ ДАННЫЕ АРХЕОЛОГИИ

Исторические и археологические данные неоднократно подтверждали, что Лука был настоящим историком. Например, выше мы уже приводили его датировку нача-

ла общественного служения Христа, которая совпала со временем правления Лисания в Авилинее (Луки 3:1).

В течение долгого времени приводимый Лукой факт использовался как свидетельство того, что Луку нельзя воспринимать как серьезного историка, поскольку Лисаний не был тетрархом, а только правителем Халкиды пятидесятью годами раньше. Однако позже была найдена запись времен императора Тиберия (14–37 гг. н.э.), где говорится, что Лисаний был тетрархом Авилинии, недалеко от Дамаска, то есть занимал как раз ту должность, на которую указывает Лука!

Приведем еще один пример. Критики указывали, что Лука в своей истории ранней христианской Церкви, изложенной им в книге Деяния Апостолов, говорит о городских начальниках Солуни, тогда как в современных ему документах по римской истории такой термин не используется. Однако впоследствии археологи обнаружили более 35 записей, упоминающих о городских начальниках, в том числе и в Солуни, восходящих к историческому периоду, описанному Лукой.

Предыдущие поколения исследователей считали, что упоминание в книге Деяния Апостолов (17:17) людей, «в синагоге... чтущими Бога», не являющихся иудеями, также свидетельствовало о том, что Луку нельзя воспринимать как серьезного историка. Ведь само существование такой категории, как «чтущие Бога», было сомнительным. Однако Ирина Левинская, специалист по древней истории из Петербургского государственного университета, убедительно доказывает в своей книге, что тексты Луки подтверждаются археологическими исследованиями³. Так, были найдены записи, которые свидетельствуют именно о существовании групп богопочитателей. Такие свидетельства содержатся в одной греческой записи древнего ученого Афродизия, который говорит о неиудейской общине. Левинская делает вывод: «Значение этой записи в контексте спора о симпатизировавших иудаистам язычниках заключается в том факте, что она раз и навсегда нарушила существовавшее равновесие сил в дискуссии и переложила ответственность за предоставление аргументов с тех, кто ве-

рил в существование «чтущих Бога», на тех, кто либо его отрицал, либо сомневался в нем»⁴.

Выдающийся историк Уильям Рэмси (Ramsey) около двадцати лет занимался археологическими исследованиями в описанных Лукой местах. Он доказал, что в своих упоминаниях тридцати двух стран, пятидесяти четырех городов и девяти островов Лука не сделал ни одной ошибки⁵.

В своей магистерской работе «Деяния Апостолов в контексте истории эллинизма» Колин Хемер показывает целый ряд областей, в которых Лука проявляет себя как специалист. Вот несколько примеров⁶.

1. В Деян.13:4-6 правильно показано, что Кипр был областью, подвластной проконсулу, а Пафа — местом резиденции проконсула.

2. В Деян.14:11 правильно говорится, что в то время в Листре разговаривали на ликаонском наречии, что было достаточно необычно.

3. В Деян.14:12 говорится об интересе к Ермию (то есть Гермесу) и Зевсу, а также бытующих представлениях об этих богах в той местности.

4. В Деян.16:11,12 Филиппы правильно отнесены к числу римских колоний, а морской порт правильно назван Неаполем.

5. В Деян.16:14 город Фиатир правильно показан как центр окраски тканей, что подтверждают, по крайней мере, семь надписей, найденных в городе.

6. В Деян.17:1 верно говорится, что Амфиполь и Аполлония — промежуточные пункты на пути от Филипп к Солуни (или Фессалоникам).

7. В Деян.17:16-18 правильно показано, что Афины тех времен изобиловали идолами; там велись бурные философские споры, а также развивались философские школы стоиков и эпикурейцев.

8. В Деян.27 и 28 главах дается подробная география морского путешествия в Рим и описание его навигационных особенностей.

Эти и другие подробности позволили А. Н. Шервину-Уайту сделать следующее заключение: «Что касается Книги Деяний Апостолов, то свидетельств их исто-

рической достоверности чрезвычайно много... любая попытка отрицать их историчность даже в мелких деталях должна казаться абсурдной»⁷.

Таким образом, Лука показал себя добросовестным историком, и у нас нет никаких оснований сомневаться в подлинности созданного им описания событий⁸.

IV. ИСТОРИЧЕСКАЯ ДОСТОВЕРНОСТЬ УСТНОЙ ТРАДИЦИИ, НА КОТОРОЙ ОСНОВЫВАЮТСЯ ЕВАНГЕЛИЯ

Иисус Христос, действительно, о Себе ничего не писал. Так что задача регистрации событий Его жизни и высказываний выпала на долю Его учеников. Некоторые критики считают это обстоятельство аргументом против подлинности документов Нового Завета. Подобное отношение обусловлено тем, что большинство современных людей принадлежат к культуре, в которой устная традиция не играет особенной роли, а запоминание не является частью повседневного труда исследователя.

В новозаветные времена ситуация была существенно иной. В результате исторических исследований было установлено, что устная традиция играла важную роль в древних обществах, в том числе у древних израильтян. Устное предание сохранялось с поразительной точностью. Некоторые раввины прославились тем, что знали наизусть весь Ветхий Завет, который по своему объему значительно больший, чем Новый Завет. Поэтому не трудно поверить, что ученики Иисуса Христа также смогли запомнить учение Иисуса и передать его потомкам.

Устная традиция во времена Христа обычно передавалась непосредственно от дедов к внукам, тем самым надежно связывая поколения. Воспроизводимые повествования постоянно подвергались уточнениям со стороны знающей и критически настроенной аудитории. В этом функционирование устных рассказов напоминало ситуацию, когда родители помногу раз рассказывают детям одну и ту же историю и, если родители допускают ошибку, дети немедленно ее замечают.

Если когда-то вы перескажете своему внуку рассказы своего деда, то тем самым создадите временной мост

в 120 лет! Представители старшего поколения хорошо помнят важные события и беседы, которые имели место даже 40 лет назад.

Более того, возможно, некоторые последователи Христа, подобно обычным ученикам, делали письменные заметки, когда Он учил их. Матфей, автор первого Евангелия, сначала был мытарем (сборщиком налогов). Известно, что люди его профессии в древнем мире имели привычку вести записи. Вполне возможно, что при создании своего Евангелия он опирался на собственные заметки⁹.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Каково различие между тем, как работают историки и естествоиспытатели?

2. Какова датировка самых ранних рукописей Нового Завета?

3. Какие данные свидетельствуют, что Лука, автор одного из Евангелий и книги Деяния святых Апостолов, был квалифицированным историком?

4. Поговорите со своими родителями (или дедушками и бабушками). Спросите, какие события своей молодости они помнят. Оцените то время. Попробуйте оценить время событий, которые помнят учителя старшего поколения в вашей школе. Сопоставьте временной промежуток, отделяющий эти события от сегодняшнего дня. Проанализируйте устную историю ваших современников в контексте проблем историчности Нового Завета. Обсудите проблему подлинности исторического повествования.

В

Достоверность и внутренняя непротиворечивость четырех Евангелий

Существует мнение, что Евангелия, каждое из которых дает свою интерпретацию жизни, смерти и Воскресения Христа, нельзя считать историчными. Ведь исторический материал, содержащийся в одном Евангелии, иногда противоречит историческому материалу других.

Однако если бы каждое Евангелие слово в слово повторяло то, что говорится в другом Евангелии, тогда евангелистов можно было бы обвинить в том, что они

просто сговорились между собой, дабы создать одно общее свидетельство вместо четырех. Это обвинение, в сущности, свелось бы к обесцениванию труда каждого из них как независимых свидетелей и поставило бы под сомнение необходимость всех четырех Евангелий.

Если же Евангелия являются в основном независимыми сочинениями, написанными четырьмя разными людьми с различных точек зрения, которые дают нам законченное и исчерпывающее видение, тогда вполне вероятно, что, по крайней мере, на поверхностном уровне их толкования будут отличаться. Мы уже выше убедились, что целый ряд обвинений против Луки был сделан потому, что его критики не обладали достаточными знаниями. Следовательно, и в вопросе о расхождениях между Евангелиями следует проявлять осторожность, ибо расхождения между ними не обязательно обесценивают соответствующие тексты.

Например, Крэг Бломберг, специалист в области исследования Евангелий, показывает, что некоторые различия в них можно объяснить тем, что в культурах, основанных на устных традициях, «существовала определенная степень свободы в повествовании о некоем событии, так что характер повествования о нем существенно зависел от того, по какому поводу велся рассказ. От ситуации повествования зависело, что оставалось за ее рамками, что перефразировалось, что специально пояснялось и т. п.»¹⁰. Бломберг рассуждает далее: если мы сделаем такое допущение, то окажется, что «Евангелия в высшей степени согласуются друг с другом. Они следуют древним нормам, в соответствии с которыми мы только и можем о них судить»¹¹.

Приведем такой пример. Матфей рассказывает, что некий сотник пришел к Иисусу и попросил излечить его слугу, тогда как Лука сообщает, что сотник послал старейшин попросить Иисуса об этом (Матф.8:5; Луки 7:3).

Люди того времени не усмотрели бы никаких противоречий между этими двумя описаниями, поскольку тогда обычным делом было приписывание действий представителям власти, даже если эти действия осуществлялись их подчиненными. На самом деле мы сталкиваемся

с подобным феноменом и сейчас. Нам всем хорошо известно, что когда читаем в газете: «Президент сегодня сказал...», — это вполне может означать, что речь была произнесена пресс-секретарем, написана одним из помощников и просто заверена президентом.

Г

Свидетельства из нехристианских источников

Тацит (56 — прибл. 120 гг. н.э.) — один из наиболее известных римских историков этого периода. Его считают едва ли не самым добросовестным древним историком. В своем описании страшного пожара в Риме он сообщает, что в пожаре обвинили императора Нерона, а тот свалил вину на христиан: «И вот Нерон, чтобы побороть слухи, приискал виноватых и предал изощреннейшим казням тех, кто своими мерзостями навлек на себя всеобщую ненависть и кого толпа называла христианами. Христа, от имени которого происходит это название, казнил при Тиберии прокуратор Понтий Пилат; подавленное на время это зловерное суеверие стало вновь прорываться наружу, и не только в Иудее, откуда пошла эта пагуба, но и в Риме... Итак, сначала были схвачены те, кто открыто признавал себя принадлежащим к этой секте, а затем по их указаниям и великое множество прочих, изобличенных не столько в злодейском поджоге, сколько в ненависти к роду людскому»¹².

В приведенном фрагменте встречается упоминание о христианах и о Христе. Этот фрагмент подтверждает описанный в Евангелиях факт распятия Христа, имевший место во время правления императора Тиберия и прокуратора Понтия Пилата. Приведенный фрагмент подтверждает также возникновение народного движения, источником которого был тот распятый человек. Под «суеверием», распространившимся в Риме, здесь, безусловно, имеется в виду вера в Воскресение Христа. Интересно также замечание Тацита о множестве стойких в своих убеждениях людей, которые были готовы за них умереть.

Светоний (прибл. 70 — 140 гг. н.э.), секретарь римского императора Адриана (117—138 гг. н.э.), написал два важных текста: 1. «Иудеев, постоянно волнуемых Христом¹³, он изгнал из Рима»¹⁴; 2. «Многие строгости и ограничения были при нем восстановлены, многие введены впервые... наказаны христиане, приверженцы нового и зловредного суеверия...»¹⁵.

Эти фрагменты также подтверждают исторический факт существования Христа. Отмеченные Светонием беспорядки в Риме были связаны с фигурой Христа (хотя, разумеется, не были вызваны Им: Светоний, вероятно, не мог уточнить деталей, и не был заинтересован в таком уточнении). Кроме того, в книге Светония подтверждается упоминаемое Лукой (Деян.18:2) изгнание императором Клавдием иудеев из Рима.

Некоторые другие факты, относящиеся к истории христианства, можно найти у римского историка **Иосифа Флавия** (37/38 — 97/100 гг. н.э.). Иосиф Флавий был радикальным иудейским политиком, который впоследствии примкнул к римлянам. В своей знаменитой книге «Иудейские древности» он рассказывает о том, как первосвященник Анан (Анания) воспользовался смертью римского правителя Феста, чтобы убить Иакова. Анан (Анания) и Фест упоминаются и в Новом Завете, равно как и Иаков, упоминаемый Иосифом как «брат Иисуса, именуемого Христом»¹⁶. Тем самым подтверждается существование Иисуса, именуемого Христом, и Его брата Иакова, о которых упоминается в Новом Завете. Прочитаем едва ли не самое известное высказывание Иосифа Флавия: «Около того времени жил Иисус, человек мудрый, если Его вообще можно назвать человеком. Он совершал изумительные деяния... <...> На третий день Он вновь явился им живой, как возвестили о Нем и о многих других Его чудесах боговдохновенные пророки»¹⁷.

Как историки иудаизма, так и историки христианства (*Jewish and Christian Scholarly opinion*) соглашались в том, что приведенный выше текст подлинный, хотя в нем вполне возможны интерполяции, сделанные позднейшими переписчиками-христианами. Однако имеются надежные данные, доказывающие, что упомина-

ние об Иисусе не является интерполяцией: христиане никогда не сказали бы об Иисусе, что Он мудрый человек. В то же время они вполне могли бы добавить: «Если Его вообще можно назвать человеком». Кроме того, следует отметить, что Иисус упоминается и в другом месте книги Иосифа Флавия (см. выше).

Римский писатель **Плиний Младший** (61/62 — пригл. 114 гг. н.е.), он же правитель Вифинии (ныне — северозападная Турция), приводит интересное и важное описание христианского богослужения в известной переписке со своим другом императором Траяном (53—117 гг. н.э.). Плиний описывает суд над христианами и полученное ими наказание так: «Я спрашивал их самих, христиане ли они; сознавшихся спрашивал во второй и третий раз, угрожая наказанием; упорствующих отправлял на казнь. Я не сомневался: в чем бы они ни признались, их следовало было наказать за непреклонную закоснелость и упрямство. <...> Они утверждали, что вся их вина или заблуждение состояли в том, что они в установленный день собирались до рассвета, чередуясь, воспевали Христа как бога и клятвенно обязывались не преступления совершать, а воздерживаться от воровства, грабежа, прелюбодеяния, нарушения слова, отказа выдать доверенное. После этого они обычно расходились и сходились опять для принятия пищи, обычной и невинной...»¹⁸.

Это поразительное подтверждение того, что первые христиане поклонялись Иисусу как Богу и стремились жить непорочной жизнью. Трапеза, о которой идет речь в приведенном выше фрагменте, — это Причастие, к совершению которого, согласно Новому Завету, призвал Сам Христос (см., напр., Луки 22:7-20 и 1Кор.11:23-26).

В письме Плиния можно также прочесть о быстром распространении христианства, причем не только географическом (он пишет из Вифинии), но и распространении христианства в разной социальной среде. Так, в другом месте он упоминает о пытках, которым подвергались христианки-рабыни. В этом же письме он пишет о том, что римских граждан-христиан он «назначил к отправке в Рим»¹⁹, так как совершение пыток над рим-

скими гражданами со стороны римских правителей считалось уголовным преступлением.

Все это свидетельствует о том, что слова Бертрана Рассела: «Исторически вообще весьма сомнительно, существовал ли когда-либо Христос; если же он существовал, то о нем мы ничего не знаем»²⁰, — не имеют под собой никакого основания.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Что можно узнать об Иисусе Христе из светской античной литературы?

2. Что мы узнаем о поклонении Иисусу Христу из письма Плиния к императору Траяну?

Д / Рукописи Нового Завета

1. СОСТАВ РУКОПИСЕЙ

В действительности до нас не дошло ни одной оригинальной рукописи Нового Завета. Мы располагаем только копиями. Наличие лишь таких документов, которые подвергались многократному копированию, порождает сомнения в том, доступен ли нам вообще оригинальный текст Нового Завета. Для опровержения такого сомнения приведем некоторые фактические данные.

Так, сохранилось *достаточное число* документов. Существует 5 664 частичных или полных рукописей Нового Завета на исходном древнегреческом языке. Все эти рукописи были каталогизированы. И, кроме того, известно более 9 тыс. ранних переводов на латинский, сирийский, коптский, арабский и другие языки. Имеется также 38 289 цитат из Нового Завета у ранних отцов Церкви, писавших свои сочинения между II и IV вв. н.э. Если бы все рукописи Нового Завета однажды были утрачены, то можно было бы реконструировать весь Новый Завет, за исключением 11 стихов, только по этим цитатам.

Чтобы получить представление о значимости этих рукописных данных, можно сравнить их с документаль-

ными свидетельствами относительно других произведений древней литературы. Возьмем, к примеру, «Анналы» Корнелия Тацита, написанные около 116 г. н.э. Первые шесть книг этого исторического памятника дошли до нас только в одной рукописи, скопированной примерно в 850 г. н.э. Книги 11 — 16 существуют также в единственной рукописи, датируемой XI веком. Итак, во-первых, данные рукописные источники не только исключительно скудны, а во-вторых, время создания этого сочинения и самые ранние его рукописи разделяет значительный промежуток времени — более 700 лет.

Или возьмем еще один памятник — сочинение историка I в. н.э. Иосифа Флавия «Иудейские войны», написанное по-гречески. До нас дошли 9 рукописей, скопированных в X — XII вв., латинский перевод, сделанный в IV в., и русские версии, созданные в X — XII вв.

Древний памятник светской литературы, представленный наибольшим числом документов, — это «Илиада» Гомера (около 800 г. до н.э.). Среди этих документов 643 рукописных копии, датируемые II в. и более поздними веками нашей эры. В этом случае временной разрыв между оригинальными и самыми ранними копиями дошедшими до нас, составляет 1000 лет.

Несмотря на скудное число списков и их достаточно позднее происхождение, ученые полагаются на них как на надежные репрезентации оригиналов.

В сравнении с упоминавшимися выше копиями Новый Завет в действительности является памятником, который документирован лучше всех других древних памятников.

2. ВОЗРАСТ РУКОПИСЕЙ

Мы уже говорили о промежутке времени, отделяющем некоторые древние списки от их оригиналов. Теперь рассмотрим этот вопрос применительно к Новому Завету. При этом отметим еще раз, что количество сохранившихся рукописей Нового Завета поразительно.

Некоторые из них очень древние. Так, папирусы из собрания Бодмера (Колоньи, Швейцария)²¹ содержат около двух третей Евангелия от Иоанна в одном папирусе, датируемом около 200 года н.э. Другой папирус состоит

из части Евангелия от Луки и Евангелия от Иоанна. Видимо, самыми важными рукописями являются папирусы Честера Битти, обнаруженные в 1930 г. Ныне они хранятся в Музее Честера Битти в Дублине (Ирландия). Папирус 1, датированный I веком, содержит части всех четырех Евангелий и книгу Деяний святых Апостолов. Папирус 2 содержит значительный объем восьми посланий Павла и части Послания к евреям. Он датируется примерно 200 годом н.э. Папирус 3 имеет значительную часть Откровения Иоанна Богослова и датируется III веком.

Отдельные фрагменты являются даже более ранними. Знаменитый фрагмент Джона Райленда, хранящийся в библиотеке им. Джона Райленда (Манчестер, Англия), содержит 5 стихов из Евангелия от Иоанна. Некоторые исследователи относят его ко времени правления императора Адриана (117—138 гг. н.э.), а другие — даже к более раннему периоду — правлению императора Траяна (98—117 гг. н.э.). Этот фрагмент опровергает influentialную точку зрения немецких ученых XIX в. о том, что Евангелие от Иоанна не могло быть написано ранее 160 года н. э.

Самые ранние из дошедших до нас рукописей, содержащих все книги Нового Завета, были созданы около 325-350 гг. н. э. Заметим попутно, что именно в 325 г. на Никейском соборе было принято решение о возможности копирования текстов Библии. Сегодня самые важные из этих рукописей — Ватиканский и Синайский кодексы. Они называются унциальными, поскольку написаны заглавными греческими буквами. Ватиканский кодекс был каталогизирован в Ватиканской библиотеке в 1475 г., но в течение четырехсот лет после этого ученым запрещалось его изучать, что кажется весьма странным в свете решений Никейского собора.

Синайский кодекс был обнаружен немецким ученым Константином Тишендорфом (1815—1844) в монастыре Св. Екатерины на горе Синай Аравийского полуострова. Ныне он хранится в Британском музее в Лондоне. Он считается одним из наиболее важных списков Нового Завета в силу своей древности, точности и отсутствия в нем пропусков.

3. ОШИБКИ ПРИ КОПИРОВАНИИ НОВОГО ЗАВЕТА

Таким образом, аргумент о том, что Новый Завет не может быть надежным, поскольку он многократно копировался, не является состоятельным. Возьмем, к примеру, рукопись-копию, которая была создана около 200 г. н.э. Теперь ее возраст равен примерно 1800 годам. Какого же возраста был документ, с которого сделана эта копия? Мы, конечно, не знаем. Его возраст к моменту копирования мог вполне насчитывать 140 лет. А если это так, то оригинальная рукопись могла быть создана тогда, когда авторы Нового Завета были еще живы. Так мы попадаем из новозаветных времен в современность всего за *два* шага!

Более того, поскольку большая часть списков содержит в себе ошибки (практически невозможно скопировать от руки большой документ, не допустив при этом ошибок), два списка никак не могут содержать одни и те же ошибки. Следовательно, путем сравнения списков (то есть скопированных рукописей) возможно реконструировать оригинальный текст таким образом, что менее 2% этого текста будут содержать неточности, причем большая часть этих неточностей будет касаться языковых элементов, практически не влияющих на общий смысл. А поскольку ни одно из положений Нового Завета не находится в зависимости от какого-нибудь одного стиха или отрывка, оно и не ставится под сомнение из-за этих неточностей.

Характеризуя такую ситуацию, Фредерик Кенъон, директор Британского музея и выдающийся специалист по древним рукописям, писал: «Число рукописей Нового Завета, или его ранних переводов, и цитат из него, содержащихся в произведениях древнейших церковных писателей, столь велико, что практически наверняка правильное толкование каждого сомнительного отрывка сохранилось у того или иного древнего авторитета. Этого нельзя сказать ни об одной иной древней книге в мире»²². К такому заключению присоединяется и почетный профессор Принстонской теологической семинарии Брюс Метцгер, один из наиболее известных в мире специалистов по Новому Завету: «Мы можем быть вполне уверенными в надежности дошедшего до нас материала, особенно если сравнить его с любым другим древним сочинением»²³.

На основании всего вышесказанного можно сделать вывод: читая сегодня Новый Завет, мы можем понять все, что хотели донести до нас авторы этой Книги.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Сравните объем и характер рукописей Нового Завета с аналогичными (рукописными) материалами других древних текстов.
2. Каким образом то обстоятельство, что мы располагаем таким значительным количеством копий Нового Завета, помогает нам определить, каким был его оригинальный текст?
3. В чем слабость доказательства ненадежности Нового Завета, которое построено на тезисе о его многократном копировании?

Е / Канон Нового Завета

Таким образом, доказано, что существует огромный объем рукописей Нового Завета. Почему же тогда считается, что Новый Завет состоит только из 27 книг, а другие обнаруженные тексты в него не включены? Например, в состав Нового Завета входят лишь четыре Евангелия. В то же время существуют и другие документы, которые также называются евангелиями — это евангелия Варнавы, Никодима, Филиппа, Петра, Фомы, евангелие египтян, евангелие о рождении Марии и многие другие. Почему же каноническими считаются только Евангелия, написанные Матфеем, Марком, Лукой и Иоанном?

Итак, исследуем, кто определил, какие книги должны быть включены в канон, а какие — нет, и согласно каким критериям решается этот вопрос? Брюс Мечгер, на которого мы ссылались выше, говорит: «Канон — это в большей степени список авторитетных *книг*, нежели просто авторитетный *список книг*». Он поясняет свою мысль следующим образом: «Эти книги заслужили авторитет не потому, что были выбраны; каждая из них была выбрана потому, что была авторитетной еще до того, как кто-то собрал их вместе. Раннехристианская Церковь просто прислушивалась и фиксировала факты авторитетности источников. Если сегодня кто-то скажет,

что канон возник только в результате определений соборов и синодов, то это будет примерно аналогично тому, если кто-то скажет: “Пусть музыкальные академии провозгласят, что сочинения Баха и Бетховена восхитительны”... Мы знаем, что это было провозглашено значительно ранее. Но мы также знаем, что вердикт был вынесен на основании того, что некоторые музыкальные сочинения заслуживали отнесения к “канону”, а некоторые — нет. То же самое с новозаветным каноном»²⁴.

В определении новозаветного канона сыграло роль следующее сочетание обстоятельств.

1. *Авторитет апостолов.* Любая книга, которая была написана кем-нибудь из апостолов или людьми, близкими к апостолам, была включена в канон.

2. *Согласие с предписаниями веры.* Книги считались каноническими, если они согласовывались с догматами христианства в том значении, в каком они провозглашались Христом и Его учениками с самого начала.

За исключением одной-двух, книги, составляющие ныне Новый Завет, были признаны каноническими достаточно быстро — буквально в течение нескольких веков. После IV в. были повсеместно приняты оставшиеся книги, и дискуссии по поводу канона замолкли на много веков.

АПОКРИФИЧЕСКИЕ (ПОДЛОЖНЫЕ) ЕВАНГЕЛИЯ²⁵

Мецгер говорит о евангелиях, которые не считаются каноническими, следующее: «Эти евангелия написаны позднее — в III, IV, V и даже VI вв., значительно позже того, как Иисус завершил Свою земную жизнь; к тому же они обычно достаточно банальны. Они содержат в своих названиях имена — евангелие Петра, евангелие Марии, — но не связаны с реальными авторами текстов»²⁶. Они также включают материал, совершенно чуждый каноническим Евангелиям. Например, в евангелии Фомы Иисусу приписываются слова: «Расколи дерево — и Я там. Подними камень — и Я там». Это чистый пантеизм. В конце этого евангелия читаем: «Пусть Мария от нас уходит, так как женщины не достойны жизни». Подобное высказывание совершенно несовместимо с тем, как, согласно каноническим Евангелиям, Иисус относился к

женщинам. Его отношение к ним было построено на уважении женского достоинства, которое было не слишком распространено в древнем обществе. Легко понять, почему Церковь отвергла евангелие Фомы.

ЕВАНГЕЛИЕ ВАРНАВЫ

Как характерный пример апокрифических евангелий рассмотрим евангелие Варнавы, которое приписывается известному спутнику Павла (Деян.13:1-3). Заметим, что не следует путать евангелие Варнавы с написанным в I в. посланием псевдо-Варнавы — другой книгой, также не принадлежащей канону. Встает вопрос: почему не следует принимать евангелие Варнавы наряду с каноническими Евангелиями?

В своем предисловии к тексту евангелия Варнавы Лонгсдейл и Лора Рэгг указывают, что текст этой книги явно зависит от христианской Библии, и в особенности от четырех канонических Евангелий; в данной рукописи можно обнаружить многочисленные и обширные вставки из иудаистских и исламских текстов, а также средневековые тексты²⁷.

Лонгсдейл и Лора Рэгг считают, что указанные свойства текста евангелия Варнавы позволяют сделать авторитетное заключение о том, что оно не является подлинным и самостоятельным евангелием. Приведем несколько других аргументов в пользу этого вывода.

1. Отсутствие ранних рукописных свидетельств. Лонгсдейл и Лора Рэгг утверждают, что «наиболее ранняя из известных нам форм — это итальянская рукопись. Она была подробно проанализирована специалистами, которые датировали ее XV — XVI веками. Это означает, что она была написана через 1400 лет после периода жизни Варнавы»²⁸. Более того, ни один из учителей Церкви никогда не цитировал ее до XV в., что заставляет усомниться в том, что это подлинное евангелие.

2. Наличие анахронизмов. Например, в рукописи используется текст из латинской Вульгаты (IV в.), хотя подложное евангелие якобы написано Варнавой в I в. н.э. В его тексте содержатся описания жизни и обычаев средневековой Европы, которые свидетельствуют, что он

вряд ли мог быть написан ранее XIV в. Например, в нем говорится о празднествах, которые проводились каждые 100 лет, тогда как в Библии этот срок составляет 50 лет. Известно, что только Папским указом от 1343 г. было предписано проводить такие празднества каждые сто лет.

3. *Наличие фактических ошибок.* В обсуждаемом тексте содержатся грубые исторические ошибки. Так, утверждается, что Иисус родился, когда Пилат был правителем Иудеи, тогда как на самом деле он стал правителем только в 26-27 гг. Бросаются в глаза и некоторые географические ошибки. Например, говорится, что Иисус поплыл в Назарет, когда известно, что Назарет не располагается на берегу моря. В этом тексте можно даже обнаружить ошибки в цитировании Библии. Так, Книга Притчей названа Книгой Давида, а Книга пророка Исаии названа Книгой пророка Иезекииля.

Евангелие Варнавы также известно своими расхождениями по содержанию с каноническими Евангелиями. Так, в разделе 217 евангелия Варнавы говорится, что Иисус не умер на кресте, а вместо Него на кресте умер Иуда Искарот. Многие мусульмане начиная с XV — XVI вв. используют евангелие Варнавы, чтобы подкрепить свое убеждение в том, что христиане изменили содержание Нового Завета в том, что касается смерти Христа; сначала будто бы в Евангелиях сообщалось, что Он не умер на кресте. Использование евангелия Варнавы для поддержки этой точки зрения очень странно в свете того факта, что евангелие Варнавы противоречит Корану в другом. Например, в евангелии Варнавы говорится: Иисус сказал, что Он не Мессия, а предтеча Мухаммеда, который назван в этом тексте Мессией. В евангелии Варнавы даже сообщается, что имя «Мухаммед» было написано на ногте большого пальца левой руки Адама еще до создания Евы.

Профессор Норман Андерсон, в свое время занимавший должность профессора восточного права и директора Института права (*Advanced Legal Studies*) Лондонского университета, пишет: «В сущности, мало вероятно, что Варнава в I в. мог предсказать имя пришедшего впоследствии Мухаммеда и что он (вопреки как Корану, так

и Библии) говорил именно о нем, а не об Иисусе как о Мессии. Очень странно, что правоверные мусульмане принимают книгу, которая так ... часто противоречит ясному утверждению Корана, где говорится: “О Мар-йам! Вот, Аллах радуется тебе вестью о слове от Него, имя которого Мессия, ‘Иса, сын Марйам...” (Сура 3.40). Ко-ран никогда не присваивал этого звания Мухаммеду»²⁹.

Так или иначе, но утверждение о том, что Иисус не умер на кресте, не только опровергается тысячами копий четырех канонических Евангелий, но также и сви-детельствами из уже цитированных выше небиблейских источников, в которых однозначно говорится о распя-тии и смерти Иисуса Христа на кресте. Очевидные тек-стологические данные свидетельствуют, что совершен-но бессмысленно предполагать на основании одного лишь средневекового источника, что документы Нового За-вета сначала согласовывались с евангелием Варнавы, а потом были изменены. Малая правдоподобность данно-го представления подтверждается также тем, что она заставляет предположить: небиблейские источники так-же подверглись аналогичному изменению.

Более того, мы убедились, что самые ранние доку-ментированные данные восходят к апостолам и хроно-логически незначительно отстают от описываемых ими событий. Согласно этим задокументированным данным, смерть Иисуса является центральной среди описывае-мых событий. В свете вышесказанного понятно: пред-положение о том, что рукописи, говорящие о смерти Христа как об историческом событии, подверглись из-менениям и искажениям, мало вероятно.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. *Что такое канон Нового Завета? На каком основании входя-щие в него книги были признаны авторитетными и включены в канон?*
2. *Почему евангелие Варнавы считается неканоническим?*
3. *На основании каких данных считается, что Иисус действи-тельно умер на кресте?*
4. *Почему смерть Христа занимает столь важное, а по суще-ству – главное место в учении ранних христиан?*

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: *Плутарх*. Избранные жизнеописания. М.: Правда, 1987. Т 2. С. 361–435.
- ² *Sherwin-White A. N.* Roman Society and Roman Law in the New Testament. Oxford, 1963. P. 190.
- ³ *Levinskaya I.* The Book of Acts in Its First Century Setting. Vol. 5. Diaspora Setting. Eerdmans, Grand Rapids, Michigan, 1996. P. 51 ff.
- ⁴ *Ibid.* P. 80.
- ⁵ *Ramsey W.* St. Paul the Traveller and the Roman Citizen. N. Y.: G. P. Putnam's Sons, 1896.
- ⁶ *Hemer C.* The Book of Acts in the Setting of the Hellenistic History. Tübingen J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1989. P. 107 ff.
- ⁷ *Sherwin-White A. N.* Op. cit. P. 189.
- ⁸ У Марка 6:3 и Матфея 13:55,56 говорится о некоем Иакове, брате Иисуса. Недавно была обнаружена урна (человеческих костей в ней не оказалось) из иерусалимской местности. Специалисты датируют ее 63 г. н.э. Надпись внутри урны на арамейском языке гласит: «Иаков, сын Иосифа, брат Иисуса». Доказать, что в данном случае речь идет об Иакове, упоминаемом в Евангелии от Марка и Евангелии от Матфея, невозможно. Но профессор Андре Лемэр из Сорбонны (Парижский университет), ведущий специалист по арамейским и древнееврейским надписям, считает весьма вероятным, что в этой надписи упоминается именно Иаков – сводный брат Иисуса. Если это так, то мы сталкиваемся здесь с первой надписью, относящейся к Иисусу из Назарета (См.: *Biblical Archaeology Review*. November/December 2002. Vol. 28, No. 6, P. 24 – 33).
- ⁹ *Millard A.* Reading and Writing in the Time of Jesus. N.Y.: New York University Press, 2000.
- ¹⁰ *The Case for Christ*. Grand Rapids: Zondervan, 1998. P. 43.
- ¹¹ *Ibid.* P. 45.
- ¹² *Тацит*. *Анналы* (15.44) // *Тацит*. Сочинения: В 2 т. Л., 1969. Т. 1. С. 298.
- ¹³ Обоснование данной транскрипции см.: *Гай Светоний Транквилл*. Жизнь двенадцати цезарей: В 8 т. М.: Наука, 1964. Примечание 103.
- ¹⁴ *Гай Светоний Транквилл*. Жизнь двенадцати цезарей. М.: Худ. лит., 1990. Кн.5: Божественный Клавдий. С. 143.
- ¹⁵ Там же. Кн.6: Нерон. С. 157.
- ¹⁶ *Иосиф Флавий*. Иудейские древности: В 2 т. М.: «Крон-пресс», 1994. Т. 2. С. 300.
- ¹⁷ Там же. С. 218 – 219.
- ¹⁸ *Письма Плиния Младшего*. М.: Наука, 1982. Письмо 96. С. 205.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ *Рассел Б.* Почему я не христианин. М.: Политиздат, 1987. С. 106.
- ²¹ См.: *Мецгер Брюс*. Текстология Нового Завета /Библейско-Богословский ин-т св. Апостола Андрея. М.: 1996. С. 34. – *Прим. перев.*
- ²² *Kenyon Fr.* Our Bible and the Ancient Manuscripts. 4th ed. N. Y.: Harper, 1958. P. 55.
- ²³ *The Case for Christ*. P. 63.
- ²⁴ *Metzger B.* Interview recorded by Lee Strobel. P. 69.
- ²⁵ См. об этом: *Апокрифы древних христиан*. М.: Мысль, 1989. – *Прим. перев.*

- ²⁶ *Metzger B.* Interview recorded by Lee Strobel. P. 67.
- ²⁷ *The Gospel of Barnabas.* Oxford: Clarendon Press, 1907.
- ²⁸ *Ibid.* P. xxxvii.
- ²⁹ *Anderson N.* *Islam in Modern World.* Leicester, England: Apollos, 1990. P. 234.

Личность Христа:

литературная фикция, религиозный миф или историческая реальность?

А

Введение

В предыдущей главе мы выяснили, что христианская Благая Весть уходит своими корнями в историю. Мы убедились, например, в том, что из пролога к Евангелию от Луки очевидно: его автор намеревался создать именно историческое повествование. Для этого он глубоко изучал всевозможные источники, как устные, так и письменные (Луки 1:1-4). Лука тщательно привязывает рождение Христа и начало Его общественного служения к тогдашним политическим событиям (Луки 2:1.2;3:1). Более того, в Книге Деяния Апостолов, посвященной возникновению и раннему распространению христианства за пределы Иерусалима, Лука проявил исключительную точность при использовании разнообразной терминологии, связанной с политикой, социальными вопросами, географией, мореходным делом и т.д.

Как известно, любой современный писатель, работающий в историческом жанре, предпринимает тщательное исследование соответствующих исторических фактов, чтобы все исторические, географические, социальные и технические детали повествования были достоверными. Но такая старательность все же не исключает того, что писатель, опираясь на свое воображение, допускает преувеличение в описании характеров своих героев или даже придумывает их.

Возникает вопрос: относятся ли подобные принципы построения повествования к Новому Завету? Легко поверив в то, что исторический фон повествования верен, можно в то же время подумать, что авторы Нового

Завета высказывают веские утверждения относительно главного героя повествования — Иисуса из Назарета. В частности, они сообщают, что Он называл Себя Сыном Божиим. Откуда можно знать, что новозаветный образ Иисуса Христа не был придуман? Биографы Иисуса явно были Его горячо преданными учениками: не могла ли их преданность Иисусу привести к преувеличению, а также к идеализации?

Именно этот вопрос обсуждают герои известного романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» — литературный критик Берлиоз и поэт Бездомный. Берлиоз поручил Бездомному написать для своего издания антирелигиозную поэму. Но образ Иисуса в стихотворении Бездомного оказался, с точки зрения Берлиоза, слишком правдоподобным. «Берлиоз же хотел доказать поэту, что главное не в том, каков был Иисус, плох ли, хорош ли, а в том, что Иисуса-то этого, как личности, вовсе не существовало на свете и что все рассказы о нем — простые выдумки, самый обыкновенный миф». В их разговор вмешался незнакомый, странного вида человек (который впоследствии оказался дьяволом), и их беседа развивалась следующим образом.

« — Если я не ослышался, вы изволили говорить, что Иисуса не было на свете?» — спросил иностранец, обращая к Берлиозу свой левый зеленый глаз.

— Нет, вы не ослышались, — учтиво ответил Берлиоз, — именно это я и говорил.

<...>

— А вы соглашались с вашим собеседником? — осведомился неизвестный, повернувшись вправо к Бездомному.

— На все сто! — подтвердил тот, любя выражаться вычурно и фигурально.

<...>

— В нашей стране атеизм никого не удивляет, — дипломатически вежливо сказал Берлиоз, — большинство нашего населения сознательно и давно перестало верить сказкам о божестве¹.

Итак, следует разобраться, правы ли Берлиоз и Бездомный.

Является ли Личность Иисуса Христа придуманной?

1. ДОСТИЖЕНИЯ АВТОРОВ ЕВАНГЕЛИЙ

Предположим для начала, что авторы Евангелий не просто описывали реально существовавшего Иисуса, а придумали этот образ. Как прототип они использовали какого-то крестьянина, отличавшегося большим умом и проницательностью, дописали биографические детали, преувеличив его природные способности, и получили в результате идеальный образ человека, который на самом деле никогда не существовал. Предположим, что именно так и было, и представим себе дальнейшие следствия такого предположения.

Прежде всего следует сказать, что в таком случае ситуация с Евангелиями — почти чудо. Художественная литература полна вымышленных характеров. Но лишь немногие из них получили мировую славу. Создание характера Иисуса Христа, искусного рассказчика притч, каждая из которых является литературным шедевром, могло быть по силу только гению. Но на примере Евангелий мы имеем дело с созвездием из четырех таких гениев. Что это были за люди? Может быть, блестяще образованные представители литературной элиты? Маловероятно. Согласно Новому Завету, Матфей, будучи сборщиком налогов, принадлежал к низшим слоям населения. Иоанн был рыбаком. О Марке нам известно очень мало. Лука, врач по специальности, был, вероятно, единственным из них, кто имел приличное образование. Следовательно, маловероятно, что Евангелия — творения литературных гениев мирового уровня.

К этому нужно добавить следующее. Даже наиболее правдоподобные, мастерски написанные вымышленные характеры остаются для читателей литературных произведений просто придуманными образами. Они не сходят со страниц и не ведут независимого существования, не становятся для читателей реальными живыми личностями, которых они знают так, как окружающих людей и с

которыми могут иметь личные отношения. Но именно так происходит с этим будто бы вымышленным героем — Иисусом Христом. Для миллионов людей за более чем двадцать веков Он стал реальным, живым, с Которым у них установились личные отношения, — таким, Которого они полюбили настолько, что были готовы ради Него умереть. А некоторые и действительно пожертвовали ради Него своей жизнью. Конечно, кто-то, вероятно, считает, что эти люди стали жертвой заблуждения, но данное предположение не отменяет фактов жертвенного поведения. И мы позволим себе высказать такую мысль: если Иисус — просто вымышленный авторами Евангелий персонаж, то, создав образ, который для миллионов людей стал живой Личностью, достойной любви, преданности и жертвы, авторы Евангелий достигли литературных высот, не известных мировой литературе. Слово «чудо» не может быть слишком сильным определением для такого литературного достижения.

Как известно, мировая литература знает не так уж и много характеров, которые кажутся нам знакомыми личностями. Один из них — Сократ, герой диалогов Платона. Диалоги Платона — не просто философские сочинения, но и прекрасные памятники мировой литературы. И в них Сократ, один из главных героев сочинений Платона, поражал воображение многих поколений как реальный характер, чьи черты читатели узнавали в людях своего окружения. Поэтому если им попадались описания Сократа во второразрядной литературе или даже в апокрифических (не принадлежащих Платону) сочинениях), люди сразу же говорили: «Нет, настоящий Сократ так не повел бы себя, он так не сказал бы».

Но причина, по которой платоновский Сократ так нас поражает, состоит именно в том, что Платон его не придумал. Это было реальное историческое лицо. Образ Сократа у Платона, может быть, является в высшей степени идеализированным, но личность и характер Сократа — это не фантазия Платона. Наоборот. Именно влияние характера Сократа в известной мере «создало» философа и писателя Платона. То же можно сказать и об Иисусе Христе.

2. ИИСУС НЕ БЫЛ ЛИТЕРАТУРНЫМ ВОПЛОЩЕНИЕМ ИДЕИ ГЕРОЯ

Продолжим наши рассуждения в духе гипотезы о том, что кто-то придумал характер Иисуса. Но представленная миру эта литературная фикция оказалась исключительно привлекательной для людей, принадлежащих к разным культурам, и превратилась в их религиозный идеал.

Однако эта гипотеза не может преодолеть первое же историческое препятствие. Чем больше мы узнаем о главных культурах того времени, тем яснее понимаем: если бы Иисус не был исторической реальностью, то никто никогда Его бы не придумал, даже если бы умел это делать. Евангельский Иисус не соответствовал образу героя того времени! Греки, римляне и иудеи считали Его противоположностью своему идеалу.

Возьмем сначала иудеев, причем не только иудеев, враждебных Иисусу, но и сравнительно немногих Его друзей. Последние сами сообщают — и понятно, что это невозможно придумать, — когда Он впервые объявил им, что отправится в Иерусалим, где будет отвергнут властями и убит. Они были так потрясены, что стали убеждать Его в обратном, «прекословить Ему» (Матф.16:21-23). Причиной такой реакции было то, что в случае истинности сообщения Иисуса, Христос оказался бы полной противоположностью героя, каким они себе Его представляли. По их убеждению, герой — это человек мессианского типа, вроде Маккавея, — мужественный, воинственный, одержимый религиозными идеалами, готовый к борьбе (согласно народным преданиям — с помощью ангельских сил) против римлян, поработивших их страну. По крайней мере, часть последователей, которых Иисус снискал среди простых людей, пошла за Ним именно потому, что многие в Израиле ждали такого Мессию.

Но когда события достигли своей кульминации и вылились в открытое столкновение между Иисусом и властями, когда власти согласились послать солдат, чтобы арестовать Его, а Иисус отказался с ними бороться и не позволил Своим ученикам защищать Его, на какой-то момент почти все последователи Христа оставили Его (Матф.26:46,47). Такое непротивление злу не было иде-

алом поведения древних иудеев. Многие иудеи и сегодня не поддерживают такие действия. Товарищ одного из авторов нашей книги, еврей по национальности, которому во время войны чудом удалось избежать газовой камеры, любил повторять: «Этот ваш Иисус — слабак. Он для меня не Мессия. Моя философия другая: если кто-то ударил тебя по носу, ему надо дать сдачи!» Именно так сначала мыслили и первые ученики Иисуса. Вот как историк Лука описывает разговор, который произошел между воскресшим Иисусом и двумя Его учениками на дороге между Еммаусом и Иерусалимом. Не узнав Иисуса, они начали обсуждать с Ним недавние события. Один из них сказал: «А мы надеялись было, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля...» (Луки 24:21). Совершенно очевидно, что они ожидали найти воина, который бы привел их к политической свободе; они, конечно, никак не ожидали, что Он будет распят. Иисусу пришлось объяснить им, что их представление о Мессии было ложным. После разговора с Ним и Его толкований Ветхого Завета их мнение о том, каким должен быть Мессия и что Он должен делать, кардинально изменилось. Они поверили, что Он восстал из мертвых.

А вот греки, современники Иисуса Христа, придерживались разных жизненных идеалов. Одни предпочитали идеал эпикурейца, который, насколько это возможно, избегает боли и удовольствий, могущих нарушить его покой. Другие следовали идеалу стоика, который подчиняет свои чувства разуму, встречает страдания и смерть невозмутимо и с полным самообладанием. Последователи Платона обращали свои восхищенные взгляды на Сократа, который, как мы помним, выпил яд, сохранив хладнокровие и спокойствие духа.

Платон, вкладывая описание последних моментов жизни Сократа в уста Федона из Элиса, рассказывает группе философов, включая и Эхекрата, как вел себя Сократ, когда тюремный стражник подал ему чашу с ядом. «С этими словами он протянул Сократу чашу. Сократ взял ее с полным спокойствием,.. не задрожал, не побледнел, не изменился в лице, но, по всегдашней своей привычке, взглянул на того чуть исподлобья и спросил:

— Как, по-твоему, этим напитком можно сделать влияние кому-нибудь из богов или нет?

— Мы готовим ровно столько, Сократ, сколько надо выпить.

— Понимаю, — сказал Сократ. — Но молиться богам и можно и нужно — о том, чтобы переселение из этого мира в иной было удачным. Об этом я и молю, и да будет так.

Договорив эти слова, он поднес чашу к губам и выпил до дна — спокойно и легко»².

Насколько же сильно отличаются от поведения Сократа действия Иисуса, описанные в Евангелиях. Страдая от тоски и муки в Гефсиманском саду, так что кровавый пот каплями падал с Его головы, Иисус молил Бога о том, чтобы Он избавил Его от необходимости пить Свою горькую чашу, а на кресте взмолился во всеуслышание: «...Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Матф.27:46). Он явно не походил на героя в представлении древних греков. Ни один древнегреческий философ не создал бы такой образ в качестве идеала для подражания.

Что же касается древних римлян, то в своих философских взглядах они тяготели к стоицизму (сравните таких мыслителей, как Цицерон и Сенека). Христос уж никак не вписался бы в их идеалы. Пилат — воин и политик — скорее всего, счел Христа непрактичным, человеком не от мира сего (см. главу 8 книги Д.Гудинга и Дж.Леннокса «Человек и его мировоззрение» Т.2); царь Ирод надсмехался над Ним, а его солдаты восприняли явление *царя* Иисуса как повод для насмешек (Луки 23:11).

Таким образом, очевидно, поведение Иисуса шло вразрез с тогдашними представлениями об идеальном герое — политическими, философскими или религиозными. Никто не придумывал Его, и никто (даже если бы Он и был придуман) не считал Его в то время привлекательным для народа идеалом.

3. РАСПЯТИЕ НЕ БЫЛО ФИЛОСОФСКОЙ ИДЕЕЙ

Это, в частности, относится к тому, что проповедовали первые христиане. Даже по прошествии нескольких лет после распятия Христа великий христианский проповедник и миссионер Павел признается, что проповедь о распятии

Христа всегда удивляла иудеев как нечто вызывающее, а грекам она казалась просто безумием (1Кор.1:20-25). Нам очень важно понять, почему это происходило.

Почему христианская Благая Весть казалась безумием

В Римской империи распятие считалось самой позорной формой казни — настолько позорной, что даже не приличествовало обсуждать ее при вежливом разговоре. Мартин Хенгель, почетный профессор, специалист в области Нового Завета и древнего иудаизма из университета Тюбингена, пишет: «Следует... отметить, что в античных источниках находим очень мало описаний распятия. Отрывок из Евангелия от Марка (15:20-39) и параллельные места из других Евангелий до сих пор остаются самыми подробными из таких описаний. Древние писатели обычно считали, что это слишком отвратительный предмет. Если распятие вообще упоминалось, то достаточно было простого указания, что кто-то был распят. Поэтому обычно другие детали не упоминались»³. Знаменитый оратор Марк Туллий Цицерон писал: «Если нам предстоит умереть, то умрем как свободные люди — не от руки палача и не с закутанной головой, а о кресте пусть даже не говорят — не только тогда, когда речь пойдет о личности римских граждан; нет, они не должны ни думать, ни слышать о нем или видеть его»⁴. В свете сказанного проповедь о распятии Христа ранних христиан утонченному греко-римскому миру казалась исключительно неприятной и неразумной. Как распятый человек мог стать окончательным решением мировых проблем, ключом к разгадке тайн мироздания?..

С точки зрения иудея, описываемая ситуация выглядела еще хуже. Проповедь о том, что недавно распятый человек был Божьим Мессией, Искупителем человечества, приравнивалась к страшному богохульству. Причина проста. Согласно иудейскому законодательству, за самые тяжелые нарушения преступника побивали камнями до смерти, после чего его тело на некоторое время вешали на дерево в назидание. Если человек заслужил смертную казнь, а его тело было повешено на

дереве, то его нельзя было оставлять в таком виде на ночь. Его нужно было похоронить в тот же день, потому что повешенный на дереве находится под Божьим проклятием (Втор.21:22,23). Таким образом, тот факт, что Бог допустил, дабы Иисус Христос был повешен на кресте, стал для иудеев свидетельством Божьего проклятья. Утверждение о том, что проклятый Богом был их Мессией, Сыном Божьим и Спасителем мира, казалось им не только абсурдом, но и богохульством.

Каким образом стал понятен смысл распятия

Итак, ученики Христа не могли выдумать историю распятия. Откуда же тогда они почерпнули позитивный смысл этого факта? Может быть, во имя спасения своей веры в Иисуса как Мессию у христиан возникла мысль объяснить Его смерть как жертву за грехи мира? Конечно, это не так. Эта идея восходит к Самому Христу, Который уже до распятия провозгласил: «...Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Матф.20:28).

Более того, в ночь перед Своим распятием Иисус положил начало обряду, посредством которого ученики впоследствии должны были вспоминать Его. Очень важно понять сущность этого обряда. Когда последователи Христа собрались вместе, Он не просил их рассказывать об одном из совершенных Им чудес; в таком случае основной смысл Его служения виделся бы в сотворении чудес. Он не просил их пересказывать фрагменты Его нравственного учения, ибо тогда Его жизнь была бы воспринята прежде всего как жизнь философа и учителя. Он завещал, чтобы они взяли хлеб и вино как символизирующие Его тело и кровь, ели и пили, как напоминание о том, что на кресте Он отдал Свое тело и пролил Свою кровь для прощения их грехов (Матф.26:26-28).

Так, согласно учению Иисуса, смысл креста, который казался столь вызывающим и безумным для мира, был, в действительности, величественной сердцевиной христианской Благой Вести о прощении грехов. Более

того, Он указал, что это значение своими корнями уходит в ветхозаветную пророческую традицию. В разговоре между Христом и двумя Его учениками по дороге в Еммаус Иисус упрекнул их в том, что они не поняли из Ветхого Завета, что Мессия (по-гречески — Христос), Кто бы Он ни был, должен пострадать: «Тогда Он сказал им: о, бессмысленные и медлительные сердцем, чтобы верить всему, что предсказывали пророки! Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою? И начав от Моисея, из всех пророков изъяснял им сказанное о Нем во всем Писании» (Луки 24:25-27).

Говоря о Своей смерти как об искуплении с целью прощения грехов, Христос имел в виду слова еврейского пророка Исаии, который примерно за семь веков до этого писал о распятии: «Но Он взял на Себя наши немощи, и понес наши болезни; а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом. Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились. Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу; и Господь возложил на Него грехи всех нас. Он истязуем был, но страдал добровольно, и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на заклание, и, как агнец, пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих» (Исаии 53:4-7).

В связи с этим в Евангелиях особые акценты сделаны на том факте, что Иоанн Креститель, Предтеча Христа, был исполнением еще одного пророчества Исаии (см.: Исаии 40 гл.; Матф.3:1-3; Марк.1:1-4; Луки 3:1-20; Иоан.4:19-28). Именно Иоанн — не после распятия, а в самом начале служения Христа — провозгласил Его Агнцем Божиим, Который примет на Себя грех мира (Иоан.1:29), то есть использовал термин «Агнец Божий», понятный его слушателям. Они привыкли, что агнцы приносятся в жертву за грехи, в частности во время обряда иудейской Пасхи, и поэтому прекрасно понимали смысл высказывания Иоанна о том, что Иисус пришел, чтобы умереть как такая жертва.

Ранние христиане также очень хорошо понимали значение этого высказывания. Согласно дошедшим до нас

источникам, они с самого начала стали собираться в первый день недели (Деян.20:7), чтобы исполнять предписания Христа: есть хлеб и пить вино, вспоминая Его крестную смерть — жертву ради их прощения. Таким образом, подобное понимание Его смерти не было интерпретацией, которую позже предложили теологи.

Первые проповеди о кресте

В своих проповедях в синагогах христиане не замедлили объяснить своим еврейским слушателям, что смерть Христа явилась исполнением ветхозаветных пророчеств (см., напр., Деян.13:13-52). Но затем они поясняли, что распятие Христа было организовано не христианами с целью исполнения ветхозаветных пророчеств, а еврейскими властями, враждебными Христу, вступившими в сговор с Пилатом, чтобы казнить Христа и помешать Ему провозглашать людям, что именно Он — Мессия. Христиане высказывали свои мысли об этом иногда весьма резко: «Ибо жители Иерусалима и начальники их, не узнавши Его и осудивши, исполнили слова пророческие, читаемые каждую субботу, и, не найдши в Нем никакой вины, достойной смерти, просили Пилата убить Его. Когда же исполнили всё написанное о Нем, то, снявши с древа, положили Его во гроб» (Деян.13:27-29).

Остается добавить, что история распятия Христа, запланированного Богом для прощения и примирения человека с Богом, является уникальной во всей истории религии. И не будет проявлением неуважения по отношению к другим религиям, если принять из рук Христа то, что не предлагает никакая другая религиозная или философская система.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Прочтите первую главу романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Почему Берлиоз и Бездомный считают, что образ Иисуса — это литературная фикция?

2. Почему образ Сократа в диалогах Платона поражает нас своей правдоподобностью?

3. Какими были представления о героях у древних евреев, греков, римлян? Приведите ваши аргументы в пользу того, что Иисус

не соответствовал этим представлениям. Какое значение это имеет с точки зрения того, что Иисус был историческим лицом?

4. Почему проповедование креста Иисуса казалось древним иудеям таким вызывающим, а древним грекам – безумным?

5. Как доказать, что идея о том, что Иисус пришел умереть за грехи человечества, восходит к Самому Иисусу, а не является выдумкой первых христиан?

6. Прочтите главу 53 Книги пророка Исаии и обсудите в классе достоверность и точность описания смерти Мессии.

В

Свидетельства (evidence) в пользу того, что Иисус действительно называл Себя Сыном Божиим

1. АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ОБЪЯСНЕНИЯ

Существует три наиболее распространенных аргумента против христианского тезиса о том, что Иисус — Сын Божий.

1. Первый аргумент сводится к тому, что Сам Иисус никогда этого не говорил, и такая идея — плод примитивных предрассудков.
2. Второй аргумент состоит в том, что эта идея является результатом более поздних искажений при переводе высказываний Христа с арамейского на древнегреческий.
3. Третий аргумент говорит, что термин «Сын Божий» — это язык христианской мифологии. Испытав на себе влияние Личности и учения Христа, первые христиане использовали для передачи своего опыта общения с Ним единственный язык, доступный им для выражения подобных вещей, а именно — мифологический. Но если сегодня мы откажемся от мифологизации и переведем древние сочинения на теологический язык, то получим образ Иисуса, Который, разумеется, был выдающимся учителем, говорившим о Боге, но все-таки оставался Человеком.

Комментарий к первому аргументу

Поскольку в античном мире были весьма распространены истории о богах, посещающих Землю в виде человеческих существ, наделенных особыми свойствами, то вполне вероятно, что Евангелия были написаны под влиянием именно этих историй. И действительно, народы древнего мира считали, что Вселенная населена множеством богов, которые время от времени посещают Землю. Единственный народ, который в это не верил, – древние евреи, а они, главным образом, и являются авторами Нового Завета. Евреи во времена Христа были строгими монотеистами. Они презирали другие народы за политеизм и обожествление царей и героев. С точки зрения евреев, одаривать божественными почестями кого-то, кроме Бога-Творца, было столь серьезным богохульством, что, согласно их закону, это каралось смертной казнью. В течение многих веков, как главный принцип веры, каждого члена семьи в каждом доме учили ежедневно произносить: «Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь един есть...» (Втор.6:4). Таким образом, от евреев меньше, чем от какого-либо другого народа, можно было ожидать, что они провозгласят какого-то человека Сыном Бога. Тем не менее именно на их земле, согласно Евангелиям, Иисус провозгласил это.

Комментарий ко второму аргументу

Смысл этого аргумента в том, что идея об Иисусе как Сыне Божьем возникла не среди первых учеников Христа, а несколько десятилетий спустя – среди христиан греческого происхождения, и она является результатом ошибочного перевода слов Христа с арамейского на греческий. В арамейском термин «Сын Божий» мог использоваться как почтительный и применялся к царю (см., напр., Псал.44 гл., где используется такое обращение). Таким образом, утверждается: когда Благая Весть распространилась на территории стран, говорящих по-гречески, и проповеди Иисуса, произнесенные по-арамейски, были переведены на греческий, то носители греческого языка поняли этот термин буквально и решили, что Иисус действительно Сын Божий.

Далее некоторые сторонники такого аргумента отмечают, что Божественная сущность Христа подчеркивается, главным образом, в Евангелии от Иоанна, где Христос называется Словом (Logos) Божьим (Иоан.1:1). Другие критики указывают, что термин Logos был очень распространенным в философии эллинизма, например, в сочинениях Филона Александрийского, иудейско-эллинистического религиозного философа. Таким образом, эти критики утверждают, что Евангелие от Иоанна – достаточно

позднее сочинение, написанное под влиянием эллинистической мысли. В результате использования этого термина Личность Христа переосмысливается и Ей придается более высокий статус.

Однако исторические исследования обнаружили несостоятельность таких идей. Так, Мартин Хенгель указывает, что Палестина ко времени Христа была уже эллинизирована в течение двух или трех веков. Греческий язык получил широкую известность как разговорный. И, разумеется, десять городов, основанных Александром Македонским (так называемый Декаполис), были греческими городами. Возможно, что иногда и Сам Христос разговаривал с людьми по-гречески.

Высказывается и еще одно соображение, которое подкрепляет эту точку зрения. Известно, что в рукописях Мертвого моря (современных Христу и написанных по-арамейски) уже используется арамейское слово *Memra* (то есть слово) для обозначения Слова Божьего, с помощью которого Господь сотворил Вселенную. Следовательно, когда евангелист Иоанн говорит о Господе Иисусе как Слове Божьем, посредством Которого Господь сотворил мироздание (Иоан. 1:1-3), он, конечно, использует греческое слово, значение которого (разум, стоящий за мирозданием) было понятно греческим читателям. Но это не доказывает, что Иоанн использовал прямое заимствование из философии эллинизма и толковал сущность Христа в духе этой философии.

Комментарий к третьему аргументу

Третий аргумент состоит в том, что такие термины, как «Сын Божий», являются частью мифологического словаря, с помощью которого апостолы стремились выразить влияние, оказанное на них Христом. Однако этот аргумент опровергается таким фактом: утверждение о том, что Иисус в самом полном онтологическом смысле является Сыном Божиим, восходит к Самому Христу и было озвучено Им Самим во время Его земной жизни.

ПРЯМЫЕ УТВЕРЖДЕНИЯ ХРИСТА

Для критики обсуждаемого аргумента полезно обратиться к двум типам утверждений, которые делал Христос. Во-первых, это Его прямые утверждения. Приведем несколько примеров высказываний Иисуса о том, что Он — Воплощенный Бог, как они переданы Апостолом Иоанном. Он говорил Своим современникам: «...Я от вышних... Я не от сего мира...⁵ если не уверуете, что это Я, то умрете во грехах ваших» (Иоан.8:23,24). Он

также утверждал, что существовал до Авраама: «...прежде нежели был Авраам, Я есмь» (Иоан.8:58).

В других текстах Он говорил о Своем единстве с Отцом: «Я и Отец — одно» (Иоан.10:30) — и дополнял, что точно представляет Отца: «Видевший Меня видел Отца...» (Иоан.14:9).

Из Евангелий становится совершенно ясно: евреи — современники Иисуса прекрасно понимали, что Он говорил. Однажды, когда они обвинили Его в нарушении субботы, Иисус сказал им: «... Отец Мой доныне делает, и Я делаю. И еще более искали убить Его Иудеи за то, что Он не только нарушал субботу, но и Отцем Своим называл Бога, делая Себя равным Богу» (Иоан.5:17,18). Спустя некоторое время они предприняли другую попытку Его убить, причем по той же причине: «...не за доброе дело хотим побить Тебя камнями, но за богохульство и за то, что Ты, будучи человек, делаешь Себя Богом» (Иоан.10:33).

И когда, в конце концов, они привели Его к римскому наместнику, то, доказывая необходимость казни Иисуса, сослались на свой закон: «...мы имеем закон, и по закону нашему Он должен умереть, потому что сделал Себя Сыном Божиим» (Иоан.19:7).

Следовательно, согласно историческим фактам, нет никаких сомнений в том, что Иисус утверждал: Он является воплощением Бога и отдал за это Свою жизнь. Более того, Он говорил Своим ученикам: «...веруйте в Бога, и в Меня веруйте» (Иоан.14:1), приравнивая веру в Него к вере в Бога. Он также принимал почести, подобающие Богу, от Своих человеческих собратьев. В действительности, как увидим ниже, Он утверждал, что Отец поручил Ему вершить Суд с четко сформулированной целью, «дабы все чтили Сына, как чтут Отца» (Иоан.5:23). А когда при одном из явлений Иисуса Христа, произошедших после Его Воскресения, Апостол Фома обратился к Нему, сказав: «Господь мой и Бог мой!», то Иисус не упрекнул его, а одобрил его, ответив: «...ты поверил, потому что увидел Меня...» (Иоан.20:29).

КОСВЕННЫЕ УТВЕРЖДЕНИЯ ХРИСТА

Обратимся теперь к косвенным утверждениям Христа о Его Божественной сущности, которые также важ-

ны для критики обсуждаемого аргумента. В Евангелиях (подчеркиваем: не только в Евангелии от Иоанна) описываются случаи, когда заявления Христа о том, что Он может прощать грехи, приводили Его слушателей в замешательство (см., напр., Марк.2:1-12). В этих описаниях содержатся такие детали, которые позволяют считать, что они не были придуманы апостолами. Клайв С. Льюис анализирует эти ситуации следующим образом: «Кажется вполне естественным, когда человек прощает вам какую-то обиду, которую вы ему нанесли. Так, если кто-то обманул меня на пять фунтов, то вполне возможно и разумно, если я скажу ему: “Я его прощаю, и не будем больше об этом говорить”. А что вы можете сказать, если кто-то надул вас на пять фунтов, а я говорю вам на это: “Ничего страшного. Я его прощаю”?»⁶

Единственный, кто имеет право прощать грехи, — Бог, ведь в конечном счете все грехи — это грехи против Него и Его Закона. Именно по этой причине, когда Иисус объявил, что простил грехи парализованному человеку, то учителя Закона стали думать: «...кто может прощать грехи, кроме одного Бога?» (Марк.2:7). Они совершенно правильно поняли: поскольку Он простил грехи человеку и при этом не упомянул, против Кого тот согрешил, значит Тот, Который прощает, обладает Божественной сущностью.

В Нагорной проповеди Христос говорит о Себе как о средоточии нравственности. В этой проповеди Он говорит о тех, кто блажен: «Блаженны нищие духом... Блаженны плачущие... Блаженны кроткие...» и т. д. И завершает этот знаменитый ряд блаженств благословением для тех, кого преследуют за Него: «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня...» (Матф.5:11). И затем Он неоднократно приводит ветхозаветные предписания, сопровождая их такими замечаниями, что становится ясно — Он обладает таким же авторитетом, как Бог, Который дал предкам Его слушателей известные заповеди: «Вы слышали, что сказано древним: «не убивай, кто же убьет, подлежит суду». А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: “рака”, подлежит синедриону; а

кто скажет: “безумный”, подлежит геенне огненной» (Матф.5:21,22). И еще: «Вы слышали, что сказано: «люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего». А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас...» (Матф.5:43,44).

Более того, Христос кладет Себя и Свое учение в основу принципов свершения страшного Суда: «Не всякий, говорящий Мне: “Господи! Господи!”, войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного. Многие скажут Мне в тот день: «Господи! Господи! Не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили?» И тогда объявлю им: «Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие». Итак всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот; и он не упал, потому что основан был на камне. А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое» (Матф.7:21-27).

Такие косвенные заявления Иисуса о Своем Божественном авторитете производили сильнейшее впечатление на Его слушателей. Неудивительно, как сообщает Матфей, что внимавший Ему «народ дивился учению Его, ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи» (Матф.7:28,29).

Клайв С. Льюис резюмирует эту ситуацию следующим образом: «...и атеистам и верующим нелегко судить о вероятности воплощения. Легче доказать его исторически, чем философски. Нельзя объяснить жизнь Христа, Его славу и влияние... проще, чем их объясняет наша вера. Никто еще не преодолел дикого несоответствия между глубиной, милостью и (посмею сказать) остротой Его нравственного учения и чудовищной манией величия, присущей Ему в том случае, если Он не был

Богом. Именно поэтому столь беспокойно плодятся и множатся нехристианские гипотезы...»⁷.

Отметим между прочим, что утверждение Христа о Своей Божественной природе не имеет аналогов в других религиях. Предоставим еще раз слово Клайву С. Льюису: «Если бы вы пришли к Будде и спросили Его: “Ты — сын Брахмы?”, то он ответил бы вам: “Сын мой, ты все еще пребываешь в долине иллюзии”. Если бы вы обратились к Сократу и спросили: “Сократ, ты Зевс?” — он посмеялся бы над вами. Если бы вы пришли к Мухаммеду и спросили: “Ты Аллах?”, — то он сначала сорвал бы свои одежды, а потом бы отсек вам голову. Если бы вы спросили Конфуция: “Ты — небо?”, то он, вероятно, ответил бы: “Замечания, не согласные с природой, — признак дурного вкуса”. Невозможно себе представить, чтобы кто-либо из великих учителей нравственности сказал бы то, что говорил Христос. Идея великого учителя нравственности, говорящего то, что говорил Христос, не является предметом вопрошания»⁸.

Итак, мы ознакомились с данными, которые свидетельствуют: утверждение Христа, что Он — Сын Божий, не является выдумкой ранних христиан. В связи с этим встает следующий вопрос: может быть, Он откровенно лгал?

2. БЫЛ ЛИ ХРИСТОС ОБМАНЩИКОМ?

Если мы предположим, что Христос хотел обмануть Своих слушателей, то сразу же сталкиваемся с серьезной моральной проблемой. Чтобы понять смысл этой проблемы, обратимся к примеру. Предположим, нам нужно составить мнение о какой-то проблеме, связанной с историей музыки. Понятно, мы не будем задавать свои вопросы первому встречному. Мы даже не станем спрашивать какого-нибудь известного специалиста из другой области, скажем, знаменитого врача, так как самая высокая квалификация в области медицины отнюдь не свидетельствует о познаниях в музыке. Мы должны обратиться к лучшим (из доступных нам) музыковедам.

А теперь предположим, что у нас появился интерес не к истории музыки, а к области нравственности. И в

этом случае было бы целесообразно обратиться к самым выдающимся из доступных нам специалистам. А это приведет нас, конечно, прямо к Иисусу Христу. Никто никогда не учил более высокой и чистой морали. Его Нагорная проповедь до сих пор остается непревзойденным образцом подобного учения, как может убедиться всякий, кто попытается жить согласно ее рекомендациям хотя бы неделю.

Но это подводит нас к главному моменту нашего обсуждения. Когда мы читаем Новый Завет и знакомимся с Иисусом из Назарета, то обнаруживаем, что Его учение о нравственности и Его святая жизнь высвечивают нашу собственную греховность. Для понимания того, что мы грешники и что Он в этом прав, нам не нужно доказательств: мы знаем это интуитивно. Но затем мы сталкиваемся с поразительным фактом: именно Иисус Христос, Чье моральное учение было безупречно, а жизнь соответствовала Его учению, приравнивал Себя к Богу. Как показывает приведенное выше рассуждение Льюиса, ни один великий моралист никогда не утверждал ничего подобного. Это уникальное обстоятельство означает, что если бы Его утверждение было ложным, то Иисус был бы презреннейшим обманщиком, ибо, проповедуя нравственное поведение, Он Сам сознательно нарушал моральные нормы. Таким образом, точка зрения, согласно которой Иисус был обманщиком, не имеет никакого морального обоснования.

3. МОГ ЛИ ИИСУС ОШИБАТЬСЯ В СВОИХ УТВЕРЖДЕНИЯХ?

Существует мнение, что Иисус не обманывал, но заблуждался. Он мог считать, что является Сыном Божиим, не зная, что это неправда. Однако такая позиция легко опровергается вытекающими из нее следствиями. Человек, который ошибочно полагает, что он — Бог, страдает серьезной формой мании величия и явно имеет какое-то психическое заболевание. Должны ли мы заключить, что Иисус Христос страдал психическим заболеванием? Возникает искушение сказать: если это так, то очень немногие люди когда-либо были психически здоровыми.

Что касается мегаломании (мании величия), то, изучая поведение и речи Христа, описанные в Новом Завете, невозможно усмотреть в Нем такой характер. Иисус, Который мог убежденно сказать: «Приидите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою Вас» (Матф.11:28), не был Гитлером или Муссолини. На самом деле можно предположить: если Он действительно страдал манией величия, то мир должен бы быть этим доволен. Ведь хорошо известно, что именно Иисус Христос принес в мир больше спокойствия и стабильности, чем кто-либо другой. Чтение Его слов дало покой миллионам. Вера в Него и Его жертву принесла несчетному числу людей облегчение страданий нечистой совести.

Именно Иисус Христос учил, что Бог есть любовь. Если мы вообще верим в Бога, то, вероятно, принимаем как очевидное, что Он есть любовь. Мы даже можем предположить, что любой человек, живший в любую эпоху, мог убедиться в том, что Бог есть любовь. Но в то же время среди авторов богатейшего литературного наследия древних греков и римлян нет, насколько нам известно, ни одного писателя или философа, который бы говорил, что Бог есть любовь. Они писали о всемогущем Боге, об абсолютном благе, способном одобрять правильное поведение человека и осуждать неправильное, но не о любви — позитивной, сердечной, жертвенной и наполненной заботой о человечестве⁹. Никто и никогда не мыслил и не учил, как Иисус Христос: «Не пять ли малых птиц продаются за два асса-рия? и ни одна из них не забыта у Бога. А у вас и волосы на голове все сочтены. Итак не бойтесь: вы дороже многих малых птиц» (Луки 12:6,7). Вряд ли такие слова могли быть произнесены тем, кто страдает манией величия.

Откуда в конечном итоге исходят свидетельства о том, что Иисус – Сын Божий?

I. ПОРОЧНЫЙ КРУГ?

Ответ на наш вопрос гласит: от Самого Иисуса Христа! Сразу же признаем, что подобный ход мысли кажется основанным на порочном круге:

Иисус утверждает, что Он — Сын Божий.

Откуда я знаю, что Он говорит истину?

Я знаю это потому, что именно Он говорит это.

На что критик может возразить: вы исходите из предпосылки, которую должны доказать! И, в известном смысле, он будет прав. Подобное рассуждение идет по кругу. Но это не порочный круг.

Чтобы убедиться в этом, начнем с того, *что и как* говорится в этом рассуждении о Боге. Конечно, наш критик может не верить в Бога. Но для построения аргументации важно понять: если Бог существует, Он должен позаботиться о Своих свидетельствах. Поскольку Он является Творцом всего мироздания, то все зависит от Него. Согласно самой природе мироздания, не может быть источника свидетельств о существовании Бога, от Него не зависящего. Действительно, если бы для получения свидетельств о существовании Бога мы в конечном итоге зависели от какой-то сущности, не имеющей ничего общего с Богом, то тогда эта сущность обладала бы большим авторитетом, чем Бог, что, конечно, абсурдно.

В свете сказанного полезно посмотреть, как Сам Христос указывает на источник свидетельств о том, что Он есть Сын Божий. Иоанн, автор четвертого Евангелия, подробно описывает событие, которое произошло у Овечьих ворот Иерусалима, рядом с купальней, называемой на еврейском языке Вифезда (дом милосердия): Иисус исцелил человека, больного в течение тридцати восьми лет (Иоан. 5 гл.). Некоторые присутствовавшие при исцелении иудеи возмутились, ибо Иисус исцелил этого человека в субботу, что противоречило их законам о соблюдении субботы. Иисус на это ответил: «Отец Мой доныне делает, и Я делаю». Эти слова, свидетельствовавшие о Его особых отношениях с Богом, возмутили присутствовавших еще больше: «И еще более искали убить Его Иудеи за то, что Он не только нарушал субботу, но и Отцем Своим называл Бога, делая Себя равным Богу» (Иоан.5:18). Следует обратить внимание на то, что, отвечая им, Иисус не стал говорить: «Вы меня неправильно поняли. Я не собирался говорить, что я равен Богу». Наоборот, Он продолжал настаивать на Своем равенстве с Богом.

Эти утверждения можно кратко изложить в виде четырех высказываний.

1. Сын Божий творит то же, что творит Отец, и таким же образом. Из этого высказывания Христос делает вывод: «...истинно, истинно говорю вам: Сын ничего не может творить Сам от Себя, если не увидит Отца творящего: ибо, что творит Он, то и Сын творит также» (Иоан.5:19).

2. Сын — источник жизни, так же, как и Отец: «Ибо, как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе» (Иоан.5:26).

3. Сын по Своей собственной воле воскрешает мертвых, подобно Отцу: «Ибо, как Отец воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет. <...> ...наступает время, и настало уже, когда мертвые услышат глас Сына Божия и, услышав, оживут» (Иоан.5:21, 25).

4. Сын, но не Отец, будет вершить судьбы людей на страшном Суде: «Ибо Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну, дабы все чтили Сына, как чтут Отца. Кто не чтит Сына, тот не чтит и Отца, пославшего Его» (Иоан.5:22,23).

Утверждение о том, что Его следует так же чтить, как и Отца, было бы верхом богохульства, если бы Иисус был просто человеческим существом, а не равным Богу.

Таким образом, возникает вопрос: что является источником свидетельств, доказывающих такое потрясающее утверждение?

II. ИСТОЧНИК СВИДЕТЕЛЬСТВ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ ХРИСТОМ

Христос сначала приводит свидетельство Иоанна Крестителя, чья роль как Предтечи Мессии была предсказана в Ветхом Завете (см., напр., Марк.1:1-3; Луки 3:1-6) и кто как Предтеча ясно указывал еврейскому народу на Иисуса как Мессию. Но, сославшись на Иоанна Крестителя как на свидетеля, Христос многозначительно добавляет: «Впрочем Я не от человека принимаю свидетельство...» (Иоан.5:34). И в этом случае Он утверждает принцип, на который мы ссылались выше: как Воплощенный Бог Он в конечном итоге должен быть

источником Своих собственных свидетельств. Не может существовать свидетельств, не зависящих от Него.

Иоанн Креститель был важным свидетелем, согласно словам Христа, — «светильник, горящий и светящий» (Иоан.5:35). Однако, если Иисус — это Слово Воплощенного Бога, как Он Сам утверждал, то Он стоял над свидетельством Иоанна: ведь именно Он его подготовил. То же можно сказать о любом свидетельстве, исходявшем от людей в течение многих веков: все они, в конце концов, зависели от Самого Бога. Возьмем, к примеру, феномен ветхозаветных пророчеств. Согласно Апостолу Петру, именно Дух Христа предвещал через пророков «Христовы страдания и последующую за ними славу» (1Петр.1:11). Не существует источников свидетельств, не зависящих от Бога. Мы уже говорили об этом в связи с Творением¹⁰.

Затем Христос призвал слушателей увидеть свидетельства в Своих делах: «Я же имею свидетельство больше Иоаннова: ибо дела, которые Отец дал Мне совершить, самые дела сии, Мною творимые, свидетельствуют о Мне, что Отец послал Меня» (Иоан.5:36). И опять же дела не являются источниками свидетельств, не зависящими от Бога. Именно Отец, пребывающий в Христе, совершает эти дела: «Разве ты не веришь, что Я в Отце, и Отец во Мне? Слова, которые говорю Я вам, говорю не от Себя; Отец, пребывающий во Мне, Он творит дела. Верьте Мне, что Я в Отце и Отец во Мне; а если не так, то верьте Мне по самым делам» (Иоан.14:10,11). Поскольку Отец пребывает в Христе и творит через Него Свои дела, Его свидетельство — это свидетельство Отца, оно исходит непосредственно от Бога. Интересно и важно отметить, что Христос полностью осознает тот факт, что Он должен быть свидетельством Самому Себе. Если бы Он не осознавал этого и полагался только на свидетельства окружающих, то это дало бы основание считать Его свидетельства ложными.

Свидетельства, исходящие от Христа, и понимание Нового Завета

Из того факта, что именно Христос должен быть собственным свидетельством, становится понятным тот подход, который необходимо применять к чтению повество-

ваний Нового Завета. Присущая им убедительность также должна в конечном итоге исходить от Самого Иисуса Христа. Безусловно, мы не можем узнать никаких фактов о Христе, если не будем читать Новый Завет. Но многие люди наталкиваются при этом на определенную сложность. Они считают: прежде чем поверить в то, что Иисус — Сын Божий, нужно поверить в истинность Нового Завета. Поскольку же они не разделяют веру в истинность Нового Завета, то полагают бессмысленным читать то, что сказано об Иисусе в Евангелиях.

Однако такое возражение безосновательно: не обязательно верить в истинность Нового Завета, чтобы взяться за его чтение. Так же как не обязательно верить в правдивость информации, содержащейся в газетах, чтобы их читать. Всем хорошо известно, что многое из написанного в газетах — неправда. Мы не должны заранее верить написанному в газете, чтобы начать чтение. Сомнения в правдивости прессы не мешают нам ее читать. Обычно мы достаточно доверяем собственному мнению, чтобы читать написанное журналистами и затем выносить свою оценку относительно правдивости публикаций. Следовательно, имеет смысл относиться к чтению Нового Завета таким же образом, хотя, понятно, Новый Завет претендует на более высокий авторитет, чем наши газеты.

Если Иисус — Сын Божий, тогда Новый Завет, документирующий то, что Он сказал и сделал на этой Земле, осеен для нас Его авторитетом. Но если мы готовы познакомиться с этими данными, тогда от Иисуса зависит, будет ли Он убеждать нас в том, что Сам является Истиной. Согласно Новому Завету, Он призывает Своих современников полагаться на собственные критические способности для суждения о нравственном характере Его слов и дел: «Не судите по наружности, но судите судом праведным» (Иоан.7:24). Если мы готовы использовать свою способность к моральному суждению и серьезно подумать о словах и делах Христа, тогда Сам Христос убеждает в том, что Бог лично покажет нам, истинны ли утверждения Христа или нет. Но при этом мы должны соблюсти одно условие: нужно захотеть творить волю Бога. Если «кто хочет творить волю Его», когда поймет,

в чем она состоит, «...тот узнает о сем учении, от Бога ли оно, или Я Сам от Себя говорю» (Иоан.7:17). Он обязательно узнает, потому что когда будет читать и думать о том, чему учил Иисус, Бог будет просвещать его сердце и покажет ему: Иисус говорит истину.

Проблема состоит в том, что многие люди находят это условие трудным и слишком категоричным. Некоторые же понимают его так: если Бог явит им истинность слов Иисуса, то придется изменить свой образ жизни, к чему они не готовы. Поэтому такие люди предпочитают подходить к знанию о Боге как к какой-нибудь теоретической дисциплине, вроде физики или химии, не делая из этого знания никаких практических выводов. Но к Богу нельзя относиться подобным образом именно потому, что Он — Бог. Совершенно очевидно, что мы не можем обратиться ко Всемогущему просто из любопытства и сказать Ему: «Боже, яви мне, является ли Иисус Твоим Сыном или нет. Но знай заранее, что я не обязательно сделаю из этого знания какие-то практические выводы». У Бога нет времени для духовных дилетантов.

Но найдутся и такие, кто выскажет еще какое-то возражение, а именно: «Если я возьмусь за чтение Евангелий с подобным настроением, то не исключено, что почувствую какое-то духовное просветление, но оно будет просто результатом самовнушения. Ведь мы можем заставить себя поверить в самые невероятные вещи, не правда ли?»

Возможно, решить эту проблему поможет история одного из чудес Христа, описанная в четвертом Евангелии (Иоан.9 гл.). Мы не будем сейчас останавливаться на анализе чудес (см. об этом в следующей главе), поскольку в данный момент они интересуют нас просто как иллюстрация нашей мысли. Итак, в указанном рассказе говорится о встрече Иисуса с человеком, который был слеп от рождения. Иисус спросил его, не хочет ли тот прозреть. Слепому от рождения человеку трудно объяснить, что такое зрение или цвет. Поэтому было бы вполне понятно, если бы слепой ответил Иисусу, что не знает, что такое зрение. Он мог бы сказать: все разговоры о том, что существует такая вещь, как зрение, абсурдны. Именно так, по крайней мере, многие люди сегодня реагируют, когда Иисус

Христос говорит, что может дать им духовное зрение. Это духовное зрение, или способность лично знать Бога, и является вечной жизнью (Иоан.17:3).

Итак, Иисус Христос предложил человеку: если он хочет, то можно провести эксперимент. И Он гарантировал, что в результате этого эксперимента человек обретет зрение. Предложенный Им эксперимент казался очень странным. Сначала Иисус плюнул на землю и, как сказано в Евангелии, «сделал брение из плюновения». Этим «брением» Он помазал глаза слепому и велел ему помыться в купальне Силоам.

Предположение о том, что таким путем человек зреет, должно было показаться совершенно абсурдным. Слепому человеку нужно было для себя решить, кто такой Иисус: чудака или шарлатан? Понятно, что характер эксперимента говорил именно в пользу такой оценки. Представьте себе, что человек выполнил все указания Христа, но они ни к чему не привели. Как бы он тогда выглядел? Вероятно, как недоумок. Не говоря уже о том, как трудно было бы ему пережить разочарование... Не мог ли он принять желаемое за действительное или почувствовать какие-то новые ощущения в результате самовнушения? В то же время слепой слышал разговоры окружающих его людей, испытывавших на себе силу Христа. Что же делать? В любом случае ему нечего было терять, и, может быть, он получил бы желаемое в результате эксперимента. Поэтому человек отправился к купальне, промыл глаза — и сразу же прозрел.

Интересно проследить, *как* этот человек, наконец, пришел к выводу о том, что Иисус — Сын Божий. Он увидел это не сразу. Из текста Евангелия следует, что человек этот обладал незаурядным умом. В разговоре со своими соседями и фарисеями он приводил другие объяснения того, что с ним произошло, но пришел к выводу: единственным подходящим объяснением было то, что Иисус — действительно Сын Божий. Но следует отметить: если бы этот человек не был готов к такому эксперименту, то никогда бы не выяснил, мог ли Христос дать ему зрение или нет; он так никогда и не узнал бы, был ли Иисус Сыном Божьим или нет.

Двоякая цель свидетельств

Рассказ о слепорожденном человеке является одним из многих текстов Евангелия от Иоанна, в которых содержатся сведения о Божественности Христа. В конце повествования о жизни Спасителя евангелист прямо формулирует цель, которую преследовал, представляя такие свидетельства и фактические данные: «Много сотворил Иисус пред учениками Своими и других чудес, о которых не написано в книге сей. Сие же написано, дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и, веруя, имели жизнь во имя Его» (Иоан.20:30,31).

Кроме того, Иоанн преследовал еще одну цель. Она связана с его личной верой и преданностью Христу: это вера в Него как единственный путь получения духовного опыта, называемого обретением вечной жизни; и это единственный способ исчерпывающего понимания реальности Христа. Так, мужчина и женщина не могут полностью испытать, что такое брак, пока не возьмут на себя взаимные обязательства и не поженятся. Подобное можно сказать и о вере в то, что вы можете жить «во Имя Его».

Но такая вера-обязательство, вопреки распространенному мнению, не является прыжком в темноту — актом слепой веры, произвольным, иррациональным шагом, сделанным без опоры на свидетельства и фактические данные. Это только второй шаг в двухэтапном процессе. Первый шаг — это обращение к источникам, к многочисленным свидетельствам и фактическим данным, говорящим об истинности высказывания, что Иисус, в действительности, — Сын Божий. А краеугольным камнем всех свидетельств является Воскресение Христа, о котором будем говорить в следующей главе.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. *Какие свидетельства и фактические данные говорят: утверждение Иисуса о том, что Он — Сын Божий, — не первобытный предрассудок?*

2. *Что имел в виду Иисус, когда говорил, что Он — Сын Божий?*

3. *Какие свидетельства и фактические данные относительно учения Иисуса и Его поведения показывают, что Он не был обманщиком и не страдал манией величия?*

4. Как утверждение Христа о том, что Он имеет власть прощать грехи, может использоваться для доказательства того, что Он – Бог?

5. Что имеется в виду, когда утверждает, что Бог должен быть Своим собственным свидетельством?

6. Прочитайте главу 5 Евангелия от Иоанна. Что в ней говорится об отношениях Иисуса с Его Отцом?

7. Христос выдвинул условие, выполнение которого необходимо для того, чтобы узнать, является ли Его учение истинным. Каково это условие? Почему, по-вашему, такое условие должно существовать?

8. Прочитайте рассказ о слепом от рождения человеке из главы 9 Евангелия от Иоанна. Какой эксперимент предложил провести Иисус, чтобы слепой прозрел? Считаете ли вы, что слепой правильно сделал, согласившись на этот эксперимент? Если «да», то почему?

9. Перескажите своими словами спор между прозревшим слепым и фарисеями, а также другими людьми, которые не были уверены в том, что произошло чудо. Что вы думаете об аргументации спорщиков?

10. Какой эксперимент можно провести, чтобы проверить истинность утверждения Христа, что Он – Сын Божий?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Булгаков М.А. Мастер и Маргарита // Булгаков М.А. Собрание сочинений: В 5 т. М., 1990. Т. 5. С. 12.

² Платон. Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 79.

³ Hengel M. Studies in Early Christology. Edinburgh: T&T Clark, 1995. P. 48.

⁴ Цицерон Марк Туллий. Речь в защиту Гая Рабирия // Цицерон Марк Туллий. Речи: В 2 т. М., 1962. С. 285.

⁵ Следует помнить, что в Книге Исход 3:14 Бог говорил о Своем Имени так: «...Я есмь Сущий...». Именно потому, что Христос, говоря о Себе, использовал подобное выражение, толпа хотела побить Его камнями (Иоан.8:59).

⁶ Lewis C. S. God in the Dock. L.: Fount Paperbacks. 1979. P. 73.

⁷ Ibid. P. 109.

⁸ Ibid. P. 73.

⁹ См. выше о понятии Бога в индуизме, в концепциях Аристотеля, Плотина и др.

¹⁰ Мы уже отмечали в книге «Человек и его мировоззрение» (Т.1), что организация мироздания, сам акт Творения свидетельствуют о том, что за этим стоит Бог. Следовательно, Его Творение фактически исходит от Предвплощенного Слова, Сына Божьего, то есть оно также не является независимым источником свидетельств: «Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть...» (Иоан.1:3).

Воскресение Христа и вопрос о чудесах

Христианская Благая Весть основывается на чуде. Именно чудо Воскресения Христа положило ей основание, и это же чудо является ее главным содержанием. Когда речь заходит об учениках Христа, которые несли Благую Весть людям, то прежде всего они характеризуются как свидетели Его Воскресения (Деян.1:22). Очень хорошо об этом говорит Клайв С. Льюис: «Основной, первый факт истории христианства в том, что определенное количество людей, по их же словам, видели воскресшего. Если бы никто им не поверил, Евангелий бы не было»¹.

Первые христиане были убеждены, что без Воскресения христианской Благой Вести просто не было бы. Апостол Павел писал: «...если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша» (1Кор.15:14).

ДЭВИД ЮМ И ЧУДЕСА

Именно этот аспект христианской Благой Вести противоречит достаточно распространенной точке зрения, согласно которой чудеса невозможны. Одним из мыслителей, который сыграл особо важную роль в распространении представления о том, что наука сделала невозможной веру в чудеса, был шотландский философ эпохи Просвещения Дэвид Юм (1711–1776). Сторонник философской традиции скептицизма, он в своей известной книге «Исследование о человеческом познании» писал: «Чудо есть нарушение законов природы, а так как эти законы установил твердый и неизменный опыт, то доказательство, направленное против чуда, по самой природе факта настолько же полно, насколько может быть полным аргумент, основанный на опыте. <...> Не чудо, если человек, пребывающий, по-видимому, в полном здравии, внезапно умрет, ибо, хотя такая смерть и более необычна, чем всякая другая, тем не менее мы не раз уже наблюдали ее. Но если умерший человек оживет, это будет чудом, ибо такое явление не наблюдалось никогда, ни в одну эпоху и ни в одной стране.

Таким образом, всякому чудесному явлению должен быть противопоставлен единообразный опыт, иначе это явление не может заслуживать подобного названия»².

В этом рассуждении присутствуют два аргумента, хотя, можно сказать, они отчасти повторяют друг друга.

Первый аргумент касается *единообразия природы*.

1. Чудеса — это нарушение законов природы.

2. Эти законы установил «твердый и неизменный опыт».

3. Следовательно, аргумент против чуда столь же надежен, как и любой другой аргумент, основанный на опыте.

Второй аргумент основывается на *единообразии опыта*.

1. Необычные, но часто наблюдаемые события не являются чудесами. Примером такого события является неожиданная смерть здорового человека.

2. Воскресение будет считаться чудом, так как оно никогда и нигде не наблюдалось.

3. Существует единообразный опыт, который противостоит каждому чудесному событию. В противном случае это событие не может быть названо чудесным.

АРГУМЕНТ ОТНОСИТЕЛЬНО ЕДИНООБРАЗИЯ ПРИРОДЫ ПОДРЫВАЕТ ПОЗИЦИЮ ЮМА

Юм отрицает чудеса, так как, по его мнению, они идут вразрез с единообразными законами природы. Но в другом месте своего сочинения он отрицает единообразие природы! Его известное рассуждение гласит³: наблюдение восхода солнца в течение тысяч лет не означает, что мы можем быть уверенными в том, что оно встанет завтра утром⁴. На основании прошлого опыта нельзя предсказывать будущее, говорит Юм. Рассмотрим следствия из этого утверждения. Предположим, Юм прав и ни один человек не восстал из мертвых на протяжении всей истории Земли. Тогда, согласно его собственному аргументу, мы не можем быть уверенными в том, что умерший человек не воскреснет завтра. А если это так, то он не может исключать возможность чуда. Что же в таком случае происходит с уверенностью Юма в законах природы и в ее единообразии? Он подорвал само основание, на котором покоится его отрицание возможности чуда.

Этот же аргумент имеет силу применительно и к будущему, и к прошлому. Например, тот факт, что никто не наблюдал воскресение из мертвых на протяжении последней тысячи лет, не свидетельствует о том, что такого события не наблюдалось раньше. Проиллюстрируем это с помощью следующей аналогии. Единообразный опыт последних трехсот лет показывает, что королей Англии не обезглавливали. Если бы вам стало известно, что король Карл I был обезглавлен, то вы, следуя принципу единообразия, могли бы отказаться поверить этому факту. И вы оказались бы не правы! Поскольку Карл I был обезглавлен. Единообразие — это одно, а абсолютное единообразие — это другое.

Если мы, как считал Юм, не можем сформулировать никаких закономерностей, то невозможно настаивать даже на «законах природы», не говоря уже о единообразии природы с точки зрения этих законов. А если природа не единообразна, тогда использование единообразия природы как аргумента против чудес просто абсурдно.

Несмотря на свою глубокую противоречивость, аргументация Юма в значительной мере повлияла на формирование распространенного (по крайней мере, в западном мире) взгляда, согласно которому нам следует сделать выбор между двумя взаимоисключающими тезисами: верить либо в чудеса, либо в научное понимание законов природы. А верить в то и другое одновременно нельзя. Научное мировоззрение представляется как единственный возможный выбор для разумного человека.

Однако все не так просто, по крайней мере, уже потому, что существуют выдающиеся ученые, которые публично заявляют о своей вере в Воскресение Христа, несмотря на то что им хорошо известен аргумент Юма. Это профессор Филлипс (лауреат Нобелевской премии по физике 1998 года), профессор Джон Полкингхорн (специалист по квантовой физике, Кембридж), теперешний директор проекта «Геном человека» Фрэнсис Коллинз и др. Их свидетельства означают, что профессия ученого не обязательно предполагает отрицание воскресения из мертвых. В связи с этим есть смысл обсудить юмовское определение чуда как «нарушения законов природы».

ЧУДЕСА И ЗАКОНЫ ПРИРОДЫ

Одним из наиболее впечатляющих достижений науки было не только описание существования Вселенной, но и открытие законов, которые ею управляют. Поскольку Юм определяет чудеса как нарушения этих законов, нам важно понять, что ученые думают о природе законов.

Научные законы — это не просто фиксирование или описание происходящих явлений. Законы возникают как результат понимания тех или иных процессов, которые стоят за каждым явлением. Это значит, что законы дают понимание внутренней логики системы в терминах причинно-следственного взаимодействия составляющих ее частей.

Именно с этим связано другое противоречивое суждение Юма. Он отрицает само существование причинно-следственных отношений, которое предполагается при формулировке этих законов. В своей книге «Исследование о человеческом познании» Юм писал: «Все явления, по-видимому, совершенно отделены и изолированы друг от друга; одно явление следует за другим, но мы никогда не можем заметить между ними связи; они, по-видимому, *соединены* (conjoined), но никогда не бывают *связаны* (connected) друг с другом»⁵. Затем Юм приводит пример человека, наблюдающего, как движущийся бильярдный шар сталкивается с неподвижным шаром на столе. Человек видит, как второй шар также начинает двигаться, но, согласно Юму, «когда человек впервые видит передачу движения путем толчка, например при столкновении двух бильярдных шаров, он не может заключить, что одно из этих явлений *связано* с другим, а решает только, что они *соединены* друг с другом; об их *связи* он заключает лишь после наблюдения нескольких однородных случаев. Но разве произошло какое-нибудь изменение, в силу которого в нем возникла эта новая идея *связи*? Никакого, если не считать того, что теперь он *чувствует связь* этих явлений в своем воображении и легко может предсказать существование одного при появлении другого. *Итак, говоря, что один объект связан с другим, мы при этом подразумеваем только то, что они приобрели связь в наших мыслях...*» (курсив наш. — Д. Г., Дж. Л.).⁶

Из этих высказываний Юма с очевидностью следует, что он отвергает идею необходимой связи и скептически относится ко многим законам современной науки, так как они включают в себя причинно-следственные описания действия разнообразных систем, которые именно и отрицаются Юмом. Например, если Юму пришлось бы допустить, что у многих курильщиков возникает рак легких, то он стал бы отрицать наличие причинной связи. Но если бы такое отрицание было верно, это бы подорвало установленные наукой связи между курением и раком легких. И подумайте, что осталось бы от атомной физики, если бы нам не разрешалось выводить существование элементарных частиц на основании треков, которые мы наблюдаем в пузырьковой камере.

Критикуя скептицизм Юма относительно теории причинности, знаменитый английский математик и философ Альфред-Норт Уайтхед отмечал, что многие опыты нашей повседневной жизни указывают на наличие причинно-следственной связи, например, рефлексивные движения человека, которые он совершает, когда в темноте внезапно зажигают свет. Очевидно, человек осознает, что внезапно зажженный свет заставляет его моргнуть. Исследования показывают, что поток фотонов, исходящий от лампочки, стимулирует деятельность оптического нерва и возбуждает некоторые части головного мозга. Это научно доказывает, что в данном случае существует сложная причинная цепь⁷.

Теперь у нас есть два основания для вывода о том, что представление Юма о чудесах в корне ошибочно и неадекватно.

1. Поскольку Юм отрицает установление единообразия природы, он не может опровергнуть возможность чудес.

2. Поскольку он отрицает причинно-следственные связи, то не может подходить к природе как к законосообразному механизму, исключаящему чудеса.

Однако не все, кто рассматривает чудеса как нарушения законов природы, рассуждают подобно Юму. Поэтому есть смысл подойти к этому вопросу с позиций современной науки и ее отношения к законам природы. С точки зрения современной науки, именно потому, что науч-

ные законы построены на причинно-следственных связях, они описывают не только то, что произошло в прошлом. Если мы находимся не на квантовом уровне, такие законы успешно и с высокой точностью предсказывают, что произойдет в будущем. Они, например, помогают вычислять орбиты спутников связи и делают возможной посадку летательных аппаратов на Луне и Марсе.

Поэтому понятно, что многие ученые не соглашались с той мыслью, что некое божество может произвольно вмешаться в ход развития природы и изменить его, дать обратный ход или каким-то иным образом «нарушить» естественные закономерности. Эта мысль кажется им такой, которая противоречит непреложности этих законов, а значит, — самим основаниям понимания мира. В связи с этим возможны два аргумента.

Аргумент 1. Вера в чудеса в целом и в описании ее в Новом Завете в частности возникла в примитивной, донаучной культуре, когда люди были не знакомы с законами природы и поэтому легко верили в истории о чудесах.

Комментарий к Аргументу 1. Юм рассуждает именно в этом ключе, когда говорит о том, что в чудеса обычно верят невежественные и дикие племена. Тем не менее, каким бы рациональным ни казалось это объяснение, оно не имеет смысла, когда речь идет о чудесах, описанных в Новом Завете. Для признания какого-то явления чудом должна существовать некая закономерность, которой это чудо противоречит. Нельзя какое-то событие признать отклоняющимся от нормы, если не известна норма.

Возьмем, к примеру, новозаветный рассказ о рождении Иисуса от невинной девушки, то есть о непорочном зачатии. Будет весьма наивным полагать, что первые христиане верили в это чудо потому, что не понимали природы зачатия и рождения. Они знали достаточно много о конкретных законах природы, в результате которых дети появляются на свет. Если бы они не знали о них, то спокойно допустили бы, что ребенок может родиться без участия отца или матери, и не отнеслись бы к рождению Иисуса от девственницы как к чуду. Сам факт, что первые христиане сообщают об этом событии как о чуде, показывает: они прекрасно понимали естест-

венные законы, которым подчиняется процесс рождения новой жизни.

Иосиф, который был обручен с Марией, услышав от нее, что она беременна, решил оставить ее. Он достаточно хорошо был знаком с биологией человека и понимал, откуда берутся дети. Иосиф сначала не поверил ее рассказу о Божественном вмешательстве, так как не был доверчивым простаком. Когда же он, в конце концов, поверил ее словам, то это произошло потому, что он понял — Бог совершил чудо (Матф.1:18-24).

Возьмем еще один случай. Лука, будучи врачом, обученным по всем правилам тогдашнего искусства врачевания, начинает свой рассказ о жизни Христа с обсуждения именно вопроса о чуде (Луки 1:5-25). Он рассказывает о человеке по имени Захария и его жене Елизавете. Елизавета была бесплодна, и в течение многих лет супруги молили Бога о том, чтобы Тот послал им сына. И вот, когда Захария был уже в преклонных годах, ему явился ангел и сказал, что его просьбы вот-вот будут исполнены — жена забеременеет и родит сына. В ответ Захария очень вежливо, но уверенно высказал свои сомнения по поводу этого предсказания. Основанием к сомнению было то, что и он сам, и его жена были уже достаточно стары. Предсказание о появлении у них ребенка противоречило его представлениям о законах природы. Захария не был атеистом. Он был священником, который верил в Бога, существование ангелов и силу молитвы. Но он оказался не готовым принять сообщение о том, что для исполнения его молитвы время обратится вспять, то есть будут в какой-то мере нарушены законы природы.

Этот факт свидетельствует: первые христиане не были легковверными людьми, не знакомыми с законами природы и потому готовыми верить любой басне. Им было трудно поверить в подобное чудо, как и современным людям. И если, в конце концов, они все же начинали верить в некое чудо, то это происходило потому, что они не могли устоять перед силой событий, происходивших у них на глазах.

Описывая распространение христианской Благой Вести, евангелист Лука доказывает, что первыми против нее

начали выступать не атеисты, а первосвященники-саддукеи, то есть иудеисты (Деян.4:1-21). Это были очень религиозные люди. Они верили в Бога, молились и служили в храме. Но это не означало, что, услышав о Воскресении Иисуса из мертвых, они сразу же поверили в это. Они не верили, так как придерживались взглядов, исключавших возможность Воскресения Иисуса Христа (Деян.23:8).

Таким образом, предположение о том, что христианство родилось в донаучном, доверчивом и невежественном мире, противоречит фактам. Древнему миру, как и нашему, был хорошо известен закон природы, согласно которому мертвые тела не восстают из своих могил. Христианство проложило себе дорогу в сознание людей только тем, что опиралось на силу фактических данных о том, что один человек действительно восстал из мертвых.

Аргумент 2. Поскольку нам известны законы природы, вера в чудеса невозможна.

Комментарий к Аргументу 2. Идея, что чудеса — это «нарушения» законов природы, содержит в себе ошибку, которую Клайв С. Льюис иллюстрирует с помощью следующей аналогии. «Если я положу в ящик 6 пенсов сегодня и 6 завтра, послезавтра там *при прочих равных условиях* будет 12 пенсов. Но если ящик за это время взломают, там может послезавтра оказаться всего два пенса. В этом случае будет нарушен закон юридический, но не закон арифметики; если вор взял 10 пенсов, осталось 2, если взял 8 — осталось 4. Но Господь, творящий чудеса, приходит “как тать ночью”»⁸. Эта аналогия также позволяет понять, что научный закон отличается от юридического. Смысл последнего — в существовании правил, ограничивающих действия человека. Понятно, что законы арифметики могут накладывать ограничения на поведение человека, скажем, на деятельность того, кто захочет сжульничать. Но предположим, что мы проводим простой эксперимент — бросаем яблоко. Ньютонов закон тяготения гласит: если я бросаю яблоко, то оно падает в направлении к центру Земли. Однако закон не может помешать кому-нибудь вмешаться в этот процесс и поймать яблоко на лету. Другими словами, закон предсказывает, что случится, если не будет никаких изменений условий проведения эксперимента.

Таким образом, с точки зрения теизма, законы природы предсказывают то, *что* должно произойти без вмешательства Бога, хотя, конечно, если Бог вмешивается в Свое творение, то нельзя говорить о том, что это действие подобно действиям вора. Доказывать, что законы природы делают невозможной веру в существование Бога и Его вмешательство в мир, неверно. Это будет подобно утверждению о том, что понимание законов действия двигателя внутреннего сгорания делает невозможной веру в то, что изобретатель автомобиля или кто-то из его помощников может «вмешаться» в его механизм и, например, снять крышку цилиндра. Конечно, они могут это сделать. Более того, такое «вмешательство» не уничтожает закон действия двигателя. Те же законы, которые объясняют, почему мотор работает при закрытой крышке цилиндра, объясняют, почему мотор не работает при открытой крышке.

Следовательно, утверждение Юма о том, что чудеса «нарушают» законы природы, неверно. Бог время от времени привносит в систему природы новые события. Изменения или приостановления действия законов при этом не происходит. Клайв С. Льюис говорит об этом так: «Если Господь уничтожит, или создаст, или изменит какую-нибудь частицу материи, природа тут же справится с этим и впишет [ее] в свои законы. Скажем, Господь заменил некоей силой сперматозоид в яйцеклетке; но законы ничуть не нарушились. По всем законам протекала беременность, и через девять месяцев родился Младенец»⁹.

Итак, существует закономерность, согласно которой человеческие существа не восстают из мертвых в результате действия какого-то закона природы. Но христиане и не утверждают, что Христос восстал из мертвых в результате действия такого закона. Они утверждают, что Он воскрес благодаря вмешательству сверхъестественной силы. При этом сами по себе законы природы не могут исключить такую возможность. Когда чудо происходит, именно законы природы помогают нам осознать, что это — чудо. Важно понять, что христиане не отрицают законов природы, как им это приписывает

Юм. Убежденность в том, что существуют законы природы, описывающие закономерности и причинно-следственные отношения, введенные Творцом и определяющие нормальную жизнь Вселенной, составляет важную часть христианского мировоззрения. Если бы нам не были известны эти законы, мы никогда не смогли бы распознать чудеса.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Почему Воскресение Христа столь важно для христианской Благой Вести?
2. Что означает тезис о том, что законы природы не только определяют состояние дел, но и обладают предсказательной силой?
3. Каково значение слов «единообразие Вселенной»? Может ли единообразие природы быть доказано?
4. Как теория причинности Юма подрывает здание науки? Что вы можете сказать о примере с лампочкой, используемом Уайтхедом?
5. Обсудите высказывание: «Чудеса нарушают законы природы и потому невозможны».
6. Согласны ли вы с тезисом: «Авторам Нового Завета не были известны законы природы, поэтому они верили в чудеса». Обоснуйте свое мнение.
7. Почему представление о законах природы важно для христианского мировоззрения?

СВИДЕТЕЛЬСТВА В ПОЛЬЗУ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКТА ВОСКРЕСЕНИЯ. АРГУМЕНТ ЮМА О ЕДИНООБРАЗИИ ОПЫТА

Какое бы описание чудес вы ни взяли, они всегда подаются как исключения из правила. Если бы чудеса были нормальными событиями, то кто бы стал называть их чудесами! Что же в таком случае имеет в виду Юм под «единообразным опытом»? Одно дело сказать: «Опыт показывает, что данное нормальное событие имеет место, но могут быть исключения, хотя ни одно из них не наблюдалось, то есть *опыты, которые мы имели*, были единообразны». Совсем другое, если мы говорим: «Это то, с чем мы обычно сталкиваемся на нашем опыте, и должны постоянно с этим сталкиваться, так как нет и не может быть исключений».

По-видимому, Юм придерживается другой позиции. Для него чудо — это то, что никогда ранее не происходило, так как если бы вы сталкивались с чем-то подобным ранее, то не могли бы уже называть это явление чудом. Но это весьма произвольное утверждение. Почему не мог случиться целый ряд чудес в прошлом? Почему чудо не может произойти у нас на глазах? Юм стремится сделать посылкой то, что он хочет доказать, а именно: в прошлом никогда не происходило чудес, потому единообразный опыт служит аргументом против возможности чуда в настоящем. Но здесь в его доказательство вкрадывается серьезный просчет. Откуда Юм это знает? Чтобы знать, что единообразный опыт является аргументом против чудес, он должен знать о каждом событии в мире во все времена, что, очевидно, невозможно. Может показаться, Юм забыл, что людям всегда была доступна для наблюдения лишь небольшая часть произошедших во Вселенной событий, и в любом случае была зафиксирована очень незначительная доля их наблюдений. Следовательно, Юм не может знать, что чудеса никогда не имели места. Он просто допускает в качестве посылки то, что хочет доказать: природа единообразна и чудеса никогда не происходили! Тем самым он считает спорный вопрос решенным.

Альтернативой аргументации Юма, построенной на замкнутом круге, является признание возможности того, что чудеса имели место. Это исторический, а не философский вопрос, и он зависит от свидетельств и доказательств. Но Юм, по-видимому, не готов рассматривать вопрос о том, существуют ли надежные исторические свидетельства о наличии чудес. Он просто это отрицает, утверждая, что опытные данные «тверды и неизменны». Но, повторяем, его утверждение не имеет под собой почвы, пока он не доказал, что все сообщения о чудесах ложны. Странно, но он даже не пытается это делать, следовательно, в его распоряжении просто нет способа ответить на этот вопрос.

В частности, Юм говорит, что никто никогда не наблюдал воскресения из мертвых, не делая даже малейшей попытки обсудить действительные исторические данные

Воскресения Иисуса Христа — данные, которые, согласно оценке выдающегося оксфордского историка XIX в. Томаса Арнольда, поразительны. «За много лет своей работы я привык исследовать рассказы, относящиеся к разным историческим временам, и оценивать свидетельства тех, кто их записал. И я не знаю ни одного рассказа из истории человечества, который был бы лучше документирован и настолько мощно подкреплён данными самого разного рода, как то великое свидетельство, которое Бог нам дал о том, что Христос умер и восстал из мертвых»¹⁰.

Пора и нам перейти к обсуждению этого свидетельства.

Критерии Юма относительно доказательства и достоверности свидетельств

Юм замечает, что «разумный человек соразмеряет свою веру с очевидностью»¹¹. То есть сила его веры зависит от силы данных и доказательств, которые поддерживают его веру. Это означает, что когда разумный человек сталкивается, например, с сообщением о чуде, он «соразмеряет» все данные в пользу чуда, с одной стороны, и все данные против этого чуда — с другой, и таким образом приходит к определенному выводу. Юм дополняет эту процедуру использованием еще одного критерия: «Никакое свидетельство недостаточно для установления чуда, кроме такого, ложность которого была бы бóльшим чудом, нежели тот факт, который оно старается установить. <...> Когда кто-либо говорит, что видел, как умерший человек ожил, я тотчас же спрашиваю самого себя, что вероятнее: то, что это лицо обманывает меня или само обманывается, или же то, что факт, о котором оно рассказывает, действительно имел место. Я взвешиваю оба чуда и высказываю свое решение в зависимости от того, которое из них одержит верх, причем отвергаю всегда бóльшее чудо. Если ложность показания свидетеля была бы бóльшим чудом, нежели само явление, о котором он рассказывает, тогда и только тогда мог бы он претендовать на веру, или согласие с моей стороны»¹².

Рассмотрим, что Юм понимает под ложностью. Предположим кто-то сообщает вам о том, что произошло чудо. Вы должны решить, ложное это сообщение или истинное.

Если свидетель чуда сомнителен, то вы, вероятно, сразу же проигнорируете его рассказ. Однако, если свидетель чуда известен вам как человек, достойный доверия, то вы обращаетесь к самому событию. Согласно Юму, вы должны отвергнуть любое сообщение как ложное, если убеждение в ложности этого сообщения не создаст для вас совершенно невозможную ситуацию или не приведет к необъяснимым следствиям в истории, таким, что вам потребуется еще большее чудо для их объяснения.

Критерии Юма относительно идеи, что ученики Христа были обманщиками

Именно этот критерий Юма и используется христианами. Профессор Норман Андерсон, в свое время возглавлявший Институт развития исследований в области права (*Institute of Advanced Legal Studies*) Лондонского университета, пишет во введении к своей книге «Свидетельства о Воскресении»: «А если Христос не воскрес, то и проповедь ваша тщетна, тщетна и вера ваша. Притом мы оказались бы и лжесвидетелями о Боге...»

Задолго до Юма христианский Апостол Павел ясно видел эту проблему: или Христос воскрес из мертвых, или Павел и другие апостолы преднамеренно обманывали людей (1Кор.15:15). Но тогда не избежать вопроса: можно ли согласиться, что ученики Христа принадлежали к категории людей, способных сфабриковать какую-нибудь выдумку и внушить своим последователям, что она — истинна, а потом не только наблюдать, как те умирают за нее, но и самим расплачиваться за эту явную ложь годами своей жизни в тюрьме и, наконец, самой жизнью?

Мы должны помнить, что в самом начале христианства Петр и Иоанн были дважды заключены в тюрьму за проповедь Воскресения (Деян.4:3; 5:18). Вскоре после этого Иаков, брат Иоанна, был убит Иродом.

Можно ли себе представить, что Иоанн был морально готовым к этому событию, если бы он знал, что его брат умирает во имя лжи, которую сам же Иоанн и «сфабриковал»? К тому времени, когда Иоанн, уже будучи человеком преклонного возраста, умер в изгнании за веру на острове Патмос, многие люди отдали свои жизни во Имя

воскресшего Христа. Принадлежал ли Иоанн — человек, который не хотел прикрывать ложь даже во имя доброго дела, ибо «всякая ложь не от истины» (1Иоан.2:21), к той категории людей, которые смогли бы наблюдать, как другие, в том числе и его брат, умирают за их неправду? А что можно сказать о Петре? Согласно преданию, он умер мученической смертью, как и предсказал ему Иисус (Иоан.21:18,19). Неужели он сознательно умер за ложь?

Так или иначе, неужели можно представить себе, что никто из учеников, распространявших эту «ложь», никогда не признался бы в том, что это неправда? Нет, совершенно невозможно поверить в то, что они были лжецами. Следовательно, согласно критерию Юма, если вера в то, что апостолы преднамеренно лгали, приводит к совершенно необъяснимому историческому и нравственному противоречию, то мы должны принять их свидетельство, как приняли его миллионы людей за последние 20 веков.

Критерии Юма относительно возникновения христианства

Существование христианской Церкви во всем мире — неоспоримый факт. В духе критерия Юма зададимся вопросом: как объяснить преобразование первых учеников Христа? Из испуганной горстки людей, подавленных и разочарованных тем, что им показалось бедствием, обрушившимся на них с распятием их лидера, христиане превратились в мощное движение, охватившее многие страны. Это движение сначала утвердилось в Римской империи, а потом и во всем мире. Удивительно то, что все первые ученики Христа были иудеями, то есть людьми, исповедовавшими религию, которая не проявляет энтузиазм в обращении к своей вере других народов. Какая сила двигала всем этим процессом?

Если мы мысленно адресуем наш вопрос первым христианам, они сразу же ответят, что были движимы Воскресением. Более того, они утверждали, что само основание и цель их существования состояли в том, чтобы быть свидетелями Воскресения Христа. Они пришли в мир не для того, чтобы продвигать какую-то политическую программу или кампанию нравственного обновле-

ния, а быть свидетелями того факта, что Господь вмешался в историю, воскресив Христа из мертвых, и что во Имя Его может быть получено прощение грехов. Разумеется, эта цель, в конце концов, окажет принципиальное воздействие на общество, но главным ее стержнем стало именно Воскресение Христа.

Если мы отвергнем такое объяснение смысла жизни как основанное на слишком большом чуде, то сможем ли предложить взамен этого что-то иное, не предполагающее еще большее напряжение нашей способности верить? Отрицание Воскресения просто оставляет Церковь без *raison d'être*¹³ (смысла существования), что исторически и психологически абсурдно.

Профессор Моул (Кембридж) пишет: «Если воплощение Назарянина — феномен, неоспоримо зафиксированный в Новом Завете, — оставляет “черную дыру” в истории, соизмеримую по размеру и форме с той, которую оставляет Воскресение, то что может сделать светский историк, чтобы “залатать” ее? <...> Рождение и быстрое распространение христианской Церкви... остается неразрешимой загадкой для историка, отказывающегося серьезно принимать единственное объяснение, которое предлагает сама Церковь»¹⁴.

Другие возражения Юма по поводу чудес

До сих пор критерий Юма казался вполне осмысленным. Но далее Юм говорит: его не устраивает, что факт чуда определяется с помощью беспристрастного анализа данных. Он выносит свое суждение против чудес до того, как было произведено исследование ситуации. Потом он говорит, что был слишком либерален, когда предположил, что «свидетельство, обосновывающее чудо, может иногда быть равносильно полному доказательству», поскольку «ни одно чудо никогда не было обосновано столь очевидно»¹⁵. Но этот тезис христиане будут обязательно оспаривать, особенно на основании данных о Воскресении Христа, которые Юм, по-видимому, никогда не рассматривал.

Итак, логику рассуждений Юма можно представить примерно так.

1. Законы природы описывают закономерности.

2. Чудеса являются единичными событиями — исключениями из обычного хода развития природы, и поэтому они чрезвычайно редки.

3. Данные в пользу закономерных и повторяемых событий должны быть всегда более обширными, чем данные в пользу единичных и неповторяющихся событий.

4. Мудрый человек основывает свою веру (*belief*) на фактических данных.

5. Следовательно, ни один мудрый человек не может верить в чудеса.

Другими словами, хотя на первый взгляд кажется, что Юм теоретически предполагает возможность чуда при условии, что о нем свидетельствует достаточное количество фактических данных, он с самого начала уверен: никогда не может быть достаточно данных, чтобы убедить разумного человека в том, что чудо произошло. Ведь разумные люди знают, что чудес не бывает. И все же позиция Юма является весьма уязвимой.

Позиция 3 (см. выше) находит своего энергичного защитника в лице нашего современника Энтони Флу¹⁶, утверждающего, что «высказывание (*proposition*), в котором сообщается о чуде, единично (сингулярно), конкретно и производится в прошедшем времени». На этом основании он делает вывод: поскольку в любом случае утверждения подобного рода не могут быть подвергнуты непосредственной проверке, доказательства в их пользу будут всегда логически несоизмеримо более слабыми, чем доказательства общих и повторяемых утверждений¹⁷.

Однако эта аргументация важна не только в вопросе о чудесах, но и применительно к некоторым вопросам научного характера. Классическим примером последних является вопрос о происхождении Вселенной. Так называемый Большой Взрыв — это единичное неповторимое событие (сингулярность), случившееся в прошлом. Таким образом, если аргументация Энтони Флу обоснованна (*valid*), ни один ученый не может верить в Большой Взрыв. На деле же, когда ученые стали говорить о том, что начало Вселенной связано с сингулярностью, они натолкнулись на возражения со стороны своих коллег, придерживавшихся строго униформистских взглядов, подобных

взглядам Флу. Однако именно изучение данных, а не теоретические аргументы о том, что возможно, а что невозможно на основании допущения о единообразии, убедило их в том, что гипотеза о Большом Взрыве вероятна. Следовательно, очень важно понимать: даже когда ученые говорят о единообразии в природе, они не имеют в виду абсолютное единообразие, особенно если они верят в единичные события, подобные Большому Взрыву.

Вернемся к вопросу о Воскресении Христа. Здесь надо отметить: Юм и Флу не поняли, что неправильно судить о вероятности Воскресения Иисуса на основании наблюдения высокой возможности того, что умершие люди остаются навсегда мертвыми. Этим мыслителям надо было оценить возможность Воскресения Иисуса путем сравнения вероятности этого события с вероятностью того, что гробница Иисуса была пуста, с помощью *любой другой гипотезы*, а не с вероятностью Его Воскресения. Мы сделаем это ниже¹⁸.

Юм, безусловно, осознает, что существуют другие ситуации, при которых у людей возникают проблемы принятия некоего события как факта, поскольку этот факт не связан с их непосредственным опытом, но имел место в действительности. В связи с этим он предлагает историю об индийском князе, который отказался «верить рассказам о действии мороза»¹⁹. Вывод Юма относительно этого случая гласит: «Хотя эти факты не противоречили его опыту, однако они и не были согласованы с последним»²⁰.

Однако даже в этом позиция Юма является шаткой, так как в современной науке, особенно в теории относительности и квантовой механике, высказаны фундаментальные идеи, идущие вразрез с нашим опытом. Строгое применение принципов Юма привело бы к отрицанию таких идей и тем самым замедлило бы прогресс науки. Очень часто именно аномалия, идущая вразрез с фактами, повторными наблюдениями и опытом, оказывается ключевой в открытии новой научной парадигмы. Но решающим моментом в этом случае является то, что это исключение — *факт*, сколь невероятным бы он ни казался на фоне предшествующего опыта. Разумные люди, в особенности если они ученые, интересуются

фактами, а не просто вероятностями, даже если эти факты не вписываются в схемы единообразия.

Разумеется, мы соглашаемся с тем, что чудеса по своей природе — невероятны. Мы, конечно, должны требовать серьезных доказательств того, что они действительно имели место (см. позицию 5 концепции Юма). Но применительно к чудесам, описываемым в Новом Завете, это не проблема. Проблема состоит в ином: они угрожают основаниям натурализма²¹, который, очевидно, определяет взгляды Юма, а также Энтони Флу по этому вопросу. Они принимают за аксиому то, что природой все исчерпывается и не существует никакого иного начала, которое могло бы вмешиваться в природные процессы. Именно это Юм имеет в виду, когда говорит, что природа единообразна. Таким образом, его аксиома — не что иное, как просто вера, а не результат научного исследования.

Ирония этой ситуации в том, что христиане убеждены: только вера в Творца дает нам надежные основания для веры в единообразие природы. Отрицая существование Творца, атеисты подрывают основания собственного аргумента. Вот как говорит об этом Клайв С. Льюис: «Если кроме Природы ничего нет, если наши убеждения, в сущности, — лишь обычный продукт механического процесса, то нет никаких оснований полагать, что наши мнения и вытекающая из них вера говорят нам что-нибудь о действительности. Мнения эти — просто *наша* черта, как цвет волос. Если “натуралисты” правы, то у нас нет причин доверять нашему убеждению, что природа единообразна. Доверять ему мы вправе, если только истинна другая метафизика. Если самое фундаментальное в реальности — Факт, который является источником всей другой фактичности, — то это нечто подобное нам самим, если же это — Разумный Дух, а наши разум и духовность исходят из Него, тогда, конечно, нашим убеждениям можно доверять. Нам противен беспорядок, потому что он противен Творцу»²².

Таким образом, с одной стороны, исключение возможности чуда и абсолютизация природы во имя науки подрывает прежде всего доверие в рациональность науки. С другой стороны, рассмотрение природы только как части боль-

шей реальности, которая включает Бога как разумного Творца природы, дает рациональное обоснование веры в упорядоченность природы (то есть тому мировоззрению, которое привело к возникновению современной науки)²³.

Если для объяснения единообразия природы допускается существование Творца, то это неизбежно создает возможность допущения чуда, посредством которого Творец вмешивается в ход развития природных процессов. Творец — это не какое-то тихое, смиренное существо, которое не может, не должно или не осмеливается вмешиваться в ход развития Вселенной. Поэтому чудеса и могут происходить.

Существует один момент, в котором христиане соглашались с Юмом: «единообразный опыт» показывает, что воскресение *в результате действия природного механизма* в высшей степени невероятно и даже может быть исключено. Но христиане и не утверждают, что Иисус восстал в результате какого-то природного механизма. Они говорят совсем иное: Бог воскресил Его из мертвых. А если Бог существует, то почему это считается невозможным?

В этой главе мы до сих пор рассматривали аргументы *a priori*²⁴, на основании которых Юм и другие ученые отрицали чудеса. Мы убедились в том, что отрицание возможности чудес исходит не от науки. Таким образом, мы подошли к тому моменту, когда открытость сознания разумным аргументам диктует нам перейти к анализу фактических данных, установлению событий и к тому, чтобы приготовиться идти туда, куда нас приведет этот путь, даже если он потребует пересмотра взглядов *a priori*. Мы никогда не узнаем, есть ли мышка в шкафу, пока не заглянем в него.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Что означает проверять веру фактами? Всегда ли мы это делаем?
2. Насколько разумно предполагать, что, проповедуя Воскресение, ученики Христа сознательно обманывали людей?
3. Ради какой цели начала существовать христианская Церковь?
4. Обсудите утверждение: «Чудеса угрожают основаниям натурализма».
5. Почему вера в порядок в природе в конечном итоге зависит от веры в Творца?

- ¹ Льюис К. С. Чудо. М.: Гнозис-Прогресс, 1991. С. 144.
- ² Юм Д. Сочинения: В 2 т. М: Мысль. Т. 2, 1966. С. 115.
- ³ Юм Д. Исследование о человеческом познании // Юм Д. Сочинения: В 2 т. М: Мысль. 1966. Т. 1. С. 28.
- ⁴ Это так называемая проблема индукции. См. об этом: Д.Гудинг, Дж.Леннокс «Человек и его мировоззрение» [Т.1]. Гл. 2.А, 3 и 4.
- ⁵ Юм Д. Исследование о человеческом познании. С. 76.
- ⁶ Там же. С. 77.
- ⁷ Whitehead A. N. Process and Reality. L.: MacMillan, 1929.
- ⁸ Льюис К. С. Указ. соч. С. 58 – 59.
- ⁹ Там же. С. 60.
- ¹⁰ Arnold Th. Цит. по: Smith W. Therefore Stand. Grand Rapids USA: Baker Book House, 1965. P. 425 – 426.
- ¹¹ Юм Д. Исследование о человеческом познании. С. 111.
- ¹² Там же. С. 116 – 117.
- ¹³ Raison'd'etre (фр.) – смысл существования, разумное основание, смысл. – Прим. перев.
- ¹⁴ Moule C. F. D. The Phenomenon of the New Testament. L.: SCM, 1967. Pp. 3, 13.
- ¹⁵ Юм Д. Исследование о человеческом познании. С. 117.
- ¹⁶ См.: Flew A. Miracles // The Encyclopedia of Philosophy / Ed. by P. Edwards. N. Y., 1967. Vol. 5. P. 346 – 353; Idem. Neo-Humean Arguments About Miracles // In Defence of Miracles / Ed. by R. D. Geivett, G. R. Habermas. Leicester, England, 1997. Pp. 45 – 57.
- ¹⁷ Flew A. Miracles. P. 252.
- ¹⁸ Другим дефектом позиции Юма–Флу является то, что она, по-видимому, нефальсифицируема (см. об этом в кн.: Д.Гудинг, Дж.Леннокс «Человек и его мировоззрение» [Т.1]) в том смысле, что ни Юм, ни Флу не могут, со всей определенностью, сказать, какой наблюдаемый факт может служить доказательством ее ложности.
- ¹⁹ Юм Д. Исследование о человеческом познании. С. 114.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Напомним читателю, что под натурализмом в данном случае понимается тезис о том, что любое явление можно объяснить сведением его к природным процессам. – Прим. перев.
- ²² Льюис К. С. Чудо. С. 105 – 106. Данный перевод фрагмента сочинения Льюиса является уточнением опубликованного, так как в опубликованном переводе Н. Трауберг допущены некоторые пропуски, важные в данном контексте. Так, пропущено предложение: «If naturalism is true we have no reason to trust our conviction that Nature is uniform». – Прим. перев.
- ²³ Д.Гудинг, Дж.Леннокс «Человек и его мировоззрение» [Т.1]. С. 78.
- ²⁴ Аргументы *a priori* – это аргументы, связанные с убеждениями, мнениями, верой и принципами, которым мы следуем до того, как применяем их к данной ситуации.

Данные, свидетельствующие о Воскресении Иисуса Христа

В течение многих веков христиане приветствуют друг друга на Пасху словами: «Христос воскрес! Воистину воскрес!» Рассмотрим фактические данные, которые доказывают, что Он действительно воскрес.

Разобьем имеющиеся данные на четыре группы, касающиеся следующих событий.

1. Смерть Христа
2. Погребение Христа
3. Пустая гробница
4. Явления воскресшего Христа

I. СМЕРТЬ ИИСУСА

1. ПОЧЕМУ ТАК ВАЖНО УСТАНОВИТЬ ФАКТ СМЕРТИ ИИСУСА?

Совершенно очевидно: если мы собираемся утверждать, что Христос восстал из мертвых, то это означает, что Он сначала должен был умереть. Ибо если Христос действительно не умер на кресте, то не мог и воскреснуть. Именно поэтому важно сначала установить факт Его смерти, то есть тот факт, о котором говорит Апостол Павел в его ранней формулировке христианского Символа веры, или Кредо (1Кор.15:3,4).

2. ОПРОВЕРЖЕНИЕ ФАКТА СМЕРТИ ХРИСТА

Некоторые люди всерьез говорили, что Христос не умер, а потерял сознание, потом же, когда оказался в прохладной гробнице, пришел в себя. Несмотря на Свою слабость, Он смог выбраться из гробницы и предстал перед Своими друзьями. Поскольку же Он был очень слаб после всех перенесенных Им мучений, то выглядел как дух. Ученики решили, что Он воскрес, и разнесли эту весть по всей округе. Затем Христос, вероятно, какое-то время бродил в окрестностях, пока не сгинул в неизвестном месте.

Однако в свете двух важнейших фактических данных, как неоднократно указывалось в разных источниках, эта теория является абсурдной. Во-первых, Он получил слишком большие травмы и ранения; во-вторых, известно, что Его тело, снятое с креста, было обернуто в многочисленные пелены, пропитанные специальными ароматическими маслами, и помещено в тщательно запечатанную гробницу.

3. ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ТОГО, ЧТО ХРИСТОС ДЕЙСТВИТЕЛЬНО УМЕР, ПРЕЖДЕ ЧЕМ БЫЛ ПОГРЕБЕН

Прежде чем Иисус был распят на кресте, Он подвергся бичеванию. Затем Ему на голову возложили терновый венец (Матф.27:26-31). При бичевании, которое перенес Христос, использовалось страшное приспособление, называемое флагрумом (*flagrum*). Оно представляло собой разновидность бича, к которому были прикреплены кусочки металла и костей, служившими для более глубокого проникновения бича в тело. Случалось, что уже во время такого бичевания жертва умирала, не дожидаясь конца пытки. Неудивительно, что после бичевания Иисус так ослаб, что не мог нести Свой крест к месту казни (см. Матф.27:32).

Затем Иисуса распяли, то есть прибили гвоздями руки в районе запястий к поперечной жерди, а ноги прибили одним большим гвоздем к вертикальному столбу. Такой вид казни был очень жестоким, так как подобное положение ног приводило к тому, что жертва инстинктивно тянулась вверх, облегчая таким образом себе дыхание. Тем самым агония могла продолжаться в течение нескольких дней.

Однако приближалась иудейская суббота, и, согласно Евангелию от Иоанна (Иоан.19:31 и след.), религиозные власти не хотели, чтобы тела, которые, по их мнению, оскверняли празднование субботы, оставались на кресте. Поэтому они попросили разрешения у Пилата перебить ноги трех распятых мужчин, чтобы ускорить их смерть. Это нужно было сделать для того, чтобы верхняя часть тела повисла и тем самым затруднила дыхание, что автоматически приводило к смерти, если она еще не наступила до этого. Разрешение было дано.

Однако, подойдя к Иисусу, солдаты увидели, что Он уже мертв, поэтому не стали ломать Ему ноги. Это означает, что воины были абсолютно уверены в том, что Он умер. Эти люди знали свое ремесло. Однако, по видимому, чтобы быть полностью уверенным в смерти Иисуса, один из солдат пронзил Его тело копьем.

Иоанн сообщает: когда «один из воинов копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода» (Иоан.19:34). Это медицинское свидетельство смерти говорит о том, что во всех главных артериях кровь свернулась, и Он умер до того, как Его пронзили копьем. Поскольку Иоанн не мог знать медицинской основы этого факта, его свидетельство является мощным доказательством того, что Христос действительно умер. Так, Уильям Эдвардс пишет: «Очевидно, вся совокупность исторических и медицинских данных свидетельствует, что Иисус умер до того, как его тело пронзили копьем...»¹.

4. ПИЛАТ УСТАНОВЛИВАЕТ ФАКТ СМЕРТИ ХРИСТА

Когда член Синедриона, Иосиф из Аримафеи, пришел к римскому прокуратору Пилату и попросил у него разрешение похоронить Иисуса (подробнее об этом см. ниже), то осторожный Пилат решил не рисковать, даже имея дело с таким именитым человеком. В самом первом описании этой ситуации евангелист Марк отмечает, что Пилат удивился, услышав, что Иисус уже мертв (поскольку, как мы уже говорили выше, агония при распятии могла продолжаться в течение нескольких дней). Поэтому он на всякий случай вызвал сотника и спросил его, действительно ли Иисус уже умер. И только получив подтверждение этого факта, Пилат отдал Иосифу тело (Марк.15:44,45).

Таким образом, все факты свидетельствуют о том, что Иисус таки умер на кресте.

II. ПОГРЕБЕНИЕ ИИСУСА

1. КТО ЗАНИМАЛСЯ ПОГРЕБЕНИЕМ ИИСУСА?

Все четыре евангелиста рассказывают о том, что Иосиф, богатый человек из Аримафеи, пришел к римскому прокуратору Пилату и испросил разрешения похоронить Иису-

са в его собственной гробнице (Матф.27:57-60; Марк.15:42-46; Луки 23:50-53; Иоан.19:38-42). По-видимому, Иосиф был вхож к Пилату как член Синедриона.

Побуждения Иосифа понятны: он к тому времени стал последователем Иисуса и хотел быть уверенным в том, что Он будет погребен достойно. Но, вероятно, это была не единственная причина: своим действием Иосиф, видимо, хотел показать, что не имеет никакого отношения к решению Синедриона казнить Иисуса, а потому протестует против этого решения. И он действительно не участвовал в осуждении Иисуса (Луки 23:50,51). Очень может быть, что, взяв на себя миссию погребения Иисуса, Иосиф показал, что хочет выйти из состава Синедриона. Понятно, что после такого поступка Синедрион вряд ли бы стал терпеть в своих рядах этого человека.

Из описания суда над Иисусом, данного Иоанном, становится очевидным, что Пилат не испытывал к Синедриону никаких иных чувств, кроме презрения. Он видел, что обвинение, выдвинутое Синедрионом против Иисуса, было явно неубедительным, и согласился на Его распятие только потому, что члены Синедриона начали его шантажировать (Иоан.19:1-16). Поэтому Пилат, вероятно, был доволен, что хотя бы один член Синедриона не согласился с несправедливым вердиктом. Отдавая тело Иосифу, он, наверное, почувствовал хоть какое-то облегчение совести.

Рассказ о том, как Пилат уступил просьбе Иосифа о погребении тела, имеет все характеристики подлинного исторического повествования. Имея в виду конфликт между Синедрионом, с одной стороны, Христом и его последователями — с другой, кажется в высшей степени невероятным, что последователи Христа могли придумать историю о члене Синедриона, готовом оставаться с Иисусом и похоронить Его с почестями, тогда как Его ученики разбежались в страхе. Кроме того, будь этот рассказ ложным, упоминание о человеке столь высокого ранга, как Иосиф, совершенно подорвало бы доверие к евангельскому изложению событий. Проверка деталей повествования и его опровержение в то время не составили бы никакого труда².

2. МЕСТО ПОГРЕБЕНИЯ

Согласно евангельскому повествованию, Иосиф вместе с другим членом Синедриона Никодимом (Иоан.7:50-52; 19:39,40) положили тело Иисуса в гробницу, принадлежавшую Иосифу (Матф.27:50). Местонахождение гробницы видели другие свидетели: женщина из Галилеи (Луки 23:55), а также две Марии (Матф.27:62; Марк.15:47).

Какие выводы следуют из погребения Иисуса в гробнице?

Тот факт, что Иисус был похоронен в гробнице, играет *важную роль в доказательстве Воскресения*. Если бы тело Иисуса было брошено в общую могилу, определить, что именно Его тело исчезло из нее, было бы очень сложным, даже совсем невозможным делом. Важно также то, что это была новая гробница, в которой никто ранее не был похоронен, так что Его тело нельзя было перепутать с каким-то другим (Луки 23:53). Кроме того, Его гробницу можно было легко найти и отличить от других. Марк и Лука сообщают, что несколько женщин-верующих последовали за Иосифом и узнали, где находится гробница (Марк.15:47; Луки 23:55). Это исключает возможность того, что они ошиблись, приняв другую могилу за гробницу Иисуса, когда пришли к ней на следующий день утром.

Вероятно, одной из этих женщин была Иоанна, жена Хузы, домоправителя Ирода. Лука сообщает нам, что она была последовательницей Иисуса из Галилеи (Луки 8:3). Эти женщины из Галилеи были не только свидетелями Его распятия, но и погребения (Луки 23:49-55). Принадлежа к высшему сословию общества и уверовав в учение Христа, Иоанна должна была знать Иосифа из Аримафеи и Никодима. Поскольку во всех этих событиях участвовали такие именитые люди, ошибка в местоположении гробницы вряд ли могла быть допущена, особенно если учесть, что она находилась в саду Иосифа, недалеко от места распятия (Иоан.19:42).

3. КАК БЫЛ ПОГРЕБЕН ИИСУС

Иосиф и Никодим «взяли тело Иисуса и обвили его пеленами с благовониями» (19:40). Они следовали ос-

вященному веками обычаю погребения человека высокого ранга, во время которого использовалось примерно 25 килограмм смирны и алоэ. Как состоятельные люди, они, скорее всего, могли иметь какой-то запас этих веществ у себя дома. Вполне вероятно, что им помогали и состоятельные женщины из Галилеи (Луки 23:55,56). Так или иначе, но у них было достаточно благовоний, чтобы начать бальзамирование тела и затем продолжить его после окончания субботы.

У других, менее состоятельных, женщин, не было в запасе благовоний, и им пришлось ждать, пока на следующий день после субботы откроются лавки, где они смогли бы их купить (Марк.16:1).

Какие выводы можно сделать из характера приготовлений?

Из этих приготовлений совершенно ясно одно: люди, которые ими занимались, не ожидали Воскресения. Если бы они считали, что умерший воскреснет, то не готовили бы тело к погребению так тщательно. Когда женщины пришли к гробнице в воскресенье утром, то единственное, что их волновало — как проникнуть в гробницу, чтобы продолжить бальзамирование (Марк.16:1-3). И это еще одно свидетельство того, что они не ожидали Воскресения.

Следует также отметить, что количество использованных благовоний и достаточно плотное пеленание тела делают совершенно бессмысленным предположение, о котором мы говорили выше: что Христос на кресте потерял сознание, потом в гробнице пришел в себя и выбрался из нее.

О камне, закрывавшем вход в гробницу

Тело поместили в гробницу, высеченную в скале, а не в земляную могилу. Гробница, в которой похоронили Иисуса Христа, была, вероятно, достаточно больших размеров, поскольку в Евангелиях сообщается, что Петр и Иоанн смогли в нее зайти (Иоан.20:3-9). В таких гробницах тело обычно помещалось в нишу, на каменный выступ, слегка поднятый с одного конца, чтобы голова располагалась

несколько выше, чем все тело. Затем по указаниям Иосифа вход в гробницу закрыли большим круглым камнем так, чтобы он плотно закрывал ведущий вниз проход в гробницу. Закатить его в проход было не очень сложно, но, чтобы убрать его оттуда, потребовалось бы несколько человек (Марк.15:46; Матф.27:60). Наконец, в соответствии с указанием Пилата, иудейские начальники запечатали вход в нее, чтоб никто не мог сломать эту печать без того, чтобы не навлечь на себя неприятностей.

4. СТРАЖА У ГРОБНИЦЫ

Более того, по просьбе фарисеев и с разрешения Пилата вокруг гробницы были поставлены стражники. Как сообщается в Евангелиях, это было сделано для того, чтобы ученики Иисуса не пришли и не забрали Его тело, а впоследствии не стали бы обманывать народ, говоря, что Он воскрес. Вот как говорится об этом в Евангелии от Матфея: «На другой день, который следует за пятницею, собрались первосвященники и фарисеи к Пилату и говорили: господин! Мы вспомнили, что обманщик тот, еще будучи в живых, сказал: «после трех дней воскресну»; итак прикажи охранять гроб до третьего дня, чтоб ученики Его, пришедши ночью, не украли Его и не сказали народу: «воскрес из мертвых»; и будет последний обман хуже первого. Пилат сказал им: имеете стражу; пойдите, охраняйте, как знаете. Они пошли и поставили у гроба стражу, и приложили к камню печать» (27:62-66).

Хотя относительно истории о стражниках высказывались сомнения, существуют многочисленные данные в пользу ее истинности. Прежде всего, нетрудно представить себе, как нервничали первосвященники, размышляя о словах Христа относительно Своего Воскресения. Они не могли допустить обмана, поэтому в их интересах было обеспечить охрану гробницы. Кроме того, истинность слов Христа позднее подтвердилась, о чем мы будем говорить в следующем разделе. Однако сначала отметим, что стража была поставлена только после того, как тело Христа было погребено. Женщины, которые ушли домой сразу после погребения, ничего не знали о страже. Именно этим обусловлен тот факт, что когда они вернулись на место

захоронения на следующий день утром (в воскресенье), то спрашивали друг друга: «...кто отвалит нам камень от двери гроба?» (Марк.16:3). На самом же деле камень был отодвинут благодаря вмешательству ангелов.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Почему первые христиане подчеркивали тот факт, что Иисус Христос умер?

2. Почему концепция о том, что Христос потерял сознание на кресте, а потом, оказавшись в прохладной гробнице, пришел в себя, является несостоятельной?

3. Какие фактические данные свидетельствуют о том, что Иисус действительно умер?

4. Почему так важно, каким образом, где и кем было похоронено тело Христа?

5. Что имеется в виду, когда говорится, что представители власти официально запечатали камень, который закрывал вход в гробницу Христа? Чем грозило бы взломщикам нарушение печати?

III. ПУСТАЯ ГРОБНИЦА

Согласно Евангелиям, когда ранним утром в первый день недели женщины-христианки подошли к гробнице для завершения погребальных процедур, гробница оказалась пустой. И когда по зову женщин туда пришли апостолы, они также увидели ее пустой.

Значение того, что гробница оказалась пустой, невозможно переоценить, так как этот факт показывает, что ранние христиане имеют в виду, когда говорят, что они были свидетелями Воскресения Иисуса. Они подтверждают, что мертвое тело Иисуса, которое они похоронили в гробнице, было воскрешено из мертвых и исчезло из гробницы. Как бы это тело не изменилось (а описания тела, которое ученики в скором времени увидели живым, указывают на определенные изменения), они настаивают на том, что это было то же самое тело, которое они положили в гробницу. Это было не другое, новое тело, не имеющее никакого отношения к первоначальному телу Иисуса. Это было подлинное Воскресение первоначального тела, а не его замена на новое тело.

Этот факт очень важен, поскольку за последние полтора века некоторые теологи доказывали, что свидетельства ранних христиан о телесном Воскресении Христа — не что иное, как мифологический способ выражения их веры в то, что дух Христа пережил смерть. И потому, даже если бы было показано, что Его тело осталось в гробнице, это никак бы не повлияло на их утверждение о том, что Христос воскрес из мертвых.

Но это сравнительно современная, а точнее, модернистская теория. Она не сопоставима с тем значением, которое свидетели описываемых событий придавали тому факту, что гробница оказалась пустой. Когда они говорят, что Христос воскрес из мертвых, то имеют в виду буквальное Воскресение Его тела.

Фактические данные, свидетельствующие о том, что гробница оказалась пустой

А. Иудейские власти: первые свидетели того, что гробница оказалась пустой

Согласно Евангелиям, первыми о том, что гробница Иисуса опустела, сообщили иудейские власти, и совсем не христиане! По Иерусалиму поползли слухи о том, что тело украли ученики Иисуса, пока спала стража, охранявшая гробницу. Матфей пишет об этом так: «...некоторые из стражи, войдя в город, объявили первосвященникам о всем бывшем. И сии, собравшись со старейшинами и сделавши совещание, довольно денег дали воинам и сказали: скажите, что ученики Его, пришедши ночью, украли Его, когда мы спали; и если слух об этом дойдет до правителя, мы убедим его и вас от неприятности избавим. Они, взявши деньги, поступили, как научены были. И пронеслось слово сие между иудеями до сего дня» (Матф.28:11-15).

Очевиден вопрос: является ли история, рассказанная Матфеем, подлинной? Высказывалась такая точка зрения, что это позднейший миф, изобретенный спустя долгое время после события. Но это неправдоподобное объяснение. Евангелие от Матфея, в котором содержится этот рассказ, единодушно признается в наибольшей степени «еврейским» Евангелием. Каждая характеристика этого текста свидетельствует о том, что оно было на-

писано для распространения среди иудеев. Оно вошло в обращение примерно в конце 60-х годов н.э. К этому времени факты, касающиеся распятия и погребения Христа, уже достаточно широко циркулировали в иудейских синагогах в этой части Среднего Востока. Если бы этот рассказ был придуман Матфеем, то еврейское общество сразу бы распознало его как фикцию. Матфей, разумеется, не мог рисковать, выдавая за реальные события откровенную ложь.

Итак, нет никаких оснований полагать, что эта история выдумана.

Таким образом, напрашивается следующий вопрос: зачем иудейским властям понадобилось платить деньги за распространение этих слухов? Единственная причина, которую можно тут выдвинуть, — это предупредительный удар. Они узнали от стражников, охранявших гробницу, что она была пуста, и сразу же поняли, что христиане предадут этот факт гласности, объясняя его тем, что Иисус восстал из мертвых. Поэтому иудеи решили нанести удар первыми: рассказать историю о пустой гробнице, дав тому свою трактовку, чтобы ослабить силу христианского объяснения события. Сам факт, что они распространяли эти слухи, служил доказательством того, что гробница была пуста.

Поэтому иудейские руководители, должно быть, впали в сильное замешательство, когда (вопреки их ожиданиям) христиане публично не обсуждали это событие в течение семи недель после того, как оно совершилось³. Однако в течение этого периода весь Иерусалим полнился слухами.

Легко представить, что многие в Иерусалиме сразу же поняли, насколько неубедительна история, распространявшаяся стражниками. Людям казалось маловероятным, что иудейские власти доверили такую сложную и ответственную миссию солдатам, которые могли заснуть на посту. Но даже если они спали, то как узнали, что произошло и что именно ученики Иисуса — нарушители порядка? Было очевидно, что распространяемый рассказ возник в результате замешательства и неуверенности властей. Распространение этой истории врагами Христа является исключительно надежным исто-

рическим доказательством того, что *гробница Иисуса была действительно пуста*.

Далее. Если бы гробница не была пустой, то власти могли бы спокойно предъявить тело Иисуса и доказать тем самым, что никакого Воскресения не было. И если бы апостолы впоследствии провозгласили, что Он воскрес, то они оказались бы всеобщим посмешищем и христианство никогда бы не зародилось.

Дополнительный свет на описываемую ситуацию проливает обнаруженный в XIX в. и датируемый 30-40 годами н.э. так называемый Назаретский эдикт, согласно которому разграбление и осквернение могил каралось смертью. Историки считают, что происхождение этого достаточно сурового закона обусловлено каким-то событием, и скорее всего обстоятельствами, связанными с пустой гробницей Иосифа⁴.

Б. Ученики Христа объясняют, почему гробница оказалась пустой

Итак, мы подошли к тому моменту, когда следует объяснить, почему гробница оказалась пустой. Ученики Иисуса утверждали, что Он воскрес. Могли ли они ошибаться? А что если кто-то украл тело, а ученики об этом не знали и по ошибке объяснили факт его отсутствия Воскресением? Но кто был заинтересован в похищении тела? Мы уже убедились, анализируя нравственный облик учеников Христа, почему это не мог быть никто из них. В то же время враги Христа меньше всего хотели, чтобы произошло событие, которое заставило бы людей уверовать в Воскресение. Ведь именно по этой причине они и приставили к гробнице охрану. Идея о том, что ученики могли ошибиться, не имеет никакой объяснительной силы, особенно в свете тех фактов, которые ученики выдвинули в пользу Воскресения. К рассмотрению этих фактов мы сейчас и переходим.

УЧАСТНИКИ СОБЫТИЙ (dramatis personae)

Сначала посмотрим, кто участвовал в этих драматических событиях. Из текстов Евангелий ясно, что в событиях, разыгравшихся вокруг распятия и гробницы

Христа, участвовало несколько групп женщин. Так, в Евангелии от Матфея читаем: «Там были также и смотрели издали многие женщины, которые следовали за Иисусом из Галилеи, служа Ему; между ними были Мария Магдалина и Мария, мать Иакова и Иосии, и мать сыновей Зеведеевых» (27:55,56).

В Евангелии от Марка сообщается: «Были тут и женщины, которые смотрели издали; между ними была и Мария Магдалина, и Мария, мать Иакова меньшого и Иосии, и Саломия, которые и тогда, как Он был в Галилее, следовали за Ним и служили Ему, и другие многие, вместе с Ним пришедшие в Иерусалим» (15:40,41).

Иоанн специально подчеркивает, что мать Иисуса и три другие женщины стояли у креста: сестра Его матери, Мария, жена Клеопы, и Мария Магдалина (19:25).

Вполне естественно предположить, что три женщины, на которых специально указывается в этих описаниях, были те самые женщины, которые пришли поддержать Марию, мать Иисуса, в тяжелый для нее час. Джон Венхем в подробном описании событий, связанных с Воскресением, указывает, что сестру матери Иисуса могли звать Саломея, она была женой Зеведея, то есть матерью Иакова и Иоанна (автора четвертого Евангелия)⁵. Мария, жена Клеопы, была матерью Иакова младшего и Иосифа⁶.

Из данного описания следует, что эти женщины были объединены семейными связями. И это очень важно в контексте наших целей, если вспомним, что интересующие нас события происходили в Иерусалиме во время Пасхи. Город был наводнен паломниками, которые остановились на ночлег у своих родственников. Исключительно важно, что Иисус велел Иоанну заботиться о Своей матери, Марии. Мы читаем, что Иоанн сразу же взял ее к себе домой. Весьма вероятно, что его дом находился в Иерусалиме, возможно, даже недалеко от дома первосвященника Каиафы. Быть может, мать Иоанна, Саломея, и ее муж Зеведей также остановились в этом доме, причем вместе с Петром, который, как сообщает нам Иоанн, пошел вместе с ним к гробнице в то пасхальное утро (Иоан.20:3).

Совершенно очевидно, что в этих событиях участвовали и другие женщины. Вполне вероятно, что одна из них была Иоанна (см. Луки 24:10), жена Хузы, домоправителя Ирода (Луки 8:3). Она была состоятельной женщиной. Будучи женой высокопоставленного гражданского чиновника при дворе Ирода, она могла жить во дворце Хасмонеев в Иерусалиме, где Ирод и его свита останавливались во время своих посещений города. В Евангелии от Луки (8:3) вместе с Иоанной упоминается Сусанна, которая, возможно, также была среди женщин, участвовавших в событиях, связанных с распятием.

А где в это время были другие ученики Христа? Накануне Пасхи они находились в Вифании (Иоан.12:1). Это была деревня, расположенная за Масличной горой, примерно в трех километрах от Иерусалима, то есть до нее из Иерусалима можно было дойти пешком. Христа арестовали в саду у подножья Масличной горы. Этот сад вполне мог принадлежать семье Марка, автора второго Евангелия. Мы читаем, что после ареста Христа ученики покинули Его (Матф.26:56; Марк.14:50)⁷. Возможно, они убежали за Масличную гору, в сравнительно безопасное место, скорее всего — в Вифанию. Насколько известно, только Иоанн и Петр остались в городе.

Таким образом, из всего вышесказанного видно, что в описываемых событиях участвовало немало людей, которые жили в разных местах Иерусалима, причем часть из них — за пределами города. Эти факты имеют большое значение для понимания событий, произошедших в то пасхальное утро. Их описания в Евангелиях необычайно кратки, и можно поддасться искушению увидеть в них противоречия, если не брать во внимание исключительную сложность ситуации, а также то, что к гробнице Христа приходили разные люди из разных мест и в разное время. Как увидим ниже, краткий обзор этой ситуации был дан в Евангелии от Матфея.

5. МАТЕРИАЛЬНЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ВОСКРЕСЕНИЯ, НАЙДЕННЫЕ В ГРОБНИЦЕ, — ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПЕЛЕНЫ ХРИСТА

Евангелист Матфей сообщает, что несколько женщин из числа последователей Христа ранним утром пришли к

гробнице, чтобы продолжить бальзамирование тела благовониями и ароматическими маслами, начатое Иосифом и Никодимом (Марк.16:1; Луки 23:56 — 24:1). Еще раз подчеркнем: это их намерение свидетельствует, что меньше всего они ожидали Воскресения своего Учителя⁸.

Согласно Марку (16:1), Мария Магдалина, «другая Мария» (мать Иакова младшего и Иосифа) и Саломея купили ароматические масла и благовония накануне вечером («по прошествии субботы»). Венхем высказывает очень вероятное предположение⁹, что именно этот рассказ Марка построен на основе сообщений тех трех женщин. Тогда как повествование Луки о том, как некоторые женщины возвратились с места захоронения, «приготовили масла и благовония, а затем, в день Пасхи, отдыхали», скорее всего, было написано на основании рассказа Иоанны, жены домоправителя Ирода. Будучи богатой иудейкой, она могла иметь собственный запас масел и благовоний, поэтому ей не нужно было, как другим женщинам, ждать, пока окончится празднование Пасхи и откроются лавки.

Как говорит Венхем, вполне возможно, что эти две группы женщин пришли к гробнице по отдельности. Мария Магдалина, «другая Мария» и Саломея появились у гробницы раньше.

Каково же было их удивление, когда они увидели, что камень отвален, а гробница пуста. Одна из них — Мария (вероятно, даже не зайдя в гробницу) — побежала к апостолам Петру и Иоанну. Она не говорила о Воскресении, а просто предположила, что тело Иисуса было вынесено из гробницы (Иоан.20:2). Археологи указывают, что разграбление захоронений было распространенным явлением в древнем мире, особенно в Египте. Воры проявляли немалый интерес к гробницам богатых людей: ткани, в которые заворачивали мертвые тела и ароматические масла для бальзамирования были очень дорогими. Их можно было перепродать, не говоря уже о драгоценностях и других предметах, которые принадлежали покойнику и которые иногда клали рядом с ним. Иисус не был богат, но Иосиф, которому принадлежала гробница, был состоятельным человеком, и Мария, а также и другие женщины могли подумать, что здесь действовали грабители.

Петр и Иоанн побежали к гробнице. Иоанн прибежал первым, остановился и заглянул внутрь. Ему сразу же бросилось в глаза что-то странное: пелены, в которые было завернуто тело, остались на месте. Еще более странным было то, что они хранили форму тела. Но самого тела не было. Тут появился и Петр. Видимо, Иоанн бежал быстрее — и это одна из тех деталей, которые придают повествованию особый оттенок документальности (Иоан.20:3-6). Затем они оба вошли в гробницу и увидели то, что показалось им наиболее странным. «Плат, который был на главе Его», лежал на приподнятом крае уступа скалы. Он по-прежнему сохранял очертания головы, хотя, вероятно, слегка примялся. Эти детали произвели сильнейшее впечатление на Иоанна: увидев их, он уверовал (Иоан.20:8). Фраза «увидел, и уверовал» означает не просто то, что он поверил словам Марии. Достаточно было заглянуть в гробницу, чтобы увидеть, что тела там не было. Он понял, что произошло что-то невероятное: было такое впечатление, что тело Иисуса вышло из погребальных пелен, а они остались в том же положении, в каком были на теле. У Иоанна не было никаких сомнений, что он увидел чудо.

Наиболее очевидный вопрос, вставший перед Иоанном, как, впрочем, и перед любым другим человеком: как так случилось, что погребальные покровы остались в прежнем положении? Если бы здесь действовали грабители, то, похитив тело, вряд ли бы они оставили ценные ткани и ароматические масла. Но даже если бы по какой-то необъяснимой причине они хотели похитить только тело, то зачем они снова свернули полотно? Разве только для того, чтобы произвести впечатление нетронутости гробницы. Но если бы они хотели создать такое впечатление, то поставили бы камень на место. Но здесь мы сталкиваемся еще с одним вопросом: как грабитель мог отодвинуть камень, если там была стража? Ведь этого нельзя было сделать незаметно. А отваленный камень явно свидетельствовал о том, что гробница потревожена. Это было прямое приглашение подойти и заглянуть вовнутрь.

Если же здесь действовали не грабители, то кто это мог быть? Может быть, какие-то странные последова-

тели Иисуса, которые пытались вынести тело из-под носа стражников и положить его в более безопасное место? Но если бы это были они, то не стали бы держать свои действия в секрете от других учеников. Они бы благоговейно перезахоронили тело (как намеревалась сделать Мария — см. Иоан.20:15), и рано или поздно все христиане узнали бы, где находится гробница. В любом случае мы должны серьезно учесть и проблему шума, который бы возник, если бы камень откатывался от входа. Его не могла бы не услышать стража.

Вид погребальных полотен убедил Иоанна в том, что произошло чудо. Сначала он подумал: а если кто-то забрал тело и придал пеленам такой вид, дабы убедить людей в том, что произошло чудо? Но, опять же, кто бы это мог быть? С моральной точки зрения, этого не мог сделать никто из учеников Христа. С психологической — это было также невозможно, ибо никто не ожидал Воскресения. А с практической — это было невозможно из-за стражи.

И, наконец, подозревать власти, будто они сделали что-то такое, что заставило бы людей думать о Воскресении, — тоже совершенно абсурдно. Ведь именно они обеспечивали тщательную охрану гробницы, чтобы избежать такой возможности.

Исключив все невероятные предположения, Иоанн и Петр остались с одним возможным объяснением: тело прошло сквозь погребальные покровы. Но что это означало? И где был теперь Иисус?

С этими вопросами они и покинули гробницу, вероятно, решив, что дальнейшее пребывание там ничего не даст. Однако, как показали дальнейшие события, они ошибались.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Первые христиане настаивали на том, что в день Воскресения они обнаружили, что гробница Христа была пустой. Как этот факт определяет то значение слова «Воскресение», которое вкладывали в него первые христиане?

2. Какой вывод можно сделать из факта, что иудейские религиозные власти распространили слух о том, что тело Христа было

похищено Его учениками до того, как христиане что-либо сказали по этому поводу?

3. Считаете ли вы вероятным, что стражники, охранявшие гробницу, могли заснуть?

4. Почему, по вашему мнению, Пилат не предпринял попытки арестовать первых христиан, когда они начали проповедовать о Воскресении Иисуса из мертвых?

5. Могли ли ученики Христа ошибиться, приняв какое-то другое погребение за гробницу Христа?

6. Какой вывод сделали Петр и Иоанн, увидев, как лежали погребальные пелены в гробнице?

IV. СВИДЕТЕЛИ ЯВЛЕНИЙ ХРИСТА

То, что гробница оказалась пустой, исключительно важно: если бы она не оказалась пустой, то нельзя было бы говорить о Воскресении. Но нужно подчеркнуть: первые христиане не просто утверждали, что гробница пуста. Гораздо важнее то, что они в течение сорока дней, до Его Вознесения (Деян.1:3), неоднократно встречались с воскресшим Христом. Они видели Его, разговаривали с Ним, прикасались к Нему, ели вместе с Ним. Именно это вдохновляло их действовать и придавало им смелости в провозглашении христианской Благой Вести миру. Более того, когда апостолы начали публично проповедовать Евангелие, тот факт, что они были личными свидетелями явлений воскресшего Христа, стал существенной частью Евангелия. Приведем примеры.

1. Петр в Иерусалиме. В День Пятидесятницы в Иерусалиме, когда впервые было публично провозглашено Воскресение Иисуса, Петр сказал: «Сего Иисуса Бог воскресил, чему все мы свидетели» (Деян.2:32).

2. Петр в Иерусалиме. Вскоре после Пятидесятницы во второй своей наиболее значимой речи, записанной Лукой, Петр сказал: «...а Начальника жизни убили. Сего Бог воскресил из мертвых, чему мы свидетели» (Деян.3:15).

3. Петр в Кесарии. Впервые провозглашая христианскую Благоую Весть неиудеям, Петр сказал Корнилию, римскому сотнику, что он (Петр) и другие люди «с Ним ели и пили, по воскресении Его из мертвых» (Деян.10:41).

4. Павел в Антиохии Писидийской. В своей известной речи в синагоге Павел сказал о Христе: «Когда же исполнили все написанное о Нем, то, снявши с древа, положили Его во гроб. Но Бог воскресил Его из мертвых. Он в продолжение многих дней являлся тем, которые вышли с Ним из Галилеи в Иерусалим и которые ныне суть свидетели Его пред народом» (Деян.13:29-31).

Записывая краткую, но исчерпывающую формулировку Благой Вести, Павел включает в нее сведения об отдельных явлениях Христа в качестве важнейшей составляющей:

«Напоминаю вам, братия, Евангелие, которое я благовествовал вам, которое вы и приняли, в котором и утвердились, которым и спасаетесь, если преподанное удерживаете так, как я благовествовал вам, если только не тщетно уверовали. Ибо я первоначально преподавал вам, что и сам принял, то есть, что Христос умер за грехи наши, по Писанию, и что Он погребен был, и что воскрес в третий день, по Писанию, и что явился Кифе, потом двенадцати; потом явился более нежели пятистам братий в одно время, из которых бульшая часть донныне в живых, а некоторые и почили; потом явился Иакову, также всем Апостолам; а после всех явился и мне, как некоему извергу» (1Кор.15:1-8)¹⁰.

КРИТЕРИИ СВИДЕТЕЛЬСТВА ПО ЮМУ

Юм, как мы видели в предыдущей главе, приводит несколько критериев, которые считает важными для оценки силы свидетельства, в частности, число и характер свидетелей, а также способ, которым они излагают свои показания. Посылаясь на Юма, мы говорили о характере апостолов как свидетелей и об их единстве. В данной главе обратимся к другим аспектам свидетельствования.

Критерий 1. Число свидетелей

Из списка Павла в 1Кор.1:15, а также из Евангелий и Деяний Апостолов нам известно, что в течение 40 дней, от Воскресения до Вознесения, Христос являлся более пятистам людям. Двадцатью годами позже, в середине 50-х годов н.э., когда Павел писал свое Послание в Коринф, более двухсот пятидесяти из них были

еще живы. И их можно было, по-видимому, расспросить о событиях, которые они наблюдали. Следовательно, на протяжении первого этапа роста христианской Церкви не было недостатка в свидетелях, которые могли сообщить о своих встречах с Христом.

Но дело не только в количестве свидетелей, которые действительно видели воскресшего Христа, а в том, что это были очень разные люди; им Он являлся в самых разнообразных ситуациях. Например, Иисус предстал перед группой в одиннадцать человек, находившейся в закрытой комнате; женщине, которая была одна в саду; нескольким рыбакам в море; двум путникам на дороге; еще двум путникам на горе. Именно такое разнообразие людей и характеров является аргументом против описания этих встреч как галлюцинаций.

Неадекватность концепции объяснений событий как галлюцинаций

Согласно этой концепции, явления Христа были психологическими феноменами, подобными галлюцинациям. Сторонники этой концепции заявляют, что ученики «видели» нечто, но их видение было не объективно реальным, а, скорее всего, происходило в их сознании. Однако данные медицинской психологии свидетельствуют против подобного объяснения.

1. Галлюцинации обычно наблюдаются у людей определенного темперамента, наделенных живым воображением. Однако среди учеников Христа были люди разных профессий, требующих разных качеств. Матфей был сборщиком налогов, настойчивым и рассудительным; Петр и его товарищи — рыбаками, смелыми и выносливыми; Фома — закоренелым скептиком и проч. Этих учеников трудно назвать людьми, подверженными галлюцинациям.

2. Галлюцинации обычно связаны с ожидаемыми событиями. Так, философ Уильям Лейн Крейг говорит: «Поскольку галлюцинация — это просто проекция сознания, она не может содержать в себе чего-то такого, чего бы ранее в сознании не было»¹¹. Но, как мы уже говорили выше, никто из учеников Христа после Его смерти на кресте не ожидал увидеть Его снова. Вместо ожидания

Его Воскресения в их сознании были страх, сомнение и неопределенность. Это значит для каких-то галлюцинаций у них не было психологических предпосылок.

3. Галлюцинации обычно происходят в течение относительно продолжительного времени. За этот период человек испытывает то больше галлюцинаций, то меньше. Но явления Христа происходили неоднократно в течение сорока дней, а затем внезапно прекратились. Никто из учеников после этого никогда больше не переживал подобного опыта. Единственным исключением был Павел, который сообщает, что однажды встретил воскресшего Христа. Но это был последний случай. Такие опыты также не похожи на обычные галлюцинации.

4. Трудно представить себе, что пятьсот человек, которые видели Христа в одно время (1Кор.15:6), пережили опыт галлюцинации.

5. Галлюцинации не могли бы привести к вере в Воскресение. Объяснительная сила концепции галлюцинации существенно ограничена: она относится только к явлениям Христа, тогда как факт пустой гробницы остается необъяснимым. Однако сколько бы галлюцинаций ни испытали ученики Христа, они никогда не смогли бы проповедовать Воскресение в Иерусалиме, если бы гробница не оказалась пустой!

Предоставим заключительное слово по этой теме Клайву С. Льюису: «Любую теорию галлюцинации разбивает тот факт (а если это выдумка, то самая странная выдумка, которая когда-либо приходила в голову человека), что ученики трижды не смогли сразу же узнать Иисуса (Луки 24:13-31; Иоан.20:15; 21:4)»¹².

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Как первые христиане понимали природу явлений Христа между Воскресением и Вознесением?

2. Существует ли достаточно оснований, чтобы предполагать, что эти явления были просто галлюцинациями?

3. При каких обстоятельствах и в присутствии каких людей имели место явления Христа?

4. Эти явления всегда сопровождались какими-то словами и действиями Христа. Каков был смысл этих слов и действий?

Критерий 2. *Непротиворечивость рассказов свидетелей*

Если судебские показания нескольких свидетелей какого-то события совпадают практически во всех подробностях, то любой судья, по-видимому, сделает вывод о том, что свидетели как-то между собой связаны, и не исключено, что они договорились между собой, чтобы ввести суд в заблуждение. В то же время, если показания независимых свидетелей совершенно не совпадают, то они тоже не представляют никакой пользы для суда. От независимых показаний ожидается согласие по основным моментам и наличие таких расхождений, которые можно было бы объяснить различием позиций, с которых наблюдалось событие и проч. Описания второстепенных деталей могут различаться, но при наличии более подробной информации эти описания можно свести в одну общую картину. Кое-какие детали могут остаться необъяснимыми, но их можно пояснить при получении дополнительных сведений. Однако эти неясные детали не должны относиться к главным обстоятельствам дела.

Работа историка похожа на работу юриста. Историк не проигнорирует разные описания одного и того же события только потому, что они отличаются друг от друга второстепенными сведениями. Это справедливо даже в тех случаях, когда некоторые сведения противоречат друг другу. Так, существует два описания похода Ганнибала через Альпы с целью нападения на Рим. Хотя они отличаются друг от друга многими подробностями, ни один ученый не сомневается в истинности главного содержания этого исторического эпизода, то есть в том, что Ганнибал действительно перешел Альпы, чтобы нанести удар по Риму.

Применив такие принципы анализа к повествованиям о Воскресении, мы видим, что Евангелия совпадают в основных деталях. В этих повествованиях имеется некое ядро: Иосиф из Аримафеи положил тело Иисуса Христа в гробницу; небольшая группа (или группы) женщин, последователей Христа, пришли к гробнице ранним утром в первый день недели и обнаружили, что гробница пуста. Эти люди и ученики Христа впоследствии неоднократно встречали Его при разных обстоятельствах.

Что же касается второстепенных деталей, то они существенно различаются. Например, Матфей сообщает, что Мария Магдалина пришла к гробнице на рассвете (Матф.28:1), тогда как Иоанн говорит, что она пришла туда, «когда было еще темно» (Иоан.20:1). Эти сообщения можно легко связать в единое целое: Мария могла выйти из дому, когда было еще темно, но подошла к гробнице, когда уже рассветало.

Кроме того, при реконструировании событий важно осознавать, что в той или иной форме в событиях, связанных со смертью и Воскресением Христа, участвовали разные женщины. Группа, в которую входила Мария Магдалина, «другая Мария» и Саломея, пришла к гробнице первой. Подойдя к гробнице, женщины увидели, что она пуста. Мария побежала обратно в город, чтобы сказать об этом Петру и Иоанну. В ее отсутствие Иоанна (возможно, вместе с Сусанной), которые вышли из дворца Хасмонеев, пришли к гробнице другой дорогой. Им пришлось войти в город через другие ворота, поэтому они не встретили Марию Магдалину. Эти четыре женщины входили в гробницу, где ангелы сказали им, чтобы они вернулись в город и рассказали обо всем ученикам Христа. А поскольку в Иерусалиме множество узких улочек, то они не встретили Петра и Иоанна, которые бежали к гробнице вместе с Марией Магдалиной. Иоанн и Петр, прибежав к гробнице, увидели погребальные пелены, свидетельствовавшие о Воскресении Иисуса. Они покинули гробницу. А Мария Магдалина задержалась, и тут увидела Иисуса (Иоан.20:11-18). Затем она присоединилась к другим людям, которые находились в иерусалимском доме.

Итак, ангелы попросили женщин сообщить обо всех событиях апостолам. До этого момента о них знали только двое — Иоанн и Петр. Остальным девяти, которые, по-видимому, провели ночь в Вифании, еще предстояло о них узнать. В это время группа женщин, в которую входили, вероятно, «другая Мария» и Саломея, отправилась в Вифанию. На своем пути они тоже встретили Иисуса (Матф.28:9).

Остановимся еще на одном очевидном различии между разными описаниями событий. Речь идет о следующем:

в Евангелии от Луки (24:33) сказано, что Иисус явился одиннадцати, тогда как в описании Иоанна, которое, по-видимому, относится к тому же событию (Иоан.20:19-25), говорится, что Фома не присутствовал при этом событии, то есть в действительности там было только десять учеников. Однако это расхождение не обязательно трактовать как противоречие, ведь когда Лука говорит об одиннадцати, он, возможно, имеет в виду учеников как группу в целом. Для понимания данного способа трактовки приведем аналогию. Скажем, если в спортивную команду входит семь человек и спортивный комментатор заявляет, что он отправляется интервьюировать «семерку», то это не обязательно означает, что он собирается встречаться со всеми семью игроками.

Более подробное описание исторических вопросов, связанных с погребением и Воскресением Христа, читатель может найти в уже упоминавшейся книге Венхема.

Известный историк Майкл Грант из Эдинбургского университета пишет: «Разные Евангелия по-разному описывают, как выяснилось, что гробница, где был погребен Христос, оказалась впоследствии пустой. Однако если мы применим к этим описаниям критерии правдивости, которые мы обычно применяем по отношению к другим литературным источникам, то окажется, что у нас достаточно данных, чтобы прийти к заключению, что гробница действительно оказалась пустой»¹³.

Критерий 3. *Предубежденность свидетелей*

Часто говорят, что поскольку сведения о Воскресении Иисуса Христа исходят преимущественно из христианских источников, то существует опасность того, что мы опираемся на сведения, которые не обладают силой независимых свидетельств. На первый взгляд, это возражение кажется обоснованным, но оно выглядит совершенно иначе в свете следующих аргументов. Те, кому свидетельства в пользу Воскресения Христа показались убедительными, стали христианами. *Но они не обязательно были уже христианами, когда впервые услышали о Воскресении.* Самый наглядный пример тому — Савл из Тарса. Он был не христианином, а одним из ученых фарисеев, яростно боровшихся против христиан. Савл пред-

принял немало усилий, чтобы отправить многих из них в тюрьму или на пытки. Он стремился искоренить историю Воскресения из сознания людей и тем самым разрушить даже основания христианства. Услышав, что христианство начинает распространяться за пределы Иерусалима, Савл получил разрешение от первосвященника отправиться в Сирию, в Дамаск, и арестовать там всех христиан. Но к тому времени, когда он добрался до Дамаска, с ним произошло нечто совершенно неожиданное — он стал христианином (Деян.9:1-9)!

Обращение Павла и его сочинения стали вехой в европейской и мировой истории. В последующие годы своей жизни он основал множество церквей, а его сочинения (составляющие более половины текста Нового Завета) оказали и продолжают оказывать влияние на миллионы людей во всем мире. Обращение Савла стало поворотной точкой в истории, и оно требует серьезного анализа. Его собственное объяснение звучит так: «...а после всех явился и мне...» (1Кор.15: 8).

Таким образом, свидетельство Павла значимо по той причине, что он не был верующим, когда повстречался с воскресшим Христом. Именно эта встреча и стала причиной его обращения.

Но существует еще один вопрос, над которым следует задуматься в связи с нашим обсуждением. На основании каких данных люди, которые не верят в Воскресение Христа, утверждают, что Он не воскрес? Религиозные власти, которые осудили Христа и казнили Его, не могли игнорировать сообщений Его учеников. Иудаисты отчаянно стремились остановить общественное движение, зародившееся в результате Воскресения. В их распоряжении была вся сила власти. В случае необходимости они могли опереться даже на римскую военную машину. Но, несмотря на это, они не распространяли никакой другой информации, кроме заведомо глупой истории (за которую им пришлось еще и изрядно заплатить), по которой ученики Христа якобы выкрали Его тело, пока стража спала. Поэтому иудеи прибегли к примитивной и грубой тактике. Они бросали апостолов в застенки тюрьмы и старались их запугать, угрожая серьезными послед-

ствиями, если те будут продолжать проповедь Воскресения (Деян.4:17-22). Полное отсутствие данных, которые могли быть использованы как властями, так и какими-либо другими людьми для доказательства того, что Воскресения не произошло, весьма красноречиво. Складывается впечатление, что у властей и не было никакой информации, которую они могли бы распространять.

Критерий 4. *Отношение свидетелей*

Если следовать Юму, то в этом параграфе нужно рассмотреть, как христиане излагали свою позицию. Выражали ли они сомнение, или, наоборот, — действовали силовыми методами? Конечно, они не сомневались в своих взглядах. Лука в книге Деяния Апостолов приводит множество примеров смелости учеников, свидетельствовавших о Воскресении, иногда даже перед очень враждебно настроенными слушателями. Но они никогда не действовали силой. Самое поразительное в раннем христианстве — это ненасилие, воспринятое учениками от Христа. Он учил их не применять меч для защиты Его Самого или Его учения (Матф.26:52). В Его Царстве нет места бессмысленной агрессии¹⁴. Возьмем, к примеру, то влияние, которое оказало на Павла обращение в христианскую веру. До своего обращения он был ярым религиозным фанатиком, преследовал своих братьев-иудеев за их христианские убеждения. После обращения Павел перестал преследовать людей, к какой бы религии они ни принадлежали. За свою веру в Воскресение Христа он сам подвергся страшным преследованиям и, в конце концов, отдал свою жизнь.

Таким образом, мы можем, по-видимому, сделать вывод, что критерии надежного свидетельства, сформулированные Юмом, в случае с первыми учениками Христа, оправдываются.

ВОЗЛЕ ГРОБНИЦЫ В ДЕНЬ ПАСХИ

ЖЕНЩИНЫ КАК СВИДЕТЕЛИ

Всякого, кому известны хотя бы какие-то детали античных законов относительно свидетельских показаний, удивляет, что первые сообщения о воскресшем Христе в

Евангелиях были сделаны женщинами. Известно, что в иудейской культуре в I в. н.э. женщин не считали компетентными свидетелями. Следовательно, если бы кто-то в те времена захотел придумать историю о Воскресении и выдать ее людям за реальную, он никогда бы не начал таким образом. Единственная ситуация, при которой можно было спокойно ввести в рассказ женщин, — это ситуация полной уверенности в подлинности повествования, когда не имело смысла волноваться, что подумают люди, если в описании событий будут фигурировать свидетели-женщины. Итак, само по себе включение женщин в рассказ — явный признак его исторической подлинности.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

А. Отсутствие интереса учеников к гробнице

Нам не известно, чтобы Иоанн и Петр пытались обсуждать с Марией, как понимать ситуацию с погребальными одеждами (Иоан.20:1-10). Психологически трудно себе представить, чтобы они стали обсуждать с ней этот вопрос, так как она рыдала, переполненная горем от мысли о том, что навсегда утрачено тело Того, Кто принес ей прощение, душевный мир, спокойствие и вернул ей честь. И если «Воскресение» означало, что она потеряла доступ к Нему навсегда, то их речи вряд ли бы ее утешили. Ведь она собиралась прийти к гробнице вместе с другими женщинами, чтобы завершить бальзамирование тела, и мысли у нее явно были совсем другие. Если бы не свершилось Воскресение, то они очень быстро превратили бы гробницу в святилище, куда можно было бы приходить для молитвы и поклонения умершему духовному учителю. Удивительно то, что нигде в Новом Завете нет упоминаний о подобной практике; нет ни одного замечания, из которого следовало, что апостолы призывали преданных Христу людей к паломничеству к Его гробнице, чтобы получать какое-то особое благословение или даже излечение. Напротив, не существует никаких свидетельств какого бы то ни было реального интереса к гробнице Христа на ранних этапах развития христианства.

Что же мешало естественному желанию, в частности, со стороны первых христианок сделать гробницу пред-

метом поклонения? Вероятно, лучше всего на этот вопрос может ответить Мария, поскольку именно она стремилась быть у гробницы в тот день, когда обнаружила ее пустой. Поскольку она пришла завершить бальзамирование тела, то хотела найти это тело (см. Иоан.20:10-18). Стоя рядом с гробницей и рыдая, она сквозь слезы увидела кого-то. Мария приняла этого Человека за садовника. Подумав, что это он унес тело, она попросила Его: «Если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его». Вместе с другой женщиной она хотела похоронить тело с почестями в том месте, которое стало бы предметом постоянного поклонения.

Но она этого не сделала, поскольку произошло настолько потрясающее событие, что Мария и другие люди уже не могли проявлять никакого интереса к гробнице. Иоанн сообщает, что Человек, которого Мария приняла за садовника, был на самом деле воскресшим Христом. Мария, узнав Его голос, поняла, что получила ответ на свой вопрос. Если Иисус воскрес, то какой смысл ухаживать за Его гробницей? Никакого! Никто не устраивает святилище в честь того, кто жив.

Б. Новые отношения

Но вместе с тем возник другой вопрос. Если теперь гробница осталась без внимания, поскольку ученики убедились, что Иисус воскрес из мертвых, то какими должны быть отношения между учениками и воскресшим Христом? Мария, обнаружив, что Он жив, естественно захотела приблизиться к Нему. Но Христос сказал ей нечто особенное, что на самом деле было важно не только для нее, но и для всех Его последователей: «...не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему; а иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему» (Иоан.20:17).

Мария теперь знала, что это был настоящий Иисус — она слышала Его голос и видела Его. Однако Он сказал ей, что уже не останется с ней в этом виде; теперь же, по другую сторону смерти, Он убеждал ее и всех Своих последователей, что созданы новые, вечные

отношение между ними — Собой и Его Отцом, которые смерть уже не может уничтожить.

Это была живая связь с живым Христом, Который утолил потребности ее души и многих миллионов людей в последующие времена. Одного лишь знания, что Он воскрес из мертвых, было бы для этого недостаточно.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Какими должны быть критерии надежного свидетельства, согласно Юму? Считаете ли вы их справедливыми? Как вы оцениваете силу показаний непосредственных свидетелей Воскресения?

2. Чем можно объяснить отсутствие противоположных свидетельств со стороны иудейских властей?

3. Прочтите тексты из Нового Завета относительно обращения Савла из Тарса: Деян.9:1-19; 21:37 – 22:21; 26:1-32. Почему Савл преследовал христиан? Что вы думаете относительно объяснения Павла, почему он стал христианином? Можно ли было предложить более убедительное объяснение?

4. Что, по вашему мнению, убедило Иоанна и Марию, что Иисус воскрес из мертвых?

5. Почему первые ученики Христа не сделали гробницу Иисуса местом паломничества или святилищем?

6. Какова природа новых отношений, которые установились между Христом и всеми последователями воскресшего Христа, в частности и Марией Магдалиной?

ПРИРОДА ВОСКРЕСШЕГО ТЕЛА

В тот вечер Христос явился основной группе учеников (Иоан.20:19-23; Луки 24:36-49). Они собрались в Иерусалиме, в комнате за закрытыми дверями, так как боялись иудейских властей. Он показал им следы от гвоздей на руках и копья на теле. Теперь, наконец, Иоанн понял, что означало Воскресение! Тело, прошедшее сквозь погребальные одежды, прошло и через закрытые двери. Но оно было реальным, ощутимым и более того — живым.

Некоторые читатели, вероятно, с нетерпением ждут, когда можно будет задать вопрос: как в наш век научно-технического прогресса можно верить, что физическое тело прошло сквозь погребальные одеяния и закрытые двери комнаты?

Нам известны четыре измерения пространства-времени. Но Бог не ограничен этими четырьмя измерениями. Возможно, самой природе присуще большее число измерений, чем мы всегда думали. Здесь нам может помочь аналогия. В 1880 г. математик Эдвин Эбботт написал изумительную книгу. Это была сатира на классовую структуру¹⁵. Эбботт говорит: попробуйте представить себе двухмерный мир, под названием Плоскоземье, населенный двухмерными фигурами: прямыми линиями, треугольниками, квадратами, пятиугольниками и проч. — вплоть до кругов. Затем он вводит в повествование персонаж по имени Сфера. Сфера живет в трехмерном мире под названием Сфероземье. Она пытается объяснить одному из существ Плоскоземья, что значит быть Сферой. Сфера проходит по долине Плоскоземья, появляясь сначала в виде точки, которая увеличивается, потом уменьшается и, наконец, исчезает. Это, разумеется, кажется невозможным для плоскоземцев просто потому, что они не могут воспринимать больше двух измерений. Сфера запутывает их еще больше, когда говорит, что, двигаясь по долине Плоскоземья, она может заглядывать в их дома и появляться в них, даже если двери закрыты. Сфера даже берет одного плоскоземца в космос, чтобы показать ему, как выглядит его мир снаружи. Однако, возвратившись домой, этот плоскоземец не может донести свое новое знание до сограждан, которые не знают иного мира, чем их собственный двухмерный. Может быть, наш мир похож на Плоскоземье, с той разницей, что у нас не два, а четыре измерения? Если это так, то реальность с более сложной размерностью могла взаимодействовать с нашим миром, как Сфера — с Плоскоземьем.

Современная физика пространства и аналогии, подобные аналогии Эббота, помогают нам задуматься о том, что, наверное, нельзя огульно отвергать новозаветное описание свойств воскресшего тела Христа. Если существует Бог, Который находится за пределами пространства и времени, то не удивительно, что Воскресение Его Сына вскрывает такие аспекты реальности, которые также свидетельствуют о выходе за пределы (*transcend*) нашего пространства и времени.

Однако найдутся, вероятно, и такие люди, которые начнут оспаривать идею о том, что Воскресение тела Христа было физическим, поскольку в Новом Завете говорится о Воскресении «духовного тела» (1Кор.15:44). Смысл этого возражения состоит в том, что «духовное» означает «нефизическое». Однако достаточно немного поразмыслить, чтобы понять, что существуют другие возможности. Когда говорим о бензиновом двигателе, то мы не имеем в виду, что двигатель сделан из бензина. На самом же деле, мы имеем в виду, что двигатель работает на бензине. Таким образом, термин «тело духовное» может вполне указывать на силу, которая стоит за жизнью этого тела, а не быть описанием самого этого тела.

Чтобы определить, какая из данных интерпретаций верна, достаточно обратиться к тексту Нового Завета. В Евангелии от Луки 24:39 читаем, что Христос говорит Своим ученикам: «Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои; это — Я Сам; осяжите [то есть потрогайте — *Прим. перев.*] Меня и рассмотрите; ибо дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня». Из этого высказывания очевидно, что Он говорит о Своем воскресшем теле, которое не «состояло из духа». Оно состояло из плоти, и его можно было потрогать. И, чтобы подчеркнуть это, Христос спросил их, есть ли у них что-нибудь поесть. Они предложили Ему рыбу, и Он ел вместе с ними (Луки 24:41-43). То, что Христос съел предложенную рыбу, вне всяких сомнений, свидетельствовало, что Его воскресшее тело было физической реальностью. Когда Он ушел, они, наверное, долго не могли прийти в себя от изумления, уставившись на пустую тарелку. Какой бы ни была природа мира, которому Он теперь принадлежал, этот мир, безусловно, имел физическое измерение.

УЧЕНИКИ ИИСУСА СОМНЕВАЮТСЯ В ВОСКРЕСЕНИИ

Из Нового Завета узнаем о нескольких случаях, когда ученики выразили сомнения относительно Воскресения. Например, когда апостолы впервые услышали эту весть от женщин, они посчитали ее бессмыслицей (Луки 24:11). Они сомневались в правдивости их слов, пока не увидели Иисуса сами.

Фома не был с другими учениками в Иерусалиме в тот вечер, когда воскресший Христос явился им в запертой комнате. И Фома просто отказался поверить им, когда они сказали ему, что видели Христа. Фома заявил: «...если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю» (Иоан.20:25). Фома решил не поддаваться общему настроению группы — он сам хотел убедиться в истинности их наблюдений. Через неделю все они опять собрались в комнате в Иерусалиме. Иисус явился им, говорил с Фомой и предложил ему вложить пальцы в Свои раны, а руку — в пронзенный копьем бок. Христос дал Фоме те доказательства, которые тот требовал (это, между прочим, свидетельствует, что воскресший Христос слышал заявление Фомы). Он не стал упрекать этого ученика в том, что тот не поверил словам других и захотел увидеть Христа собственными глазами, однако благословил тех, кто, не видевши, поверил. Он сказал: «...блаженны не видевшие и уверовавшие» (Иоан.20:29).

В Евангелиях не сообщается, коснулся Фома Христа или нет. Но сказано, что он произнес: «...Господь мой и Бог мой!» (Иоан.20:28). Он признал воскресшего Иисуса Богом.

А КАК БЫТЬ ТЕМ, КТО НЕ ВИДЕЛ ХРИСТА?

В этой большой главе, посвященной явлениям Христа, мы говорили о первых христианах, которые видели Христа своими глазами. Напомним также, что спустя 40 дней Его встречи с людьми прекратились (за исключением опыта Павла по дороге в Дамаск). Следовательно, огромное большинство христиан на протяжении всей истории стали христианами, не видя Христа своими глазами. По этому поводу Иисус сказал нечто очень важное Фоме и другим Своим ученикам: «...ты поверил, потому что увидел Меня: блаженны невидевшие и уверовавшие» (Иоан.20:29).

Свидетели описанных нами событий увидели их и потому поверили, но бо́льшая часть людей не имела этого опыта. Это, конечно, не означает, что Христос призывал остальных людей поверить, не имея никаких данных и доказательств. Во-первых, предлагаемое нам до-

казательство исходит от людей, которые действительно были свидетелями событий. А, во-вторых, Христос говорит, что существуют убедительные доказательства и данные другого рода. И одно из них — это способ, которым Божьи слова проникают в сердца и души людей.

ПРЕДСКАЗАНИЯ СМЕРТИ И ВОСКРЕСЕНИЯ ХРИСТА В ВЕТХОМ ЗАВЕТЕ

Некоторые ученики Иисуса испытали более глубокую степень недоверчивости, чем Фома, то есть такую недоверчивость, которую невозможно преодолеть, увидев событие своими глазами. Лука рассказывает о двух последователях Иисуса, которые шли из Иерусалима в близлежащее селение Еммаус в тот день, когда произошли описанные выше события (Луки 24:3-35). Они были подавлены всем происшедшим в Иерусалиме. По дороге к ним присоединился незнакомец. Это был Иисус, но они Его не узнали. Лука объясняет, что «глаза их были удержаны» (Луки 24:16), возможно, по причинам сверхъестественным, но, вероятно, еще и по другой причине. Они считали, что Иисус должен был принести им политическую свободу, но, к их величайшему огорчению, Он Сам был распят. С их точки зрения, от освободителя, который допустил, чтобы его распяли, нет никакой пользы. Таким образом, распространившиеся женщинами слухи о Его Воскресении считались надуманными.

Иисус не стал сразу же говорить им о том, кто Он. Вместо этого коротко изложил им Ветхий Завет, показав, что именно согласно ветхозаветным пророкам Мессия, кто бы Он ни был, должен быть отвергнутым Своим народом, предан смерти, а затем воскрешен и прославлен. Это звучало как нечто новое для двух путешественников. До сих пор они видели в Ветхом Завете лишь то, что хотели видеть. Они усвоили пророчество о торжестве Мессии, но от их внимания ускользнул тот факт, что Мессии предстояло сначала выполнить роль Страдающего Слуги, а для этого Он должен пострадать. И только после этого Он мог быть прославлен.

Возможно, самое замечательное из этих пророчеств содержится в книге пророка Исаии (53:2-12). Более чем

за 500 лет до того как Мессия был отвергнут, претерпел страдания, а затем — смерть, все эти события ярко описаны в Ветхом Завете: «...Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились» (Исаии 53:5). Затем Исаия говорит, что Он был «отторгнут от земли живых» и погребен. А далее читаем замечательные слова: «На подвиг души Своей Он будет смотреть с довольством...» (Исаии 53:11). Таким образом, согласно пророчеству, Мессия должен был умереть. Следовательно, смерть Иисуса была доказательством не того, что Он *не* был Мессией, а наоборот, она свидетельствовала, что именно Им Он был. Когда оба путешественника поняли это, рассказ женщин о Воскресении показался им правдоподобным. Он устранил причину их отчаяния и наполнил новой надеждой.

Но эти ученики по-прежнему не понимали, что их случайный спутник — Иисус. Хотя было неплохо уже то, что они поняли объективный факт: Ветхий Завет возвещал смерть Мессии. Как же, в конце концов, они узнали Его? Только тогда, когда пригласили к себе в дом, и Он совершил там некое действие, которое объяснило им все. И это было действие, знакомое лишь близкому кругу Его первых учеников. Совершая вместе с ними простую трапезу, Иисус преломил для них хлеб — вот тут они Его и узнали! Эта деталь поведения была признаком Его подлинной сущности. Они видели, как Иисус преломлял хлеб ранее, например, когда накормил тысячи людей. И в том, как Он это делал, было нечто присущее только Ему — то, что делало Его немедленно узнаваемым.

Мы все знаем из опыта жизни в семье и общения с друзьями, что у каждого человека есть свои особенности, которые делают его узнаваемым в любой ситуации. Именно по такой особенности ученики узнали, что это был Иисус. Она оказалась для них решающим доказательством. Никакой самозванец никогда не додумался бы подражать такой обычной детали поведения.

Обсуждавшиеся в данной главе вопросы, безусловно, заслуживают того времени и внимания, которые мы

им уделили. Завершающее слово по поводу Воскресения и доказательств о нем предоставим профессору Норману Андерсону: «Таким образом, пустая гробница является настоящей скалой, об которую разбиваются все рационалистические теории Воскресения»¹⁶.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Какие свидетельства в пользу того, что воскресшее тело Христа было физическим, мы получили от первых христиан?
2. Чем отличалось тело Христа до Воскресения от Его тела после Воскресения?
3. Как аналогия с Плоскоземьем может помочь нам понять свойства воскресшего тела Христа?
4. Что говорит нам о характере Иисуса история о сомнении Фомы? Что, по-вашему, в конце концов, убедило Фому?
5. Обязательно ли нужен зрительный опыт, чтобы поверить? Могут ли верить физически слепые люди?
6. Чем были опечалены ученики Христа, шедшие в Еммаус? Какие факты из Ветхого Завета изменили их отношение к случившимся событиям? Что, в действительности, способствовало узnavанию Христа?
7. Какие доказательства Воскресения, представленные в данной главе, кажутся вам наиболее убедительными и почему?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Edwards W. On the Physical Death of Jesus Christ // Journal of the American Medical Association. 1986, 255:11, March 21, P. 1463.

² Мы исходим из допущения, что в свете данных, приведенных в главе 7 данной книги, Евангелия не являются более поздними компиляциями.

³ Причины этого молчания вполне ясны. Во-первых, ученики Христа боялись иудейских властей; это свидетельствует о том, что после свершившегося события они встречались тайно (Иоан.20:19, 26). Во-вторых, Иисус встречался с ними при разных обстоятельствах после Воскресения и просил их не говорить людям о Своем Воскресении до Дня Пятидесятницы (Деян.1:4,5).

⁴ Stauber E. Jesus – Gestalt und Geschichte. Bern, 1957. S. 163ff.

⁵ Wenham J. Easter Enigma. Exeter UK: Paternoster Press, 1984. P. 34.

⁶ Никаких других сведений об Иакове нет, но в списке апостолов (см., напр., Матф.10:3 и след.; Марк.3:13 и след.) упоминаются два человека с одним и тем же именем: Иаков, сын Зеведея, и Иаков, сын Алфея. Алфей и Клеопа могли быть вариантами одного и того же арамейского имени, которое обычно транслитерируется как *Chalpai*. Подобная транслитерация объясняется тем, что первая литера этого имени на арамейском языке обозначает гуттуральный звук, который может транслитерироваться как “к”, тем

самым давая имя (см.: *Wenham J.* Op. cit. P. 37), или как “h”. Последний звук в греческом языке передается знаком, который называется тяжелым придыханием, которое обычно опускалось и в речи, и на письме, тем самым давая *Alphaios* или в латинской транскрипции *Alphaeus*. Интересно, что христианский историк Евсевий Кесарийский в своем сочинении «Церковная история», написанном в начале IV в., упоминает некоего Клеопу, брата Иосифа (то есть Иосифа, мужа Марии, матери Иисуса).

⁷ Многие специалисты считают, что молодым мужчиной, который был в саду во время ареста Иисуса и имел возможность избежать встречи со стражниками, вполне мог быть сам Марк (Марк.14:51,52).

⁸ Интересно отметить: хотя Иисус сказал Своим ученикам, что умрет и воскреснет (см., напр., Матф.16:21), почему-то это Его высказывание им не запомнилось. И это психологически можно понять: они просто не ожидали, что Он умрет (см. Луки 24. Ниже мы будем говорить об этом тексте подробнее). Однако на Его предсказание обратили внимание иудейские власти. Именно поэтому они и выставили охрану к Его гробнице (Матф.27:62-65).

⁹ *Wenham J.* Op. cit. P. 69.

¹⁰ Приведем полный список стихов, в которых сообщается о явлениях Христа: Матф.28:1-10, 16-20; Марк.16:9 и след.; Луки 24:13-31, 34, 36-39; Иоан.20:11-18, 19-23, 24-29; 21:1-23; Деян.1:1-3, 6-11; 9:1-9; 22:3-11; 26:12-18; 1Кор.15:5-9.

¹¹ *Craig W. L.* Reasonable Faith. Wheaton, Illinois: Crossway, 1994. P. 288.

¹² *Льюис К. С.* Чудо. С. 148. (Перевод цитаты Т. Б. Барчуновой).

¹³ *Grant M.* Jesus: An Historian's Review of the Gospels. N. Y.: Charles Scribner's Sons, 1977. P. 176.

¹⁴ «Ответил Иисус: Царство Мое не от мира сего. Если бы от мира сего было Царство Мое, служители Мои боролись бы за то, чтобы Я не был предан Иудеям...» (Иоан.18:36) (перевод данного стиха дан по изданию: Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Российское библейское общество, 1994).

¹⁵ *Abbott E.* Flatland. Oxford: Basil Blackwell, 1880.

¹⁶ *Anderson N.* The Evidence for the Resurrection. Leicester: Inter Varsity Press, 1990. P. 11.

Часть третья

Опыт

Глава 11

Проблема морального зла

Глава 12

Проблема боли и страдания

Проблема морального зла

I. ВВЕДЕНИЕ

В заключительных главах этой книги обратим внимание на проблему страдания, которое проистекает из двух разных, с логической точки зрения, источников, хотя на практике оба эти источника взаимосвязаны.

Одни страдания вызываются природными катастрофами и заболеваниями, за которые человечество не отвечает или отвечает только отчасти, хотя косвенным образом оно могло какие-то из них спровоцировать. О боли и страдании подобного рода и о проблемах, которые они вызывают, поговорим в последней главе.

Но есть страдания, за которые человечество несет прямую ответственность. И они огромны, поскольку связаны с несправедливостью в политике и бизнесе, с коррупцией, эксплуатацией, агрессией, жестокостью, убийствами, насилием, издевательствами над детьми, предательством, подавлением свободы, геноцидом. Бывает, что люди испытывают и менее заметные страдания, связанные с мелкими подлостью и обманом. Но именно такие, на первый взгляд, незначительные обиды, наносимые нам близкими людьми, являются наиболее распространенным источником зла в мире. Мы называем проблему, вызванную подобного рода страданиями, «проблемой нравственного зла», в отличие от страдания, вызываемого природными катастрофами.

СТЕПЕНЬ МОРАЛЬНОГО ЗЛА

Чтобы оценить уровень нравственного зла в мире, нет особой потребности углубляться в историю. Достаточно подумать о том, сколько людей стали жертвами таких событий прошлого века. Это миллионы убитых солдат и мирных жителей, пострадавших от военных действий, сотни тысяч людей, погибших от голода, уничтоженных в газовых камерах и концентрационных лагерях. Это ни в чем не повинные люди, убитые в Камбодже, Вьетнаме,

Руанде и Югославии. Это также жертвы религиозных конфликтов и преследований на этнической почве.

Проблема морального зла и является предметом данной главы. В ней рассматриваются два фундаментальных вопроса.

1. Если существует Всемогущий, Всеблагий и Всеведущий Бог, Который печется о справедливости, то как Он может допустить зло? Почему Он не вмешивается и не препятствует тем, кто совершает преступления? И почему Он изначально допустил существование разного рода зла?

Второй вопрос еще более фундаментален и ставит под сомнение само существование Бога.

2. Как можно наблюдать все это огромное зло в мире и продолжать верить в существование Всемогущего, Всеблагого и Всеведущего Бога, Которого считают Создателем мира и в конечном итоге ответственным за этот мир?

Существует **два разных подхода к этим вопросам**, которые можно обсуждать на двух разных уровнях. Приведем примеры этих подходов.

В романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» Иван говорит своему брату Алеше: «Скажи мне сам прямо, я зову тебя — отвечай: представь, что это ты сам возводишь здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им наконец мир и покой, но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь одно только крохотное создание, вот того самого ребеночка, ударяющего себя кулачком в грудь, и на неотомщенных слезках его основать это здание, согласился ли бы ты быть архитектором на этих условиях, скажи и не лги!»¹.

В конце концов, Иван признается, что не отрицает Бога. Но в силу того что в мире так много зла, что даже маленькие дети страдают от жестокости, он не может заставить себя поверить в возможность всеобщей гармонии, которая обещана в Библии. Он не желает быть причастным к мировой гармонии на тех условиях, которые, по его мнению, полагаются в Библии:

«Я не хочу гармонии, из-за любви к человечеству не хочу. Я хочу оставаться лучше со страданиями неотом-

ценными. Лучше уж я останусь при неотомщенном страдании моем и неутоленном негодовании моем, *хотя бы я был и неправ*. Да и слишком дорого оценили гармонию, не по карману нашему вовсе столько платить за вход. А потому свой билет на вход спешу возвратить обратно. И если только я честный человек, то обязан возвратить его как можно заранее. Это и делаю. Не бога я не принимаю, Алеша, я только билет ему почтительнейше возвращаю»².

Так может говорить лишь тот, в чьей душе проблема нравственного зла будит сильнейшее чувство негодования. В отличие от Ивана Карамазова, философ Дэвид Юм рассматривает проблему, связанную с моральным злом, в формальных, объективных, рациональных терминах. В своих знаменитых «Диалогах о естественной роли религии» Юм вкладывает формулировку этой проблемы в уста Филона, одного из участников диалога: «Старые вопросы Эпикура еще остаются без ответа. Может быть, божество хочет, но не может предотвратить зло? Значит, оно не всемогуще. Если же оно может это сделать, но не хочет, значит, оно недоброжелательно. Если же оно и хочет, и может, то откуда же берется зло?»³

НА ПОДСТУПАХ К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ НРАВСТВЕННОГО ЗЛА

Разрешить проблему морального зла нелегко по той простой причине, что соображения людей относительно этой проблемы зависят от их столкновений со злом и от страданий, к которым эти столкновения приводят.

Если, например, вы как жертва морального зла, испытываете физические и духовные страдания или вас угнетает чувство страшной несправедливости, то сугубо интеллектуальное решение проблемы вряд ли вас устроит. Вы будете мучительно искать такие решения, которые облегчат вашу боль, смягчат моральное негодование, придадут мужества и силы для дальнейшей деятельности.

Более того, когда люди испытывают на себе воздействие зла, они часто обращаются к Богу и просят Его, чтобы Он вмешался и облегчил их участь. Не ощутив

Божьего вмешательства, они обычно перестают верить в Него и начинают верить в истинность атеизма. Так создается впечатление, что с помощью атеизма можно избежать проблемы зла.

Однако и сам атеизм, как известно, порождает глубокие нравственные и интеллектуальные вопросы, которые требуют серьезных ответов. Хотя атеизм, на первый взгляд, будто бы отвечает на эти вопросы, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что в нем заключена в тысячу раз более глубокая проблема.

Сначала рассмотрим философскую формулировку проблемы зла в ее крайней форме. Эта формулировка гласит: царящее в мире зло является непреодолимым барьером для веры в Бога, по крайней мере, для такой веры, которая заложена в монотеистических религиях.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Каковы основные источники страданий человечества?
2. В чем различие между природными катастрофами как источниками страдания (иногда их называют «естественным злом») и моральным злом?
3. Существование нравственного зла вызывает два вопроса, связанных с Богом. Один из этих вопросов является более фундаментальным, чем другой. Каковы эти вопросы?
4. Как бы вы охарактеризовали реакцию на моральное зло, вложенную в уста Ивана Карамазова, героя романа Достоевского «Братья Карамазовы»? Чем реакция Филона в сочинении Юма отличается от реакции Ивана Карамазова?
5. Каково ваше отношение к проблеме морального зла? Считаете ли вы, что существует какая-либо надежда на преодоление мирового зла или способ его преодоления?
6. В чем практическая сложность любой попытки удовлетворительного разрешения проблемы морального зла?

II. ФИЛОСОФСКАЯ ФОРМУЛИРОВКА ПРОБЛЕМЫ МОРАЛЬНОГО ЗЛА

Проблема морального зла возникает в силу явного противоречия между следующими четырьмя высказываниями:

- а) Бог существует;
- б) Бог Всемогуш;

- в) Бог Всеблагой;
- г) зло существует.

Выраженная в более формальных философских терминах проблема нравственного зла как доказательство того, что Бог не существует, обычно представляется в виде иной дедуктивной схемы.

1. Если существует Бог, то Он должен быть Всемогущим и Всеблагим.
2. Всеблагое существо никогда не допустит нравственно порочной ситуации, если оно может ее предотвратить.
3. Всемогущее существо может предотвратить все нравственно порочные ситуации.
4. Существует, по крайней мере, одна нравственно порочная ситуация.
5. Следовательно, Бог не существует.

Есть несколько вариантов изложения этого доказательства⁴. Мы привели здесь самое распространенное.

Таким образом, доказательство, основанное на проблеме морального зла, преподносится как правильное дедуктивное умозаключение — такое, в котором все посылки (1 — 4) истинны и гарантируют истинность заключения. Так что если вы отрицаете заключение, то противоречите самому себе. Разумеется, дедуктивный вывод правильный, только если верны посылки. Поэтому необходимо очень внимательно проанализировать их правильность. Посылка 4 является верной⁵. Посылка 1 также верна, по крайней мере, с точки зрения монотеистических религий (иудаизма, христианства и ислама). В этом контексте посылка 3 весьма вероятна. Поэтому рассмотрим посылку 2. Является ли она столь бесспорной, как утверждают многие атеисты? Могли ли быть у Бога достаточные моральные основания, чтобы допустить зло в этом мире? Является ли это совершенно невозможным? Атеисты убеждают, что существование морального зла делает логически невозможным веру в Бога, поэтому атеизм — единственный выбор для людей, мыслящих логически.

Однако прежде чем соглашаться с этим тезисом, мы должны его проанализировать.

III. СКРЫТЫЕ ОШИБКИ В АТЕИСТИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ К ПРОБЛЕМЕ МОРАЛЬНОГО ЗЛА

В атеистических подходах к проблеме морального зла существует ряд ошибок. Их легко не заметить под прикрытием особой формы изложения атеистической аргументации.

1. В некоторых вариантах атеизма категории добра и зла размываются.

Некоторые атеисты утверждают, что добра и зла не существует. В их рассуждениях есть определенная логика. Ведь если не существует Бога, то очень трудно понять, что означает моральное зло (или добро). Если не существует личностного Творца, ответственного за Вселенную, а Вселенная и человеческая жизнь — это просто конечный продукт бесцельного природного процесса, не одухотворенного разумом и лишенного личностного начала, то что в конечном итоге можно считать моральным злом? Лишенные сознания силы и процессы не способны нести моральную ответственность за результаты своих действий. Таким образом, добро и зло перестают быть осмысленными категориями.

Формулировка проблемы зла, начинающаяся обычно с нареканий по поводу морального зла и заканчивающаяся выводом о том, что Бога не существует, фактически бессмысленна, ибо она основывается на выхоленном понятии зла. Иначе говоря, возмущение по поводу морального зла предполагает, что существует некое реальное мерило добра и мы судим о чем-то как о нравственном зле в соответствии с мерилем добра, говоря, что так не должно быть. Но если все существующее — это бессознательные частицы, то где основание для реальности нормы добра? Если не существует морального зла или добра или какой-либо моральной нормы, то возмущение по поводу зла абсурдно, и так называемая проблема нравственного зла растворяется в потоке безразличной ко всему материи.

Современный биолог Ричард Докинз развивает концепцию, которая может быть наглядным примером доведения атеистической аргументации до ее логического

конца. В одной из своих книг он пишет: «Во Вселенной, наполненной слепыми физическими силами и управляемой механизмом генетической репликации, одни люди страдают, другие же, наоборот, радуются жизни. И в этом сложном процессе вы не найдете никакой закономерности или оснований для нее, никакой справедливости. Наблюдаемая нами Вселенная обладает свойствами, которые свидетельствуют о том, что управляющие ею механизмы не несут в себе никакой цели. Они ни добры, ни злы. Они слепы, беспощадны, равнодушны. ДНК ничего не знает и ни о ком не заботится. Она просто существует. И мы пляшем под ее дудку»⁶.

«ДНК просто существует», — заявляет Докинз, но выводы, которые следуют из его высказывания, большинству людей покажутся неприемлемыми. Неужели люди, совершившие террористический акт 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне или школьник, застреливший нескольких человек в Эрфурте в апреле 2002 г., просто «плясали под дудку ДНК»? Неужели геноцид в Камбодже или Руанде — это просто результат действия врожденной генетической программы, которая руководила людьми, его совершавшими? Неужели все происходит в результате действия слепых механизмов? Если человек испытывает удовольствие от расчленения тел убитых им детей, то неужели он просто подчиняется биологическим закономерностям? Если это так, то никто из нас не в состоянии избежать нравственной порочности, и мы должны без всяких возражений согласиться с этой ситуацией.

2. Некоторые атеистические системы основаны на существовании нравственных норм, но в них полагается, что они заданы человеком.

В концепции Докинза представлена крайняя точка зрения на мораль. В отличие от Докинза большинство атеистов считает, что существуют и должны существовать нравственные нормы, и сами сторонники этой позиции стремятся жить в соответствии с этими нормами⁷. Но вместе с тем они утверждают: нет необходимости предполагать, что эти нормы восходят к авторитету Бога как Источнику и Высшему Защитнику. Нравственные

нормы, говорят они, исходят от человека. Они возникли как необходимый побочный продукт социального развития и эволюции человечества. Люди обнаружили, что в силу разных причин жить в социальных группах легче, чем в одиночку или отдельной семьей. Это неизбежно привело к тому, что каждая социальная группа должна была прийти к соглашению, какое поведение считать приемлемым. Таким образом, каждая социальная группа придумала собственные правила морального поведения. Эти правила не являются абсолютными, неизменными законами, установленными Богом. С эволюцией обществ их моральные правила также эволюционировали. Иногда их изменения производились волевым решением государственных деятелей, иногда на основании общего согласия народа. Есть надежда, что, в конце концов, добрая воля и социальные инстинкты общества в целом приведут к тому, что нравственное зло будет полностью искоренено. Нравственная эволюция без всякого божественного вмешательства, водительства или помощи приведет ко всеобщему раю и гармонии.

НЕАДЕКВАТНОСТЬ АТЕИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К МОРАЛИ

Разумеется, нельзя приуменьшать нравственный прогресс, достигнутый в ходе истории, или значимость того факта, что миллионы людей живут в стабильных обществах, подчиняющихся диктатуре закона. Но давайте, следуя этой логике, сделаем следующий шаг в рассуждениях. Предположим, что моральный прогресс позволяет считать, что, несмотря на огромное моральное зло, царящее в этом мире, нравственная эволюция без всякого Божественного вмешательства или авторитета рано или поздно приведет к всеобщей гармонии. Даже если это так, то эта атеистическая теория нравственной эволюции остается совершенно неадекватной. В ходе нравственной эволюции, постулируемой в данной теории, миллионы человеческих существ на протяжении многих веков пострадали от несправедливости и умерли, не найдя успокоения. Миллионы из тех, кто живет сегодня, также страдают от несправедливости и умрут, прежде чем

будет достигнута мировая гармония. Что говорят об этих страдальцах атеистические теоретики нравственной эволюции? Они пожимают плечами, восклицая: «Им не повезло! Те, кому не везет, становятся отбросами эволюции. На самом деле им не надо было и надеяться на справедливое к себе отношение. А теперь, конечно, у них нет никаких шансов добиться справедливости, потому что Бога нет, а смерть положила всему конец».

Именно в этом состояла проблема Ивана Карамазова. Мысль о том, что здание всеобщей гармонии должно основываться на неотомщенной слезе одного невинного младенца, заставляла его кипеть от негодования.

Иудаизм, христианство и ислам утверждают противоположное: Бог — авторитет, Который стоит за законом и следит за его исполнением. В конце концов, придет Судный День, когда будет восстановлена справедливость и осуществлено воздаяние за всю несправедливость, допущенную в этом мире с самого начала его существования (Деян. 17:30,31; Откр. 20:11-15).

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Если бы вам потребовалось изложить проблему нравственного зла в формальных логических терминах, то как бы вы ее сформулировали?

2. Считаете ли вы совершенно невозможным, что у Бога могли быть достаточные моральные основания для допущения зла в этом мире? Если «да», то почему?

3. Согласно одной из атеистических концепций, человеческие существа — это не что иное, как продукты лишенных сознания материи и приводящих ее в движение сил. Каковы следствия этой концепции для понимания категорий добра и зла? Согласны ли вы с этой точкой зрения?

4. Согласно другой атеистической концепции, нравственные нормы и законы были установлены не Богом, а в ходе развития человечества. Результатом этого развития также явится установление всеобщей гармонии. В чем неадекватность такой концепции?

5. Что бы сказал по поводу концепции, упомянутой в предыдущем вопросе, Иван Карамазов?

6. Какие вопросы возникают у вас в связи с мыслью о Судном Дне? Считаете ли вы, что он: а) невозможен? б) нравственно неприемлем? в) что нужно его ожидать и приветствовать? г) бояться?

IV. СВОБОДНАЯ ВОЛЯ: ЦЕНА И СЛАВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

Выводы, сделанные в конце предыдущей главы, приводят к таким вопросам: если Бог является авторитетом, стоящим за моральным Законом, и Он нас создал, то как получилось, что мы, Его создания, способны на моральное зло? Откуда произошла наша способность совершать зло? От Создателя?

Ответ гласит: «Да, от Создателя!» Ведь когда Бог создал человечество, Он наделил нас, единственных из всех земных существ, достоинством и свободой воли, правом свободно выбирать между добром и злом. Он не дал человечеству разрешения выбирать зло, а решительно и строго запретил его выбирать. Вместе с тем Он сделал так, что если мы все же решаем избрать зло, то можем это сделать (см. Быт. 2 и 3 гл.).

При этом возникает следующий вопрос. Неужели Бог не предвидел, что человек будет неправильно использовать свою способность делать выбор? Например, изберет зло и тем самым создаст постоянно расширяющийся и углубляющийся поток зла в этом мире?

Ответ такой: «Да, конечно, Он должен был это предвидеть».

Тогда почему Он создал человечество, обладающее свободой воли и способностью свободного выбора, заранее зная, какие несчастья это за собой повлечет?

Краткий ответ на этот вопрос (более подробно об этом будем говорить ниже) гласит: «Потому что это был единственный способ, с помощью которого Он мог сделать человеческие существа столь славными и величественными, какими Он их задумал».

Ивану Карамазову этот ответ не понравился бы, но он не мог предложить своего решения проблемы морального зла. Итак, мы начнем с рассмотрения того действительного факта, что мы, люди, обладаем свободной волей и правом свободного выбора.

1. ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ФАКТ СВОБОДНОЙ ВОЛИ

Каждый из нас из собственного опыта знает, что мы, действительно, обладаем свободной волей и правом сво-

бодного выбора, по крайней мере, в какой-то степени. Мы, конечно, не можем прыгнуть с Земли или жить без пищи. Но вполне способны решить (при наличии выбора), питаться ли нам картошкой или мясом, одевать красное платье или белое, быть по отношению к кому-то добрым или злым, сказать правду или солгать, использовать нож как орудие труда или как орудие убийства.

Сторонники крайней формы детерминизма совершенно отрицали свободу выбора; некоторые из них отрицают ее и сегодня. Они доказывают, что на физическом уровне жизнь Вселенной подчиняется действию причинно-следственных связей. А поскольку головной мозг человека является частью физической Вселенной, он должен действовать в рамках этой жесткой системы причинно-следственных связей. Следовательно, наш свободный выбор — это иллюзия. Наше решение что-то делать или чего-то не делать, — это просто результат действия какой-то предшествующей этому решению причины, последнее неизбежное звено в длинной непрерывной цепи причинно-следственных связей. Таким образом, делая выбор, человек на самом деле не свободен, и потому мы не несем *моральной* ответственности за свои решения.

Однако в действительности никто не верит в эту форму детерминизма. Об этом свидетельствует наша реакция на моральное зло. Если какой-нибудь мошенник, построивший финансовую пирамиду, обманул миллионы людей, то мы не оправдываем его, говоря: «Он не мог устоять перед соблазном. Физические параметры его головного мозга таковы, что он не мог пойти против жестко определенной цепи причинно-следственных связей, которая привела его к этому поступку. Было бы иррациональным обвинять его в этом деянии». Мы считаем, что он сознательно пошел на этот поступок и по этому должен быть наказан⁸.

Философский подход к проблеме свободы воли

Начиная с Дэвида Юма, философы, стремясь изменить подход к этим вопросам, ввели различие двух видов свободы.

1. Свобода спонтанного поведения. Смысл этого понятия в том, что мы вольны руководствоваться нашими

мотивами, вольны делать, что хотим. При этом никакое правительство, организация или какая-то другая сила не вправе заставить нас делать то, чего мы не хотим, или помешать нам сделать то, что мы хотим.

Все соглашаются с тем, что при наличии здоровья, соответствующих способностей, денег и необходимых предпосылок, а также при отсутствии внешнего давления или каких-то ограничений, мы должны иметь свободу спонтанного поведения.

2. Свобода вести себя безотносительно прошлых способов поведения (безотносительная свобода) (*liberty of indifference*). Здесь имеется в виду свобода поступать иначе, нежели мы делали раньше. Или, когда у нас есть выбор между двумя возможными действиями, безотносительная свобода означает, что выбор совершенно открыт: я могу избрать любой способ действия. А избрав один способ действия, могу, оглянувшись назад, быть уверенным, что я мог бы свободно выбрать и другой способ действия.

Предположим, например, что Борис должен наконец решить, на ком ему жениться: на Ирине или Наташе. Он обладает свободой спонтанного поведения: никто не может заставить его предпочесть одну женщину другой. Однако он считает, что обладает и безотносительной свободой, то есть может спокойно жениться на одной из них.

Но многие философы утверждают, что он не обладает такой свободой. Они говорят, что именно глубинные процессы, определяющие его физическую и психическую организацию, даже если он их не осознает, ограничивают и детерминируют его выбор. Он волен жениться на той женщине, которую выберет, но его выбор на самом деле детерминирован глубинными физическими и психическими процессами.

Так рассуждают многие философы. И нет смысла оспаривать тот факт, что наши вкусы в еде, изобразительном искусстве, музыке, выбор супруга или супруги не случайны. Очевидно, они определяются глубинными особенностями нашей физической или психологической организации. Однако, рассматривая этот вопрос, необходимо принять во внимание два обстоятельства.

1. Как было сказано в главе 1 (параграфы В и Г), моральные нормы не являются вопросом индивидуального или коллективного инстинктивного выбора, субъективного вкуса или социальной обусловленности. Они объективны. Моральное добро или зло каннибализма — это не просто вопрос вкуса или внутренней склонности.

2. У каждого из нас есть свои прихоти и причуды, и каждый из нас испытал в своей жизни разные перипетии. Все эти причуды и перипетии могут толкать нас на нарушение морального или гражданского закона. Однако мы, как человеческие существа, все-таки свободны делать выбор в пользу контроля над своими желаниями и прихотями, выбор в пользу соблюдения социальных норм. Следовательно, мы морально ответственны за это.

Второе из приведенных выше соображений, изложенное в такой резкой форме, может показаться слишком жестким. И далее нам придется его немного видоизменить. Но оно содержит существенный момент смысла, который вкладывается в понятие зрелого человеческого существа (в отличие, скажем, от ребенка или человека с серьезными психическими отклонениями). Этот существенный момент состоит в том, что мы свободны в своем выборе, но именно поэтому морально ответственны за свои действия. Обычно считается, что именно это и можно увидеть при посещении любого судебного разбирательства.

Предположим, что я человек с низким порогом чувствительности и потому легко выхожу из себя. Приступы гнева и раздражения случались со мной неоднократно, и каждый раз я давал себе слово изменить свой характер. Но все напрасно. Если я опять потеряю самообладание и в приступе гнева нанесу тяжелый удар своему соседу, то суд не примет во внимание то, что у меня нет безотносительной свободы и потому — никакого выбора. Суд не может исходить из того, что я не мог поступить иначе, и оправдать меня. Наоборот, суд будет исходить из посылки, что я мог повести себя иначе; он сочтет меня виновным и вынесет мне соответствующий приговор. А если кто-то нападет на меня, то я буду считать, что совершивший нападение также сделал выбор и морально отвечает за свои поступки. В таком случае я буду

ожидать, что суд сочтет его виновным. То же происходит и в семейной жизни. Женщина, которой изменяет муж, не считает, что у него нет свободного выбора и он не может вести себя иначе, а поэтому невиновен.

Таким образом, когда речь идет о нравственности, человеческие существа обычно обладают и свободой спонтанного поведения, и безотносительной свободой.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Конечно, мы должны учитывать тот факт, что существуют разные степени ограниченной дееспособности. Это касается следующих случаев.

1. Серьезные психические отклонения. Если человек с такими отклонениями совершает преступление, то суд обязан разобраться, находился ли он во вменяемом состоянии или нет. Если он находился в невменяемом состоянии, суд не выносит приговор, а направляет его на лечение. Ибо всегда есть надежда, что лечение будет способствовать восстановлению психического здоровья пациента, и после лечения он, возможно, будет способен нести моральную ответственность за свои поступки.

2. Преступление, совершенное под действием наркотиков. Известно, что наркоманы часто идут на преступления, чтобы раздобыть новую дозу наркотиков. Они не могут жить без них, даже если бы захотели. Хотя большинство людей все-таки осознает, что их преступления – это нарушение моральной нормы, они пытаются оправдывать себя тем, что пошли на эти преступления, поскольку у них не было выхода. Те, кто воспринимает наркозависимость как серьезную социальную проблему, никогда не скажут, что совершаемые наркоманами преступления не имеют значения. Люди, подлинно сопереживающие им, предпринимают какие-то меры, чтобы помочь наркоманам вернуться к такому состоянию, когда они могут отвечать за свои поступки и иметь возможность совершать выбор.

3. Сила дурных привычек. Приобретение привычек – это исключительно важный элемент организации человека как социального существа. Когда мы научаемся завязывать шнурки, ходить, говорить, плавать, водить машину и т. п., мы добиваемся определенного автоматизма. Благодаря автоматизму в выполнении рутинных действий мы можем сосредоточиться на других действиях, которые требуют особого внимания и особого напряжения головного мозга. Хорошие моральные привычки увеличивают вероятность правильного морального выбора, а плохие – мешают свободе выбора и мо-

рально ответственному поведению, а иногда и уничтожают их. Кто же в таком случае виноват в ослаблении силы свободы выбора?

4. Наша общая греховность. Согласно Библии, мы принадлежим к падшему роду, поврежденному грехом, причем свойственная нам моральная ущербность передается из поколения в поколение, постоянно уменьшая нашу нравственную свободу. Как было показано в главе 5, в Библии этот опыт характеризуется как общечеловеческий; Бог располагает программой и особой силой, заключенной в Его Духе, предназначенной для достижения свободы от нравственной слабости. Это не означает, конечно, что Библия обещает немедленное освобождение от этой слабости. Но в ней показана возможность этого процесса освобождения.

Следует заметить: ни один из перечисленных выше случаев не перечеркивает того факта, что человеческие существа, какими их изначально создал Бог, имеют свободную волю и могут осуществлять свободный выбор. В жизни каждого человека эти качества могут подвергнуться искажениям, но подобное искажение никого не освобождает от моральной ответственности. Приведем пример.

Человек, которого обвиняют в превышении скорости, предстал перед судом. Судья напоминает ему, что остановившая его полиция предложила ему выйти из машины и пройти прямо по белой линии по середине дороги. Но человек не смог этого сделать: он побрел по неопределенной траектории, покачиваясь из стороны в сторону.

В ответ на это водитель возражает: «Но я просто не мог идти прямо. Я надеюсь, что вы не собираетесь наказывать меня за то, чего я не мог сделать».

«Именно это я и собираюсь сделать», – говорит судья. «Вы сами виноваты, что не смогли пройти по прямой линии. Вы были в нетрезвом состоянии. Вам не следовало пить так много алкоголя, но раз уж вы выпили, то не стоило садиться за руль. Вы пренебрегли этим правилом безопасности и сбили велосипедиста, который умер в результате тяжелой травмы. Поэтому вы должны нести за это ответственность».

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Какие данные подтверждают тезис о том, что люди обладают свободной волей и свободным выбором? Согласны ли вы с этим тезисом?

2. Опишите позицию сторонников крайнего детерминизма. Какие аргументы они используют для доказательства своей точки зрения?

3. Какие практические данные вы можете привести в поддержку тезиса о том, что никто на самом деле не придерживается крайнего детерминизма?

4. В чем смысл таких понятий: а) свобода спонтанного поведения; б) безотносительная свобода? Каково различие между этими понятиями? Проиллюстрируйте ваши соображения практическими примерами.

5. В чем различие между вкусами и культурными условностями, с одной стороны, и моральными нормами – с другой? Как это различие влияет на наши моральные решения?

6. Каков смысл понятия «ограниченная дееспособность»? Как следует относиться к людям с ограниченной дееспособностью?

7. Считаете ли вы, что слабая сила воли и ограниченная свобода выбора с необходимостью освобождают человека от моральной ответственности?

2. СВОБОДНАЯ ВОЛЯ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ НРАВСТВЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ

До сих пор мы приводили аргументы против разных форм детерминизма. Мы говорили о том, что человеческие существа обладают свободой воли и способны на свободный выбор; они обладают как свободой спонтанного поведения, так и безотносительной свободой. Но это опять приводит нас к обсуждению вопроса, который рассматривали ранее: если мы являемся созданиями Всемогущего, Всеведущего и Всеблагого Творца, то как получилось, что Он наделил нас свободной волей, заранее зная, к каким несчастьям и страданиям может привести наша свобода?

Ответ состоит в том, что Бог не хотел, чтобы люди были подобны роботам или разумным животным. Он создал людей нравственными существами. И нет другого способа создать такие существа, кроме как наделить их свободной волей.

Необходимым качеством человека является, прежде всего, нравственное самосознание. Можно, например, научить собаку не таскать мясо со стола. Но вам никогда не удастся внушить собаке, что воровать безнравственно. У собаки нет и никогда не будет морального чувства.

Если кто-то хочет вести себя нравственно, то должен не только понимать различие между добром и злом,

но также обладать свободой воли, чтобы иметь возможность выбирать между добром и злом, принимая решение, как себя вести в той или иной ситуации.

Различие между компьютером и человеческим существом

Между ними существует огромное множество различий. Так, в компьютер закладывают значительный объем данных, которые по мере необходимости можно из него извлекать. Но компьютер не способен понять эти данные, как наглядно показал Джон Серль с помощью своего известного мысленного эксперимента под условным названием «Китайская комната»⁹.

В соответствии с заложенной в него программой, компьютер может дать ответы на вопросы, связанные с моралью. Однако сам он не понимает и не осознает моральных принципов.

Более того, компьютер нельзя считать морально ответственным за свое «поведение» и осуществленный им выбор операций. Если компьютер используется при разработке мин-ловушек, которые приведут к гибели или увечью тысяч детей, то не имеет смысла обвинять компьютер в предосудительном поведении. У него нет свободы воли, и у него не было выбора. Он сделал то, на что был запрограммирован. Он не несет моральной ответственности за свои действия, не является моральным существом.

В отличие от компьютеров, люди, как нам известно, не были запрограммированы своим Творцом. Они обладают способностью выбирать и принимать моральные решения. Более того, они обычно гордятся этим. Вероятно, никто из людей не захотел бы стать гуманоидом, компьютеризированным роботом, даже если была бы такая возможность. Если человек решил, что во имя соблюдения своих моральных принципов пойдет на риск, то обычно он доволен, что к нему относятся как к тому, кто отвечает за свой моральный выбор; ему нравится, когда его за это прославляют. И только тогда, когда человек совершает какой-то абсолютно неприемлемый поступок, он испытывает искушение прикрыться отри-

цанием своей моральной ответственности и сказать: «Я ничего не мог с собой поделать».

3. СВОБОДНАЯ ВОЛЯ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ЛЮБВИ

Другая способность, которая была бы невозможной без свободной воли, — это способность любить. Бог, конечно, мог сделать нас подобными роботам. Но в этом случае мы были бы не способны испытывать сами и дарить другим истинную любовь. Представьте себе, что к вам в комнату входит робот, обнимает вас за шею и говорит: «Я люблю тебя». Понятно, вы либо оттолкнете его, либо засмеетесь над абсурдностью ситуации, либо сделаете то и другое. Ведь робот не понимает, что такое любовь, и даже если бы он как-то это понимал, то не может сам решить, любить вас или нет: он может делать только то, на что его запрограммировал кто-то другой. Он не является независимой личностью. Философ-экзистенциалист и писатель Жан-Поль Сартр прекрасно передает эту идею: «Тот, кто хочет быть любимым, не желает порабощения любимого существа. Он не довольствуется несдерживаемой механической страстью. Он не хочет обладать автоматом, и, если его желают оскорбить, достаточно представить ему страсть любимого как результат психологического детерминизма; любящий почувствует себя обесцененным в своей любви и своем бытии. <...> Случается, что полное порабощение любимого существа убивает любовь любящего. Цель пройдена, любящий вновь остается один, если любимый превращается в автомат»¹⁰.

Итак, созданные Богом мужчины и женщины как нравственные существа способны воспринимать красоту святости их Творца и нравственное совершенство Его характера. Он наделил их также свободной волей и способностью любить, так что они могут по желанию делать выбор в пользу любви, доверия и подчинения своему Творцу, радоваться общению с Богом и близостью к Нему здесь, на Земле, а впоследствии — на Небесах (Иоан.4:22-24).

Но наличие свободной воли у людей неизбежно влечет за собой возможность того, что они могут сделать выбор в пользу зла, отвергнув любовь и даже любовь Бога.

4. АВТОНОМНОСТЬ ПРИРОДЫ КАК НЕОБХОДИМОСТЬ

Теперь обратимся к некоторым необходимым следствиям свободной воли человека для организации природы. Если свободная воля и свободный выбор, которыми Бог наделил человеческие существа, были подлинными, то из этого факта вытекает, что природа должна обладать теми качествами, которые философы называют автономностью (*autonomy*). Предоставим слово Клайву С. Льюису для объяснения данного феномена: «Нам часто кажется, что очень легко общаться двум чистым сознаниям. Но я просто не вижу, как им общаться без внешнего мира, без «среды». Даже смутные наши попытки представить себе общение бестелесных душ предполагают общее пространство и общее время. <...> Для существования человеческого общества необходима нейтральная среда. Она у нас есть. Я могу говорить с вами, потому что мы оба можем посылать друг другу воздушные волны»¹¹.

Затем Льюис указывает, что эта среда и другие нейтральные среды, другими словами — материя, должны обладать определенными фиксированными свойствами (*fixity*), определенной независимостью, или автономией. Представьте себе, будто Бог создал мир таким, что деревянный брусок остается твердым и прочным, если мы используем его в строительстве, но становится мягким и нежным, как трава, если я хочу стукнуть им своего соседа; или, если вы сказали неправду, то звук вашего голоса не распространяется по воздуху. Если довести этот принцип до логического конца, рассуждает Льюис, то «в этом мире не будет... даже помыслов дурных... клетки мозга откажутся их обрабатывать»¹².

Разумеется, при таком состоянии свобода воли и выбора будут практически сведены на «нет».

Таким образом, природа должна обладать определенной автономией, чтобы существовало сообщество людей, наделенных свободной волей, способностью принимать реальные моральные решения и действовать в соответствии со своими решениями. Отсюда следует, что Бог не может устранить потенциал злых замыслов и

поступков без устранения необходимых условий действия свободной воли.

V. АРГУМЕНТЫ ПРОТИВ ТОГО, ЧТО СВОБОДНАЯ ВОЛЯ ЯВЛЯЕТСЯ ПРИЧИНОЙ, ПО КОТОРОЙ БОГ ДОПУСТИЛ ВОЗМОЖНОСТЬ ЗЛА

Философ Дж. Л. Маки рассуждает следующим образом: «Если Господь сотворил людей такими, что, делая свой свободный выбор, они иногда отдают предпочтение добру, а иногда — злу, то почему Он не сотворил их такими, чтобы они всегда отдавали предпочтение добру? Если не является логически невозможным то, что человек свободно выбирает добро в нескольких ситуациях, не может быть логически невозможным то, что он свободно выберет добро в каждой ситуации. Таким образом, перед Богом не стоял выбор между тем, чтобы сотворить невинные автоматы, и тем, чтобы сотворить существа, которые, действуя свободно, иногда совершают неправильные поступки. На самом деле, скорее всего, перед Ним открывалась лучшая возможность: сотворить существа, которые всегда действуют свободно и в то же время совершают правильные поступки. Очевидно, то, что Он не воспользовался этой возможностью, противоречит тому, что Он является одновременно и Всемогущим и Всеблагим»¹³.

В своих рассуждениях Маки упустил из виду одно чрезвычайно важное обстоятельство. Очевидно, он подразумевает какие-то обыденные ситуации, когда человек думает так: «Как мне вести себя сегодня с бабушкой? Помочь ей или нет?». Маки считает, что если существует Всемогущий Бог, то Он мог бы сотворить мир, в котором я свободно делал бы выбор в пользу добрых дел, например, каждый день помогал бы своей бабушке. Но Маки совершенно не учитывает, что принципиально важными являются не каждодневные ситуации выбора и принимаемые нами решения, а более фундаментальные отношения между человеческими существами и Богом: свободны ли они сказать Богу «нет» или не свободны. Здесь важно следующее: если, как говорит Сартр, любовь должна быть наполнена смыслом, тогда

любовь к Богу должна быть свободным, а это означает — осознанным ответом человеческого сердца. У человека должен быть реальный выбор: любить Бога или нет. Бог не мог создать человека таким, чтобы он, не имея никакого выбора, а просто в силу своей природы неизбежно предпочел бы любить Бога. Это было бы явным противоречием. Такая ситуация наглядно описана в известном рассказе книги Бытие. В нем говорится о том, как сначала Господь поместил человека в прекрасный сад и сказал ему: «...от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Быт.2:17). В этом тексте просто, но глубоко показаны те характеристики, которые определяют, что такое человеческое существо. Бог объяснил людям, что они могли есть, то есть границу дозволенного. Он не дал им разрешения пересекать эту границу, но они были наделены свободой пересечь ее. Если все дозволено и ничего не запрещено, то не существует границ и не существует отношений. Существование границы определяет возможность отношений. Но определенная Богом граница не была физическим барьером, который невозможно преодолеть. Они могли ее пересечь. Таково пространство и нравственности: оно должно быть отделено границей, но человек владеет свободой пересекать ее.

Таким образом, смысл свободной воли состоит в том, любят ли люди Бога и подчиняются ли Ему. Смысл свободной воли не только в том, доброжелательны ли люди друг к другу, какими бы важными ни были их отношения между собой. Бог не мог сотворить нас такими, чтобы мы автоматически подчинялись Его воле. Ведь самым важным как раз и является вопрос о том, принимаем ли мы самостоятельное решение: любить Его или нет, подчиняться Ему или нет, исполнять Его волю или нет? Бог не тиран. Мы должны быть свободны в своем выборе. Он не заставляет нас любить Его и подчиняться Ему. Это подлинная свобода, которой Бог наделил человечество, и Он никогда не отступит от принципов этой свободы.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Какие следствия вытекают из мысли о том, что Бог должен был создать человеческие существа, не способными на зло?

2. Каково различие между новейшей моделью компьютера и человеческим существом? Как мысленный эксперимент Серля под названием «Китайская комната» иллюстрирует это различие?

3. «Люди наделены нравственным началом, тогда как компьютеры его не имеют». Объясните, почему.

4. Верно ли, что человеческие существа возмущаются, если к ним относятся как к механизмам или животным? Если это так, то почему?

5. Чем отличается отношение людей к свободной воле и моральной ответственности в двух разных ситуациях:

а) когда они совершают хороший поступок?

б) когда они совершают дурной поступок?

Какой вывод можно сделать из этого различия? Можно ли сделать вывод о том, что люди выступают против свободной воли и вытекающей из нее моральной ответственности?

6. Согласны ли вы с Сартром в том, что подлинно зрелая любовь невозможна без свободной воли?

7. Обсудите следующее рассуждение: «Бог не является тираном. Он наделил нас свободной волей и способностью делать выбор, чтобы мы могли решить – любить Его и подчиняться Ему или нет».

8. Что имеется в виду под словами «подлинная автономность природы»?

9. Почему свободная воля человека и его способность делать свободный выбор требуют определенных фиксированных свойств (fixity) природных объектов? Каковы следствия этой ситуации для возможности использования природы в дурных целях?

10. Оцените последовательность аргументации Дж. Л. Маки (см. приведенный выше отрывок из его статьи).

11. «Если вы делаете выбор в пользу неповиновения Богу, то вы тем самым естественно делаете выбор в пользу зла». Почему это так?

VI. ПОЧЕМУ БОГ НЕ ВМЕШИВАЕТСЯ, КОГДА НУЖНО ОСТАНОВИТЬ ЗЛО?

Итак, мы говорили: для определения человеком морали, Бог должен был, во-первых, наделить его свободной волей и способностью свободного выбора. А, во-вторых, дав ему свободную волю и свободный вы-

бор, Он тем самым создал принципиальную возможность использования человеком свободы для выбора зла.

Но, даже допустив все это, мы должны разрешить вопрос, волнующий многих: поскольку такое огромное число людей на протяжении истории неправильно использовало данную Богом свободную волю и творило зло своим практически невинным собратьям, а многие люди и сегодня продолжают делать зло, — не несет ли Бог за это ответственности? Почему Он не вмешивается, чтобы остановить зло и искоренить носителей зла, дабы оставшиеся невинные люди могли спокойно пребывать в мире и радости?

Этот вопрос не лишен оснований. Однако если задуматься над ним всерьез, то оказывается, что он чрезвычайно сложен и ответ на него требует целой совокупности аргументов¹⁴. *Краткий ответ* на этот вопрос может быть таким: на самом деле, Бог не раз вмешивался в ход событий в прошлом и будет вмешиваться в грядущие исторические события.

1. ВМЕШАТЕЛЬСТВО БОГА В ХОД СОБЫТИЙ В ПРОШЛОМ

Сам Христос указывал, что на определенной стадии исторического процесса, когда мировое зло превратилось в разъедающую весь мир раковую опухоль, Господь уничтожил все человечество (за исключением восьми людей), устроив мировой потоп (Матф.24:37-39; Быт.6-8)¹⁵. Аналогичная судьба постигла два города — Содом и Гоморру, жители которых погрязли в распутстве. Когда терпение Божье было исчерпано, Он использовал природные силы и испепелил всю принадлежавшую этим городам территорию (Быт.19; Луки 17:28-30). И то, что Он уже делал раньше, Бог повторит опять. Так говорит Христос.

2. ПРОБЛЕМА СУДА, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОГО БЕЗ УЧЕТА РАЗЛИЧИЙ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ

Однако существует проблема, о которой в Библии говорится в связи с Содомом и Гоморрой (Быт.18:23-32). Когда грехом и злом заражено все общество, как может справедливый Бог уничтожить страшных греш-

ников вместе со сравнительно невинными людьми? В таком маленьком городе, как Содом, достаточно легко было бы сделать так, чтобы относительно невинные люди избежали всеобщей казни.

Здесь следует вспомнить, что иногда страшное зло поражает целые государства, нации, империи. И в этом случае миллионы людей оказываются в той или иной мере вовлеченными в жестокую политику своих правителей. Школьным учителям приходилось вбивать в головы своих учеников человеконенавистнические идеи фашизма и геноцида гитлеровской Германии, или кощунственные атеистические лозунги, как это было в Советском Союзе. Под воздействием грубой силы или псевдопатриотической пропаганды людям приходилось ввязываться в жестокие идеологические войны, ведущиеся с целью империалистической экспансии. Университетские профессора вовлекаются в идеологическое действо интерпретации истории, направленной против истины и даже естествознания, осуществляемое политическим руководством страны. Почитаемые обществом профессионалы высокого класса оказываются работниками международных торговых организаций, которые за спиной своего персонала эксплуатируют страны Третьего мира, навязывая их населению рабские условия труда. Как при таких обстоятельствах справедливый Бог может, уничтожая виновных в преступлениях, не уничтожать массы сравнительно невинных (хотя все-таки грешных) людей?

3. БЕСПРИСТРАСТНОСТЬ БОГА

«Но именно в этом и состоит проблема, — возразят наши оппоненты. — Если Господь абсолютно Мудр и Всемогущ, то Ему, наверное, под силу оценить каждого, наказать виновного и оставить в покое невиновного. Почему же Он этого не делает?»

Представим себе, что Он это сделал. Предположим, что именно сегодня Он расправился с плохими и грешными людьми во всем мире, без всякого исключения. Попробуем честно оценить, где Он должен положить границу этого суда и сколько людей при этом уцелеет. Как провести границу между плохими и хорошими людьми?

ми? Как оценить, кто плохой, а кто — хороший? «Нужно избавиться от капиталистов, — говорят коммунисты, — и тогда мы окажемся в мире прекрасных людей». Капиталисты же говорят прямо противоположное. А если перевести это обсуждение на уровень отдельных людей, то что скажет Бог о нас?

Никто из нас не может обсуждать проблему зла, считая, что она напрямую нас не касается и мы можем оставаться в позиции наблюдателя. Английский писатель Г. К. Честертон однажды получил письмо от редактора ведущей английской газеты, в котором тот просил Честертона ответить на вопрос: «В чем порочность этого мира?» Знаменитый ответ Честертона был столь же краток, сколь и блестящ: «Дорогой сэръ! Она — во мне. Преданный Вам, Г. К. Честертон». Он был готов честно и открыто сказать все, что мы тоже знаем, но обычно храним в глубине своего сердца¹⁶. Мы тоже вносим свой «вклад» в порочность этого мира. И только осознав это обстоятельство, начинаем смотреть на проблему зла более честно и разумно. Мы говорим себе: «Я ношу в себе злые мысли и совершаю злые дела. Если существует Бог, почему Он терпит меня?». И Он действительно нас терпит. Но почему?

Отсюда вытекает масса вопросов. Например, что такое покаяние? И в чем именно мы должны покаяться? И если мы действительно обладаем свободой воли, то с помощью какого процесса или процессов Бог приводит нас к покаянию?

1. Покаяние — это результат свободного нравственного суждения человека о природе зла.

Чтобы понять, что это означает, представим себе следующую ситуацию. Предположим, я вижу слиток золота и хочу им владеть. Я уже воображаю себе массу прекрасных возможностей, которые у меня возникнут, если я им завладею. Но единственный путь завладеть этим слитком — это украсть его. В то же время меня научили, что красть плохо. Хотя в тот момент, когда я думаю, каким богатым и могущественным могу стать, нравственность для меня уже не имеет значения. Мне известно, что этот кусок желтого металла находится

под высоким напряжением. Одно прикосновение к нему — и я умру. Поэтому я и не пытаюсь украсть слиток.

Означает ли это, что, воздерживаясь от кражи, я веду себя нравственно? Конечно, нет. Я воздерживаюсь от кражи не по своим убеждениям: воровать плохо, а просто потому, что не хочу погибнуть. В этой ситуации мною движет исключительно осторожность. Но возможна и другая ситуация: когда, воздерживаясь от кражи, я принимаю нравственное решение. Это может быть тогда, когда я убежден, что воровство — нарушение моральной нормы. В таком случае я не украду золотой слиток, даже если через него не пропущен электрический ток.

Проверка через невидимость

В сочинении Платона «Государство» (Книга II, 359b-362) один из персонажей по имени Главкон развивает мысль о том, что бо́льшая часть людей внешне восхваляет справедливость, но в глубине сердца считает, что несправедливость выгоднее. Он иллюстрирует свою мысль, напоминая читателям рассказ о некоем предке человека по имени Лид, который объявил, что нашел волшебный перстень и носит его на пальце. Он обнаружил, что, повернув перстень определенным образом, он становится невидимым для всех вокруг и может делать все, что пожелает. Повернув перстень в другую сторону, Лид опять становится видимым. Используя такое свойство перстня, он время от времени становился невидимым и совершал всякого рода преступления, включая цареубийство и прелюбодеяние, оставаясь при этом безнаказанным. Со временем Лид приобрел большое влияние и уважение в обществе, ибо, оставаясь видимым, всегда действовал справедливо и совершал благие поступки.

Главкон говорит, что значительная часть людей поступает как упомянутый Лид. Единственная причина, которая заставляет их вести себя правильно и быть справедливыми, — это желание иметь репутацию хорошего человека. Если бы в своих злодеяниях люди могли оставаться невидимыми, они без колебаний стали бы наживаться на грабежах и взятках. Более того, человека, который, имея возможность оставаться невидимым, от-

казался бы поступать несправедливо на том основании, что несправедливость всегда приносит зло и вред, они сочли бы «жалким и неразумным».

Далее Главкон утверждает, что при текущем состоянии дел в мире, если кто-то при любых обстоятельствах и захотел бы вести себя абсолютно справедливо на том основании, что несправедливость — это зло, то мир торговли, политики и даже спорта обернулся бы для него горьким опытом: «...столь справедливый человек подвергнется бичеванию, пытке на дыбе; на него наложат оковы, выжгут ему глаза, а в конце концов, после всяческих мучений, посадят на кол, и он поймет, что людям желательно не быть, а лишь казаться справедливыми» (361e-362a)¹⁷.

Очевидно, Главкон допускает здесь преувеличение, в чем и сам сознается. Однако в его словах гораздо больше правды, чем кажется на первый взгляд. Так, в наши дни случается, что молодой человек, одержимый страстью к деньгам и власти, становится членом преступной группировки. Со временем он начинает осознавать, что убийства соперников, обездоливание их жен и детей — большое зло. У него даже появляется желание уйти из банды. Но это не так-то просто сделать, поскольку это уже сопряжено с опасностью для собственной жизни. Если он и откажется участвовать в делах банды, постарается уйти из нее и начнет давать показания против своих бывших товарищей в суде, то может погибнуть от их рук.

Понимание зла посредством осознания его последствий

Итак, мы познаем природу зла, столкнувшись с его последствиями. Когда человек жил еще в Эдемском саду, то был предупрежден не есть с древа познания добра и зла, ибо, послушавшись этого запрета, он умрет. Однако, не подчинившись Богу, человек не был немедленно уничтожен, так как это перечеркнуло бы принцип свободной воли. Ему было позволено жить дальше. Но Бог — это средоточие всех благ. Поэтому не может быть альтернативного рая, то есть рая без Бога для тех, кто Его отвергает, пренебрегает Его словом и властью. Человек должен был познать на опыте, что значит отвергнуть Божье предписание. Он дол-

жен был узнать, что выбор в пользу зла вносит в его жизнь тень и мрак, отчуждение от Бога, чувство стыда, вины, страха, страдание и в конечном итоге — смерть.

Более того, мы познаем природу зла, не только испытывая страдания сами, но и принося страдание другим. Человек, поддавшийся соблазну власти и денег и вступивший в банду, рано или поздно начинает мучиться угрызениями совести за совершенные преступления. Другой может осознать все совершаемое им зло, стоя над свежей могилой своей матери, не выдержавшей позора преступлений сына. И, конечно, величайшее проявление последствий зла во всей истории человечества — это распятие Сына Божьего. Благоднейшая из всех когда-либо живших на земле Личность, Человек, учивший святости, справедливости и любви, живший бескорыстной и безгрешной жизнью, твердо стоящий за правду и истину, был, как и предсказал Главкон, подвергнут бичеванию, измучен и распят. Христиане, по крайней мере, не возводят прямое обвинение за эту смерть на людей, которые казнили Его в те далекие времена. Они видят в распятии Сына Божьего следствие греховности и зла, которыми поражено в меньшей или большей степени каждое человеческое существо. «Где были вы, — спрашивается в негритянском религиозном гимне, — когда распинали моего Господа?»

Продиктованное личным опытом покаяние — это решение человека, наделенного свободной волей, смысл которого в моральном суждении о природе зла, совершаемого как им самим, так и другими людьми. Покаяние означает согласие с Богом в осуждении и отвержении зла.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Почему большим упрощением следует считать утверждение о том, что Бог должен просто уничтожить зло и оставить только добро?

2. Почему полная и честная оценка грехов человека произойдет только во время страшного Суда?

3. Почему для нас опасно обсуждать мировое зло с позиций зрителей?

4. Если бы редактор газеты обратился к вам с вопросом, который был задан Г. К. Честертону, что бы вы ответили? Присоединились бы вы к ответу Честертона?

5. Прочитайте Гал.5:19-21 и сопоставьте перечисляемые там «дела плоти» и собственное поведение.

6. Человек не решается украсть золотой слиток, так как ему известно, что он подсоединен к электрическому току. Можно ли назвать это подлинно нравственным поступком? Если нет, то почему? В каком случае решение человека было бы подлинно нравственным поступком?

7. Какую идею вкладывает персонаж Платона Главкон в рассказе о Лиде?

8. Согласны ли вы с тем, что многие люди, которые не хотят прослыть преступниками, стали бы нарушать закон, если бы были уверены, что их преступления никогда не будут преданы огласке? Смогли бы вы совершить неприглядный поступок ради собственной выгоды, если бы знали, что он никогда не станет известен другим? Верно ли, что некоторые люди сознательно обрекают себя на неприятности, даже страдания и преследования, потому что не хотят вступать в сговор со злом?

9. Прокомментируйте высказывание: «Человечество должно понять природу зла путем испытания на своем опыте его последствий».

10. Верно ли, что мы узнаем природу зла, не только испытывая на себе последствия неправильных поступков других людей, но и осознавая, какими страданиями оборачиваются для других наши плохие поступки?

11. Видите ли вы какую-нибудь связь между предсказаниями Главкона и тем, что произошло с Иисусом Христом?

12. Поясните такое высказывание: «Крестные муки Христа показывают природу зла, которое коренится в сердце каждого человека»?

2. Покаяние — это порожденное опытом признание того, что человек без помощи Бога не может победить зло.

Рассказ об искушении человека в Эдемском саду может еще раз послужить нам инструментом анализа. Итак, сначала человек в Эдемском саду был невинным. Он никогда не сталкивался со злом и должен был полагаться на авторитет Бога в определении того, что есть зло. Ему было запрещено есть с древа познания добра и зла. Это совсем не означало, что Бог планировал вечно держать человека в состоянии невинности. Сравним этот факт с нашим отношением к детям.

Рассмотрим простой пример. У фермера есть ружье для защиты от нападения и для охоты. Он держит его в закрытой кладовке и строго-настрого запрещает своему

десятилетнему сыну заходить в кладовку и брать ружье. Мальчик еще не умеет обращаться с ружьем, потому не исключено, что если он до него доберется, это может привести к самым страшным последствиям. Но постепенно мальчик становится взрослым, и отец под своим строгим наблюдением начинает учить его, как следует пользоваться ружьем, чтобы не причинить вреда себе и другим людям. Однажды мальчик нарушает запрет отца, берет ружье и нечаянно убивает свою сестру. Так, на своем опыте мальчик узнал зло в двух его проявлениях. Во-первых, он убил свою сестру и, во-вторых, проигнорировав авторитет отца, вызвал отчуждение между ним и собой.

То же произошло с Адамом и Евой. Вместо того чтобы довериться авторитету Бога и подождать, пока Он под Своим строгим контролем научит их, что такое зло и как вести себя перед его лицом так, чтобы оно не раздавило человека, они отвергли Слово Бога и Его авторитет, решив познать добро и зло независимо от Бога. Так они раньше времени столкнулись с последствиями зла: чувством вины, отчуждением от Бога и страданием от мысли, что им теперь придется всю жизнь вести неравную борьбу со злом.

Бог продолжает нравственное воспитание человечества

Но Бог не оставил людей и не отказался от Своей цели добиться нравственного совершенства всего человечества. Одной из составляющих этого замысла является то, что теперь человечество должно *само* постоянно бороться против зла. Для этого оно обязано создать механизмы управления (поскольку анархия оказывается непрактичной) и правовые системы. Оно создало их при поддержке Бога, говорится в Библии (Римл.13:1-7). И, разумеется, Бог научает христиан подчиняться законному правительству и молиться за своих правителей.

Это, конечно, не означает, что любое правительство совершенно и одобрено Божественным авторитетом. Нередко бывает, что правители превращаются в тиранов и своей политикой зла и насилия либо отрицают Божественный авторитет, либо приписывают его себе.

Немалая часть страданий человека — это болезненный опыт, связанный с попытками определить наилучший тип государственного управления. Но несмотря на то что иногда вместо борьбы со злом органы управления сами становились и становятся источником зла, человечество в своей борьбе против зла не может обойтись без государственного управления. И каждый из нас должен быть благодарен за обеспечиваемые правительством мир, безопасность и благосостояние, даже если они несовершенны. Если же государственное управление подорвано, становится очевидным, какой вред может принести людям зло, когда его нельзя ограничить и сдержать.

Все это лишний раз свидетельствует о том, что надежда на эволюционные процессы как средства разрешения проблемы мирового зла без вмешательства Бога является лишь иллюзией.

Уроки, усваиваемые из опыта

В прошлом веке ученые совершили значительный прорыв, сначала проведя расщепление атомного ядра, а затем осуществив неуправляемый ядерный синтез. В обоих случаях выделяется огромное количество энергии. Однако первое практическое применение этого открытия было направлено не на мирные цели, а на уничтожение сотен тысяч людей. После этого за несколько десятилетий на Востоке и Западе были изготовлены тысячи ядерных боеголовок, производство которых подрывало экономику и нагнетало напряженность в международных отношениях. Страны-изготовители боеголовок считали, что это единственный способ защиты от противников. Множество этих боеголовок не просто сохраняются на складах и в хранилищах, но и постепенно разлагаются, что является как действительным, так и потенциальным источником генетических нарушений, болезней и смерти. Аналогичную опасность таят в себе атомные станции. К тому же, сохраняется постоянная опасность того, что нестабильные политические режимы и террористические организации однажды воспользуются атомным оружием массового уничтожения. Таким образом, развитие атомной промышленности и на-

учных исследований, которые лежат в ее основе, не привело к заметному снижению зла в нашем мире.

В XX в. голод, одной из причин которого явилась жестокая гражданская война, уничтожил тысячи жителей Эфиопии. В то же время на Западе применение прогрессивных сельскохозяйственных технологий привело к производству огромного количества круп, мяса и масла, в которых страны этого региона не испытывали нужды, и они заполнили многочисленные продовольственные склады. Но когда люди тысячами умирали в Эфиопии, европейские страны в течение долгого времени отказывались поделить свои избыточные запасы с голодающими под тем предлогом, что *это может нанести ущерб экономике европейских стран!*

Следует также отметить, что миллионы долларов, полученные так называемыми странами Третьего мира в качестве международной помощи, осели в карманах коррумпированных диктаторов, которые поместили значительные суммы на счетах зарубежных банков, чем обрекли свои народы на убожество и нищету.

За последние пятьдесят лет благодаря техническому и экономическому прогрессу чрезвычайно поднялся уровень жизни в промышленно развитых странах. В тех же странах, гордящихся своими демократическими политическими системами и принципиальной позицией в области прав человека, промышленники наживают огромные состояния на производстве миллионов мин-ловушек. Они продают их в такие страны, как Ангола и Афганистан и другие, где, подорвавшись на минах, калечатся и погибают тысячи невинных людей, включая детей. Производители мин и их правительства стремятся обосновать подобную практику такими рассуждениями: «Если бы мы не продавали оружие и мины-ловушки в эти страны, то их продавали бы другие страны. Таким образом, мы имеем на это право, тем более что это помогает поддерживать определенный уровень занятости населения в нашей стране».

Некоторые экономисты видят способ разрешения мировых экономических проблем в глобализации торговли. Уже существует ряд гигантских международных торговых корпораций, годовые бюджеты которых превышают

государственный бюджет многих маленьких стран. Их влияние на правительства огромно, тогда как возможность их контролировать проблематична. Недавно директора двух таких гигантских конгломератов были уличены в систематической фальсификации своих счетов, производившейся при потворстве известных международных финансовых компаний. Фальсифицированные оценки отличались от реальных счетов на миллиарды долларов.

Из этих примеров становится очевидным, что необходимость борьбы с человеческой жадностью, коррупцией и злом не стала меньше с прогрессом цивилизации, науки, техники и экономики. Если бы ведущие государства мира доверяли друг другу, то огромные финансовые средства, используемые на национальную оборону, могли быть потрачены на коллективные усилия по искоренению бедности и болезней, борьбу с последствиями природных катастроф. Но они не доверяют друг другу. И было бы наивным предположить, что когда-либо достигнут состояния доверия.

Разумеется, такая ситуация не является основанием для прекращения борьбы со злом. Но она свидетельствует о необходимости глубокого преобразования сознания, которое Библия называет покаянием. Оно состоит, во-первых, в признании того, что фундаментальная причина зла, в котором погрязло человечество, обусловлена его отчуждением и независимостью от Бога, сознательным отрицанием Его законов; и, во-вторых, в допущении того, что человечество не может самостоятельно и отдельно от Бога избавиться от зла. Бог предназначал будущее Земли, но для достижения этого будущего необходимо соблюсти условия, описанные в Библии: «...Бог ныне повелевает людям всем повсюду покаяться; ибо Он назначил день, в который будет праведно судить вселенную, посредством предопределенного Им Мужа, подав удостоверение всем, воскресив Его из мертвых» (Деян.17:30,31).

КОНТРОЛЬНОЕ ЗАДАНИЕ

Проведите в классе дебаты для обсуждения следующего тезиса: «Ввиду нравственного прогресса, которого достигло чело-

вечество за последние четыре тысячелетия, можно быть уверенными в том, что через сравнительно короткое время человечество преодолеет и искоренит зло».

Для проведения дебатов необходимо сформировать две небольшие группы. Одна группа приводит доводы «за» данный тезис, а другая – «против» тезиса. Группы должны принимать во внимание комментарии других учащихся. В заключение дебатов класс будет голосованием определять, кто представил более убедительные доказательства.

VII. СУД БОГА НАД МИРОМ

Идея о том, что грядет День Божьего Суда над человечеством, не всеми и не всегда воспринимается с энтузиазмом. Но в поэтических строках Псалтыри ожидание этого дня описывается как ожидание великой радости, как день, который все творение будет приветствовать торжественно и с благодарностью:

«Да веселятся небеса, и да торжествует земля; да шумит море и что́ наполняет его. Да радуется поле и все, что́ на нем, и да ликуют все деревья дубравные пред лицом Господа; ибо идет, ибо идет судить землю. Он будет судить вселенную по правде, и народы — по истине Своей» (Псал.95:11-13).

Почему нужно радоваться, ожидая Суда Господнего? Эта радость не связана с вульгарным чувством мести врагам. Она продиктована уверенностью в том, что Суд Божий — это торжество справедливости. Зло будет уничтожено. Божье творение освободится от цепей разврата и разложения, от страданий и тоски. Земля в гармонии с Небесами всецело подчинится служению целям Своего Творца. На всей Земле воцарится праведность и наступит мир. Почему же не радоваться и не торжествовать? Какой серьезный человек не захочет, чтобы зло навечно исчезло?

Однако в позиции некоторых людей по этому вопросу появляются странные противоречия. Иногда они говорят, что не верят в существование Бога. Почему не верят? Потому, заявляют они, что Всемогущий, Всеведущий и Всеблагый Господь не должен допустить существование зла. Но если в ответ на это соображение мы говорим, что Бог собирается судить мир, воздать долж-

ное праведникам, наказать нераскаявшихся грешников, положить конец злу, то те же люди возражают и против такого поворота событий. Они не хотят, чтобы наступил страшный Суд.

К этой категории людей принадлежит и герой Достоевского Иван Карамазов. Он не может согласиться с мыслью о том, что «грандиозное здание всеобщей гармонии будет построено на не отомщенной слезинке одного-единственного ребенка». И с такой же категоричностью отрицает любую идею Божьего отмщения. Для него лучше, чтобы все совершенные им неправильные поступки оказались не отомщенными, и потому он возвращает Богу билет в райскую жизнь.

Откуда происходит это странное противоречие в отношении людей к Божьему Суду?

Одно из возможных объяснений состоит в следующем. Люди, мечтая об искоренении зла, тем не менее прекрасно осознают, что сами они тоже являются носителями зла. И поэтому, вслед за Лукрецием, считают, что все оканчивается смертью, разрушением тела, и никакого суда, на котором предстоит дать ответ за содеянные злодеяния, не будет. Им не хочется задумываться над тем, что неправильное применение свободы воли может повлечь за собой вечные последствия.

ТИПИЧНАЯ ОШИБКА В ПОНИМАНИИ ТОГО, ЧТО ТАКОЕ ПРОЩЕНИЕ

Другая причина, по которой люди возражают против идеи Божьего Суда, состоит в том, что, по их мнению, она противоречит представлению о том, что Бог прощает людей и требует, чтобы христиане также прощали друг друга.

Действительно, Христос никогда не мстил и не угрожал тем, кто Его распял. Приняв страдания и не предприняв никаких актов мщения, Он даровал Своим преследователям время и возможности для покаяния, чтобы они могли обрести прощение благодаря Его искупительным страданиям (1Петр.2:21-24). Однако в этом же отрывке говорится, что, страдая, Он «не угрожал, но предавал то Судии Праведному». А идя с крестом, на котором Его

распяли, Он предупреждал иерусалимских женщин о Суде, который грозит тем, кто, руководствуясь собственными нормами справедливости, распял своего Мессию-Царя, если, конечно, они не покаются (Луки 23:34).

Известно, что Христос ходатайствовал перед Отцом о прощении непосредственных исполнителей Его казни, а именно солдат, которые прибивали Его руки и ноги ко кресту. Но важно отметить, на каком основании Он молил об их прощении: «...Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Луки 23:34). Ведь они просто исполняли свой долг как римские солдаты. Совершенно иной была ситуация для людей, знающих, что́ они делают, и не покаявшихся в своих недостойных делах. Христос призывает и Своих последователей к прощению тех, кто причинил им вред, подчеркивая, чтобы при этом они соблюдали определенные условия: «Если же согрешит против тебя брат твой, выговори ему; и если покается, прости ему; и если семь раз в день согрешит против тебя и семь раз в день обратится, и скажет: «каюсь», — прости ему» (Луки 17:3,4). В этом высказывании определяется важнейшее условие покаяния. Нам не следует держать в своем сердце зла, мы должны проявлять доброту даже по отношению к тем, кто нас преследует, и должны всегда быть готовыми прощать. Но нельзя прощать грех, в котором человек не раскаялся. Если такой грех будет прощен, это будет означать, что мы потворствуем ему. Сказанное относится и к прощению, даваемому Богом. Его благость и доброта к нам ведет к покаянию, но если мы не раскаиваемся, происходит то, о чем говорит Апостол Павел в Послании к римлянам: «...по упорству твоему и нераскаянному сердцу, ты сам себе собираешь гнев на день гнева и откровения праведного суда от Бога...» (Римл.2:5).

Есть еще одно соображение, в силу которого Бог будет, в конце концов, решать проблему зла. Оно заключается в том, что именно Бог сотворил Землю и владеет ею, и потому не может оставаться равнодушным, пока зло отравляет планету и уничтожает сотворенные Им существа. Он, конечно, наделил Свои творения свободной волей. Но эта свободная воля не позволяет человеку устра-

нять Бога из Его собственной Вселенной и устанавливать барьеры, которые бы преграждали Ему путь обратно. Таким образом, неизбежно настанет такой день, когда Он утвердит Свои права Творца, произведет Свой Суд, затем начнет Свой труд нового развития творения.

СУД БОГА: ФУНКЦИЯ ЕГО ЛЮБВИ

Наше врожденное чувство справедливости не может не согласиться с библейскими пророчествами, которые гласят, что не в последнюю очередь страшный Суд будет вершиться ради невинных жертв зла. Неужели кто-то всерьез думает, что за зло геноцида в Камбодже и Руанде никто не будет призван к ответу? Неужели кто-то действительно считает: если злое деяние уже отошло в прошлое, его несправедливость никогда не будет отомщена? Неужели можно считать, что вина за злой поступок с течением времени снимается? Если бы за все злодеяния совершившим их людям не пришлось предстать перед Божьим Судом, это было бы не только ужасно, но и несовместимо с тем фактом, что Небесный Бог — это Бог любви. Ведь учение о гневе и Суде Божьем вытекает из Его Любви. Бог, Который рано или поздно не наносит удар по злу и не воздает должное каждому, не был бы Богом Любви. Стефан Нейл пишет об этом так: «Самый лучший способ понять учение о гневе Божьем — это анализ альтернатив. Альтернатива гневу — не любовь, если она правильно понята; любовь и гнев — это лицо и изнанка одной и той же вещи... Альтернатива гневу — это равнодушие по отношению к противоречиям и конфликтам мира... Жизнь в таком мире кошмарна. Только учение о гневе Божьем, Его непримиримость по отношению к любому злу делает человеческую жизнь в нашем мире терпимой»¹⁸.

Предположим, что, ведя машину в нетрезвом состоянии, я сбил юношу, который умер в результате тяжелой травмы. Маловероятно, что его родные скажут: «Ну, что ж... Он умер. Теперь это не имеет значения», — ведь это будет говорить только о том, что родственники никогда его не любили. Несколько месяцев спустя люди забудут об этом трагическом происшествии, а знакомые будут

советовать его родственникам, чтобы они не думали о том, чего уже нельзя исправить. Однако Бог никогда не займет такую позицию, потому что Он любит этого юношу. И если я не покаюсь в своем греховном деянии, которое повлекло его смерть, то Бог запомнит этот поступок навечно, поскольку Он не может сказать, что мой поступок «уже не имеет значения». Ведь Он никогда не переставал любить погибшего юношу.

VIII. КАК МОЖНО ВЕРИТЬ В БОГА, КОТОРЫЙ (НЕ СПРАШИВАЯ НАС) САМ НАДЕЛИЛ НАС СВОБОДНОЙ ВОЛЕЙ, А ЗАТЕМ ПОСТОЯННО НАКАЗЫВАЕТ ЗА ТО, ЧТО МЫ ИСПОЛЬЗУЕМ ЕЕ НЕ ТАК, КАК ОН НАМ ПРЕДПИСЫВАЕТ?

Каждый из нас, конечно, много раз использовал свободную волю в целях, противоречащих Божьим Заповедям. Краткий ответ на заданный в заглавии вопрос гласит: задолго до того, как Бог создал человечество и дал ему свободную волю, Он предусмотрел систему безопасности для человека. Эта система должна предохранять от непоправимого ущерба любого, кто много раз использовал свою свободную волю во вред себе и другим и таким образом действовал вопреки Богу. Какими средствами Бог мог бы подвести человека к тому, чтобы он принял свободное решение прибегнуть к этой системе безопасности? Здесь могут сыграть роль два обстоятельства: с одной стороны, последствия зла, испытываемые человеком, который использовал свою свободную волю, чтобы отвергнуть Слово Божье, и с другой — не иссякающая, вопреки человеческому бунту, любовь Бога к человечеству.

Итак, мы подходим к центральному вопросу, который связан с использованием человеком его свободной воли. Это вопрос о том, можно ли, с точки зрения человека, доверять Богу? Стоит ли любить Бога? Чтобы убедиться в том, что это возможно, и увидеть, *как* это возможно, обратимся еще раз к рассказу из книги Бытие.

Когда Адам и Ева воспользовались своей свободной волей, чтобы съесть запретный плод, то это произошло не просто как произвольное, ничем не мотивированное нарушение Божьего запрета. Они решились на этот по-

ступок, так как поверили клевете на характер Бога, которую им внушил змей-искуситель. «Единственная причина, по которой Бог запретил вам не есть с дерева познания, — сказал им змей, — это Его стремление держать вас у Себя в подчинении. Именно поэтому Он пытается запугать вас с помощью басни, что, поев плодов с этого дерева, вы умрете. Все это ерунда. Вы не умрете. На самом деле, вы будете подобны Богу и будете знать, что такое добро и зло; вы больше не будете зависеть от Божьих власти и авторитета, если захотите узнать, что такое добро, а что такое зло. Боритесь за свою свободу. Не давайте Богу держать себя в подчинении. Будьте, как Бог». Эти слова опьянили людей, они поверили клевете на Бога и вкусили плод. Так человек попал в рабство злу и силам тьмы.

ОТВЕТ БОГА: БОГ ДОЛЖЕН СТАТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

Каким образом Бог, не лишая человека свободной воли, может вернуть его доверие и любовь к Себе? Как Он сделает Свое творение опять послушным Себе? Сначала Он объявил Адаму и Еве, что не намеревается оставить человеческий род. Совсем нет. Придет время и Потомок женщины, Один из членов человеческого рода, освободит человечество от искушений и клеветы сил зла. Провозглашая такое обещание, Бог имел в виду то, о чем повествует Новый Завет, — воплощение Сына Божьего. В ответ на неразумное предложение сатаны, чтобы человек постарался стать подобным Богу, — Бог станет Человеком. Представляя Бога, Богочеловек должен будет пережить ярость и вражду, которые испытывают в себе злые люди против всего святого. Они распнут Его, как прозорливо предсказал Главкон. Но Бог будет продолжать их любить.

В то же время, представляя людей перед Богом, Сын Человеческий, будучи безгрешным, на кресте добровольно испытает на Себе гнев Бога против грехов людей, тем самым создавая возможность для их покаяния и примирения с Богом. Вместе с примирением они также обретут Его прощение, которое сделает их, независимо от их дел, детьми Божьими. Они получают в дар вечную жизнь и гарантию вечной славы (Римл.5:1-11; Исаии 53:4-6). Таким образом, на Голгофе «Бог во Христе примирил с

Собою мир, не вменяя людям преступлений их». Обращение Бога к человечеству и далее остается в силе. Он говорит: «...примиритесь с Богом» (2Кор.5:18-20). Условия этого примирения таковы: 1) покаяние людей перед Богом, то есть глубокое изменение сознания и души; их обращение к Богу; согласие со справедливостью Его осуждения греха и принятие Его любви; 2) вера в Иисуса Христа как Спасителя и Господа (Деян.20:21).

Но человек по-прежнему обладает свободной волей. Что если он использует ее, чтобы отвергнуть Бога, Его любовь, милость и спасение? Бог не лишит человека свободной воли, не изменит ее силу, даже во имя его спасения: ведь если бы Он это сделал, то спасенное против собственной свободной воли существо уже не было бы человеческим существом. В то же время не может быть и альтернативного рая для тех, кто отрицает Своего Творца.

БУДЕТ ЛИ БОЖИЙ СУД ЛИШЕН ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО НАЧАЛА?

Многие считают именно так. Например, Бертран Рассел писал: «Я не могу представить себе, чтобы какой-нибудь человек, действительно отличающийся глубокой человечностью, мог верить в вечную кару»¹⁹. В этом рассуждении не принимается во внимание тот факт, что последний Божий Суд будет творить совершенное человеческое Существо — Иисус Христос, Сын Божий. Он Сам заверил нас: «Ибо Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну <...> Дал Ему власть производить и суд, потому что Он есть Сын Человеческий» (Иоан.5:22,27). То есть это будет Суд, осуществляемый нашим Братом.

Зло не может и не будет господствовать вечно и безнаказанно. И нравственная способность Христа творить Божий Суд над злом, в котором люди не покаются, не вызывает никаких сомнений: «...будучи оправданы Кровию Его, спасемся Им от гнева» (Римл.5:9; Откр.5:8-10). Но Тот, Кто оплакивал порочность Иерусалима, Кто молился за Своих мучителей, предупреждает нас, что дверь милости и прощения рано или поздно закроется, а те, которые не успеют раскаяться, останутся снаружи; Христос скажет им: «...не знаю вас, откуда вы... отойдите от Меня,

все делатели неправды» (Луки 13:25-27). Клайв С. Льюис комментирует это высказывание так: «На интеллектуальном уровне трудно осознать, а на эмоциональном уровне трудно принять, что мы можем быть изгнаны из присутствия Того, Кто наполняет все, и вычеркнуты из системы знания Того, Кто ведает всем. Мы можем остаться в высшей степени и абсолютно вне всего — отвергнутые, изгнанные, отчужденные и невыразимо забытые»²⁰.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Почему грядущий Божий Суд можно ожидать с радостью?
2. Считаете ли вы: если Бог существует, то Он должен вмешаться в жизнь нашего мира и рано или поздно положить конец злу?
3. Почему, по вашему мнению, некоторые люди категорически отвергают саму идею последнего Суда в той форме, в какой она изложена в Библии?
4. Как соотносятся прощение и покаяние? Должны ли мы прощать людей, которые не покаются в своем проступке?
5. Почему, согласно Библии, Божий Суд не будет лишен человеческого начала? Что имеется в виду, когда говорится, что Суд будет вершиться «нашим Братом»?
6. В чем различие между властью судить и способностью судить? На чем основывается моральное право Христа быть Судьей людей?
7. Что имеется в виду, когда говорится, что отчуждение человека от Бога обусловлено неправильным пониманием характера Бога?
8. Каков ответ Бога на нездоровое желание человека быть равным Богу?
9. Каким способом, согласно Библии, Бог старается вернуть Себе любовь человека и его послушание, не лишая его при этом свободной воли?
10. Как Бог положит конец злу?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. М.: Советская Россия, 1987. С. 257.

² Там же.

³ Юм Д. Диалоги о естественной религии // Юм Д. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С.451.

⁴ См., напр.: Swinburne R. Providence and the Problem of Evil. Oxford: Oxford University Press, 1998.

⁵ Она правильна для большинства людей, но за исключением тех, кто отрицает существование зла или рассматривает его как иллюзию.

⁶ Dawkins R. Out of Eden. N. Y.: Basic Books, 1992. P. 133.

- ⁷ Следует подчеркнуть: мы не считаем, что атеисты неспособны вести себя нравственно. Мы утверждаем только, что атеизм не обеспечивает удовлетворительного основания или авторитета для нравственного поведения (См. более подробно Гл. 2. Д данной книги).
- ⁸ Подробнее о вопросе генетического детерминизма см.: *Д. Гудинг, Дж. Леннокс* «Человек и его мировоззрение». [Т.1]. Гл. 11.
- ⁹ См.: *Searle J. Minds, Brains and Programs* // *Mind Design* / Ed. by J. Haugeland. Cambridge, Massachusetts, 1981. Суть мысленного эксперимента, предложенного Серлем, состоит в следующем. Попробуйте представить себе, что вы находитесь в комнате с двумя окнами. Через одно из окон вы получаете кусочки бумаги, на которые нанесены различные знаки. Следуя инструкциям, содержащимся в специальной книге, вы складываете эти кусочки бумаги с другими кусочками и тем самым получаете определенные фигуры. Затем вы отдаете эти сложенные кусочки бумаги через другое окно. Серль говорит, что таким образом вы осуществляете операцию, подобную тем, которые осуществляет компьютер. Представьте себе далее, говорит Серль, что знаки на бумаге – это китайские буквы, а китайского вы не знаете. Вы успешно справляетесь со складыванием отдельных кусочков бумаги в соответствии с инструкциями. Однако не понимаете смысла получаемых символов. Точно так же компьютеры не понимают ту информацию, которую обрабатывают.
- ¹⁰ *Сартр Ж.П.* Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. С. 382.
- ¹¹ *Люис К. С.* Страдание // *Любовь. Страдание. Надежда: Притчи.* Трактааты. М., 1992. С. 133.
- ¹² Там же. С. 134.
- ¹³ *Mackie J. L. Evil and Omnipotence* // *Mind*. 1955. P. 200 – 212.
- ¹⁴ Наша дальнейшая аргументация будет строиться на основании Библии. Если кто-то считает, что в свете существования зла нельзя признать существование библейского Бога, то самое разумное – это ответить ему, используя аргументацию, построенную на Библии.
- ¹⁵ Эти библейские утверждения часто становятся предметом насмешек со стороны скептиков. Однако это не мешает им соглашаться с утверждением о том, что из истории Земли известно о катастрофе, в результате которой практически вся жизнь на планете была уничтожена, а также с утверждением о том, что в отдаленном будущем произойдет еще одна такая катастрофа.
- ¹⁶ Полезно сравнить свои мысли, принципы и практики со списком людских пороков, перечисленных в Гал. 5:19-21.
- ¹⁷ *Платон.* Государство // *Платон.* Сочинения: В 4 т. М., 1994. Т. 3. С. 121.
- ¹⁸ *Neil St. The Wrath of God and the Peace of God* // *Warren M. (ed.) Interpreting the Cross.* L.: SCM Press, 1966. P. 20 – 22.
- ¹⁹ *Рассел Б.* Почему я не христианин? М.: Политиздат, 1987. С. 107.
- ²⁰ *Lewis C. S. The Weight of Glory* // *Transposition and Other Addresses.* L.: Geoffrey Bles, 1949. P. 30.

Проблема боли и страдания

I. ФОРМУЛИРОВКА ПРОБЛЕМЫ

В этой главе мы будем размышлять не о боли и страданиях, вызванных жестоким и безнравственным отношением человека к своим ближним, за которые человек сам несет ответственность. Поговорим о мучениях, вызванных природными катастрофами, а именно: землетрясениями, извержениями вулканов, цунами, оползнями, снежными обвалами, ультрафиолетовым излучением, засухами, болезнями растений, голодом, инфекционными болезнями, возникающими в результате укусов насекомых (например, клещей, малярийных комаров и т. п.). За все это человек не несет прямой ответственности, хотя его деятельность могла стать косвенным фактором стихийных бедствий как такая, которая нарушает экосистему. Сюда же относятся страдания, вызванные врожденными болезнями и уродствами, травмами, смертельными болезнями и заболеваниями, разрушающими личность, хотя, опять же, некоторые из них могли явиться прямыми или косвенными последствиями человеческих действий. Скажем, человек может заболеть раком легких из-за курения, а СПИД — в результате своей половой распущенности.

Проблема, которая волнует людей в связи с подобными явлениями и событиями, очевидна: как можно считать, что мир, в котором природные катастрофы, подобные землетрясениям и извержениям вулканов, в одно мгновение уничтожают тысячи человеческих существ, был сотворен Всемогушим, Вездесущим и Всеблагим Богом?

Хоботок москита, с помощью которого он проникает сквозь кожу человека, чтобы впрыснуть в кровь своей жертвы ядовитое вещество, является совершеннейшим устройством. Как можно представить себе, что оно было сделано Всеблагим Творцом? И если человек сотворен по образу и подобию Божьими, как гласит Библия, то почему так много детей появляется на свет с врожденными уродствами и болезнями?

Эта проблема получила условное название *проблемы боли и страдания*, или *проблемы природного (естественного) зла*, в отличие от *проблемы морального зла*, которую мы обсуждали в предыдущей главе. Проблему боли и страдания мы рассмотрим в данной главе.

В ЧЕМ СЛОЖНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ БОЛИ И СТРАДАНИЯ?

Сложность этой проблемы в том, что мы сталкиваемся с ней на двух уровнях. Во-первых, это интеллектуальная проблема, требующая ответа, который мог бы удовлетворить наш разум. Во-вторых, эта проблема возникает тогда, когда кто-то испытывает сильную боль, — физическую или психическую. Представьте себе состояние молодых родителей, узнавших, что их долгожданный ребенок родился с синдромом Дауна или церебральным параличом, либо переживания родителей, у взрослого сына которых обнаруживаются симптомы какой-то страшной, генетически обусловленной болезни, типа хореи Хантингтона. Подумайте, какое чувство, сочетающее в себе страх, негодование и безутешную тоску, испытывают люди, на долю которых выпала неожиданная утрата близкого человека. В подобных и многих других случаях сугубо интеллектуальные объяснения проблемы боли и страдания оказываются пустыми и непригодными. Страдающему человеку нужно не только чисто рациональное объяснение постигших его несчастий, но и утешение, которое бы успокоило его душу. Ему нужны ответы, которые бы облегчили его муки, дали надежду и придали мужества.

Но мы начнем именно с рационального объяснения этой проблемы, так как, несмотря на то что интеллектуальные ответы недостаточны сами по себе, утешение и мужество, необходимые для противостояния боли и страданию, не могут иметь сугубо иррациональную основу.

II. ПОДЛИННЫЙ СМЫСЛ ПРОБЛЕМЫ БОЛИ И СТРАДАНИЯ

Обсуждаемая нами проблема обычно формулируется так: как можно примирить всю боль и страдания в мире с существованием Всеблагого, Премудрого и Все-

могущего Бога-Творца? Неявной посылкой такой формулировки может быть утверждение, что мы имеем дело с двумя противоречащими друг другу явлениями, то есть мы не можем логически верить в существование обоих. Мы либо убеждаемся в том, что окружающая действительность полна ужасов и боли, и отказываемся верить в Бога, либо закрываем глаза на ужас и страдания, продолжая верить в Бога. Считается, что и то и другое несовместимо, а вымыслы мифов о грядущем рае — это просто бегство от действительности (эскапизм), не приносящее реального облегчения.

Атеизм, как известно, выбирает первую альтернативу: он решает проблему боли, отрицая существование Бога. Проанализируем это решение.

Поверхностный характер решения проблемы страдания, предлагаемого атеизмом

1. АТЕИЗМ СНИМАЕТ ПРОБЛЕМУ, НО СТРАДАНИЕ КАК ТАКОВОЕ ОСТАЕТСЯ

Атеизм снимает проблему в таком понимании: если не существует разумного Творца, то, на первый взгляд, не существует проблемы объяснения происхождения страдания. Ведь в этом случае мы должны предположить, что наш мир возник в результате действия лишенных сознания безличных сил, которые неосознанно привели к возникновению лишенной сознания материи. Затем в результате случайных изменений, длящихся миллионы лет, эта лишенная сознания материя породила разумную жизнь, способную протестовать против страдания, вызванного неразумными силами. Причем этот процесс протекал случайно. У неразумной материи, разумеется, не было «намерения произвести» такой результат, и она не может осмыслить, к чему привели ее случайные действия. Она просто продолжает существовать в своем бесцельном мире бессмыслия, не заботясь о будущем, а также о том, порождают ли ее дальнейшие действия боль, радость или еще какие-то другие чувства и ощущения.

Если исходить из подобного представления, проблемы страдания не существует. Не имеет смысла жало-

ваться и критиковать неразумную материю как источник боли и страданий. Мы, конечно, критикуем и жалуемся, но если последовательно придерживаться подобного представления, то наша критика и жалобы исходят от сознаний, которые сами организованы на основе лишенных сознания и рациональности принципов и потому не имеют никакого смысла. Лишенные сознания силы не могут быть источником ни философской, ни, тем более, — теологической проблемы. Атеизм снимает проблему страдания, но, как хорошо известно, не избавляет нас от него! В действительности же — усугубляет ее.

2. АТЕИЗМ УСУГУБЛЯЕТ НАШИ СТРАДАНИЯ

А. Атеизм лишает нас надежды

Если существует Бог-Личность и Он создал нас, то у нас могут быть основания верить, что страдание не просто деструктивно, а в конечном итоге не имеет смысла и значения. В таком случае, хотя страдание само по себе является злом, оно было допущено Богом, и Бог может превратить его во благо для нас в будущем и даже в настоящее время. Но если Бога не существует, то Вселенная — не что иное, как продукт лишенных сознания сил, и потому нет никаких оснований надеяться, что страдания имеют какой-то смысл. Они бессмысленны и потому деструктивны.

Представьте себе, что у молодой женщины, матери пятилетнего ребенка, обнаружили рак в последней стадии. Что может сказать ей атеист? Он, конечно, посочувствует ей по поводу ее «невезения». Но затем добавит (возможно, про себя, так как у него, вероятно, не хватит смелости произнести подобное вслух), что ее жизнь так или иначе никогда не имела никакого конечного смысла, что за ней стоят лишенные цели и сознания силы. И вообще, за ее короткой жизнью не стоит никакой цели, которую она могла бы осмыслить в свете своего опыта страдания. Ее боль и страдания абсолютно деструктивны.

Итак, когда нужно справиться с болью или страданием, самое лучшее и верное средство — это надежда (Римл.8:23-25). Однако попытка атеистов решить проблему страдания оставляет людей беспомощными перед

лицом боли и потерь, лишенными высшей надежды. Именно такое состояние описывает Библия, говоря о том, что атеисты остаются не только без Бога и Христа, но и без всякой надежды в этом мире (Ефес.2:12).

Б. Атеизм представляет рациональные человеческие существа как пленников и жертвы иррациональных сил

Одна из наиболее горьких сторон человеческого страдания — это разочарование и упадок духа. Страдающий человек понимает, какой прекрасной была бы жизнь, если бы все механизмы его тела и сознания работали как надо. Но случилось так, что какой-то неразумный вирус, какая-то бактерия или шальная клетка разрушают жизненно важную систему его тела, и никакая медицина не может ему помочь. Испытывающий страдания предвидит, что рано или поздно неразумные силы и процессы уничтожат его тело и разум. Но ирония состоит в том, что он даже не будет знать о том, как это произойдет.

Таким образом, если, согласно атеистам, Бога не существует, рациональные человеческие существа являются пленниками и жертвами лишенных разума сил. Атеисты используют свой разум, чтобы убедить нас: если мы рациональные существа, то должны понимать, что человеческий интеллект должен в конечном итоге подчиниться тирании иррациональности бессмысленного, безнадёжного страдания, причиняемого людям лишенными души и сознания силами, которые господствуют над нами. И несмотря на это, у нас не может быть никаких рациональных оснований, чтобы сетовать на свою судьбу. Однажды эти иррациональные силы уничтожат Землю и всю Солнечную систему, и вся человеческая история превратится в грудку бессмысленного Ничто. Такова, согласно атеизму, судьба человеческой цивилизации.

3. АТЕИЗМ СЕРЬЕЗНО НЕДООЦЕНИВАЕТ ПРОБЛЕМУ СТРАДАНИЯ

Полная формулировка проблемы боли и страдания не ограничивается ответом на вопрос: как можно примирить существование страдания и существование Бога? Она куда объемнее: как можно примирить обширные,

все увеличивающиеся свидетельства того, что мир был создан Божественным Разумом, и существование страдания и боли, которые, на первый взгляд, ставят под сомнение присутствие какого-либо разума или разумного замысла, лежащего в основании Вселенной?

Например, считается, что ураганы, извержения вулканов и землетрясения — это результат действия лишенных разума природных стихий. Время от времени они приводят к смерти великие множества людей. Является ли это обстоятельство надежным доказательством того, что за Вселенной не стоит никакого разума?

Вряд ли! Выдающийся физик и математик Пол Дэвис не является теистом, однако он выражает такую мысль: «Мир рационален вплоть до самых низших уровней, находящихся вне компетенции науки» и составляющих компетенцию метафизики¹.

Относительно существования рациональных человеческих существ он высказывается так: «Я не могу поверить, что наше существование во Вселенной — это просто игра судьбы, историческая случайность, случайный всплеск в великой космической драме. Наша связь со Вселенной слишком сильна. Физическое существование вида *Ното* можно не принимать во внимание, но существование сознания в некотором организме на некоторой планете во Вселенной, несомненно, является фактом фундаментальной значимости. Благодаря существам, наделенным сознанием, Вселенная породила самосознание. А это не может быть тривиальной деталью, незначительным побочным продуктом лишенных сознания и цели сил. Нам предназначено здесь жить»².

Дэвис не верит в Творца-Личность; он полагается только на объективные, не имеющие личностного начала математические законы (см. главу 5.Б. 2.6 книги Д.Гудинга, Дж.Леннокса «Человек и его мировоззрение», Т.2). Каким образом не включающие личностное начало законы могут иметь какие-то намерения, он не сообщает. Но следует обратить внимание на это допущение, или, скорее, утверждение, смысл которого в том, что за появлением человечества на этой планете стоит ранее существовавшее намерение. И это — следует добавить — идет

вразрез с выводами, которые многие делают на основании деструктивной силы ураганов и подобных явлений.

Рассмотрим еще один пример. Порезав палец, вы обнаруживаете: еще до того как вы поранились, ваш организм обладал механизмом для восстановления его нормального состояния. В этом механизме участвует более двадцати химических веществ, каждое из которых подключается в нужный момент и в нужном сочетании с другими веществами, чтобы обеспечить свертываемость крови в месте пореза и тем самым предупредить большую потерю крови, а затем обеспечить и процесс заживления раны³.

С помощью этих примеров мы хотим проиллюстрировать простые утверждения. 1. Пока вы не порезались и не почувствовали боль, вы не могли открыть существование в вашем организме механизмов восстановления нормального состояния. 2. Нечто или, может быть, лучше сказать, Некто предвидел, что вы можете пораниться и будете страдать от боли, потому позаботился, чтобы рана не привела к непоправимым последствиям.

То же можно сказать и о практически непостижимом уровне организации иммунной системы человека, которая также заранее встроена в его организм и позволяет бороться с инфекцией, которая в него попадает. Она распознает и удаляет этот инородный элемент. Следует еще раз подчеркнуть: данная система также основана на предвидении и предупреждении болезней и других нарушений в функционировании организма. Она призвана ограничить деструктивное воздействие нарушений и обеспечить выздоровление человека.

Еще раз повторим высказанную мысль. Люди, как известно, стареют и умирают. Некоторые ученые считают, что процесс старения связан либо даже вызван износом концов, или колпачков хромосом в ходе мутаций, происходящих при делении клеток⁴.

Но из этого факта не следует, что ДНК и другие внутриклеточные механизмы являются случайными и незапланированными результатами действия лишенных сознания сил и беспорядочных процессов. Астроном Фред Хойл и математик Чандра Викрамасинге, анализируя ос-

новные энзимы (ферменты), необходимые для жизни, отмечают: «Простой подсчет показывает, что вероятность получения необходимых 2000 энзимов путем случайного сочетания аминокислотных цепей чрезвычайно мала. Случайная вероятность равна 1 к p , где p — это астрономически большое число $10^{40\,000}$ (то есть 1 , за которым следует $40\,000$ нулей)... Если при этом учесть все другие условия, необходимые для существования жизни, то ситуация еще больше усложняется. Вероятность один к $10^{40\,000}$ уже достаточно впечатляет. Это число на много порядков превышает общее число элементарных частиц в наблюдаемой Вселенной. Так ничтожна вероятность случайного возникновения жизни, если рассматривать этот процесс как исключительно механический...»⁵.

То, что люди стареют и умирают, конечно, не может служить аргументом против существования Творца, задумавшего этот мир и создавшего его, если сначала не будет доказано, что Творец нашего мира должен был обязательно создать человеческие существа, которые должны жить на этой Земле вечно. Вместе с тем следует отметить, что теломеры, то есть клеточные механизмы, необходимые для распространения и поддержания человеческого рода в целом, были задуманы так, чтобы поддерживать человеческий род в течение многих тысячелетий, не обнаруживая при этом признаков истощения.

Таким образом, утверждение о том, что существование страдания делает невозможной веру в Личностного Творца, является весьма поверхностной реакцией на проблему боли и страдания. Проблема заключается в другом: примирить поразительные свидетельства существования Творца, которые можно усмотреть в устройстве Вселенной и человеческого организма, с болью и страданиями, которыми охвачен мир и которые, по крайней мере, на первый взгляд, ставят Его существование под сомнение.

Представьте себе огромный сломанный локомотив. Он стоит в депо и уже не может тянуть за собой вагоны. Возможно, он попал в аварию, а может износились некоторые детали сложного механизма или какой-то вредитель поломал его специально. Можно также предположить, что с самого начала это была неудачная конструк-

ция. Но вам никогда не придет в голову доказывать, что этот локомотив вообще никогда не был изготовлен.

С одной стороны, если мы верим во Всеведущего, Всемогущего и Всеблагого Творца, то не можем считать Его ответственным за несовершенное устройство (несовершенное с точки зрения Его замысла). С другой стороны, нет смысла закрывать глаза на тот факт, что, например, некоторые механизмы нашего организма, включая даже защитные силы, такие как свертываемость крови и иммунная система, могут нарушаться и приводить к страданиям и, в конце концов, — к смерти. Библейское объяснение этого всеобщего состояния дел — при первом приближении — состоит в том, что здесь приложил свою руку вселенский вредитель, но мудрый Бог допустил это состояние дел и вытекающие из него страдания. Однако Бог предпринимает меры, чтобы обратить это страдание в бóльшую славу человечества, чем та, которая могла быть достигнута без этого страдания. Он делал и делает это, также испытывая страдания. В отличие от Бога Аристотеля и других древнегреческих мыслителей библейский Бог разделяет страдания человечества.

Но прежде чем обратиться к этому аспекту нашей темы, рассмотрим отношение к страданию и его позитивным аспектам вне контекста вопроса о существовании Бога.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Что имеется в виду под понятием «природное зло»?
2. Как вы понимаете смысл проблемы страдания?
3. Считается, что проблема боли и страдания существует на двух уровнях. Какие это уровни? Почему каждый уровень предполагает особый способ анализа?
4. Что имеется в виду, когда говорится, что атеизм снимает проблему страдания, но не устраняет само страдание?
5. В каком смысле следует считать правильным утверждение о том, что атеистическая позиция лишает человека надежды? Почему человеку, придерживающемуся атеистической позиции, труднее переносить страдание?
6. Как бы вы стали утешать человека, больного раком в последней стадии?
7. Что означает высказывание: «Человеческие существа, несмотря на свою рациональность, являются в конечном итоге плен-

никами и жертвами иррациональных сил»? Согласны ли вы с тем, что нерациональная стихия, в конце концов, одержит победу над рациональностью?

8. Какие особенности человеческого тела свидетельствуют о том, что человеческий организм был создан разумной силой, предвидевшей негативные воздействия на человека и необходимость специальных защитных механизмов против этих воздействий?

9. Почему, с вашей точки зрения, человеческий организм устроен так, что люди рано или поздно умирают, но человеческий род продолжается? Означает ли это, что человеческий род в целом является важным, а отдельные его представители – не важны?

10. Перечитайте приведенные выше высказывания Пола Дэвиса. Считаете ли вы его аргументацию убедительной?

11. Согласны ли вы с мыслями Хойла и Викрамасинге? Обоснуйте свой ответ.

12. Обсудите доводы «за» и «против» высказывания: «Многочисленные страдания людей в этом мире не являются достаточным аргументом для опровержения утверждения о том, что наш мир был создан разумной силой».

III. ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА К БОЛИ

1. НЕ ВСЯКАЯ БОЛЬ – ЗЛО

А. Некоторые болевые ощущения являются проявлениями защитной реакции и служат во благо. Если вы случайно задеваете пальцем лезвие ножа, то инстинктивно отдергиваете руку. Это инстинктивное движение помогает предупредить более серьезное повреждение. Если вы почувствовали боль в груди, это — сигнал нарушения работы сердечно-сосудистой системы. И эта боль также служит нам во благо. Страх боли может также играть защитную роль. Так, боясь обжечься, вы стараетесь не попадать рукой в огонь. Боязнь заразиться СПИДом удерживает некоторых людей от аморального поведения. И этот страх приносит людям благо.

Б. Боль и страдание человека вызывают у окружающих его людей сочувствие, сопереживание, заботу, способствуют проявлениям жертвенного поведения со стороны его близких родственников, врачей, ухаживающих за ним медиков, и тем самым помогают развитию в людях благородных черт характера, которые не могут нас

не восхищать. Эти качества выгодно отличают их носителей от тех, кто любой ценой стремится избежать столкновения с любыми страданиями и болью и ищут только удовольствий.

В. Бывает, что постоянные страдания портят характер человека. Но это происходит не всегда. Иногда боль и страдания закаляют его, делают более зрелым, помогают осознать, в чем состоят подлинные ценности. Есть большая доля правды в высказывании Достоевского: «Страдание и боль всегда обязательны для широкого сознания и глубокого сердца. Истинно великие люди, мне кажется, должны ощущать на свете великую грусть...»⁶.

2. НЕКОТОРЫЕ ЛЮДИ СОЗНАТЕЛЬНО РЕШАЮТСЯ НА РИСК, КОТОРЫЙ МОЖЕТ ПРИВЕСТИ К СТРАДАНИЯМ И БОЛИ

Ни один нормальный человек не причинит себе сознательно боль и смерть просто ради боли или смерти. Но множество нормальных людей готово пойти на риск серьезных травм, а порою и смерти просто ради достижения победы в спортивных состязаниях, например, в игре в регби, мотогонках, в соревнованиях Формула-1, дельтапланеризму, спелеологии, восхождению на горные вершины и вулканы. Некоторым людям нравится ощущение риска.

Существуют также другие виды спорта и профессиональной занятости, сопряженные с болью. От боли иногда страдают цирковые артисты и балерины, гимнасты и атлеты. Но желание побед, совершенствование тела, стремление к красоте и грации помогают человеческому духу преодолевать физическую боль.

Существует еще одна серьезная область риска, а именно: участие людей в программах освоения космоса. Обычно выживание государства мало зависит от программ исследования космоса. Тем не менее во многих государствах, в частности в США и России, такие программы ведутся, несмотря на риски, сопряженные с космическими полетами. Есть немало людей, желающих стать астронавтами, хотя широкоизвестны случаи гибели людей в космосе или при запуске космических ко-

раблей на орбиту. Риски, связанные с космическими полетами, тщательно просчитываются, однако, несмотря на это, вероятность критических («нештатных») ситуаций сохраняется.

3. ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА К СИЛАМ ПРИРОДЫ

Природные силы и стихии, вроде огня и пожаров, цунами и землетрясений, молний и ураганов, намного сильнее человека. Лишенные сознания, не имеющие личностного начала, они способны уничтожить человека, если он проявит небрежное к ним отношение. С помощью электричества можно приготовить пищу, но если вы нарушите правила обращения с электричеством, это может стоить вам жизни. Человек, признает он это или нет, сотворен по образу и подобию Божьему, и ему предназначено господствовать над низшими Божьими творениями (Быт.1:26-28; Псал.8:6)⁷. Будучи личностью, человек знает, что он намного важнее безличностных сил природы. Еще с незапамятных времен человек начал обуздывать эти силы, используя их в своих целях. Огонь был «приручен» очень давно. С изобретением кораблей и парусов человек научился использовать силы ветра и волн, которые позволили ему исследовать мир. Эти и другие проекты приручения стихийных сил природы продемонстрировали торжество человеческого духа. Они были связаны с колоссальными рисками и осуществлены ценой бесконечных страданий и бесчисленного числа человеческих жизней. Но, с точки зрения большинства людей, польза от этих проектов для всего человечества перевешивает и оправдывает пережитые разными людьми муки и страдания.

4. ОКРУЖАЮЩИЙ МИР – ИСТОЧНИК БЛАГА, НО ОН НЕ ВСЕГДА БЕЗОПАСЕН

При рассуждении об этом в наше поле зрения попадает важный аспект темы. Обуздание природных сил не означает, что они теряют способность нести боль, смерть и разрушение. Никто на это и не рассчитывает. В этом смысле никто не может всерьез требовать, чтобы Вселенная была превращена в абсолютно безопасное место. Огонь, потеряв свою способность сжигать, уже не

сможет служить тем целям, ради которых мы в нем нуждаемся. Электричество, не способное привести к смерти человека, не может обогревать дома и приводить в движение механизмы. Лазерные лучи могут быть губительными для человеческих тканей. Если бы они не обладали этой способностью, то не могли бы использоваться в хирургических операциях.

Солнечное тепло и свет абсолютно необходимы для существования жизни на Земле. Но Солнце, будучи «атомным очагом», не является абсолютно безвредным для человеческих существ. Мы не смогли бы выжить на своей планете, если бы она не была защищена от ультрафиолетового излучения слоем озона. Если в результате неразумного использования земных ресурсов в озоновом слое возникают дыры, то в этом нам некого винить, кроме самих себя.

Летательные аппараты могут преодолевать силу притяжения Земли. Изобретение и улучшение этих аппаратов стоило многих тысяч человеческих жизней. Мы летаем на них, зная: если в моторе самолета случится неисправность, то сила притяжения уничтожит самолет вместе с пассажирами. Тем не менее никто всерьез не может роптать на Бога за наличие силы притяжения и говорить, что нам было бы лучше без нее или с более слабой силой притяжения, дабы в случае поломки мотора сила притяжения не приводила к катастрофе. Если сила притяжения станет более слабой, чем она есть, наша планета быстро потеряет свою атмосферу, и жизнь на Земле станет невозможной.

Даже в повседневной жизни мы постоянно рискуем. Каждый день происходят какие-то несчастные случаи. Даже в обычных условиях легко поранить кожу, поломать ногу или руку, заразиться какой-то инфекционной болезнью. Именно поэтому человеческий организм снабжен разного рода защитными механизмами, помогающими справляться с травмами и повреждениями.

Обычно отказ от движения по пути прогресса, продиктованный страхом перед возможными страданиями и болью, не находит поддержки в обществе. И такая позиция имеет свои основания. Возьмем бытовой при-

мер. Если из боязни, что ребенок заболеет какой-то инфекционной болезнью, его излишне оберегают, то иммунная система такого ребенка окажется неразвитой и не сможет служить защитой в случае неизбежного столкновения с микробами или инфекцией.

Более того, как мы уже говорили в предыдущей главе, природа должна обладать определенной автономией, и она ею действительно обладает. Согласно иудаизму, христианству и исламу, Вселенная, хотя и создана Богом, не является Богом, Его частью или Его эманацией, как считается в некоторых пантеистических религиозных и философских системах. Когда ученый исследует атом или расщепляет его, он отнюдь не занимается «расщеплением» Бога! Не соблюдая мер безопасности, ученый может получить серьезную дозу облучения и заболеть. Но это не означает, что радиация исходила от Бога и потому Он — источник его болезни, а следовательно, виновен в этом. Если богатый отец подарил своему сыну дорогую спортивную машину, а сын ездил на ней, не соблюдая правил, и поэтому погиб в аварии, то нельзя сказать, что его гибель — вина отца⁸.

5. СЛЕДСТВИЯ ДАННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МИРА

Итак, с точки зрения человечества, в целом с незапамятных времен риск боли и смерти считается оправданным, если он в конечном итоге несет в себе благо для многих людей. Существует мнение, согласно которому прогресс в области техники и медицины зависит от готовности человека следовать этой точке зрения.

Предположим, что, создавая человеческие существа, Бог руководствовался замыслом обеспечить их великими благами, но в то же время предполагал, что эти блага не могут быть достигнуты без рисков, сопряженных с болью и страданиями как человечества, так и Самого Бога. Как можно возразить против подобной точки зрения? Ее оппоненты заявляют: раз Бог Всемогущий и Премудрый, Он мог создать такой мир, в котором было бы все необходимое, и при этом сделать так, чтобы нам не нужно было страдать.

В то же время не раз отмечалось, что некоторые вещи Богу не подвластны. Он, например, не может со-

здать круглый квадрат или четырехсторонний треугольник или существовать и не существовать в одно и то же время. Таким образом, возможно, что цель Бога при создании человеческих существ была столь значительной, что, по определению, ее нельзя достигнуть без рисков, сопряженных с болью и страданием. Имеет смысл рассмотреть эту возможность. Ведь если Бога, описанного в Библии, критикуют и отвергают на том основании, что мир полон боли и страдания, то целесообразно сначала обратиться к Библии, чтобы понять, во имя какой цели мы были созданы.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Приведите примеры случаев, когда боль может быть благом.
2. Каким образом существование боли и страдания в мире может оказать влияние на формирование характера человека?
3. Согласны ли вы с высказыванием Достоевского, которое приведено в данной главе?
4. Как вы объясните тот факт, что некоторые люди добровольно ради достижения спортивных результатов идут на риск, который может привести к страданиям и даже – смерти?
5. Каково ваше отношение к астронавтам? Вызывают ли они у вас восхищение? Или Вы считаете, что космические полеты – лишь безрассудство, сопряженное с риском для жизни?
6. Согласны ли вы с тем, что человек в определенном смысле выше сил природы? Если это так, то в каком смысле?
7. Испытываете ли вы благодарность к тем людям, которые сконструировали и построили корабли, поезда, автомобили, самолеты, лазеры, атомные электростанции и др.? Если «да», то каково ваше отношение к тому, что многим людям это стоило жизни?
8. Что имеется в виду, когда говорится, что окружающий мир полон благ, но при этом не всегда безопасен?
9. Смогли бы мы использовать огонь, если бы он не обладал способностью сжигать?
10. Что имеется в виду, когда говорится, что некоторые вещи Богу не подвластны? Приведите примеры.
11. Проанализируйте следующее рассуждение: «Согласно Библии, Бог создал Вселенную и поддерживает ее. Но Вселенная не является ни частью Бога, ни Его эманацией. Природа об-

ладает определенной автономией». Ответьте на приведенные ниже вопросы.

а) Что означает это высказывание в целом?

б) Каково различие между процессом творения и пантеистической эманацией (см. главу 4. Г «Плотин и проблема зла» книги Д. Гудинга, Дж. Леннокса «Человек и его мировоззрение», Т.2).

в) Что означает автономия (независимость) природы?

г) Как эта автономия влияет на взаимодействие между нами и Вселенной?

IV. ОСНОВНЫЕ ЦЕЛИ БОГА ОТНОСИТЕЛЬНО СОЗДАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Согласно Библии, Бог преследовал не одну, а две основные цели, когда поместил человечество на Земле.

Первая цель состояла в том, что только человек среди тысяч других земных творений, обладая уникальным статусом и функцией существа, созданного по образу и подобию Божьему, должен быть представителем и наместником Бога, в сущности — царем Земли, способным управлять ею и развивать ее (Быт.1:26-28)⁹.

Вторая главная цель придавала людям бесконечно более высокий статус и положение, чем первая. Будучи изначально творениями Бога, люди получили возможность стать детьми Божьими, порожденными самой жизнью Бога, и в силу этого им была дана возможность стать зрелыми сыновьями и дочерьми Бога.

Исторически вторая цель является логически первой и потому более важной из упомянутых двух. Это конечная цель Бога, которой и было подчинено сотворение мира, а также создание человечества по образу Божьему как необходимая первая стадия для ее осуществления. В Библии об этом написано так: «...Он избрал нас в Нем прежде создания мира, чтобы мы были святы и непорочны пред Ним в любви, предопределив усыновить нас Себе чрез Иисуса Христа, по благоволению воли Своей, в похвалу славы благодати Своей, которою Он облагодатствовал нас в Возлюбленном...» (Ефес.1:4-6).

Несмотря на исключительную значимость, обе эти цели неизбежно сопряжены с болью и страданием. Первые христиане, на долю которых, помимо обычных че-

ловеческих страданий, выпали еще и преследования за веру, выражают свою уверенность в том, что был смысл эти страдания переносить. Вот как об этом сказано в Новом Завете: «...думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая откроется в нас» (Римл.8:18); «...кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу...» (2Кор.4:17).

Итак, наша первая задача — попытаться более глубоко вникнуть в величие этих двух целей.

А

Первая цель: человечество как творение Бога

Нет необходимости повторять то, что мы уже говорили в первом томе книги «Человек и его мировоззрение...»¹⁰, а именно: о величии роли человека в управлении Землей, ее ресурсами и потенциалом, которые были переданы человеку Богом (Быт.1:26-28; Псал.8:1-9). Нет также необходимости подробно останавливаться на известных фактах, свидетельствующих об успехе, достигнутом человеком в выполнении своей миссии. Достижения человека в области науки, техники, медицины, изобразительного искусства, литературы и различных отраслей производства очевидны. Все мы пользуемся благами, которые стали возможны благодаря этим достижениям (хотя, к сожалению, доступ к этим благам в масштабах планеты неодинаков, и есть некоторые страны, которым они недоступны). Приведем два наиболее поразительных примера овладения человеком природы, в определенном смысле символизирующие другие многочисленные достижения.

Первый из этих примеров — расшифровка генетического кода. Она демонстрирует высочайший уровень человеческого интеллекта и изобретательности, дает надежду на благополучный исход борьбы с генетически обусловленными заболеваниями. В то же время это открытие вкладывает в руки человека мощнейший инструмент власти, который непредсказуемым образом может повлиять на изменение генома человека и возможности контроля над

человечеством. (Уровень этого контроля столь высок, а его потенциальные последствия столь непредсказуемы, что возникла срочная необходимость ответить на вопрос: откуда должны быть почерпнуты моральные, духовные и этические принципы для контроля за учеными, владеющими этим инструментом, а также для пресечения их возможных попыток поиграть в богов и таким образом превратиться в тиранов для своих ближних?)

Второй пример уровня, достигнутого человечеством в освоении природы, который может символизировать другие его возможности, — это освоение космоса. И речь идет не столько, собственно, о путешествиях человека в космос (пока еще преодолеваемые им расстояния не столь значительны), сколько о возможностях контроля с Земли за космическими аппаратами, находящимися на расстоянии многих миллионов километров от Земли, скажем, вблизи Юпитера, а также о возможностях наблюдения галактик, расположенных на краю Вселенной, с помощью рентгеновских, ультрафиолетовых, инфракрасных телескопов и радиотелескопов. Человеческий интеллект может «путешествовать» по Вселенной, ее истории, настоящему и будущему. Он может вопрошать о том, как Вселенная возникла, когда и как завершится ее существование.

Таким образом, в свете прогресса человечества слова древнего псалмопевца приобретают особый смысл: «Когда взираю я на небеса Твои, — дело Твоих перстов, на луну и звезды, которые Ты поставил, то что́ есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его? Не много Ты умалил его пред ангелами; славою и честию увенчал его; поставил его владыкою над делами рук Твоих; все положил под ноги его» (Псал.8:4-7).

Б

Вторая цель Бога: люди как дети Божьи

Напомним еще раз формулировку этой цели, которую мы уже приводили выше: «...Он избрал нас в Нем прежде создания мира, чтобы мы были святы и непо-

рочны пред Ним в любви, предопределив усыновить нас Себе чрез Иисуса Христа, по благоволению воли Своей, в похвалу славы благодати Своей, которою Он облагодатствовал нас в Возлюбленном...» (Ефес.1:4-6).

Дополним эту формулировку ключевым текстом из Нового Завета, имеющим прямое отношение к этой теме: «В мире Он был, и мир чрез Него возник, и мир Его не познал. К своим пришел, и свои Его не приняли. Всем же, кто принял Его, — дал им власть стать чадами Божиими, верующим во имя Его, которые не от крови, и не от хотения плоти, и не от хотения мужа, но от Бога были рождены» (Иоан.1:10-13)¹¹

Нельзя не обратить внимание на то, что в обоих процитированных текстах используется исключительно высокий поэтический стиль. Но это не означает, что авторы высказываний не имеют в виду ничего определенного. Они вкладывают в эти высказывания вполне конкретный теологический смысл. Только воспринимая точный теологический смысл этих библейских текстов, мы можем понять глубокое различие между первой целью Бога — созданием человечества — и Его второй целью — переходом людей в новое качество: их рождение от Бога, превращение в детей Божьих и последующее развитие в этом качестве.

Различие между двумя процессами («создание» и «рождение») и между их результатами (люди как творения Божьи и люди как дети Божьи)

В рассуждениях о религии на уровне обыденного сознания различие между этими двумя процессами и их результатами иногда затемняется. Это приводит к тому, что все люди автоматически считаются чадами Божьими. Но это неверно. Бог, конечно, любит все человеческие существа, поскольку Он их Создатель, а они — Его творения. Пользуясь обычным языком, можно сказать, что Он заботится о них по-отцовски. Но, говоря на специальном языке Библии, нужно отметить, что все люди являются творениями Божьими, однако не все они являются детьми Божьими. Более внимательный анализ приведенного выше текста из Евангелия от Иоанна (1:10-13) делает это различие совершенно ясным.

1. Человеческим существам сказано: если они хотят быть детьми Божиими, то они должны ими *стать*. Очевидно, вы не можете стать тем, кем вы уже являетесь.

2. Никто из нас не мог выбирать: быть зачатыми своими родителями и родиться в этот мир как творения Божьи или нет. Но стать Божиим чадом — это вопрос активной личной веры и выбора. Только те, кто принимает Христа и верит в Его Имя, получают возможность стать детьми Божиими.

3. Более того, в обсуждаемом тексте ясно сказано, что нас не могут сделать детьми Божиими наши родители или собственная воля. Это процесс рождения от Духа Божьего (Иоан.3:5-9), посредством которого Бог вселяет в нас жизнь.

Таким образом, уже в самом описании процесса рождения от Бога заложено различие между творениями Божиими и Его детьми: творения Божьи Им созданы, а дети — рождаются от Него. Для пояснения этой мысли воспользуемся аналогией. Инженер-электронщик не может стать отцом, используя те же операции, которые он применяет как создатель компьютера. Он делает, или создает компьютер, но в то же время он нуждается и в собственном ребенке. Создаваемый им компьютер обладает большими возможностями, значительно превышающими возможности ребенка. Но компьютер не может стать потомком инженера, то есть унаследовать его характер и жизнь, тогда как ребенок может. Заклучая в себе жизнь отца, ребенок будет развиваться, а также развивать отношения со своим отцом, доставляя ему радость и любовь, на которые не способен компьютер.

Вернемся к отношениям между человеком и Богом. Процесс становления Божьего дитяти совершается не в конце жизни или в момент смерти. Хотя этот процесс имеет вечные следствия, он происходит в течение земной жизни человека, если он вообще происходит. Христианский Апостол Иоанн в Послании к своим братьям по вере пишет: «Смотрите, какую любовь дал нам Отец, чтобы нам называться и быть детьми Божиими. Мир потому не знает нас, что не познал Его. Возлюбленные! мы теперь дети Божии; но еще не открылось, что

будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть» (1Иоан.3:1,2). А в другом библейском тексте говорится так: «Ибо кого Он предузнал, тем и предопределил быть подобными образу Сына Своего...» (Римл.8:29).

И, наконец, тот факт, что верующие во Христа становятся детьми Божиими как в их земной, так и вечной жизни приводит к замечательным результатам. В Библии об этом сказано: «Сей Самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы — дети Божии. А если дети, то и наследники, наследники Божии, сонаследники же Христу, если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться» (Римл.8:16,17).

Христианский Апостол, автор этого текста, как и все, кто разделяет с ним его веру, постепенно осознает вечное богатство славы, которое включает в себе это наследство. Об этом он говорит уверенно и искренне: «Ибо думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая откроется в нас» (Римл.8:18).

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Итак, Бог предопределил две основные цели для человека.

1. Он поместил человека во временный мир как Свое творение, чтобы человек действовал как Его наместник на Земле, управляя ее ресурсами и развивая ее потенциал (Быт. 1:26-28; Псал.8).

2. Он сделал так, что человек, еще находясь в этом мире, может стать дитяем Божиим посредством духовного рождения и тем самым унаследовать жизнь Отца, а также получить возможность общения с Ним (Иаон. 1:10-13; 1Иоан.3:1,2).

3. Он также сделал возможным развитие и образование человека как чада Божьего с помощью Святого Духа, Слова Божьего, воспитания Отцом на протяжении жизни, в результате которого человек превращается в зрелого Божьего сына или зрелую дочь (Евр. 12:1-13; Римл.8:14-30).

4. Рано или поздно в жизни после смерти человек будет наслаждаться совершенным общением с Богом и царствовать вместе с Христом над вечными новыми Небесами и Землей, которые Бог еще сотворит (Ефес. 1:9-11; 17-23; Колос. 1:12-23; Откр.22:5).

Изложение этих вопросов возвращает нас к нашей фундаментальной проблеме: если Бог предопределил такие цели для человечества, то как получилось, что их достижение сопряжено с

болью и страданием, которые обрушиваются не только на тиранов и закоренелых преступников, но и на все человечество?

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Насколько реалистично библейское утверждение, что человек был создан для управления Землей и ее ресурсами? Подтверждается ли это ходом исторического процесса?

2. Что, по вашему мнению, является наиболее значительным достижением человека в освоении природы? Обсудите вашу точку зрения.

3. Гордитесь ли вы тем, что принадлежите к человеческому роду? Если да, то почему?

4. Одним из первых применений механизма расщепления атомного ядра явилось создание атомной бомбы. Считаете ли вы, что расшифровка генетического кода несет в себе опасность для человечества? Если «да», то как бы вы стали контролировать использование этого открытия?

5. В чем, согласно Библии, различие между определениями человека как творения Божьего и как Божьего дитяти?

6. Рассмотрите приведенную выше аналогию с инженером, создателем компьютера. Каков смысл этой аналогии?

7. Как в Библии определяются условия, при которых человек может стать чадом Божиим?

8. Как относились к страданию первые христиане и какое значение имели для них страдания?

V. ПОЧЕМУ В МИРЕ ТАК МНОГО БОЛИ И СТРАДАНИЯ?

Если цели, которые Бог предопределил для человечества, столь велики и значительны, как считают христиане, то остается вопрос: почему достижение этих целей сопряжено с такими страданиями?

Краткий ответ на этот вопрос в духе Священного Писания гласит: потому что отношения между Творцом и человеком, как Его творением, нарушились, вследствие чего были искажены гармоничность характера человека, его отношения с природой и сама природа. Говоря библейским языком, человек — грешен. Смысл этого слова не просто в том, что человек плохо обращается со своими ближними (проблема морального зла). Че-

ловек также восстает против Своего Творца, и потому против него бунтует природа.

Следует, однако, отметить еще один важный аспект, который *не* удовлетворяется данным ответом. Библия *не* говорит: если человек страдает, то это страдание является следствием грехов, совершенных им в прежнем воплощении. В этом состоит существенное отличие между библейским подходом, с одной стороны, и неоплатонизмом (см. главу 4. М книги Д.Гудинга, Дж.Леннокса «Человек и его мировоззрение», Т.2) и индуизмом — с другой.

Люди также склонны объяснять наличие у какого-то человека серьезных заболеваний или несчастий, которые с ним происходят, его скрытыми грехами и пороками. Однако это расходится с библейским подходом. Вся Книга Иова опровергает эту точку зрения. Христос в Новом Завете также отвергает ее. Его интересовали люди, преследуемые государством, и Он вспоминал о тех, кто погиб в результате каких-то несчастных случаев. В обоих случаях Он отвергал распространенное мнение о том, что невзгоды, обрушившиеся на этих людей, не случайны, а обусловлены их крайней греховностью. Христос подчеркивал, что все люди грешники, поэтому должны покаяться, иначе им грозит гибель (Луки 13:1-5).

И, наконец, когда в Библии утверждается, что все люди грешники, это не означает, что любое человеческое существо настолько порочно, насколько это возможно. Христос отмечал, что люди в Его времена, как и в любые другие, обладают также и хорошими качествами. Родители, к примеру, несмотря на свою греховность, проявляют заботу о собственных детях. «Итак, если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим...» (Луки 11:13). Подобные наблюдения вы найдете и в Ветхом Завете, где говорится о том, что отцы «милуют» своих детей (Псал.102:13), а матери их утешают (Исаии 66:13), и что женщине, которая когда-то кормила грудью своего ребенка, чрезвычайно трудно забыть о нем и не помогать ему в жизненных трудностях.

Но если учесть вышесказанное, становится ясным: человеческая природа явно претерпела какие-то искажения. Так, исследователь из Кембриджа Х. Баттер-

филд, изучая исторические факты, выводит из них несколько принципиальных соображений: «Историк начинает с того, что приписывает личности более высокую значимость, чем исследователи, работающие в рамках других научных дисциплин. В этом смысле его позиция подобна христианскому вероучению, которое видит в каждом индивиде творение, причастное вечности. Но такое великолепное начало, так же как и в традиции христианской теологии, находит продолжение в более приниженном взгляде на человеческую природу, чем общепринятый в XX веке... Однако, с моей точки зрения, что касается отношений между человеческой природой и внешними условиями мира, то исследование истории открывает глаза на один существенный факт:... если бы общество ослабило некоторые нормы и способы контроля, то многие уважаемые люди существенно изменились бы, решив, что их проступки будут безнаказанными; неустойчивые люди, которые ранее держались в рамках закона благодаря существующей в обществе системе сдерживания, оказались бы вовлеченными в преступный мир; другие занялись бы воровством и грабежом, хотя раньше им это никогда не приходило в голову. Продолжительная крупномасштабная забастовка полицейских, возникновение революционной ситуации в большом городе, бесконтрольность оккупационных войск способствуют проявлению темных сторон человеческой природы в людях, которые в обычной ситуации ведут себя как уважаемые законопослушные граждане и подчиняются нормам своего общества»¹².

Отсюда Баттерфилд делает вывод, что цивилизация и варварство — «это разные аспекты одной и той же человеческой природы, которые по-разному проявляются в разных условиях»¹³. Далее он добавляет: «Однако... никто не может доказать, что человек поборол свой эгоизм и сосредоточенность на самом себе»¹⁴.

Он утверждает: если администрации какого-то города удалось добиться существенного снижения преступности благодаря хорошо налаженной работе полиции, то никто не будет доказывать, что полиция в этом городе больше не нужна. Если в городе закрыть все поли-

цейские отделения, то дурная сторона человеческой натуры возьмет верх и уровень преступности возрастет.

Баттерфилд далее рассуждает, что скрытые человеческие пороки, подобные гордыне, жадности и эгоизму, порождают опасное самодовольство и уверенность человека в том, что он всегда прав, а другие люди — всегда неправы. Он пишет: «Мне кажется, что только христианство подтачивает позиции зла в мире... Оно способствует разрушению именно той оболочки самодовольства, которую оно, в силу самой природы своего учения, должно растворить, прежде чем продолжить дальнейшую работу с человеком. Чем меньше человеческое существо... способно... к серьезному самоанализу, тем больше в нем самодовольства. Так что именно «толстокожие» больше, чем кто-либо другой, уверены в своей правоте... В самом худшем случае подобная позиция порождает мифический мессианизм — то есть мессианский угар XX века, который находится в опасной близости к установке: “Еще одна маленькая война против последнего из оставшихся врагов праведности — и мы расчистим площадку для строительства рая”»¹⁵.

Следует признать, что христианский мир также временами впадал в глухое самодовольство, например, когда преследовал еретиков, сжигал их живьем, обосновывая свои действия необходимостью спасения душ своих жертв. Крайние формы самодовольства проявляли также сторонники мощных политических движений, вроде нацизма или марксизма.

Баттерфилд поясняет, что его критика направлена не только против могущественных политических движений и широкомасштабных международных акций, но и против отдельных граждан: «Одна и та же человеческая природа, которая при благоприятных условиях хрупка и ранима, не имея закалки, может в других условиях превращаться в нечто отвратительное. Мне приходилось встречаться с маленькими людьми, которые проявляли такое самоуправство в своих маленьких царствах, что это просто счастье, что им не досталось в наследство или в результате политической борьбы большое царство и что от них не зависят вопросы войны и мира... Мне кажется, что самыми верными лозунгами для любого человека должны быть два выс-

казывания: “Все люди грешники, и я — главный среди них”, “Нужно надеяться только на милость Божью”»¹⁶.

В завершение данного рассуждения Баттерфилд приводит слова одного епископа, который сказал: если бы все мы полностью разоружились, то вряд ли бы кто-то на нас напал. Баттерфилд комментирует это высказывание так: «Возможно, крайне добродетельно разоружаться и соглашаться на мученичество ради благого дела; но обещать, что нам не доведется пережить мученичество в подобной ситуации, или полагаться на такое предположение — значит идти как против теологии, так и против истории. Мы не должны верить в человеческую природу. Такая вера — это новая и к тому же очень опасная ересь»¹⁷.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Иногда, если человека постигает несчастье, он страдает тяжелой болезнью или умирает, можно услышать слова: «Он (был) хорошим человеком и не заслужил такой участи». Какова может быть христианская точка зрения на подобные комментарии?

2. Прodelайте критический анализ интерпретации истории у Баттерфилда.

а) Считаете ли вы, как и Баттерфилд, что различие между цивилизацией и варварством состоит в том, что они способны проявлению разных сторон одной и той же человеческой природы?

б) Знает ли история периоды, когда человек не проявлял эгоизма и не ограничивался достижением собственных целей? Наступит ли когда-нибудь такое время? Если «да», то каким образом и с помощью каких средств?

в) Наступит ли такое время, когда полиция будет совершенно не нужна? Если нет, то почему?

г) Что Баттерфилд имеет в виду под самодовольством? Почему он считает, что оно плохо

- в политической теории?
- в международных отношениях?
- в жизни рядовых граждан?

Считает ли он, что никто и никогда не может точно знать, что хорошо, а что плохо?

д) Прокомментируйте соображения Баттерфилда относительно высказывания епископа. Каков смысл оценки Баттерфилда: «Мы не должны верить в человеческую природу»?

е) Считаете ли вы, что исторические исследования подтвердят позицию Баттерфилда? Приведите примеры из истории, которые свидетельствуют в пользу вашей позиции.

VI. В ЧЕМ ИМЕННО СОСТОИТ ДЕФЕКТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ И КАК ОН СВЯЗАН С БОЛЬЮ, СТРАДАНИЕМ И СМЕРТЬЮ?

Анализируя исторический процесс, легко убедиться в том, что зло, свойственное человеческой природе, привело к бесчисленным страданиям людей. И это составляет проблему *морального* зла, которую мы обсуждали в предыдущей главе. Здесь же мы проанализируем проблему *природного* (естественного) зла: почему, если Всеблагой и Всемогуший Бог создал нас, мы — Его творения — страдаем от природных катаклизмов, болезней — физических и психических — и, в конце концов, умираем? И как связано такое состояние дел с дефектом, или порочностью человеческой природы?

Исходным пунктом для ответа на этот вопрос послужит высказывание из Библии: «...одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть...» (Римл.5:12).

Смысл этого высказывания в том, что человеческая смерть, которая в разных формах, хотя и в неодинаковой мере сопряженная с болью и страданием, восходит к сознательному акту непослушания Богу со стороны первого представителя человеческого рода¹⁸.

Этот тезис сформулирован в Библии живым ясным языком. Непослушание Адама можно сравнить с открытыми воротами, через которые грех вошел в мир людей и вещей. Обратите внимание на то, что слово «грех» употребляется здесь в единственном, а не во множественном числе («грехи»). Это высказывание относится не к бесконечному разнообразию человеческих грехов, которые с тех пор были допущены, а греху как принципу. Библия определяет принцип греха как беззаконие (греч. *anomia*) (1Иоан.3:4). Это определенная позиция, состояние сознания, предрасположенность, или диспозиция. Этот термин обозначает сомнение, с которым человек настаивает на своей воле и желании, противопоставляя их воле и власти Бога. Человеческое существо, стоящее на по-

добной позиции, в Библии обозначается с помощью термина «плоть». Рассмотрим следующее высказывание: «...плотские помышления суть вражда против Бога; ибо закону Божию не покоряются, да и не могут. Посему живущие по плоти Богу угодить не могут» (Римл.8:7,8).

Важно отметить, что в подобных контекстах термин «плоть» имеет особенный смысл. Обычно слово «плоть» служит для обозначения тканей человеческого тела. И в этом смысле оно не имеет никакого отношения к греху. Но когда люди начинают полагаться на свои мудрость и силу, а не на силу Бога; более того, когда они утверждают собственную волю, противопоставляя ее воле Бога, то Бог определяет таких людей, как «плотских». Тем самым Он свидетельствует им об их хрупкости как существ, наделенных уязвимой плотью и отличных от Всемогущего Бога-Духа. Он свидетельствует об их безрассудном отвержении Бога и абсурдном стремлении жить независимо от Того, Кому они, на самом деле, обязаны своей жизнью и всеми благами. В Библии говорится: «...проклят человек, который надеется на человека и плоть делает своею опорою, и которого сердце удаляется от Господа» (Иерем.17:5. См. также: Исаии 31:1,3).

Поэтому, когда христианский Апостол пишет: «Помышления плотские суть смерть...» (Римл.8:6), он имеет в виду не просто грехи, которые люди обычно связывают с «грехами плоти», то есть пьянство, обжорство, сексуальную распущенность, а отношение к жизни, продиктованное стремлением быть независимым от Бога и непослушным Ему. А такое отношение, как подчеркивается в Библии, неотвратимо влечет за собой смерть.

Природа греха Адама

Согласно рассказу о сотворении мира (Быт.2 и 3 гл.), грех Адама состоял в том, что он съел запретный плод. Теперь многие люди считают, что выражение «съесть запретный плод» означает сексуальные отношения. Но в библейском рассказе о сотворении мира нет и намек на такое толкование.

Некоторые люди пытаются критиковать этот рассказ. Они говорят, что Бог предстает в нем как требователь-

ный тиран. Своим поступком Адам, рассуждают они, нарушил какое-то пустяковое правило. Смертная казнь как наказание совершенно несоизмерима его проступку. Но подобная интерпретация свидетельствует об абсолютном непонимании смысла рассказа.

Непослушание Адама явилось, на самом деле, результатом его принципиального несогласия с Богом в вопросе природы жизни и серьезной опасности смерти для человека. Бог предупреждал Адама и Еву: если они попробуют плод с дерева познания добра и зла, послушавшись Его и проявив полную независимость от Него, то обязательно умрут (Быт.2:7). Но искушитель сумел привлечь внимание Евы к дереву, и она увидела, «что дерево хорошее для пищи, что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание» (Быт.3:6). Ева подумала, что это дерево обещает физическое, эстетическое и интеллектуальное удовольствие. Кроме того, искушитель напрочь отверг слова Бога о том, что вкушение плодов этого дерева, вопреки указаниям Бога и независимо от Него, означает смерть. Искушитель уверил Адама и Еву в том, что вкушение плодов дерева приведет не только к большому наслаждению жизнью, но к освобождению и независимости от Бога («вы будете, как боги, знающие добро и зло»). Искушитель пообещал, что потом они смогут сами определять, что есть добро, а что есть зло, не прибегая к помощи Бога и Его слова. Согласно такой интерпретации Божьего запрета, он как будто был продиктован тираническим желанием Бога подавить человечество и заставить его подчиняться Его произвольным предписаниям. Поэтому, сказал искушитель, люди должны утвердить свою волю и вкусить всю полноту жизни.

Нет смысла исследовать, что это было за дерево, или задумываться над тем, что же это были за плоды, поедание которых приводило к знанию о добре и зле. Подобная интерпретация может направить нас на фальшивый путь в понимании смысла рассказа. Употребление в пищу плодов любого дерева, то есть любое действие, продиктованное любым мотивом, противоречащим воле и слову нашего Творца, является беззаконием. Установка, противопоставляющая свободу сотворенного су-

щества воле Творца и отодвигающая Творца в сторону, и выводящая на передний план руководство своими эгоистическими интересами и собственным пониманием жизни, называется грехом. А грех, как предупреждал человека Господь, автоматически ведет к смерти. Нет ничего плохого в физическом и эстетическом наслаждении, а также в приобретении нравственной мудрости и знаний самих по себе. Но считать, что этими и другими подобными вещами исчерпывается жизнь, что можно наслаждаться ими совершенно независимо от Бога, игнорируя Его Слово, — это принципиальная и трагическая ошибка. Бог — не только единственный источник всех благих вещей, которыми мы наслаждаемся. Он — Высшее Благо, придающее действительный смысл и значение второстепенным благам в нашей жизни, которые Он нам посылает. Высший принцип жизни, провозглашенный Богом в Ветхом Завете и повторенный Христом в Новом (Матф.4:4), состоит в следующем: «... не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих».

Рассмотрим вымышленную ситуацию. Представьте себе, что вы встретили подругу, с которой познакомились два года тому назад. Вы замечаете, что подруга носит обручальное кольцо, и поэтому решаете, что она помолвлена с кем-то. Сначала вы обращаете внимание на само кольцо, его форму и материал. А уже потом спрашиваете ее: «Кто же этот счастливец?» Предположим, она отвечает:

— Какой счастливец?

— Ну, человек, который подарил тебе обручальное кольцо?

— Никто мне ничего не дарил, — говорит она. — Я не интересуюсь мужчинами и не верю в брак. Мне не нужен никакой мужчина.

Что вы скажете ей в ответ? Обручальное кольцо, действительно, является прекрасным образцом ювелирного искусства. На него приятно посмотреть. Но если за ним не стоит человек, который подарил его в знак любви и будущего брака, это означает, что девушка, которая его носит, отрицает смысл кольца.

Так же, если вы получаете удовольствие от того, что несет в себе жизнь и что на самом деле подарено нам Творцом, и вместе с тем стремитесь изолироваться от Него, отвергая Его предписания, это означает, что вы лишаете себя высочайшего уровня жизни, который состоит в общении с Живым Богом. В действительности это начало смерти, и если вы упорно остаетесь на этой позиции, то смерть становится необратимой и вечной¹⁹.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. В библейской теологии то, что произошло с Адамом и Евой, описывается как падение. Каково значение этого термина?

2. Какой смысл библейская теология вкладывает в следующие понятия:

а) «грех» как фундаментальный принцип;

б) «плоть» как описание человека?

3. Прокомментируйте высказывание: «Причиной непослушания Адама были его разногласия с Богом в вопросе о природе жизни и возможности смерти». Является ли эта оценка корректной?

4. Чем руководствовался человек, когда захотел отведать запретный плод? Было ли это правильным поступком? Если же это было неправильно, то почему?

5. Кто, по вашему мнению, искушал Адама и Еву? Прочитайте тексты из Библии: Откр. 12:9; 20:2,3,7,8. 2Кор. 11:3; Иоан. 8:44. Ответьте на вопрос: существует ли этот искушитель сегодня?

6. Что такое эгоизм?

7. Что означает высказывание «не хлебом одним будет жить человек»? Верно ли оно? Проанализируйте свой жизненный опыт и подумайте, чего вам не хватает для полноты жизни?

8. Что имеется в виду, когда говорится, что смерть может наступить на разных уровнях человеческого существования?

9. Каков смысл приведенной выше аналогии относительно обладательницы прекрасного обручального кольца?

Последствия греха Адама

Ниже приведем три наиболее ощутимых последствия греха Адама, которые ближе подведут нас к библейскому пониманию проблемы боли и страдания.

1. Духовная смерть человека

Как гласит библейский рассказ, Адам и Ева, нарушив запрет Бога, сразу же почувствовали какое-то непривыч-

ное изменение, сначала — в своем сознании, потом — в своем понимании Бога. Они почему-то осознали свою наготу, им стало стыдно за нее, и они попробовали скрыть ее (Быт.3:7). Сначала чувство стыда было вызвано их физической наготой, но затем оно стало более глубоким, ибо, услышав голос Господа Бога в саду, они попытались спрятаться от Него среди деревьев (Быт.3:8). Разумеется, это им не удалось, ведь нигде в нашем мире или даже во всей Вселенной человек не способен спрятаться от своего Творца, хотя многие и пытаются это сделать. В конце концов, Адаму пришлось выйти из своего укрытия и объяснить свое поведение: «...голос Твой я услышал в раю, и убоялся, потому что я наг, и скрылся» (Быт.3:10).

Почему Адам и Ева боялись предстать перед Богом нагими, ведь Он создал их такими, и раньше они не стыдились своей наготы? Из последующего вопроса Бога стала понятна причина стыда: «...кто сказал тебе, что ты наг? не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть?» (Быт.3:11).

Вот в чем заключалась причина: в осознанном отсутствии веры в Слово Божье, в нарушении Его запрета, что автоматически повлекло за собой чувство стыда, вины, страха и наготы; причем речь шла здесь не просто о физической обнаженности. Это была нагота, о которой в Библии далее говорится так: «Итак постараемся войти в покой оный, чтобы кто по тому же примеру не впал в непокорность. Ибо слово Божие живо и действенно... судит помышления и намерения сердечные. И нет твари, сокроенной от Него, но все обнажено и открыто пред очами Его: Ему дадим отчет» (Евр.4:11-13).

Таким образом, грех, из которого следует чувство стыда, вины и страха, разрушил близкие, доверительные отношения человека с Богом — Источником его жизни — и привел к отчуждению, которое заставило человека убежать от Бога и спрятаться (если это возможно) или, по крайней мере, не жить в непосредственной близости к Богу. Это и является своего рода духовной смертью.

2. Физическая смерть человека

Мы уже говорили выше, что атеисты и многие другие мыслители видят в рассказе об Адаме и Еве только миф

о происхождении человека, считая его абсолютно неисторичным. Особенно они возражают против утверждения, содержащегося в Новом Завете: физическая смерть человека — результат его греха (Римл.5:12). Против такого утверждения эти люди выдвигают тезис о том, что человеческая смерть, как и рождение, является совершенно естественной. Конечно, говорят они, люди могут, если захотят, уйти из жизни раньше, совершив какой-то необдуманый поступок. Но обычно смерть приходит совершенно естественным путем либо в преклонном возрасте, либо в результате болезни. Она не является результатом какого-то греха, совершенного прародителями человеческого рода. Некоторые (хотя и не все) генетики утверждают, как мы говорили выше, что старение и смерть наступают просто потому, что происходит изнашивание теломеров в ходе мутаций и деления клеток.

Мы говорили выше, что вернемся к обсуждению этого возражения. Итак, рассмотрим его более подробно.

Во-первых, в Библии не отрицается, что человеческая смерть наступает в конце более-менее длительного естественного процесса, в результате постепенного (или внезапного) прекращения функционирования одной из важных систем, необходимых либо для поддержания жизни, либо для ее защиты. Согласно книге Бытие, физическая смерть человека наступила не сразу же после того, как он согрешил, а на более позднем этапе жизни: «...в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты, и в прах возвратишься» (Быт.3:19).

Во-вторых, важно отметить: в Библии нигде не говорится, что созданный Богом человек был бессмертен по своей природе. Бессмертен только Бог, что свойственно самой Его природе (1Тим.6:16; ср. Иоан.5:26: «...Отец имеет жизнь в Самом Себе...»). Созданный Богом человек не «имел жизни в самом себе». Предоставленный самому себе, он рано или поздно должен состариться и умереть, как, в конце концов, и случилось.

Библия объясняет: чтобы Адам мог продолжать физически жить вечно, он должен был постоянно вкушать от древа жизни, которое росло посреди Едемского сада.

О природе этого дерева жизни, реального, и в то же время символического, благодаря которому Адам мог поддерживать свою жизнь, нам ничего не сообщается. (Хотя о том, что это был символ, можно судить по таким отрывкам из Нового Завета, как Откр.2:7; 22:2). Напомним также, что в древней скинии светильник своим устройством изображал символическое дерево жизни (Быт.25:31-40). Но как раз тогда, когда Адам и Ева были изгнаны из Едемского сада, совершив грех, они потеряли доступ к дереву жизни (Исх.3:22-24). Именно в этом смысле в Библии говорится о том, что «одним человеком грех вошел в мир, и *грехом смерть...*» (Римл.5:12) (*курсив наш. — Д. Г., Дж. Л.*).

Скептики считают ненаучным представление о том, что Бог мог обеспечивать первых людей какой-то особой субстанцией, способной поддерживать их жизнь вечно. Однако этот скепсис ничем не обоснован. Профессор Стив Джоунс (который, очевидно, не является теистом), указывает на то, что механизм, необходимый для продолжения жизни, был создан именно так, что мог поддерживать человеческий род вечно, как это и было в течение веков. Вот что он пишет об этом: «Половые отношения возобновляют ход теломерных часов. Когда хромосомы объединяются в пары при образовании спермы и яйцеклетки, они поддерживаются и обновляются посредством энзима, который образует новые хромосомные концы. Ген — подлинный фонтан юности — производит энзим, теломеразу (которая иногда называется компонентом, продолжающим теломер). Он активен только в тканях, которые производят клетки зародыша. Только сперма и яйцеклетка могут омолаживаться.

Теломеры... просто составляют, возможно, маленькую часть омоложения, которая производит чудо каждый раз, когда рождается ребенок... Биология показывает: хотя жизнь тех, кто несет их в себе, преходяща, мир генов будет жить вечно»²⁰.

В свете вышесказанного достаточно произвольным выглядит скептическое отношение к тому, что Создатель этого «механизма омоложения» не мог снабдить наших прародителей средствами и способами постоян-

ного обновления своих жизненных ресурсов, к которым они могли прибегать до тех пор, пока не презрели Его предупреждение о возможности смерти.

3. *Суэта, бессмысленность и пустота существования*

Для понимания этого следствия человеческого греха следует вспомнить о том высоком положении, которое занимает человек в мире Библии. Человек, по Библии, — не результат атеистической эволюции, последний случайный продукт лишенных сознания сил на планете, не предназначенной, чтобы принять человека; исходя из учения эволюции, наша планета вообще не была предназначена ни для какой цели. Человек, согласно Библии, был создан для того, чтобы быть наместником Бога на Земле, управлять Землей и развивать ее ресурсы, постоянно пребывая в общении с Богом. В этом смысле другие творения были предназначены для того, чтобы служить человеку как главе и господину, и чтобы он, в свою очередь, управлял ими во славу Божью как уполномоченный Богом хозяин.

Если это так, то грех человека и его восстание против Бога, эксплуатация Земли для удовлетворения его собственных желаний, идущих вразрез с Божьим Словом и волей, имеют большую значимость. Ведь с тех пор как случился этот бунт, планета Земля как часть Божьей Вселенной оказалась в руках управителя, сердце и цели которого были поражены глубоким эгоизмом, равнодушием и духом неповиновения. На ангелов, смотрящих на нашу Землю со стороны, или на других разумных существ, послушных Богу, наша планета, вероятно, производит странное впечатление. Должно было пройти много веков, чтобы то первое восстание человека против Бога проросло как зерно сорняка и наша планета увидела, как Сын Творца Вселенной, коронованный терновым венцом, был пригвожден человеком ко кресту.

Интересный момент рассказа из книги Бытие состоит в том, что после своего бунта человек не был смещен с позиции главного управителя Земли. Ему было позволено и дальше нести ответственность за развитие планеты. В то же время в Новом Завете сообщается, что

деятельность человека была неэффективной, ибо вылилась в пустоту и суетность; причем эта неэффективность была предопределена свыше: «...тварь [то есть творение. — *Прим. перев.*] покорила суете не добровольно, но по воле покорившего ее...» (Римл.8:20).

Использованные здесь термины точны и интересны, как и в других рассмотренных нами случаях. Древнегреческое слово «суета» (*'mataiotes'*) родственно своим корнем причастию *'maten'*. Это причастие характеризует действие, которое было совершено напрасно: оно не достигло цели, на которую было направлено. Смысл фразы о недобровольной покорности суете состоит в том, что человек был таким образом наказан Богом за грех Адама: «...проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; терние и волчцы произрастит она тебе...» (Быт.3:17,18).

Библеист Крэнфилд так комментирует этот текст: «Сотворенный мир, отличный от человека, был нарушен и не смог соответствовать своему предназначению... Вообразите себе величественную Вселенную, подобную волшебному театру, представляющему разнообразные характеры и свойства, многоголосный хор живых существ, созданный для прославления Бога, но не способный к гармоничному исполнению своей партии, поскольку человек — главное действующее лицо этой драмы — не смог сыграть свою важнейшую партию» (Быт.1:26, 28; Псал.8:6) и потому находится в немилости²¹.

За многие века существования человеческого общества люди добились впечатляющих успехов в развитии и управлении земными ресурсами. Но они никогда не достигали абсолютного успеха. Достаточно вспомнить о блестящих, но затем пришедших в упадок цивилизациях. Движение человечества по пути прогресса было отягощено постоянными откатами назад в развитии цивилизации, такими как эпидемии, засухи, голод, землетрясения, извержения вулканов и проч., не говоря уже о пагубном влиянии таких сугубо человеческих качеств, как эгоизм, алчность, злоба. Даже сегодня, в XXI веке, мир раздирают контрасты: одни страны тратят миллиарды долларов на все более технически изощренное оружие,

тогда как другим не хватает ресурсов, чтобы накормить свое население. Совершенно очевидно, что человек не может справиться с управлением ресурсами планеты.

Иногда сама природа мстит за грубое к себе отношение со стороны человека. Бездумное вмешательство в природные процессы и половая распущенность как надругательство над человеческим естеством привели к эпидемии СПИДа, которая уже унесла жизни нескольких миллионов людей и, наверное, унесет еще многие миллионы. В результате эпидемии многие дети остаются без родителей, становятся вынужденными воспитателями своих младших братьев и сестер.

Массу проблем создает неправильная стратегия человека в поддержании существования человеческого рода. В традиционных культурах в прошлом (а кое-где и сегодня) супружеские пары рождали много детей, которые могли поддерживать своих родителей в старости. В последнее время во многих странах пожилые люди опираются, главным образом, на государственную систему пенсионного обеспечения. Эта система, в свою очередь, основывается на том, что в стране достаточно людей работоспособного возраста, которые платят налоги и тем самым обеспечивают пенсии для старших поколений. Однако в связи с легализацией аборт и введением других форм контрацепции создается неестественный демографический дисбаланс. Так, только в Америке начиная с 1973 г. было произведено около сорока миллионов абортов. В наши дни поколения, которые пользовались средствами контрацепции, достигают пенсионного возраста и обнаруживают, что людей работоспособного возраста, способных обеспечить им пенсии, недостаточно.

Таким образом, становится понятным, что отношения между человеком и другой частью сотворенного мира нарушены, и это не случайно. Земля — творение Бога. Человек не собственник Земли, а лишь ее арендатор, и, к тому же, арендатор, отягощенный грехом. Не может существовать два рая для человека, один из которых — в общении с Богом, а другой — без Него. Боль и страдания, исходящие от природы, напоминают человечеству о его падении и отчуждении от Бога. Если же это напо-

минание приведет человека к сотрудничеству с Богом во имя Его цели — искупления и восстановления как человека, так и природы, тогда даже боль и страдание (будучи злом сами по себе), допущенные Богом, могут послужить благой цели.

4. Последствия греха Адама для его потомства

Для анализа этой темы нам достаточно двух цитат:

1. «...как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили» (Римл.5:12)²².
2. «...как непослушанием одного человека сделались многие грешными, так и послушанием одного сделаются праведными многие» (Римл.5:19).

Из этих высказываний следует, что все мы унаследовали от Адама человеческую природу, которая обременена грехом и падением. Напомним читателю еще раз, что многие люди отвергают рассказ об Адаме и то, что наша греховная природа в Библии возводится к нему. Однако следует отметить: даже атеисты-эволюционисты утверждают, что *Homo sapiens* восходит к одному предку (понятно, что на самом деле их должно было быть двое!), и они по-прежнему продолжают обсуждать вопрос, жил ли предок человека в Африке или где-то в другом месте. Отметим, между прочим, что никто не оспаривает тот факт, что длинная цепь потомков первого человека унаследовала от него свои гены, а следовательно, — его природу.

В Библии утверждается: это, в сущности, не наша вина, что уже с самого рождения мы несем в себе порок, унаследованный от Адама. Однако наша собственная вина в том, что мы сами грешим. Именно поэтому обречены на смерть. Мы подобны младенцу, который родился от матери-наркоманки и распространительницы наркотиков, а потому уже в ее утробе испытал на себе влияние наркотиков; поэтому родившись, выявляет отставание в развитии. Это не вина младенца. Постепенно ребенок растет и борется с заложенной в нем склонностью к наркотикам, а затем, случается, все-таки сдается и сам становится распространителем наркотиков. Но это — уже *его* вина.

Хотя мы наследуем греховную природу невольно, впоследствии совершаем греховные поступки уже под

свою ответственность, испытывая влияние и давление со стороны превалирующего этоса* падшего мира. Выражаясь языком Библии, мы по своей природе — чада гнева; сама наша сущность и греховное поведение, которое из нее вытекает, вызывают Божье неодобрение (Ефес.2:3).

Однако многие люди считают библейское учение крайне несправедливым. Мы стали детьми падшего племени не по своей воле, говорят они. Почему мы должны быть отвергнуты Богом из-за того, что кто-то до нас согрешил? Но ответ на это вполне понятное возражение можно получить в нашей второй цитате: «Ибо, как непослушанием одного человека сделались многие грешными, так и послушанием одного сделаются праведными многие» (Римл.5:19).

Другими словами, если мы появились на свет грешниками, в силу того что согрешил кто-то другой, освобождение от нашего греха предлагается нам свободно и безвозмездно на тех же условиях, то есть, благодаря тому что сделал Другой Человек, а не мы сами. Мы сами не можем достичь освобождения от греха.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Как в рассказе из книги Бытие описывается непосредственное следствие непослушания Адама и Евы? Действительно ли, это следствие?

2. В чем состоит возражение многих биологов против библейского учения о том, что физическая смерть является результатом человеческого греха? Насколько оно обоснованно?

3. Что означает утверждение: «В Библии нигде не сказано, что человек был изначально создан бессмертным»? Как оно связано с возражением, изложенным в предыдущем вопросе?

4. В чем смысл утверждения, что Божье творение оказалось погруженным в суету и бессмысленную деятельность, не приводящую к нужному результату?

5. Согласны ли вы с утверждением о том, что современный человек управляет земными ресурсами неблагоприятно и даже наносит им ущерб?

6. Приведите примеры, которые могли бы проиллюстрировать высказывание: «Природа сама иногда мстит за грубое к себе отношение со стороны человека».

* **Этос** — греч. — характер, обычаи, моральные представления людей. — Прим. ред.

7. Допустив, что человек по своей природе обладает многими хорошими качествами, согласны ли вы с утверждением, что каждое человеческое существо имеет какие-то пороки или недостатки? Если да, то как вы это объясните?

8. Проанализируйте приведенный в этой главе пример с ребенком матери-наркоманки. Кто, по-вашему, отвечает за поведение этого ребенка, когда он становится взрослым человеком: мать или он сам?

9. Каков, с вашей точки зрения, смысл высказывания из Послания к римлянам (5:19)?

VII. БОЛЬ, СТРАДАНИЕ И ИНДИВИД

До сих пор мы обсуждали проблему боли и страдания преимущественно в контексте человеческого рода в целом, а также отношения человечества к Земле и Вселенной. И это абсолютно необходимая перспектива анализа. Существенная часть этой проблемы связана с тем, что на Земле происходит огромное количество природных катастроф. Эти катастрофы случаются постоянно и воздействуют на многих людей, а иногда — на несколько поколений людей. То же можно сказать о болезнях, которые поражают человечество, таких как рак, диабет, сердечно-сосудистые заболевания. Несмотря на то что в понимании происхождения и способах лечения этих болезней достигнут значительный прогресс, человеку, страдающему каким-то тяжелым недугом, приходится мириться с тем, что средства, необходимого для полного излечения от его болезни, не будет найдено при его жизни.

Как ему относиться к такой ситуации? Человек живет сравнительно недолго, и когда его жизни — его единственной жизни — угрожает преждевременная смерть, а остаток дней омрачен постоянной борьбой с болью, немощью и страхом, то обсуждение проблемы боли и страдания в контексте истории и будущего человеческого рода в целом кажется больному не только не уместным, но очень обидным и жестоким.

В Библии говорится о надежде не только для всего человечества, но и для каждого творения. Библия обещает, что наступит время восстановления («совершения всего») (Деян.3:21), когда «и сама тварь освобож-

дена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих. Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится доныне» (Римл.8:21,22).

Но Библия не является программой в духе тоталитарной утопии, которая обещает рай всему без исключения человечеству, одновременно игнорируя теперешние страдания отдельных людей. Наоборот, забота Бога об отдельном человеке нашла свое отражение в высказываниях Христа. Иисус не говорил о какой-то безоглядной заботе о Его творениях, которая предохраняла бы их от любого малейшего ущерба. Однако важно то, что Он сказал: Бога волнует падение каждого человека. «Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего; у вас же и волосы на голове все сочтены; не бойтесь же: вы лучше многих малых птиц» (Матф.10:29-31).

В Библии также провозглашается, что у Бога есть — и всегда был — замысел искупления, достаточно большой, чтобы охватить всю человеческую историю, включая последнее поколение людей, достичь краев Вселенной, конца времени и перейти в вечность. Но Его не в меньшей степени заботит и отдельный человек, который живет в каждом поколении. Именно поэтому столь значим порядок, по которому, согласно Библии, будет протекать процесс искупления.

Порядок искупления

Чтобы понять, как будет протекать искупление, целесообразно обратиться к рассказу из книги Бытие и к порядку событий, произошедших сразу же после грехопадения Адама и Евы. Именно порядок этих событий (наряду с другими аспектами) передает дух рассказа.

1. Инициатива Бога в преодолении чувства отчуждения человека

Совершив роковой проступок, как помним, почувствовав стыд и вину, Адам и Ева в страхе попытались спрятаться от Бога. Тогда Бог взял на себя инициативу установления с ними контакта, чтобы таким образом снять возникшее у них чувство отчуждения, избавить их от стыда, даровать прощение и уверить в том, что

Он их принимает. Это не означало, что Он хотел уменьшить тяжесть их греха или просто его «затушевать». Господь познакомил их со списком физических, психологических и социальных последствий греха и наказаний, которые они должны за него понести. Но после этого «сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные и одел их» (Быт.3:21). И это было не просто практической мерой: при этом проявилось исключительно важное символическое действие. Человек — отчасти животное, отчасти — дух. Но из-за своего падения Адам и Ева болезненно ощутили и свою причастность к плотскому началу, и низменность своего духа, а потому — и невозможность оставаться в присутствии Божьем. Господь нашел способ, как помочь им в этом глубоко личном переживании. Он пожертвовал невинным животным и использовал его кожу, чтобы одеть виновных людей.

Без этого жеста со стороны Бога боль и страдания, которые им пришлось бы перенести в результате своего греха, наряду с перспективой физической смерти, могли оказаться психологически невыносимыми. Однако после этого, какая бы боль не причиняла им страдания, они знали, что Бог не отвернулся от них. Он Сам их одел и способствовал тому, что первые люди почувствовали: Господь принял их в Свое присутствие. Бог был с ними. Их ждет окончательное освобождение и искупление.

Повторение метафоры

Одежда для Адама и Евы послужила моделью и метафорой, которые многократно использовались на протяжении веков. Так, еврейский поэт и пророк Исаия описывает, как искупленные люди воспевают свою благодарность Богу: «Радостью буду радоваться о Господе, возвеселится душа моя о Боге моем; ибо Он облек меня в ризы спасения, одеждою правды одел меня, как на жениха возложил венец и, как невесту, украсил убранством» (Исаии 61:10).

В притче о блудном сыне Христос описывает, как сын пришел домой в грязных лохмотьях, натерпевшись стыда и страданий, а его отец «сказал рабам своим: принесите лучшую одежду и оденьте его» (Луки 15:22).

В насыщенном метафорами Откровении об искупленных людях сказано так: «...они омыли одежды свои и убелили одежды свои кровию Агнца. За это они пребывают ныне пред престолом Бога...» (Откр.7:14,15).

Следующая же вековая метафора, переведенная на прямолинейный язык Нового Завета, принимает такое выражение: «...Бог во Христе примирил с Собою мир, не вменяя людям преступлений их <...> не знавшего греха Он сделал для нас жертвою за грех, чтобы мы в Нем сделались праведными пред Богом» (2Кор.5:19,21). «Ибо, как непослушанием одного человека сделались многие грешными, так и послушанием одного сделаются праведными многие» (Римл.5:19). Такова для любого поколения первая стадия искупления²³. Христианская Благая Весть отнюдь не означает, что, уверовав во Христа, мы никогда не будем страдать от боли, депрессии и болезней и никогда не умрем. Но ее сущность в том, что Бог ждет каждого желающего, чтобы провести его через первую стадию искупления здесь и сейчас — через личное примирение с Богом, чтобы он получил уверенность: Бог никогда нас не отвергнет, потому что во Христе Бог — за нас. «...Если Бог за нас, кто против нас? Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не дарует нам и всего? Кто будет обвинять избранных Божиих? Бог оправдывает их. Кто осуждает? Христос Иисус умер, но и воскрес: Он и одесную Бога, Он и ходатайствует за нас» (Римл.8:31-34). Именно эта уверенность в реальности мира с Богом абсолютно снимает остроту любых страданий и боли, которые являются результатом временных следствий нашего собственного греха и греховности человечества, кардинально меняет их смысл. Более того, любовь к нам Бога, выразившаяся в том, что Он отдал нам Своего Сына, Который умер за нас, приносит в душу верующего глубокую уверенность и даже чувство торжества перед лицом природного и нравственного зла, с которыми он сталкивается: «Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? как написано: за Тебя умерщвляют нас всякий день; считают нас за овец, обреченных на

заклание. Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас. Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Римл.8:35-39).

2. Инициатива Бога — дать человеку надежду на будущее

Вернемся к рассказу из книги Бытие. Бог не только примирил с Собой Адама и Еву — Он подарил им надежду. Изначально Бог сказал, что непослушание приведет к смерти. Сатана говорил, что этого не произойдет. Они сделали сознательный выбор. И ошиблись. Ради их благополучия нельзя было допустить, чтобы они не познали на собственном опыте последствий своего выбора. Если бы каждый раз, когда мы делаем неправильный выбор, кто-то вмешивался бы и чудесным образом спасал нас от последствий нашего выбора, это превратило бы мир в нереальную сказочную страну, а мы никогда не научились бы правильно пользоваться своей способностью делать выбор. Более того, поскольку Бог серьезно предупредил Адама и Еву, что они умрут, если вкусят запретный плод, то как бы они научились верить Божьему Слову, если бы Он затем присоединился к сатане и уверил людей, что, несмотря на нарушение запрета, они не умрут?

Таким образом, перед ними открылась мрачная перспектива физической смерти. Однако Бог тут же внушил им надежду, обещая, что потомство («семя») женщины будет поражать змея в голову, хотя змей будет жалить его в пятю (Быт.3:15).

Это обещание обнадежило Еву и сделало осмысленной ее дальнейшую жизнь. Несмотря на то что материнство всегда будет сопряжено с болью, ее стоит переносить. Потомуки Евы имеют будущее. Человечество должно, рано или поздно, отпраздновать триумф над смертью, на которую его обрек искушитель. Адам, как сообщается в Библии, немедленно понял следствия, которые вытекали из слов Бога, и поверил Ему. И «нарек Адам имя жене своей: Ева, ибо она стала матерью всех живущих» (Быт.3:20).

Именно эта надежда утешает, вдохновляет и до сих пор поддерживает каждого верующего во Христа перед угрозой несчастий, болезней, боли и смерти. Только теперь эта надежда, как верят они, уже была исполнена в той мере, о какой Ева никогда не мечтала, а впоследствии она будет исполнена абсолютно. Ведь они осознают, что, использовав понятие «семя женщины», Бог предрек пришествие в мир Сына Божьего. Рожденный от Девы Марии, Он должен стать подлинным Человеком, не переставая при этом быть Богом. Посредством Своей смерти и Воскресения *Он освобождает тех, кто Ему верит, от страха смерти.*

Иисус, как отмечено в Новом Завете, разрушив смерть, явил «жизнь и нетление через благовестие» (2Тим.1:10). Последнее слово не за смертью. Физическое Воскресение Христа — это начало восстановления человеческого рода и всего творения.

В Библии об этом сказано так: «А как дети причастны плоти и крови, то и Он также воспринял оные, дабы смертью лишить силы имеющего державу смерти, то есть, диавола, и избавить тех, которые от страха смерти через всю жизнь были подвержены рабству» (Евр.2: 14,15).

Для понимания этого отрывка следует учесть следующее. В нем не говорится, что верующие во Христа не боятся болезней, сильной боли или физической смерти. Страх перед этими вещами — естественная автоматическая реакция человеческого организма, часть механизма самосохранения. Наша природа восстает против смерти. Христос освободит Своих людей как от самой смерти, так и того, что с нею связано.

Дьявол внушает людям страх смерти по двум разным причинам.

1. Он заставляет некоторых людей поверить, что после смерти ничего нет. Следовательно, теперешняя жизнь — единственное, что существует. Поэтому некоторые жертвуют верностью Богу, истиной, верой, честью, принципами, опускаясь до постыдного предательства, если оно сохраняет им физическую жизнь. Страх смерти вынуждает их идти на моральное рабство и бесчестие.

2. Других людей дьявол пугает страшным Судом и мучениями, которые будут им определены.

Смерть Христа и Его Воскресение как подлинного Человека освобождают верующих в Него от первого из этих страхов. Они освобождают верующих от глухой безнадежности, которая может настигнуть любого человека, переживающего смерть близких, поскольку им известно, что их умершие близкие «вышли из тела» и «водворились у Господа» (2Кор.5:8), или, как сказал Христос, находятся «со Мною в раю» (Луки 23:43). Именно этим освобождением можно объяснить секрет храбрости христианских мучеников, готовых скорее умереть, чем отречься от Христа.

Смерть Христа также освобождает верующих в Него от второго из страхов, внушаемых дьяволом. Бог уверил их в том, что Христос посредством Своей искупительной смерти полностью расплатился за их грехи. Физическая смерть наступает лишь однажды. А страшный Суд совершается *после* смерти. Искупительная смерть Христа покрывает каждый грех, который будет рассмотрен на страшном Суде. Следовательно, верующий уверен: «...как человекам положено однажды умереть, а потом суд, так и Христос, однажды принеся Себя в жертву, чтобы подъять грехи многих, во второй раз явится не для очищения греха, а для ожидающих Его во спасение» (Евр.9:27,28). А Христос, Который будет судить на Божьем Суде (Иоан.5:22), провозглашает: «Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную, и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь» (Иоан.5:24)

Физическое Воскресение Христа позволяет каждому верующему испытывать уверенность в том, что он тоже когда-то воскреснет в теле.

В Библии о Воскресении Христа говорится как о первых плодах грядущего великого урожая (1Кор.15:20). Этот урожай созреет при Втором Пришествии Христа. Он коснется Христовых людей всех времен. Те, которые умрут до Второго Пришествия, снова воскреснут. А те, кто в это время будут еще живы, изменятся. Все они обретут тела, подобные славному телу Христова (1Кор.15:50-57; Филп.3:21).

Аргументация против идеи физического воскресения

Некоторые считают, что идея воскресения абсурдна, ибо когда мы умираем, клетки нашего тела деградируют, распадаются и становятся частью окружающей среды. Поэтому они вполне могут стать частью животных или даже других людей. Можно ли, в таком случае, говорить о физическом воскресении мертвых? — рассуждают они. Но это возражение не учитывает некоторые важные факты.

Начнем с того, что, когда мы умираем, атомы нашего тела действительно рассеиваются. Но надо учесть и то, что клетки (а следовательно, и атомы) нашего тела меняются постоянно. Ни одной из клеток моего тела, присутствующих в нем сегодня, не было в нем десять лет назад (за исключением, возможно, определенных специализированных клеток головного мозга). Но несмотря на это постоянное изменение, замещение атомов и клеток и процессы старения, формальная тождественность моего тела сохраняется. Очевидным доказательством тому являются отпечатки пальцев, которые абсолютно индивидуальны, сохраняются у человека на протяжении всей его жизни (если, разумеется, они не нарушаются в результате серьезной травмы). Этот факт, впервые продемонстрированный Фрэнсисом Гальтоном в 1888 г., играет решающую роль при идентификации преступников. То же можно сказать и об идентификации с помощью ДНК.

Всемогущему и Всеведущему Богу известно «кодирование», отвечающее за идентичность тела каждого человека, который когда-либо жил на этой Земле. При воскресении у Бога не будет никаких проблем с определением атомов или какой-либо другой субстанции, с помощью которой кодируется телесная идентичность любого человека. В результате любой верующий обретет тело, подобное славному воскресшему телу Христа (будет обладать способностями и достоинствами, которыми наши теперешние тела не обладают). Но каждого человека можно будет идентифицировать благодаря уникальной форме его воскресшего тела, так же как любого человека можно идентифицировать здесь, на Земле.

Практический вывод

Поскольку каждый верующий понимает, что обязательно воскреснет в теле, он делает вывод: жить в своем земном теле стоит; нужно также максимально использовать все свои способности, всю свою энергию, извлекать максимум из жизненных обстоятельств, несмотря на страдания, боль и неминуемую смерть. «Итак... будьте тверды, непоколебимы, всегда преуспевайте в деле Господнем, зная, что труд ваш не тщетен пред Господом» (1Кор.15:58).

Другими словами, хотя наши земные тела унаследованы от падшего рода, подвержены разложению и смерти, все наши поступки, осуществляемые в нашем земном теле, имеют значение для вечности.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Что, с вашей точки зрения, имеет большее значение: человечество в целом или отдельный индивид? Существует ли «человечество в целом»? Существовало ли оно вообще когда-либо?

2. Обсудите следующий тезис: «В тоталитарных государствах большее значение придается массам или расе, чем индивиду».

3. Бог достаточно могуществен, чтобы заботиться о чувствах, проблемах и жизненной судьбе каждого человека. Как проявлял эту заботу Христос?

4. Каков смысл слов «порядок искупления»?

5. Что сделал Бог для того, чтобы положить конец отчуждению Адама и Евы? Как это помогло им в преодолении жизненных проблем и страданий? В чем символический смысл действия Бога?

6. Как это символическое действие, превращенное в метафору, использовалось в дальнейшем? Каков смысл этой метафоры?

7. На чем христиане основывают свою уверенность, что Бог – за них?

8. Как, согласно рассказу из книги Бытие, Бог дал Адаму и Еве надежду перед лицом боли и страдания?

9. Почему так важно, чтобы мы могли испытывать на себе тяжелые последствия собственного выбора?

10. Как, согласно христианскому определению, Христос исполняет обетование Бога о потомстве («семени») Евы?

11. Действительно ли люди боятся смерти? Если «да», то почему? Боятесь ли вы смерти?

12. Как перед страхом смерти человек может нарушить моральные принципы?

13. В каком смысле, согласно Библии, Христос освобождает людей от страха смерти?

14. Считаете ли вы веру в физическое воскресение абсурдной? Если «да», то на каких основаниях? Как христиане ответили бы на аргументы относительно абсурдности веры в телесное воскресение?

15. Вера в воскресение после смерти делает жизнь здесь и сейчас бесконечно важной. Почему?

VIII. ОТ СТРАДАНИЙ К СЛАВЕ

А. Повторим пройденное

Мы постепенно приближаемся к концу главы, посвященной проблеме природного зла. Поэтому полезно повторить основополагающие идеи главы.

Итак, мы начали с формулировки проблемы: как можно примирить страдания с существованием Премудрого, Всемогущего, Всеблагого Бога-Творца?

Затем мы проанализировали отношение человечества к боли, страданию и смерти с незапамятных времен и до сих пор, не принимая во внимание вопрос о том, существует Творец или нет. Мы обнаружили, что человечество считает: глубокие страдания, боль и смерть оправданны, если благодаря им можно достичь существенных благ. Мы сделали вывод о том, что человечество вряд ли может высказывать какие-то принципиальные возражения, если цели, которые Бог ставит перед человеком, столь велики и их достижение столь достойно, что они оправдывают боль и страдание, которые приходится претерпевать в процессе достижения этих целей.

Итак, мы проанализировали две цели, которые, согласно Библии, стоят перед человечеством:

а) человек должен удостоиться уникальной чести быть представителем Бога, Его наместником в управлении Землей и развитии ее ресурсов (Быт.1:26-28; Псал.8 гл.);

б) люди, рожденные как творение Божье, должны иметь возможность стать чадами Божьими, после чего, благодаря процессу воспитания, достичь зрелости сынов или дочерей Бога (Иоан.1:12,13).

Далее мы отметили осознание первыми христианами того, что страдания в теперешней жизни не могут сравниться со славой и блаженством, которые будут обретены человеком после достижения двух упомянутых выше целей.

Затем, задавшись вопросом, почему попытка достижения этих двух целей сопряжена с такими страданиями и болью, мы выяснили, что человеческая природа обременена пороком. И это, как установлено, не просто теологическое учение. Многочисленные исторические факты свидетельствуют: несмотря на множество прекрасных качеств, человеку явно свойственны и определенные пороки. Поэтому неразумно и даже в каком-то смысле опасно не обращать внимания на это обстоятельство и безоглядно верить в человеческую сущность.

Далее мы обратились к Библии, чтобы понять, как в ней объясняется присущий человеческой природе порок. Мы узнали, что порочность человеческой природы обусловлена тем, что первый человек воспользовался данной ему Богом свободой воли, разошелся со своим Творцом в том, *что* составляет жизнь и смерть, преступил предначертанные ему Богом границы, не согласился с Его Словом, усомнился в Его характере и предпринял попытку насладиться жизнью независимо от Бога. Надо сказать, что и сегодня тысячи людей придерживаются такой жизненной стратегии. Тем самым в мир вошел принцип греха (то есть беззакония), а вследствие него — смерть. Поскольку собственный наместник Бога на Земле привнес власть беззакония в среду Божьего творения, его деятельность на земле неэффективна, суетна и пуста. Ведь несмотря на значительные достижения человека в управлении природой, он постоянно сталкивается с тем, что природа сопротивляется его воздействию, и в окружающем мире жизнь разрушается.

Затем мы отметили, что сразу же после падения человека Бог начал процесс искупления, который осуществляется в несколько этапов. Искупление не означает, что Бог сводит на нет все болезненные последствия сделанного человеком неправильного выбора и возвращает ему первоначальное блаженство рая. Подобный шаг про-

тиворечил бы любви и уважению Бога к человеку. Он подорвал бы достоинство человека и его ответственность за совершенный им выбор и создал бы впечатление, что не имеет никакого значения, как человек пользуется своей свободной волей. Ведь как бы он ею ни пользовался, Бог заботился бы о том, чтобы человек никогда не столкнулся с прискорбными последствиями своих поступков. Человек должен был на своем опыте осознать страшную силу греха, который наводнил мир через его непослушание. (Уже первый сын Адама совершил убийство по религиозным мотивам²⁴). Потомки первого человека тоже должны были учиться на собственном опыте. Чем более опытными становились человеческие существа, тем более изощренным становился грех. На самом деле, одна из целей, которую Бог преследовал, давая человеку Закон, состояла в том, чтобы вывести на поверхность тот факт, что пребывающий в сердце человека грех чрезвычайно силен (Римл.7:13). Грех подобен бактерии. Как только общество находит мощный антибиотик для его уничтожения, грех мутирует, приобретая устойчивость к новому средству против него, и остается столь же опасным.

Таким образом, первая стадия искупления человека не состояла — и до сих пор не состоит — в устранении боли и страдания, а также в упразднении смерти. Начальной стадией искупления было — и до сих пор остается — прекращение отчуждения человека от Бога, примирение, прощение и уверенность в принятии Богом, что означало: какую бы боль, какие бы страдания нам ни пришлось переносить, Бог с нами и за нас.

Вместе с тем мы видим: с самого начала Бог взял на Себя инициативу, состоящую в том, чтобы вселить живую надежду в сердца людей, уверить их в том, что последнее слово не за страданием и смертью, так как наступит воскресение. При Воскресении Христа Бог не допустил, чтобы Его тело подверглось разложению, и Он вернулся на Небеса как бестелесный дух. Физическое тело Христа было воскрешено из мертвых, и оно остается живым навечно. Мы узнаем, что при Его Втором Пришествии мертвые воскреснут, а живые преобразятся: тела всех людей станут подобными славному

телу Христовому — бессмертными и нетленными (1Кор.14:50-58; Филп.3:20,21).

Более того, согласно Библии, все творение будет преобразовано. Творение («тварь»), которое сейчас «совокупно стенает и мучится», будет освобождено «от рабства тлению в свободу славы детей Божиих» (Римл.8:22,21). «...небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят» (2Петр.3:10; Откр.20:11;21:1), то есть все вокруг подвергнется изменениям (Евр.1:11,12). Христос, Который является образом невидимого Бога, перворожденным всего творения, в Ком, через Кого и для Кого было первоначально создано все мироздание и в Ком все оно остается единым целым, начиная с отдаленной галактики и кончая мельчайшей атомной частицей, примирит всю природу с Богом и приведет ее в соответствие с исходным замыслом Творца (Колос.1:12-23; 1Кор.15:20-28). В результате этого примирения исчезнут боль, страдание и горе (Откр.21:4); более того, первоначальное желание Бога, чтобы человек был Его наместником, царствовал над Божьим творением и управлял им, будет окончательно выполнено в той форме, в какой Бог это изначально замыслил (Евр.2:5-10; 1Кор.15:20-28).

Б. Аргументы против библейского представления о будущем и конце страданий человека

Прошло две тысячи лет, с тех пор как в Новом Завете были даны обетования, что однажды творение будет преобразовано, а страдания исчезнут. Аналогичные обетования были даны в Ветхом Завете за несколько сотен лет до этого (сравн. Исаии 11:1-9). Уже в новозаветные времена были люди, которые говорили: раз эти обетования не исполняются, они не имеют никакой ценности (2Петр.3:3,4). Вполне понятно, что сегодня, спустя две тысячи лет, многие люди выдвигают против этого обетования то же возражение. Если существует любящий Бог, Который может преобразовать творение и положить конец боли и страданию, то почему Он до сих пор этого не сделал, а продолжает допускать боль и страдания, которые кажутся бесконечными? Не говорит ли столь дли-

тельная отсрочка в исполнении обетования о том, что на самом деле не существует Всемогущего и Всеблагого Бога, а в самих обетованиях отражены представления религиозно настроенных людей, которые тем самым пытаются уменьшить свои страдания? Более того, закономерности протекания природных процессов плохо согласуются с представлением о возможности Божественного вмешательства. Отсюда делается вывод, что для улучшения ситуации следует полагаться только на эволюцию и способность человека регулировать эти процессы.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Какой, согласно Библии, была роль Христа по отношению к созданной Вселенной?

2. Каково библейское представление о будущем мира, прекращении боли и страданий?

3. Почему христиане считают физическое Воскресение Христа принципиально важным для будущего материальной Вселенной? Прокомментируйте высказывание: «Бог уже никогда не откажется от материальной Вселенной, так же как Он никогда не оставит человеческое тело Сына Божьего».

4. Согласны ли вы с тем, что история и развитие нашей планеты были всегда одинаковыми и подчиненными определенным закономерностям?

5. Считаете ли вы, что в будущем нашу планету не постигнут никакие крупномасштабные катастрофы?

6. Согласны ли вы с утверждением о том, что развитие науки, в конце концов, приведет к победе над всеми болезнями, страданиями и смертью?

7. Считаете ли вы, что Солнце будет существовать вечно? Что произойдет с Землей, если Солнце прекратит свое существование?

8. Можно ли согласиться с тем, что Вселенная погибнет сама по себе? Расширится и погибнет в результате тепловой смерти? Или будет существовать вечно?

В. Некоторые ответы на приведенные в параграфе Б возражения против библейского представления о будущем мира

Надо отметить с самого начала, что ни Библия, ни христиане не выступают против стремления науки покончить с физической болью и страданиями, продлевая

человеческую жизнь. Наоборот, они относятся к этой попытке с энтузиазмом. Успехи медицины, особенно за последние сто лет, заслуживают самой высокой оценки. Христиане считают, что эти достижения вытекают из предписанной Богом человеку роли — отвечать за сохранение и развитие земных ресурсов. Более того, христиан особенно вдохновляют призывы Христа к исцелению больных. Но возражения против библейского представления о будущем, приведенные в параграфе Б, нуждаются в комментировании.

1) Относительно законосообразности природы см. подробный анализ в главе 9 данной книги.

2) Относительно библейских обетований восстановления и преобразования творения необходимо отметить следующее:

- Бог, будучи вечным, не измеряет время теми же единицами, что и мы (2Петр.3:8).
- Для достижения Своих целей Богу необходимо, чтобы были привлечены многие поколения людей.
- Бог долготерпелив и милостив, Он хочет, чтобы ни один из нас не погиб, но чтобы все мы пришли к покаянию и приготовились ко Второму Пришествию Христа (2Петр.3:9).
- Конец земли и неба в их теперешнем состоянии придет. Бог вмешается благодаря Своей силе и власти, библейские обетования будут исполнены (2Петр.3:10-13).

Однако более важно следующее. Аргумент о том, что если бы существовал Всемогущий и Всеблагий Бог, то Он уже давно использовал бы Свою власть, чтобы преобразовать Землю в рай, где нет боли и страданий, не учитывает одно принципиальное обстоятельство: некоторые дела даже Божественная любовь не может осуществить, опираясь только на Свою власть, путем простого применения силы. В Библии (Евр.2:10) говорится, что Божественной любви не подобает радикальное преобразование мира с помощью одномоментного применения Своей власти. Преобразование мира должно быть совершено посредством страдания — страдания Самого Бога.

Идея о том, что Бог вообще может страдать, для многих философов и теологов является столь поразительной, что следует ее специально обсудить. Поэтому вернемся к этому вопросу ниже. А пока ограничимся замечанием о том, что, согласно Библии, Христос был подлинным Человеком, но не только Человеком. Он был Воплощенным Богом, то есть Богом и Человеком одновременно. Он не был раздвоенной личностью, а Единым Христом. Следовательно, когда страдал Христос, то страдал Бог; когда был распят Христос, был распят Бог²⁵.

Почему Бог должен страдать

1. Если восставшее против Творца грешное Божье творение когда-то будет славно править восстановленной и прославленной природой, то человек должен быть сначала превращен в любящее Божье дитя.

И это понятно. Каков смысл восстановления творения до состояния его полной славы и больших возможностей, если управление этим восстановленным творением будет отдано слабому, своенравному, эгоистичному, греховному человеку? Даже если уровень научно-технического прогресса достигнет небывалых высот, при таком правителе ошибки неизбежны. Именно это отчасти объясняет отсрочку в исполнении обетования восстановления мира. В Библии говорится, что «тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих» (Римл.8:19). Только тогда, когда образуется достаточное число людей, подготовленных к новой миссии, «тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих» (Римл.8:21).

Однако в связи с этим возникает вопрос. Как может Бог превратить хотя бы одно Свое неверующее, грешное, подозрительное, враждебно настроенное, а иногда и озлобленное творение в дитя Божье, наполненное любовью и доверием? Разумеется, не посредством проявления силы и всемогущества, которые могут только увеличить обиду и ожесточение сердца. Бог делает это путем демонстрации Своей любви к человеку, проявляющейся в крестных муках Воплощенного Бога. Объясняя фарисею Никодиму основной стержень нового рождения личности как Божьего дитяти, Христос говорит: «И как Моисей вознес змию

в пустыне, так должно вознесено быть Сыну Человеческому, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную. Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную. Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него» (Иоан.3:14-17).

Не может быть большей демонстрации любви, чем жертвенное страдание во имя другого. Именно через страдания и смерть Воплощенного Бога прежние враги Бога могут осознать, что Он на самом деле существует, и получить возможность примириться с Ним и родиться заново как Его дети (Римл.5:10,11).

2. Если человек, который постоянно нарушает закон и виновен во многих грехах, справедливо прощается и объявляется праведным перед Богом — моральным правителем Земли, — то прежде должна быть осуществлена расплата за его грехи. Иначе как может Бог сделать его правителем восстановленного творения?

Именно в связи с Божьим замыслом, согласно которому многие сыны Божьи будут приведены к славе царствования вместе с Христом над обновленным творением (Евр.2:5-9), автор Послания к евреям пишет: «...надлежало, чтобы Тот, для Которого все и от Которого все, приводящего многих сынов в славу, Вождя спасения их совершил чрез страдания» (Евр.2:10). Смысл этого высказывания вот в чем: если когда-либо сыны Божьи должны быть приведены к славе, им нужно спасение. Чтобы сделать это спасение возможным, необходим Вождь (*archegos* — основатель, автор, инициатор, пионер) их спасения. Этот тезис дополняется рассуждением о том, что единственный способ справедливого и благородного спасения состоял в том, чтобы сделать Вождя спасения совершенным через страдания. Это никоим образом не означает, что Вождь, или Совершитель, их спасения (а это, конечно, Христос) был в каком-то отношении морально несовершенным и нуждался в совершенствовании. Это означает (как объясняется далее в тексте 2:17): чтобы действовать милостиво и верно как Первосвященнику от лица человечества, Он

должен обеспечить этому человечеству совершенное спасение путем умиловительной искупительной жертвы перед Богом за грехи людей. И не существовало никакого другого способа это сделать, как принять страдания. Бог, Создатель Закона, совершающий моральное управление Вселенной, не может простить грех путем обычного произвольного акта силы, не принимая во внимание справедливость. «Если Бог легко простит человеческие грехи — такое дешевое прощение будет означать, что моральное зло не имеет большого значения. Это считалось бы несправедливым деянием, идущим против истины, милосердия и любви по отношению к человеку, так как свело бы на нет его нравственную ответственность. Цель Христа в принесении жертвы умиловления (*hilasterion*) состояла в том, чтобы достичь Божественного прощения, достойного Бога, созвучного Его праведности... Отнюдь не потворствуя человеческому злу... эта жертва состояла лишь в принятии Им на Себя (в Лице Его собственного возлюбленного Сына) невыносимого груза этого зла. Тем самым не только полностью раскрывалась ненависть Бога к человеческому злу, но и осуществлялось полное его прощение»²⁶.

Только Тот, Кто стал действительно Человеком, мог солидаризоваться со всем человечеством как его Представитель перед Богом, а Иисус действительно был Человеком. Однако только Тот, Кто был одновременно и Богом, мог понести на Себе страдание гнева и негодования, которое Святой и Праведный Бог может выражать против мерзости греха в мире. Следовательно, Иисус Христос, Воплощенный Бог, «однажды пострадал за грехи наши, праведник за неправедных, быв умерщвлен по плоти, но ожив духом» (1Петр.3:18). Таким образом, в основу отношений любви между Всемогущим Богом и человеком положено страдание, страдание Бога.

3. Верующий должен доказать, что его вера подлинна и чиста. А это неизбежно предполагает страдание.

Спасение — это дар. Человек не может получить его как плату за труды. Его можно получить только путем веры. Новый Завет настаивает на этом (Ефес.2:8-10; Римл.3:28; 6:23).

Однако:

а) верующий должен доказать, что его вера подлинна. Поэтому Бог допускает проверку веры искушением, несчастьями, преследованиями и даже смертью, чтобы можно было убедиться, что это подлинная вера в Бога. То есть верующий человек должен доверять Богу, Его Слову, Его характеру и преданности (см. пролог к Книге Иова);

б) вера должна быть чистой. Вера подобна золоту, которое при появлении в нем примеси все равно считается золотом. Так, в самом начале вера может содержать примеси самоуверенности, традиций, влияния среды или религиозной эйфории. Страдания очищают веру от примесей, превращая ее в чистое золото (1Петр.1:6,7);

в) дитя Божье должно воспитываться Отцом, Который может в случае необходимости даже наказывать Своего воспитанника. Так, постепенно, дитя становится зрелым сыном или зрелой дочерью Бога (Евр.12:5-13).

Все эти процессы связаны со страданием, и поэтому путь верующего к окончательной славе неизбежно сопряжен с болью и страданиями. Таким образом, в Библии неоднократно объясняется, что Бог не просто призывает Своих людей быть верными Ему, жить и умирать, не поддаваясь страху. Бог рассудил: единственное, что Он может сделать, ведя Своих многочисленных сынов и дочерей к славе, — это дать им Вождя спасения, Который Сам пострадал так, как призваны страдать они, и поэтому знает на собственном опыте, что такое страдание. «...хотя Он и Сын, однако страданиями навыв послушанию...» (Евр.5:8), то есть Он познал на опыте, что стоит жить в этом жестоком, неверующем мире в послушании Богу. И несмотря на то что Он Сам был совершенным, «сделался для всех послушных Ему виновником спасения вечного» (Евр.5:9). И еще: «Ибо, как Сам Он претерпел, быв искушен, то может и искушаемым помочь» (Евр.2:18). Он — Предводитель и Совершитель их веры (Евр.12:2), Который постоянно помогает им в сохранении этой веры (Луки 22:32; Евр.7:25). Он — высший пример для верующих (Евр.12:2). Посредством Своего Духа Он постоянно сопровождает и поддерживает верующих (Матф.28:20).

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Как христиане относятся к исследованиям в области медицины, направленным на выяснение причин болезней, боли и физических страданий, а также на продление человеческой жизни?
2. Как, следуя Библии, ответить тем, кто заявляет: поскольку библейские обетования, провозглашенные много веков назад, до сих пор не были выполнены, им нельзя доверять?
3. В чем смысл утверждения, что существуют вещи, которые даже Божественная любовь не может реализовать с помощью одной лишь силы?
4. Почему можно сказать, что при распятии Христа был распят Бог?
5. Чего, согласно Библии, ожидает творение, прежде чем оно будет освобождено от страдания? И почему оно должно этого ожидать?
6. Прочитайте фрагмент из Библии (Числа 21:6-9) и ответьте на вопрос: как история о Моисее и изготовленном им змее иллюстрирует истину, которую хотел донести Христос до фарисея Никодима?
7. Как человек может не только верить в существование Бога, но и доверять Ему?
8. Почему, согласно Библии, Бог прошел через страдания ради прощения человека? Почему Богу не подобает обращать кого-либо в веру путем применения силы?
9. Каким образом верующий может доказать, что его вера подлинна, и почему это доказательство предполагает страдание?
10. Что имеется в виду, когда говорится, что вера должна быть очищена?
11. Согласно Библии, Христос сейчас находится на Небесах. Как Он может помочь людям, которые все еще страдают здесь, на Земле?

Г. Страдания Бога

В начале этой главы мы привели формулировку проблемы страдания в том виде, в каком она обычно подается: как можно совместить существование такого количества страданий в мире с существованием Всеведущего, Всемогущего и Всеблагого Бога-Творца? Предпосылка, которая лежит в основании этой формулировки, состоит в том, как будто люди точно знают, *что* любящий всех Бог-Творец должен делать, если Он существует. Например, Он не должен допускать, чтобы Его творения страдали. Но если верно то, что Сам Бог может страдать от боли, то это кардинально меняет саму формулировку

проблемы. Теперь она звучит так. Чтобы иметь сотворенных Им существ, которых Бог мог бы призвать приобщиться к основанному на любви святому Троиединству Отца, Сына и Святого Духа, Всемогуший Создатель должен был перенести ради них большие страдания. Но если это так, то возможно ли, чтобы такой Бог существовал?

Отсюда вытекает еще более фундаментальный вопрос. Откуда мы знаем, *что* Всеблагий Бог должен делать, а *чего* Он не должен делать? Откуда мы знаем, что Бог, если Он существует, любит всех?

Это не было очевидным для великого античного философа Аристотеля. Он, начав с абстрактных философских принципов, сформулировал понятие о том, что такое абсолютное совершенство. Затем он решил, что Бог, если Он существует, должен соответствовать этому понятию совершенства. И в результате, как мы уже говорили выше (см. главу 4.В/3 книги Д. Гудинга, Дж. Леннокса «Человек и его мировоззрение», Т.2), Аристотель пришел к следующему представлению о Боге. Бог не мог заниматься созданием вещей, поскольку это предполагает более низшую форму мыслительной деятельности, наличие возможности, которая потом переходит в действительность. Бога также не могли интересовать конкретные вещи в этом мире, включая даже человека, потому что они все находятся в процессе перехода от возможности к действительности, происходящего через рождение, рост, зрелость, старость и смерть.

К аналогичной позиции пришел Плотин, который, исходя из своих философских понятий, положенных в основу неоплатонизма, утверждал, что Единое не проявляет интереса к своим «произведениям». Напомним уже приведенное выше высказывание по этому поводу: «Нельзя сказать, чтобы Бог нуждался в том, что от Него происходит: Он не обращает внимания на всю эту сферу, которая никогда не является для Него необходимой. Он остается тождественным тому, чем был до того, как произвел все другое. Если бы производные от Него не существовали, то это бы Его не озаботило» (см. главу 4.Г книги Д.Гудинга, Дж.Леннокса «Человек и его мировоззрение», Т.2).

Но подобный подход к определению того, что такое Бог и что Он должен, а чего не должен делать, не имеет привязки к объективной реальности. Даже ученый, желая понять, что такое Вселенная, не сидит в своем кабинете и не формирует представление о Вселенной на основе умозрительных философских принципов. Он выходит из своего кабинета, пытаясь осознать, как Вселенная влияет на его сознание, и только потом принимается за построение выводов, которые следуют из открывающегося ему мироздания.

Христиане убеждены: мы узнаем, каков Бог, только посредством Его Самооткровения через еврейских пророков и высшей формы этого Самооткровения — Иисуса Христа, Воплощенного Слова Божьего.

К сожалению, некоторые христианские теологи, стремящиеся донести до нас совершенство сущности Бога, но слишком подверженные влиянию представлений древнегреческих мыслителей о самом совершенстве, настаивали на полной непричастности Бога к этому миру, то есть Его неспособности страдать. Страдание якобы предполагает изменение, а Бог изменениям не подвержен.

Согласно Библии, Бог действительно неизменен в том, что касается Его сущности; никто и ничто не могут изменить Его природу. Но относительно Самооткровения Бога, Его неизменная природа не является ни статичной, ни инертной. Живой Бог всегда динамичен, всегда совершает новое. Такова Его сущность. Он не ограничен и не замкнут в Своем совершенстве. Было время, когда Он не был Творцом, но стал Творцом Вселенной. Это было ново. Бог-Сын не всегда был Человеком. Но потом Слово стало плотью. Бог-Сын никогда не умирал до того, как был распят. Человеческое тело не пребывало в общении Личностей Святой Троицы, пока не произошло Вознесение Иисуса Христа.

Когда в силу Своей Божественной свободы Бог создал человеческие существа, Его неизменная преданность означала, что Он будет поддерживать с ними личные отношения и с готовностью примет на Себя всю боль, которая сопряжена с поддержанием этих отношений и искуплением людей. Бог так полюбил нас, что

послал Своего Сына как искупительную жертву за наши грехи (1Иоан.4:10). Невозможно представить себе, что когда Бог-Сын истекал кровью на кресте, Бог-Отец оставался спокойным и невозмутимым. Ветхий Завет так характеризует отношение Бога к Своему народу: «Во всякой скорби их Он не оставлял их...» (Исаии 63:9). И это отношение получило свое высшее выражение, когда Сын Божий страдал за наши грехи на кресте.

Именно это придает теологии исключительно важный практический смысл. Сердце Бога не могло не надрываться от страданий, когда Христос принимал за нас муки. Это дает нам основание поставить подлинно риторический вопрос: «Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не дарует нам и всего?» (Римл. 8:32).

Д. Заключительные замечания

Многих людей, даже если они верующие, особенно волнует вопрос о том, почему на долю разных людей выпадают различные страдания. Почему, спрашивают они, я страдаю так много, а другие роскошествуют? У таких людей создается впечатление: в том, что касается страданий, мир устроен несправедливо.

Хотя для верующих в Бога страдание само по себе — зло, но оно укрепляет дух и формирует сильный характер. Для понимания этого нам, наверное, поможет аналогия. Известно, что медицинская сестра, которую готовят для работы в отделениях гражданской обороны и отрядах оказания первой помощи в гражданских условиях, не проходит такого же серьезного курса обучения и не сдает таких же квалификационных экзаменов, как хирург. Пилоты пассажирских самолетов раз в несколько месяцев проходят переподготовку на тренажерах. Во время этих переподготовок моделируются самые разнообразные критические ситуации, которые даже очень закаленных людей повергают в отчаяние. При этом никто не спрашивает, почему подготовка пилотов более серьезна, чем подготовка автолюбителей. По словам Христа, положение и ответственность Его ученика в грядущем Цар-

стве славы отчасти зависят от его страданий здесь, на Земле (Марк.10:37-39). Чем больше страданий он претерпит, тем выше его грядущие положение и ответственность.

Нам не следует самим стремиться к страданиям. Бог дает нам возможность наслаждаться жизнью. Совершенно очевидно, что мы, действительно, рождены, чтобы радоваться жизни, насколько это возможно. Мы не должны стараться понять и объяснить все детали промысла Божьего. Самая большая книга в Библии, посвященная теме страдания, — Книга Иова. Хотя Иов сначала думал, что его страдания — большая несправедливость, однако, в конце концов, понял: цель страдания — научиться доверять любви и мудрости Божьей. Господь в большинстве случаев совершает то, что находится за пределами нашего понимания Его. Наша внутренняя умиротворенность возникает из основанного на опыте глубокого убеждения, что «любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу» (Римл.8:28).

Кто-то сказал, что ответом на проблему страдания является не аргументация, а Личность. И в этом большая доля правды. Овца, которая знает своего пастуха, доверится ему, если почувствует боль. Овца, которая не знает своего пастуха, убежит от него.

Атеизм, как мы говорили в начале этой главы, располагает незначительными средствами, которые могли бы утешить страдающего от боли человека; он не может дать ему надежду на то, что смерть — это не конец.

Отрицание Бога в атеизме совсем не доказывает, что Его не существует или что со смертью все кончается. Но если Христос говорит истину, то для человека, который переходит из этой жизни в вечность, отрицая Бога, этот переход означает не прекращение страдания, а начало невыносимых мук.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Если Бог способен страдать, то как это меняет формулировку проблемы страдания?

2. Аристотель и Плотин основывали свои представления о Боге на разработанных ими абстрактных принципах.

а) К каким представлениям о Боге они, в конце концов, пришли?

б) Являются ли эти принципы убедительными?

в) В чем ошибочность подхода, развиваемого этими философами? Сравните их аргументацию с подходом ученых.

3. Откуда христиане черпают свои знания о Боге?

4. Что имеется в виду, когда утверждается, что Бог безразличен к судьбе мира?

5. Что означает представление о том, что сущность Бога неизменна, однако не статична?

6. Что дает для человека осознание того, что Бог может страдать? Что бы изменилось, если бы Он не мог страдать?

7. Как можно объяснить тот факт, что одни люди страдают меньше, а другие – больше?

8. Приносит ли страдание какую-то практическую пользу? Если «да», то какую?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Third Way. July. 1999. P. 19.

² Davies P. The Mind of God. L.: Simon & Schuster, 1992. P.232.

³ См: Behe M. J. Darwin's Black Box. N. Y.: Simon & Schuster, 1998. P. 74 – 97.

⁴ На языке биологии эти концы, или колпачки, называются теломерами, что в переводе с греческого означает «конечные части».

⁵ Hoyle F., Wickramasinghe Ch. Cosmic Life-Force, The Power of Life Across the Universe. L.: J. M. Den t& Sons, 1988. P. 134. Более подробное изложение этого вопроса см.: Д.Гудинг, Дж.Леннокс «Человек и его мировоззрение». [Т.1]. Гл. 3 и 4.

⁶ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1973. Т. 6. С. 203.

⁷ Более подробно см.: Д.Гудинг, Дж. Леннокс «Человек и его мировоззрение». [Т.1]. Гл. 12 и 13.

⁸ Конечно, следует различать поражения, вызванные природными силами, и болезни. Мы рассмотрим это различие ниже.

⁹ Более подробное обсуждение величия человека, его статуса и роли см.: Д.Гудинг, Дж. Леннокс «Человек и его мировоззрение». [Т.1]. Гл. 12 и 13.

¹⁰ Там же.

¹¹ Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Перев. с греч. подлинника под ред. епископа Кассиана (Безобразова). Российское библейское общество, 1994. Данный текст дается не в синодальном переводе Библии, так как последний не передает те смысловые оттенки, которые важны для авторов настоящей книги. – Прим. перев.

¹² Butterfield H. Christianity and History. L.: G. Bell&Sons, 1949. P. 30.

¹³ Ibid. P. 31.

¹⁴ Ibid. P. 35.

¹⁵ Ibid. P. 41.

¹⁶ Ibid. P. 44 – 45.

¹⁷ Ibid. P. 47.

¹⁸ Многие люди считают этот библейский рассказ просто мифом о происхождении человека, придуманным первобытными людьми, не знавшими науки; этот миф будто бы служил для объяснения человеческих болезней и смерти. Приверженцы теории мифа уверены: наука показала, что смерть – это вполне естественный процесс, а не результат греховного поведения. Это, рассуждают далее сторонники данного взгляда на библейский рассказ, подрывает «миф». Мы обратимся к этой аргументации ниже, а пока рассмотрим содержание обсуждаемого библейского рассказа.

¹⁹ Сравним то, как Христос описывает младшего сына в притче о блудном сыне. Тот отверг своего отца и потому стал для него мертвым.

²⁰ Jones St. In The Blood: God, Genes and Destiny. L.: Harper Collins Publishers, 1996. P. 281 – 282.

²¹ Cranfield C. E. B. A Critical and Exegetical Commentary on The Epistle to the Romans. The International Critical Commentary. Edinburgh: T. & T. Clark, 1975, Vol. 1. P. 413 – 414, 416.

²² Важно отметить, что в древнегреческом оригинале Нового Завета последнее придаточное предложение в этой цитате не говорит, что все люди согрешили *в нем*, то есть в Адаме. Это предложение присоединяется союзом 'eph' ho', который не может означать «в ком» или «в нем», ибо тогда это было бы 'en ho'. 'Eph' ho' означает «потому что».

²³ Искупительная жертва Христа всегда была основанием, которое позволяло Богу справедливо прощать грехи тем, кто действительно покался, независимо от того, жили ли они до Христа или после (Римл.3:25,26).

²⁴ Речь идет об убийстве Авеля его братом Каином (Быт.4:1-16). Бог принял жертвоприношение Авеля, но не обратил внимания на жертву Каина. Гнев Каина обратился против Бога.

²⁵ Все три Личности Святой Троицы в равной мере являются Богом. Вместе с тем Отец, Сын и Святой Дух – отдельные Личности. Мы не говорим, что Отец был распят за нас, или что Святой Дух умер за нас. Но мы говорим, что Сын Божий умер за нас, и Он был Богом.

²⁶ Cranfield C. E. B. Op. cit. P. 213 – 214.

Вместо выводов

Из далеких времен к нам дошла басня о разговоре между школьником и совой. Сова считалась атрибутом греческой богини Афины, покровительницы мудрости.

«— Я часто думаю, — говорит сова, — что было раньше — яйцо или курица?

— Действительно, это очень интересный вопрос, — замечает школьник.

— Когда я смотрю на совершенную форму яйца и задумываюсь о тайне его содержания, а также о том, что все известные мне цыплята вылупились из яйца, — продолжает сова, — я склоняюсь к мысли, что яйцо было раньше курицы.

— Наверное, это так, — подтверждает школьник.

— Но иногда, глядя на взрослую курицу, на сложное устройство ее крыльев и перьев, соразмерность глаз, клюва и лапок, и размышляя о том, что ни одно яйцо не упало с неба, а все они, без исключения, были снесены взрослыми курицами, я прихожу к выводу, что все-таки курица была раньше.

— Ну, и как же ты все-таки решила эту задачу? — спрашивает юноша.

— Решила? — парирует сова. — Никогда не нужно ничего решать.

— А почему? — вопрошает ее собеседник.

— А вот почему, — говорит сова тоном, отвечающим ее репутации мудрой птицы. — Если мы когда-нибудь окажемся столь неразумными, что решим все вопросы, то что случится с нашими восхитительными раздумьями и спорами?

— Но это означает, что ты ничего не знаешь, — говорит юноша. — Зачем же ты тогда сидишь на плече у Афины?»

Мораль сей басни очевидна. Завершив написание этой книги, мы хотим быть уверенными в том, что не попались в ту же ловушку, что и сова, решавшая задачу о курице и яйце. В поисках принципов, на которые мы могли бы опереться в своих нравственных решениях, мы проанализировали взгляды многих мыслителей, принад-

лежавших к разным культурным традициям и эпохам. Мы стремились выяснить в проанализированных концепциях моменты, которые можно использовать, и те, которые свидетельствуют об их слабости и ошибочности.

В обширности представленного исторического очерка таится опасность. Увидев разнообразие умозаключений о нравственности, читатель может сделать *вывод* о том, что решение этических вопросов вообще невозможно. Но это *ложный вывод*. Дело в том, что в жизни мы сталкиваемся со многими ситуациями, когда вынуждены принимать решения и действовать в соответствии с ними. И в тех случаях, когда наши решения связаны с вопросами морали, в наших действиях проявляются принципы, которым мы осознанно или неосознанно следуем.

В то же время мы признаем: жизнь столь сложна, что невозможно всегда быть уверенными в правильности своих решений. Прежде всего нельзя всегда предусмотреть, к какому результату приведут наши поступки, поскольку ни один человек не является всеведущим или непогрешимым. Мы должны действовать, осознавая, что принимаемые нами решения соответствуют духовным и нравственным нормам.

Приведем примеры основных тем и вопросов, которые обсуждались в этой книге.

Человеческие ценности

1. Является ли человеческая жизнь на всех ее стадиях священной и неприкосновенной? Или человеческая жизнь — это просто вещь, товар, которым можно манипулировать и который можно уничтожать для достижения какой-то цели?

2. Всегда ли безнравственно убивать невинное человеческое существо? Или убийство невинного человека может быть оправданным, если его смерть будет способствовать благополучию других людей?

3. Является ли супружеская неверность безнравственной при любых обстоятельствах? Или же свободу в половых отношениях можно считать естественной и приемлемой?

4. Всегда ли аморально посягательство на чужую собственность, будь то чужое тело, время, имущество? Нравственно ли использовать другого человека как средство для достижения собственных целей? Или можно сказать, что человеческие существа подчиняются всеобщему закону рынка и человеческой жадности?

5. Должен ли я говорить правду всегда: в процессе судебного разбирательства или в любой другой ситуации, даже если это ставит меня в уязвимое положение относительно моего оппонента? Или допустимо лгать или говорить полуправду, если это в моих интересах?

Природа Высшей Реальности

1. Существует ли нечто объективно правильное, независимое от суждений либо представлений людей? Или правильность всегда является субъективным решением, зависящим от культуры, условных норм либо индивидуального выбора?

2. Существует ли абсолютная, обязательная для всех истина, и познаваема ли она? Или истина — это просто «то, что истинно для меня»?

3. Кто является высшим авторитетом, который имеет право сказать: «Ты должен делать то-то» или «Ты не должен делать этого»? Является ли этим авторитетом Творец либо кто-то другой?

Важно отметить, что наше решение принять *ту или иную позицию* и поступать в соответствии с ней всегда предполагает тщательное взвешивание доводов «за» и «против» этой позиции. Причем, выбирая любую из этих альтернатив, мы действуем на основании веры. Вера является необходимой предпосылкой действия.

Авторы данной книги не пытались скрыть своей веры. Но мы и не навязываем ее другим. Предлагаемый нами обзор разных концепций и контрольных вопросов, завершающих каждую главу книги, согласно нашему замыслу, должен послужить тому, чтобы затронутые нами проблемы стали предметом дискуссии и помогли читателю сформировать собственную точку зрения.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

КНИГИ ВЕТХОГО ЗАВЕТА

Быт.	Первая книга Моисеева. Бытие
Исх.	Вторая книга Моисеева. Исход
Левит	Третья книга Моисеева. Левит
Числа	Четвертая книга Моисеева. Числа
Втор.	Пятая книга Моисеева. Второзаконие
Псал.	Псалтырь
Исаии	Книга пророка Исаии
Иерем.	Книга пророка Иеремии
Амоса	Книга пророка Амоса
Мих.	Книга пророка Михея

КНИГИ НОВОГО ЗАВЕТА — ЕВАНГЕЛИЯ

Матф.	от Матфея
Марк.	от Марка
Луки	от Луки
Иоан.	от Иоанна
Деян.	Деяния святых Апостолов

СОБОРНЫЕ ПОСЛАНИЯ

Иак.	Послание Иакова
1Петр.	Первое послание Петра
2Петр.	Второе послание Петра
1Иоан.	Первое послание Иоанна
2Иоан.	Второе послание Иоанна

ПОСЛАНИЯ АПОСТОЛА ПАВЛА

Римл.	Послание к Римлянам
1Кор.	Первое послание к Коринфянам
2Кор.	Второе послание к Коринфянам
Гал.	Послание к Галатам
Ефес.	Послание к Ефесянам
Филп.	Послание к Филиппийцам
Колос.	Послание к Колоссянам
1Фес.	Первое послание к Фессалоникийцам
2Фес.	Второе послание к Фессалоникийцам
1Тим.	Первое послание к Тимофею
2Тим.	Второе послание к Тимофею
Тит.	Послание к Титу
Евр.	Послание к Евреям
Откр.	Откровение Иоанна Богослова